

Научно-практический журнал

ISSN 2079-4665

E-ISSN 2411-796X

Том 16
№ 1 2025
март

Модернизация Инновации Развитие

Modernization. Innovation. Research

<http://doi.org/10.18184/2079-4665.2025.16.1>

ISSN 2079-4665
E-ISSN 2411-796X

Модернизация Инновации Развитие

Том 16
№ 1
2025

<http://doi.org/10.18184/2079-4665.2025.16.1>

ISSN 2079-4665
E-ISSN 2411-796X

Modernization Innovation Research

Vol. 16
No. 1
2025

Научный журнал
16+

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
ООО Издательский Дом «Наука»
109044, Россия, г. Москва, ул. Динамовская, д. 1а, оф. 519

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
109044, Россия, г. Москва, ул. Динамовская, д. 1а, оф. 519
Телефон: +7 (499) 271-6724

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER

Publishing House "Science"
Office 519, Dinamovskaya str., 1a,
109044, Moscow, Russian Federation

EDITORS OFFICE ADDRESS

Office 519, Dinamovskaya str., 1a, 109044, Moscow, Russian Federation
Tel.: +7 (499) 271-6724

e-mail: info@idnayka.ru, idnayka@gmail.com
<https://www.mir-nayka.com>

Отпечатано в типографии ООО «Паблит»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1 Тел.: (495) 859-48-62

«МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)»

Научный рецензируемый журнал

В журнале публикуются статьи теоретического и эмпирического характера по всем направлениям экономической науки. На страницах журнала рассматриваются проблемы социально-экономического развития стран и регионов, варианты текущих, среднесрочных и долгосрочных прогнозов народного хозяйства и секторов экономики, вопросы структурно-инвестиционной, социальной, финансовой и внешнеэкономической политики, экономические стратегии, процессы глобализации, модернизация в отраслях народного хозяйства.

Редакция журнала осуществляет научное рецензирование («двойное слепое») всех поступающих материалов с целью экспертной оценки.

Журнал издается при поддержке факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Журнал «МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)» рекомендован ВАК Минобрнауки России для публикации научных работ, отражающих основное научное содержание кандидатских и докторских диссертаций.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), включен в ядро РИНЦ и базу данных RSCI (Russian Science Citation Index). Полнотекстовые версии статей, публикуемых в журнале, доступны на сайте Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU (<https://elibrary.ru>)

Журнал является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ), Международной ассоциации по связям издателей (Publishers International Linking Association, Inc. – PILA).

Цель журнала «МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)» – обсуждение результатов научных исследований и актуальных проблем в области экономики, предпринимательства, теории и практики управления, развития образования в Российской Федерации и за рубежом. Особое внимание уделяется анализу процессов, происходящих в российской экономике.

Основная задача журнала – предоставить возможность научному и бизнес-сообществу публиковать оригинальные результаты авторских исследований для привлечения внимания к перспективным и актуальным направлениям экономической науки.

Миссия журнала – продвижение результатов исследований и инновационных практических достижений во всех сферах экономики и управления.

Авторская аудитория журнала включает исследователей, аналитиков и практиков в сфере экономики. Издание рассчитано на широкий круг читателей, интересующихся социально-экономическими проблемами как в России, так и за рубежом.

Журнал придерживается лицензии «Creative Commons Attribution 4.0 License».

Все материалы журнала доступны бесплатно для пользователей.

<https://www.mir-nayka.com>

МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)

Журнал издается с января 2010 года

Зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № ФС77-38695 от 21 января 2010 г.

Свидетельство о перерегистрации ПИ № ФС 77-75692 от 08 мая 2019 г.

Выходит 1 раз в квартал

Подписной индекс в каталоге «Урал-Пресс» 65042

ООО Издательский Дом «Наука»

Генеральный директор: С. Ш. Евдокимова

Шеф-редактор: А. А. Гусаренко

Подписано в печать: 16.03.2025.

Дата выхода в свет: 18.03.2025.

Электронная версия журнала:

<https://www.mir-nayka.com>; <https://www.elibrary.ru>

Формат: 70 x 108 1/16. Усл. печ. л. 15,93.

Тираж: 100 экз. Свободная цена.

При цитировании ссылка на журнал «МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)» обязательна.
Полное или частичное воспроизведение в СМИ материалов, опубликованных в журнале,
допускается только с разрешения редакции.

MIR (Modernization. Innovation. Research)

Double-blind peer-reviewed scholarly journal

The journal publishes both theoretical and empirical Research in all spheres of Economic. The journal deals with the problems of socio-economic development of countries and regions, short-, medium- and long-term forecasts of economic development and its sectors, the issues of structural investment, social, financial and foreign policies, economic strategies, the processes of globalization and modernization in the sectors of economy.

In order to permit complex expert evaluation, all manuscripts undergo double-blind peer review.

The journal is published with the support of the School of Public Administration of the Lomonosov Moscow State University.

The journal is included in the list of peer-reviewed journals established by the Highest Certification Commission (HCC) of Russian Federation [Vysshaya attestatsionnaya komissiya (VAK) Rossijskoj Federacii].

All articles of the journal are publicly available – on the websites of the journal and the Scientific Electronic Library (<http://elibrary.ru>). The journal is included in Russian Index of Scientific Citations (https://elibrary.ru/project_risc.asp). The journal is present and indexed in more than 20 Russian and International science-based databases and specialized resources.

The purpose of the journal MIR (Modernization. Innovation. Research) is to discuss the results of scientific research and topical issues in the field of economics, entrepreneurship, theory and practice of management, development of education in the Russian Federation and abroad. Particular attention is paid to the analysis of the processes taking place in the Russian economy.

The main task of the journal is to provide an opportunity for scientific and business community to publish results of their research whereby to attract the attention of important areas of economic science.

The mission of the journal is the promotion of results of research and innovative practical achievements in all spheres of Economy in the world.

The author's audience of the journal includes researchers, analysts and practitioners in the field of economics. The publication is intended for a wide range of readers interested in socio-economic problems in Russia and abroad.

All materials of the journal are published by using the license Creative Commons Attribution 4.0 License, allowing loading and distributing works on the assumption of indicating the authorship.

The works may not be changed in any way or used for commercial interests.

<https://www.mir-nayka.com>

MIR (Modernization. Innovation. Research)

Published since January 2010

Registration Certificate ПИ № ФС77-38695 of January 21, 2010
by the Ministry of Press, Broadcasting and Mass Communications of the Russian Federation

Re-Registration Certificate ПИ № ФС77-75692, May 08, 2019

Publication frequency: quarterly

Subscription index in catalogue "Ural-Press" 65042

Publishing House "Science"

Director General: Svetlana Sh. Evdokimova

Executive Editor: Anna A. Goussarenko

Date of publishing: 16.03.2025.

Signed for printing: 18.03.2025.

Scientific electronic library: <https://www.elibrary.ru>

Online: <https://www.mir-nayka.com>,

<http://www.idnayka.ru>

Sheet size: 70 x 108 1/16. Conventional printed sheets 15.93.

Free price.

This publication may not be reproduced in any form without permission.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

КОМКОВ Николай Иванович, заведующий лабораторией организационно-экономических проблем управления научно-техническим развитием, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (ИНП РАН), доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4109-9433>, komkov_ni@mail.ru (Москва, Россия)

Зам. главного редактора

ЖУКОВ Евгений Алексеевич, почетный профессор, Московская международная высшая школа бизнеса «МИРБИС» (Институт), доктор экономических наук, evgenii.zhukov@mail.ru (Москва, Россия)

ИВАЩЕНКО Наталия Павловна, заместитель декана экономического факультета, заведующий кафедрой экономики инноваций, МГУ им. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5917-2494>, nivashenko@mail.ru (Москва, Россия)

ИЗМАЙЛОВА Марина Алексеевна, профессор департамента корпоративных финансов и корпоративного управления, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7558-9639>, m.a.izmailova@mail.ru (Москва, Россия)

Члены редакционной коллегии

АКАЕВ Аскар Акаевич, Иностраный член РАН (Кыргызстан), главный научный сотрудник, Институт математических исследований сложных систем МГУ им. Ломоносова, доктор технических наук, профессор, Scopus ID: 57125020600, askarakaev@mail.ru (Москва, Россия)

БАБКИН Александр Васильевич, профессор Высшей инженерно-экономической школы, заведующий НИЛ «Цифровая экономика промышленности» Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6532-3826>, Babkin@spbstu.ru (Санкт-Петербург, Россия)

БАЙТЕНОВА Лаура Маратовна, Университет Нархоз, образовательная программа «Информационные системы и статистика», доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1591-2235>, laura.baitenova@narхоз.kz (Алматы, Казахстан)

БУРКАЛЬЦЕВА Диана Дмитриевна, профессор кафедры финансов и кредита, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, доктор экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9441-7696>, di_a@mail.ru (Симферополь, Россия)

ВЕУГЕР Ян, профессор блокчейн, ведущий профессор Института блокчейн, Университет прикладных наук Саксион, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5881-5403>, j.veuger@saxion.nl (Энсхеде, Нидерланды)

ГУСОВ Аузби Захарович, профессор кафедры менеджмента экономического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3114-5486>, gusov-az@rudn.ru (Москва, Россия)

ДМИТРИЕВСКИЙ Анатолий Николаевич, академик РАН, научный руководитель, Институт проблем нефти и газа РАН (ИПНГ РАН), доктор геолого-минералогических наук, профессор, Scopus ID: 6603259385, A.Dmitrievsky@ipng.ru (Москва, Россия)

КАТУЛЬСКИЙ Евгений Данилович, главный научный сотрудник ФГБУ «Всероссийский научно-исследовательский институт труда» Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Scopus ID: 57194697861, sh-darina@yandex.ru (Москва, Россия)

КОСИНЬСКИ Эрык, факультет права и управления, кафедра государственного экономического права, Университет имени Адама Мицкевича в Познани, доктор юриспруденции, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2899-5228>, erykk@amu.edu.pl (Познань, Польша)

КУРЮКИН Андрей Николаевич, старший научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института Социологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, кандидат политических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9572-3070>, kuriukin@inbox.ru (Москва, Россия)

ЛЯСНИКОВ Николай Васильевич, главный научный сотрудник Института проблем рынка РАН; профессор РАНХИГС, доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2599-0947>, acadra@yandex.ru (Москва, Россия)

МИДЖЛИ Джеральд, профессор системного мышления, Университет Халла, факультет бизнеса, законодательства и политики, Центр системных исследований, Scopus ID: 8849715000, GRMidgley@hull.ac.uk (Халл, Великобритания)

НИКОНОВА Алла Александровна, ведущий научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт Российской академии наук, кандидат экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9115-3795>, prettyal@cemi.rssi.ru (Москва, Россия)

ПАЛАТКИН Иван Викторович, директор Пензенского казачьего института технологий (филиал) ФГБОУ ВПО «МГУТУ имени К. Г. Разумовского (Первого казачьего университета)», доктор экономических наук, профессор, ivpalatkin@bk.ru (Пенза, Россия)

ПИСАРЕВА Ольга Михайловна, заведующий кафедрой математических методов в экономике и управлении, директор Института информационных систем, Государственный Университет Управления (ГУУ), кандидат экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6042-2657>, o.m.pisareva@gmail.com (Москва, Россия)

ПЛАТОНОВ Владимир Владимирович, профессор, факультет управления, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3416-3644>, vladimir.platonov@gmail.com (Санкт-Петербург, Россия)

САФИУЛЛИН Азат Рашитович, заведующий кафедрой проектного менеджмента и оценки бизнеса, Казанский (Приволжский) федеральный университет, доктор экономических наук, доцент, Scopus ID: 55982236800, safullin.ar@gmail.com, azat.safullin@tatar.ru (Казань, Россия)

ФЕДОРОВА Ирина Юрьевна, профессор кафедры государственного и муниципального управления и управления персоналом, Российская международная академия туризма, доктор экономических наук, профессор, Scopus ID: 55968559500, fedorovaiu1@gmail.com (Химки, Россия)

ЭПУРЕ Мануэла, доктор экономических наук, проректор университета Spiru Haret, директор Центра НИР университета Spiru Haret, terpue@yahoo.com (Бухарест, Румыния)

Ответственный секретарь

ГУРОВА Ирина Михайловна, кандидат экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7361-3543>, i-m-g@yandex.ru (Москва, Россия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

Nikolai I. KOMKOV, Dr.Sci. (Econ.), Professor, Institute of Economic Forecasting (IEF RAS), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4109-9433>, Scopus ID: 25655112100, komkov_ni@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Deputy editor-in-chief

Evgenii A. ZHUKOV, Dr.Sci. (Econ.), Moscow International Higher Business School MIRBIS, evgenii.zhukov@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Nataliya P. IVASHCHENKO, Dr.Sci. (Econ.), Professor, Lomonosov Moscow State University, Scopus ID: 35111334600, nivashenko@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Marina A. IZMAILOVA, Dr.Sci. (Econ.), Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Scopus ID: 57189310428, m.a.izmailova@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Members of Editorial Board

Askar A. AKAEV, Dr.Sci. (Eng.), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences (Kyrgyzstan), Lomonosov Moscow State University, Scopus ID: 57125020600, askarakaev@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Alexander V. BABKIN, Dr.Sci. (Econ.), Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6532-3826>, Babkin@spbstu.ru (St. Petersburg, Russian Federation)

Laura M. BAITENOVA, Dr.Sci. (Econ.), Prof., Narxoz University, Head of the educational program "Information systems and statistics", Scopus ID: 55428546500, laura.baitenova@narxoz.kz (Almaty, Kazakhstan)

Diana D. BURKALTSEVA, Dr.Sci. (Econ.), Assoc. Prof., V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation), Scopus ID: 57191192862, di_a@mail.ru (Simferopol, Russian Federation)

Jan VEUGER, Professor Blockchain, Leading professor Saxion Blockchain Institute, Saxion University of Applied Sciences, Schools of Finance & Accounting, School of Creative Technology, School of Governance, Law and Urban Development, Hospitality Business School and School of Commerce & Entrepreneurship, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5881-5403>, j.veuger@saxion.nl (Enschede, Netherlands)

Anatoly N. DMITRIEVSKY, Academician, Dr.Sci. (G.-M.), Professor, Russian Academy of Sciences Oil and Gas Research Institute, Scopus ID: 6603259385, A.Dmitrievsky@ipng.ru (Moscow, Russian Federation)

Auzby Z. GUSOV, Dr.Sci. (Econ.), Professor, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3114-5486>, gusov-az@rudn.ru (Moscow, Russian Federation)

Evgeniy D. KATUL'SKIY, Dr.Sci. (Econ.), Professor, Federal State Institution All-Russian scientific-research institute for labour protection and economics under the Ministry for Public Health and Social Development, sh-darina@yandex.ru (Moscow, Russian Federation)

Eryk KOSIŃSKI, Doctor of Law, Chair of Public Economic Law, Faculty of Law and Administration of the Adam Mickiewicz University in Poznan, Poznan University of Technology, erykk@amu.edu.pl (Poznan, Poland)

Andrey N. KURIUKIN, Cand.Sci. (Polit.), Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9572-3070>, kuriukin@inbox.ru (Moscow, Russian Federation)

Nikolaj V. LYASNIKOV, Dr. Sci. (Econ.), Prof., Market Economy Institute Russian Academy of Sciences; Prof., Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2599-0947>, acadra@yandex.ru (Moscow, Russian Federation)

Gerald MIDGLEY, Professor of Systems Thinking, University of Hull, Faculty of Business, Law and Politics Centre for Systems Studies, Scopus ID: 8849715000, GRMidgley@hull.ac.uk (Hull, UK)

Alla A. NIKONOVA, Cand.Sci. (Econ.), Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Science, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9115-3795>, prettyal@cemi.rssi.ru (Moscow, Russian Federation)

Ivan V. PALATKIN, Dr.Sci. (Econ.), K.G. Razumovsky Moscow State University of technologies and management (the First Cossack University) (Penza branch), ivpalatkin@bk.ru (Penza, Russian Federation)

Olga M. PISAREVA, Cand.Sci. (Econ.), Assoc. Prof., State University of Management, Scopus ID: 57200260200, o.m.pisareva@gmail.com (Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. PLATONOV, Dr.Sci. (Econ.), Prof., Saint-Petersburg State University of Economics, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3416-3644>, vladimir.platonov@gmail.com (St. Petersburg, Russian Federation)

Azat R. SAFIULLIN, Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Kazan Federal University, Scopus ID: 55982236800, safiullin.ar@gmail.com, azat.safiullin@tatar.ru (Kazan, Russian Federation)

Irina Yu. FEDOROVA, Dr.Sci. (Econ.), Professor, Russian International Academy for Tourism (RIAT), Scopus ID: 55968559500, fedorovaiu1@gmail.com (Khimky, Russian Federation)

Manuela EPURE, PhD in Marketing, Prof. of Marketing Research, Department of Economic Sciences, Spiru Haret University (USH), mepure@yahoo.com (Bucharest, Romania)

Executive Secretary

Irina M. GUROVA, Cand.Sci. (Econ.), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7361-3543>, i-m-g@yandex.ru (Moscow, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

МОДЕРНИЗАЦИЯ

Комков Н. И., Сутягин В. В., Жуков Е. А.	
Проблема гармонизации в социально-экономическом развитии	8
Марголин А. М., Вякина И. В.	
ESG-трансформация системы управления высшим учебным заведением	26
Уткина Н. В., Гамидуллаева Л. А.	
Проблемы устойчивого развития туризма и устойчивого туризма в научных исследованиях: библиометрический обзор	43

ИННОВАЦИИ

Иващенко Н. П., Энговатова А. А., Шпакова А. А.	
Методология выбора приоритетов «умной» региональной специализации	64
Мызрова О. А., Горячева Т. В., Ревзина Е. М., Новикова И. Л.	
Влияние инновационной активности реального сектора экономики на уровень экономической безопасности федеральных округов РФ	82
Батов Г. Х.	
Императивы инновационного развития макрорегиона: проблемы и решения РФ	101
Захарова К. А., Киселица Е. П., Иванова Н. В.	
Математическое моделирование оптимальной налоговой траектории коммерческой организации	116

РАЗВИТИЕ

Писарева О. М.	
Анализ проблем и потенциала развития семейного предпринимательства в Российской Федерации	134
Демидова С. Е.	
Оценка цикличности фискальной политики в странах ЕАЭС	153
Макарова А. А.	
Регулирование прямых иностранных инвестиций для укрепления технологического суверенитета в Европейском союзе	167

CONTENTS

MODERNIZATION

Komkov N. I., Sutyagin V. V., Zhukov E. A.	
The problem of harmonization in socio-economic development	8
Margolin A. M., Vyakina I. V.	
ESG transformation of the university management system	26
Utkina N. V., Gamidullaeva L. A.	
Problems of sustainable tourism development and sustainable tourism in scientific research: the bibliometric review	43

INNOVATION

Ivashchenko N. P., Engovatova A. A., Shpakova A. A.	
Methodology for selecting priorities for smart regional specialization	64
Myzrova O. A., Goryacheva T. V., Revzina E. M., Novikova I. L.	
The impact of innovation activity in the real sector of the economy on the level of the economic security of the Federal districts of the Russian Federation	82
Batov G. Kh.	
Imperatives of innovative development of the macroregion: problems and solutions	101
Zakharova K. A., Kiselitsa E. P., Ivanova N. V.	
Modeling of the integrated system of state support for agricultural enterprises	116

RESEARCH

Писарева О. М.	
Анализ проблем и потенциала развития семейного предпринимательства в Российской Федерации	134
Demidova S. E.	
Assessment of the cyclical nature of fiscal policy in the EAEU countries	153
Makarova A. A.	
Regulating foreign direct investment to achieve technological sovereignty in the European Union	167

Научная статья

УДК 330.341.316.4.330/35.316,4

JEL: O35, O38, O32, P21, P41

<https://doi.org/10.18184/2079-4665.2025.16.1.8-25>

Проблема гармонизации в социально-экономическом развитии

Комков Николай Иванович¹, Сутягин Владилен Васильевич²,
Жуков Евгений Алексеевич³

^{1,2} Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН; Москва, Россия

³ АНОО ДПО «Высшая школа приватизации и предпринимательства – Институт»; Москва, Россия

¹ komkov_ni@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4109-9433>

² Sip_2011@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-1229-6404>

³ evgenii.zhukov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2885-6356>

Аннотация

Цель статьи – разработка основных положений концепции создания адаптационных инструментов экономической управленческой системы, направленной на достижение компромисса между экономической эффективностью и социальной справедливостью, возникающего при поэтапной трансформации экономики для повышения ее эффективности.

Методы. В качестве основных методов при подготовке настоящей статьи использовались основы теории систем, стратегического анализа, программно-целевой подход, методы математической логики и теории множеств.

Результаты работы. Основным результатом исследования является выявление причин несоответствия ожидаемой экономической эффективности «распределительных методов» рыночной экономики и социальных условий развития общества, что особенно проявилось на начальном этапе реформ. Показаны возможности построения инструментов гармонизации при совместном участии государства и населения на основе формирования долгосрочной стратегии развития, базирующейся на инновациях и технологиях. Отмечается невозможность гармонизировать эффективное развитие экономики и обеспечить социальную справедливость в обществе без принятия и реализации устойчивой стратегии развития.

Выводы. Отношения между экономической эффективностью и социальной справедливостью, важнейшими составными частями социально-экономических систем, определяются и регулируются государством. Они отображаются с помощью инструментов развития на основе взаимодействия правящих сил в рамках политического устройства, сложившегося в стране. Устойчивость социально-экономического развития достигается на основе компромисса между государством, бизнесом и обществом. Предлагаемые инструменты гармонизации экономических интересов государства и бизнеса в целях достижения социальной справедливости основываются на увеличении возможностей вовлечения в государственное управление, в выбор и корректировку стратегической политики государства прогрессивных слоев гражданского общества.

Ключевые слова: стратегический анализ, целевое управление, стратегия, экономическая эффективность, социальная справедливость, неравенство доходов

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов, в том числе связанного с участием Комкова Н.И. и Жукова Е.А. в редакционной коллегии журнала «МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)».

Для цитирования: Комков Н. И., Сутягин В. В., Жуков Е. А. Проблема гармонизации в социально-экономическом развитии // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2025. Т. 16. № 1. С. 8–25

EDN: <https://elibrary.ru/deniof>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2025.16.1.8-25>

© Комков Н. И., Сутягин В. В., Жуков Е. А., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original article

The problem of harmonization in socio-economic development

Nikolay I. Komkov¹, Vladilen V. Sutyagin², Evgeny A. Zhukov³

^{1,2} Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences; Moscow, Russia

³ Autonomic non-profitable organization of advanced professional education "Higher School of Privatization and Entrepreneurship – Institute"; Moscow, Russia

¹ komkov_ni@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4109-9433>

² Sip_2011@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-1229-6404>

³ evgenii.zhukov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2885-6356>

Abstract

Purpose: is to develop the main provisions of the concept of creating adaptive tools for the economic management system aimed at achieving a compromise between economic efficiency and social justice that arises during the gradual transformation of the economy to increase its efficiency.

Methods: the main study methods used in the preparation of this article were the fundamentals of the theory of strategic analysis systems, the program-target approach, methods of mathematical logic and set theory.

Results: is to identify the reasons for the discrepancy between the expected economic efficiency of the "distributive methods" of the market economy and the social conditions of the development of society, which was especially evident at the initial stage of reforms. The possibilities of building harmonization tools with the joint participation of the state and the population based on the formation of a long-term development strategy based on innovation and technology are shown. It is noted that it is impossible to harmonize effective economic development and ensure social justice in society without adopting and implementing a sustainable development strategy.

Conclusions and Relevance: the relationship between economic efficiency and social justice, the most important components of socio-economic systems, is determined and regulated by the State. It is reflected by development tools based on the interaction of ruling forces within the political system that has developed in the country. The sustainability of socio-economic development is achieved through a compromise between the State, business and society. The proposed tools for harmonizing the economic interests of the State and business in order to achieve social justice are based on increasing the opportunities for involving progressive layers of civil society in public administration, in the selection and adjustment of the state's strategic policy.

Keywords: strategic analysis, targeted management, strategy, economic efficiency, social justice, income inequality

Conflict of interest. The authors declare that there is no Conflict of Interest, including those related to the participation of Komkov N.I. and Zhukov E.A. in the editorial board of the journal "MIR (Modernization. Innovation. Research)".

For citation: Komkov N. I., Sutyagin V. V., Zhukov E. A. The problem of harmonization in socio-economic development. *MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2025; 16(1):8–25. (In Russ.)

EDN: <https://elibrary.ru/deniof>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2025.16.1.8-25>

© Komkov N. I., Sutyagin V. V., Zhukov E. A., 2025

Введение

Социальный фактор оказывает значительное и многовекторное влияние на достижение стабильности и эффективности экономики. Известные меры регулирования экономики, такие как прогрессивная шкала подоходного налога, налогообложение ренты, прекращение вывоза капитала за рубеж, равное распределение базовых источников доходов среди населения (природная рента) и др., не решают в полной мере проблему создания рационального управленческого механизма, сочетающего обеспечение непрерывности технологического развития и социальной справедливости.

Одним из главных факторов в процессе достижения максимальной эффективности экономики либерально-рыночного или социального направления является справедливость в распределении дохода. При этом рост экономической эффективности производства не всегда сопровождается его достижением из-за ошибок при выборе приемлемого уровня социальной справедливости и отсутствия рациональных механизмов распределения дохода среди различных групп населения. Теория и практика как социального, так и либерально-рыночного направлений развития экономики подтверждают отсутствие рациональности в их инструментах, механизмах управления и управленческих структурах.

Существующая в России система управления и регулирования экономики противоречит базовым ценностям общественного сознания, поскольку она построена на несправедливом распределении национального богатства в пользу элиты и порождает такие иррациональные процессы как валютная спекуляция, вывоз капитала за рубеж, коррупция и др.

При трансформации экономики с целью повышения эффективности возникает объективная необходимость нахождения компромисса между экономической эффективностью и социальной справедливостью.

В странах либерально-рыночного направления развития экономики высокая эффективность производства может достигаться ценой подавления свобод и прав человека. В странах социально-демократического направления развития при наступлении кризисных условий также могут использоваться жесткие авторитарные методы управления экономикой. Решающим фактором достижения максимальной эффективности экономики, вне зависимости от либерального или социального направления, является справедливость в распределении дохода. Рост экономической эффективности производства не всегда сопровождается приемлемым уровнем социальной справедливости по причине отсутствия права конструирования рационального механизма распределения дохода и условий его соблюдения между членами социума.

Недостаточный учет взаимного влияния интересов общества и бизнеса в процессе развития социально-экономических систем (СЭС) приводит к нежелательным иррациональным последствиям: торможению процесса повышения экономической эффективности, блокировке реализации инновационного потенциала населения, повышению социальной напряженности.

Сегодня существует объективная необходимость в развитии одного из направлений экономической теории в области разработки долгосрочных стратегий, управленческих систем и механизмов, обеспечивающих социально-экономическую эффективность с опорой на возобновляемые ресурсы за счет интеллектуального потенциала населения и технологического развития, с условием обеспечения социальной справедливости.

Обзор литературы и исследований

Частная, государственная и смешанные формы управления экономикой, созданные в XX веке,

сформировали прочный фундамент управления современной экономикой. В книге В.А. Волконского [1] дан глубокий и всесторонний анализ роли государства для различных форм хозяйствования и разных этапов их развития. В известном учебнике¹ излагаются различные инструменты, механизмы и модели, созданные для капиталистической формы управления экономикой. В монографии В.И. Маевского с соавторами [2] предложен новый подход к накоплению капитала на основе дискретной смены разных этапов развития экономики, а И.Д. Грачев [3] излагает поэтапную схему эволюционного развития экономик государств, крупных компаний и перехода от владения государством отдельных секторов экономики в частные руки и обратно.

На иррациональность системы регулирования сложившейся экономики РФ указывали властям российские ученые: А.Г. Аганбегян [4], С.Ю. Глазьев², В.Л. Макаров [5], Н.Я. Петраков [6]. Причины такого несоответствия заключались в ошибочно выбранной, под диктовку Запада, стратегии РФ перехода к рынку и слабости властей в период правления Б.Н. Ельцина.

Основополагающими вкладами в развитие направления повышения эффективности прогрессивной экономики являются теоретические и практические работы советских, российских и зарубежных ученых-экономистов.

Так, советский российский ученый А.И. Анчишкин определял научно-технический прогресс (НТП) как главный фактор в развитии экономики [7, 8]. Его значение в том, что «...Единство производительных сил и общественных отношений предполагает рассмотрение в единстве научно-технического прогресса и социально-экономического развития, воспроизводственной роли научно-технического прогресса» [7]. Идеи А.И. Анчишкина в отношении использования традиционных методов управления экономикой на макроуровне были развиты Ю.В. Яременко, В.В. Ивантером, С.Ю. Глазьевым.

Ю.В. Яременко предлагал ориентировать развитие экономики на расширение возможностей известных методов планирования, основанных на межотраслевом балансе и использовании для разноуровневой экономики разнокачественных ресурсов. Это объясняло существование разных подходов, а также достигнутые успехи в развитии ОПК и гражданских отраслей машиностроения в СССР [9, 10].

В.В. Ивантер [11, 12] считал, что нестабильность развития экономики на основе ресурсно-экспорт-

¹ Макконелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика: пер. с англ. 14-е издание. М.: Инфра-М, 2003. 972 с. URL: <https://djuv.online/file/UplUEUEsJqTrY>

² Глазьев М.Ю. Социальная справедливость и экономический рост. Программа социально-экономического развития России. URL: <https://xn--h1acbkjiedashj.xn--p1ai/upload/soc-prog.pdf?ysclid=m71yvbslje314307516>

ной стратегии можно устранить увеличением масштабов применения высоких технологий и инвестиций, которые обеспечат устойчивый путь развития социально ориентированной экономики, гармонично сочетающей частную и государственную формы собственности³.

С.Ю. Глазьев полагал, что при существующем состоянии технологического развития РФ повышение эффективности экономики практически невозможно. По его мнению, для «обеспечения экономического развития на базе научно-технического прогресса требуется трехкратное увеличение расходов на науку, на инновационную активность и НИОКРы. Не имея высоких параметров экономического развития, обладая экономикой с низкой наукоемкостью (по отношению к 20-ти экономически развитым странам), РФ сложно длительно сохранять свою суверенность... Необходимо многократное увеличение ассигнований на научно-техническое развитие и, как минимум, полтора-двакратное увеличение инвестиционной активности»⁴. Главной проблемой трансформации экономики с целью повышения ее эффективности С.Ю. Глазьев считает «устранение социальной несправедливости. При использовании ресурсно-экспортной стратегии РФ в системе управления и регулирования, которая противоречит базовым ценностям общественного сознания и всего населения России, рост эффективности экономики невозможен. В этих условиях создание рациональной управленческой социально-экономической системы определяет принципиально важное направление в развитии экономики. Социальный фактор оказывает значительное и многофункциональное влияние на достижение эффективности и стабильности экономики»⁵.

Расслоение социума по признаку распределения дохода приводит к ситуациям, когда население разделяется на социальные группы с несправедливым распределением ресурсов экономических и общественных благ. Ю. Стиглиц [13, 14] пришел к выводу, что социальное неравенство, ограничивающее условия жизни и права большинства населения, замедляет экономический рост, обостряет существующие общественные отношения, в результате чего происходит блокировка реализации природного потенциала значительной части населения. По его мнению, устранение проблемы возможно с

помощью проведения государством инклюзивной политики, которая может создавать для большинства населения доступное здравоохранение, образование, надежную социальную защиту.

На основании обширного исторического материала по формированию экономики в различных странах, Д. Аджемоглу и Дж.А. Робинсон [15] показали, что динамика роста благосостояния государства зависит от общественного неравенства, возникающего в результате специфики функционирования в государстве политических и экономических институтов в конкретные моменты времени. В своей концепции экономического развития авторы рассматривали две управленческие системы экономического развития, в зависимости от системы распределения благ: экстрактивную, при которой распределение осуществляется в интересах элитарной части населения, и инклюзивную, предоставляющую распределение, равное для всего социума. Исследования Т. Пикетти [16] также направлены на изучение принципов накопления и распределения национального богатства, на поиск эффективных механизмов снижения неравенства в обществе.

Доминирующие либерально-рыночные, социальные и переходные структуры экономического развития (СЭР) основаны на неравенстве по отношению к части населения, в том числе на неравенстве ценностей. Заданные в СЭР нормы превалируют над индивидуальными интересами населения, поскольку основаны не на объективных принципах экономического развития, а на слабости индивидуумов и их зависимости от части населения, облеченной властью и стремлением к реализации своих интересов в сфере морального и материального благополучия. Процесс проходит независимо от того, что остальные индивиды также извлекают для себя некоторые выгоды морального и материального благополучия.

Причина торможения развития экономики определяется длительным существованием систем управленческих экстрактивных институтов, на базе которых формируется известный либерально-рыночный иррациональный принцип: «бедные государства всегда остаются бедными и не могут встать на путь экономического роста» [15]. СЭР оцениваются как иррациональные экономические

³ Инновационно-технологическое развитие экономики России: проблемы, факторы, стратегии, прогнозы: монография / отв. ред. Ивантер В.В.; ИМП РАН. М.: МАКС Пресс, 2005. 591 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002839129>; Проблемы и перспективы технологического обновления российской экономики: коллективная монография; ИМП РАН. М.: ООО «МАКС Пресс», 2007. 738 с. EDN: <https://elibrary.ru/qscvzv>

⁴ Глазьев М.Ю. Социальная справедливость и экономический рост. Программа социально-экономического развития России. URL: <https://xn--h1acbkjedashj.xn--p1ai/upload/soc-prog.pdf?ysclid=m71ybslje314307516>

⁵ Там же.

системы (ИЭС), поскольку они сформированы без учета интересов всего населения, препятствуют достижению максимальной экономической эффективности (МЭЭ), тормозят прогресс в развитии экономики, зависящий от учета в существующей экономической управленческой системе социального состояния населения.

Снижение уровня социальной справедливости до некоторого определенного предела может приводить к повышению эффективности производства, но в дальнейшем рост эффективности замедляется, и чаще всего такая ситуация приводит к снижению объемов производства.

Материалы и методы

Результаты, достигнутые в различных экономических ситуациях, оцениваемые вектором параметров, можно сравнивать по критерию эффективности Парето ⁶, когда улучшение какого-либо показателя невозможно без ухудшения какого-либо другого. В экономических исследованиях, использующих критерий оптимальности Парето, и во многих других работах по теории игр можно найти достаточно обоснованные решения проблем на основе этого критерия распределений. Полезность использования данного критерия ограничивает возможность введения санкций, тормозящих конкурентное развитие партнеров.

Оценки предпочтительности возможных суждений и принимаемых на их основе решений могут существенно отличаться. Если используются индивидуальные оценки, то вопросы их достоверности и согласованности отсутствуют. Однако, если суждения о предпочтительности формируются коллективом исследователей, экспертов, голосующих индивидов и др., возникают вопросы их реагирования, достоверности и согласованности. Возможность существования эффективных методов упорядочения ограничена поиском совместимости 4-х основных требований к поиску агрегирования, которые, в соответствии с теоремой Эрроу, включают следующее ⁷.

1. Универсальность. Пусть $h > 1$ количество объектов, $m > 2$ индивидуумов. Итоговое упорядочение определено для любой совокупности индивидуальных упорядочений множества объектов.
2. Монотонность. Если объект «х», превосходящий «у» в упорядочении, построенном для набора индивидуальных упорядочений, «R»

отличается от «R1» лишь тем, что один из участников, сравнивая «х» с некоторым «Z», изменяет свое мнение в пользу «х», то «х» превосходит «у» в итоговом упорядочении, построенном для «R1».

3. Бинарная независимость. В итоговом упорядочении для многих «Z», «у», превосходство «х» над «у» или «у» над «х» зависит лишь от результатов индивидуальных сравнений объектов «х» и «у» друг с другом.
4. Ненавязанность решений. Для любых объектов «х» и «у» может быть построен такой набор упорядочений, что «х» превосходит «у» в соответствующем итоговом упорядочении.

Теорема Эрроу утверждает, что 4-м перечисленным условиям удовлетворяют только «диктаторские» правила, то есть такие методы, в которых итоговое упорядочение всегда совпадает с упорядочением одного из участников, причем этот участник выбирается заранее. Есть ситуации, когда «диктаторское» правило разумно, но несомненно и то, что решение нужно признать только демократическим путем. Однако при этом необходимо отказаться хотя бы от одного из 4-х условий ⁸.

Вариации распределений рассматривались на макро-, мезо- и микроуровнях как независимые от желаний и воли индивидов. Однако с точки зрения социального критерия конкурентные рыночные распределения не являются оптимальными, поскольку конкурентная экономика рынка неизбежно порождает неравномерность распределения доходов. Этим объясняется несовпадение оптимумов по критериям Парето и по социальным критериям.

Результаты исследования

Для успешного решения проблемы достижения устойчивой экономической эффективности необходимо решение принципиально важных задач непрерывного обеспечения процесса совершенствования технологий и роста уровня благосостояния населения.

Основные положения концепции прогрессивного устойчивого развития на основе согласованного развития экономики и социальной сферы

Предлагаемая концепция основана на последовательном и взаимосвязанном рассмотрении ряда перспективных целей и обязательных условий до-

⁶ Ногин В.Д. Множество и принцип Парето: учебное пособие. 2-е изд. СПб.: Издательство полиграфическая ассоциация высших учебных заведений. 2022. 110 с. URL: https://pureportal.spbu.ru/files/99337701/_2022.pdf?ysclid=m71v6lrlpd791471552

⁷ Комков Н.И., Бондарева Н.Н., Романцов В.С., Диденко Н.И., Скрипнюк Д.Ф. Методические и организационные основы управления развитием компаний. Монография. М.: ИД «Наука», 2015. 520 с. EDN: <https://elibrary.ru/vcgfkl>

⁸ Там же.

стижения гармоничного развития РФ, следующих поэтапных состояний целевых показателей.

1. Базой, определяющей возможности устойчивого прогрессивного развития, является долгосрочная цель и стабильная стратегия социально-экономического развития.
2. В процессе достижения такой цели обеспечивается устойчивый рост ВВП, с темпом не менее 5% ежегодно, устойчивый рост ВВП регионов, рост численности населения и средней продолжительности жизни, а также достижение РФ паритета покупательной способности (ППС) уровня ведущих мировых стран.
3. Стабильный рост пенсионного обеспечения граждан, ежегодная индексация пенсии работающих и неработающих пенсионеров, а также периодический пересчет размера пенсий с учетом инфляции и роста зарплат.
4. Контролируемая инфляция, на уровне 2–4%.
5. Уровень безработицы предполагается в пределах 2–5%.
6. Постоянная ориентация на инновационно-технологическое развитие, разработку и создание конкурентоспособных высоких технологий, стабильно обеспечивающих рост производительности труда и заработных плат трудящихся.
7. Повышение уровня развития здравоохранения, начального и высшего образования, обеспечение и постоянная поддержка достаточно высокого уровня обороноспособности страны.
8. Непрерывный поиск перспективных целей разработки конкурентоспособных технологий, взамен утративших свое превосходство, начиная с поиска инновационных идей и решений, включая улучшение потребительских свойств товаров и услуг.
9. Главным условием формирования прогрессивной стратегии развития является сохранение стабильных целей развития и условий согласованности интересов всего общества и экономической эффективности бизнеса.
10. Успешность реализации долгосрочной стратегии развития зависит от наличия, своевременного создания и освоения эффективных способов реализации всех ее промежуточных этапов, а также поэтапного контроля хода

ее реализации и необходимых ресурсов для устранения форс-мажорных обстоятельств.

11. Объективная оценка условий необходимости корректировки принятой стратегии развития.

Правила согласования порядка перечисленных положений и свойств стратегии согласованного развития основываются на последовательном рассмотрении и поэтапном построении механизмов формирования и уточнения свойств социально-экономических систем (СЭС), с учетом их целевого характера и особенностей текущей ситуации, учитываемой законодательной властью.

Экономическое развитие (ЭР) государства либеральной или социальной ориентации определяется совершенством управленческого механизма взаимодействия политических и экономических институтов, способствующих или препятствующих повышению уровня жизни населения. В соответствии с современными социальными требованиями⁹, рациональная структура управления ЭР в России должна предусматривать выявление и стимулирование способностей человека, создавать условия каждому трудоспособному гражданину для определения своего личного благосостояния.

Правительство, нацеленное на повышение эффективности ЭР, регулируя соответствующими решениями сферу распределения доходов, не должно допускать реализацию принципов полной «уравниловки»¹⁰. Прогресс ЭР достижим не только при уравнительном и согласованном распределении доходов, но и предполагает дифференциацию доходов в зависимости от способностей человека и отдачи его труда. Необходима поддержка социальной согласованности интересов справедливости распределения доходов для разных слоев общества.

Социальное развитие: состояние и перспективы

За годы реформ при переходе к рыночным отношениям в России ее социальная сфера подверглась существенной трансформации, что особенно проявилось на начальных этапах, с 1992 по 1998 гг. Это, прежде всего, отразилось в снижении средней продолжительности жизни – с 70-ти лет в 1986–1987 гг. до 64-х лет в 1994 г., что соответствовало уровню Монголии, Марокко и Гватемалы. С 1992 г. в России сформировалась устойчивая тенденция превышения числа умерших

⁹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=m7200ntmye299166828 (дата обращения: 01.12.2024)

¹⁰ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития государства на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/?ysclid=m72037hlxj664527032 (дата обращения: 01.12.2024)

над количеством родившихся, в 1,5–1,7 раз. Признаками деградации общества стал рост самоубийств (40 случаев на 100 тыс. жителей), возросло количество смертей от несчастных случаев, уголовных преступлений и травм. Резко повысилось социальное неравенство, а коэффициент Джини соответствовал 0,5, то есть 20% наиболее богатых людей получало около половины всех доходов, а остальному населению принадлежало всего 5%. Низкий уровень доходов россиян был обоснован агрессивным поведением «новых русских», уступчивостью российских властей и необъективным поведением западных экспертов, желающих снизить доходы россиян при формировании оценки их труда. Одновременно с падением доходов россиян значительно ухудшилось здравоохранение, санаторно-профилактическое обслуживание, а также снизился уровень помощи многодетным и инвалидам. Прекратилось строительство новых и модернизация существующих больниц и поликлиник – количество больничных коек на 10 тыс. жителей к 2003 г. сократилось почти на 20%. Для жителей сел и небольших поселений, удаленных от больших городов, лечение в стационарных условиях стало практически недоступно. Фактически распались медицинская и фармацевтическая промышленности. В связи со снижением доходов, ростом смертности среди мужской части населения, ростом алкоголизма, наркомании и др. значительно сократилась репродуктивная способность населения. В 1996 г. она достигла уровня 0,603, причем у городского населения этот уровень составлял всего 0,544, чего никогда не отмечалось в нашей стране, даже во время Великой отечественной войны.

Низкий уровень доходов населения был обусловлен интересами правящей в стране в этот период финансово-олигархической элиты, что выражалось в реализации навязанной Вашингтоном концепции рыночной модели ресурсного донора, поставляющего Западу природные ресурсы по заниженным ценам. Для этого многие промышленно развитые предприятия, МНТК и НПО, обладавшие высоким потенциалом выпуска высокотехнологичной конкурентоспособной продукции (например, Ивановские обрабатывающие центры), по рекомендации западных экспертов признавались неконкурентоспособными. Многие руководители западных стран, оценивая с точки зрения англо-американской политики перспективы освоения рыночных отношений Россией, полагали, что «задача России обеспечить ресурсами благополучие

страны. Но для этого нужно всего 40–60 млн человек»¹¹. Для достижения этих целей России, по мнению западных экспертов, не нужна была развитая высокотехнологичная промышленность, использующая квалифицированных специалистов, но требующая много ресурсов. Также им не нужна была развитая в России наука, как и не были нужны конкурирующие с западом российские технологии. Все это предполагалось уничтожить или оставить без финансирования до полного их развала и саморазрушения.

Принятая на начальном этапе реформ стратегия ускоренной приватизации и содействия накоплению первоначального капитала в руках ограниченного круга избранных, занимавших крупные посты в прежних хозяйственных и партийных структурах, привела экономику России не к росту обещанной либералами экономической эффективности, а к стагнации, падению ВВП и к утрате созданного в СССР промышленного потенциала. Ошибочная стратегия начального этапа реформирования состояла в том, что в России не были приняты меры по стабилизации экономики и не созданы условия для поэтапного вхождения страны в рынок. Попытки реформировать и приватизировать крупные компании (Газпром, РАО «ЕЭС России», ОАО «РЖД») либо провалились и были отвергнуты, либо привели к тому, что они стали менее эффективными (как РАО «ЕЭС России»). Сформировавшийся олигархический потенциал в выборных органах власти дополнялся активностью криминальных структур при одновременном падении уровня эффективности правоохранительных органов и объективности судебной власти.

Переход к рыночным отношениям в России можно было бы оправдать отсутствием перспективы социалистической формы хозяйствования, недостатком опыта и неизбежности ошибок при реформировании, если бы не пример Китая, проделавшего такой же путь и не допустившего экономических и социальных потерь. Если промышленный потенциал России на начальном этапе реформ сократился почти в два раза, то в Китае за годы реформ производство почти утроилось. Важно отметить, что законодательная власть под руководством западных экспертов в России только начинала формироваться, а исполнительная ветвь власти (полиция, суды и др.), дезориентированная политическими причинами, бездействовала, не имея достаточной финансовой поддержки от государства и региональных властей.

¹¹ Глазьев М.Ю. Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо». М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2011. 575 с. URL: https://danilevsky.ru/books/5_Glazhev_SYu_Lessons%20of%20the%20next%20Russian%20revolution.pdf?ysclid=m7206ao1xi910314694

По мере восстановления экономики и общества после шоковой терапии, устойчивые мировые тренды роста стоимости ресурсов и энергоносителей, а также рост ВВП России, казавшиеся вечными для олигархии и действующих в России властей, на 7% снизились в 2008–2009 гг. в связи с мировым финансовым кризисом. Это заставило руководство РФ пересмотреть стратегию ресурсно-экспортного развития России и ориентироваться на поиск долгосрочных национальных целей. Агрессивное поведение Запада по отношению к России только ускорило этот поиск, в результате чего стали формироваться национальные интересы необходимости достижения продовольственной независимости, стратегии импортозамещения и поддержки национальных производителей товаров и услуг.

Варианты стратегий социально-экономического развития

Процесс перехода на основе рыночной либерально-демократической концепции России и ее последующее корректирование в интересах создания социального государства можно представить в виде последовательной смены стратегий развития, которые включают 4 типа стратегий (рис. 1–5).

В период с 1993 по 2000 гг. преобладала стратегия агрессивного обмена, за счет снижения социальной справедливости и обмена на будущую эффективность, что соответствовало быстрому формированию основ рыночной экономики взамен планово-директивной. Эта стратегия соответствовала американской модели экономического развития, когда выживают лучшие, а государство (властные структуры) и создаваемые ими законы поддерживают только богатых и успешных.

Социальная справедливость (СС) – это достижение такого состояния развития общества при активном участии государства в управлении экономикой, когда при располагаемом уровне экономического развития гармонично достигаются поставленные цели экономического и социального развития страны.

Базовой основой для создания развитой социальной среды и одновременно фундаментом прогрессивной экономики служит гармонично развитая промышленность. Экономическая эффективность (ЭЭ) представляет собой комплексный измеритель успешности всей социально-экономической системы и компаний страны. Ее частными измерителями являются ВВП, уровень капитализации компании, рентабельность, величина прибыли и др. Социальная справедливость (СС) является совокупным измерителем состояния социальной среды и определяется долей затрат на здравоохранение, науку, образование, оборону и др. Прогрессивность

развития СЭС оценивается общим показателем (П), учитывающим одновременно векторные оценки ЭЭ и СС, то есть:

$$П = f(ЭЭ; СС). \quad (1)$$

Заменяя вектора ЭЭ и СС их скалярными оценками, будем использовать следующие формулы:

$$ЭЭ = \sqrt[3]{ВВП \cdot И \cdot И_{ин}}, \quad (2)$$

$$СС = \alpha_П П + \alpha_М М + \alpha_О З_О + \alpha_К З_К + \alpha_{инф} З_{инф}, \quad (3)$$

где И – затраты на инвестиции, И_{ин} – затраты на инновации; П – затраты на пенсионное обеспечение; М – затраты на медицинское обслуживание; З_о – затраты на образование; З_к – затраты на культуру; З_{инф} – затраты на инфраструктуру; $\alpha_П, \alpha_М, \alpha_О, \alpha_К, \alpha_{инф}$ – доли затрат на отдельные социальные составляющие; $\alpha_П + \alpha_М + \alpha_О + \alpha_К + \alpha_{инф} = 1$.

Количественный анализ, с использованием методов эконометрики, взаимосвязи показателей ЭЭ и СС установил наличие между ними сильной отрицательной корреляции, что соответствует «обмену роста ЭЭ за счет снижения затрат на СС». Поэтому показатель (1) согласованности целесообразно рассматривать как среднее геометрическое ЭЭ и СС:

$$П(t) = \sqrt{ЭЭ(t) \cdot СС(t)}, \quad (4)$$

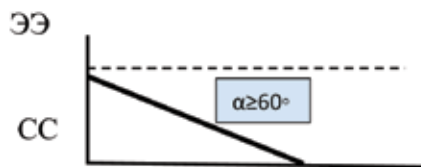
где индекс (t) соответствует t-му году показателей, и учитывается в ЭЭ(t) и СС(t).

Линейная аппроксимация участков в периоды 1993–2000 гг., 2000–2009 гг., 2010–2022 гг. и 2023–2030 гг. позволила их идентифицировать как разные виды стратегий, представленных ниже, на рис. 5.

Общий тип зависимости (1) для какой-либо конкретной СЭС не установлен, но возможно на качественном уровне и с использованием векторных оценок ЭЭ и СС определить зависимости (1) для отдельных временных отрезков ее функционирования.

Ограничиваясь линейным случаем зависимости (1), рассмотрим следующие частные случаи стратегии развития и соответствующие им зависимости.

1. Стратегия медленного обмена ЭЭ на СС – ее график имеет вид «наклонной горки», то есть угол падения СС в обмен на рост ЭЭ равен 60° (рис. 1).
2. Стратегия устойчивого экономического развития и поддержки социальной справедливости – когда угол наклона возрастающей прямой равен $\beta \geq 10-20^\circ$ (рис. 2).

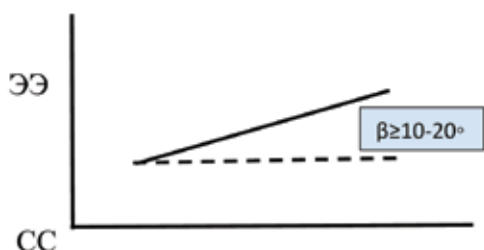

Разработано авторами.

Рис. 1. Стратегия экономического развития и медленного обмена экономической эффективности на социальную справедливость

Developed by the authors.

Fig. 1. Strategy of the economic development and slow exchange of economic efficiency for social justice

Разработано авторами.

Рис. 2. Стратегия стабильного экономического развития и активной поддержки социальной справедливости

Developed by the authors.

Fig. 2. Strategy of stable economic development and active support of social justice

3. Стратегия «экономической стабилизации», достигаемая при $ЭЭ = \text{const}$; и $СС = \text{const}$ (рис. 3).

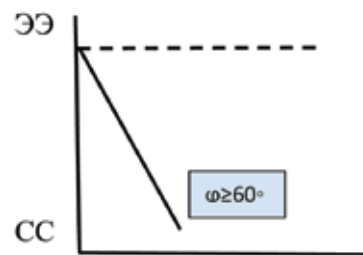
Разработано авторами.

Рис. 3. Стратегия социальной и экономической стабилизации

Developed by the authors.

Fig. 3. Strategy of social and economic stabilization

4. Стратегия агрессивного обмена $ЭЭ$ на $СС$, когда $ЭЭ = \text{max}$, $СС = \text{min}$, а угол наклона зависимости (1) составляет более 60° , что соответствует «крутой горке» (рис. 4).

Разработано авторами.

Рис. 4. Стратегия экономического развития на основе агрессивного обмена экономической эффективности на социальную справедливость

Developed by the authors.

Fig. 4. Strategy of economic development based on aggressive exchange of economic efficiency for social justice

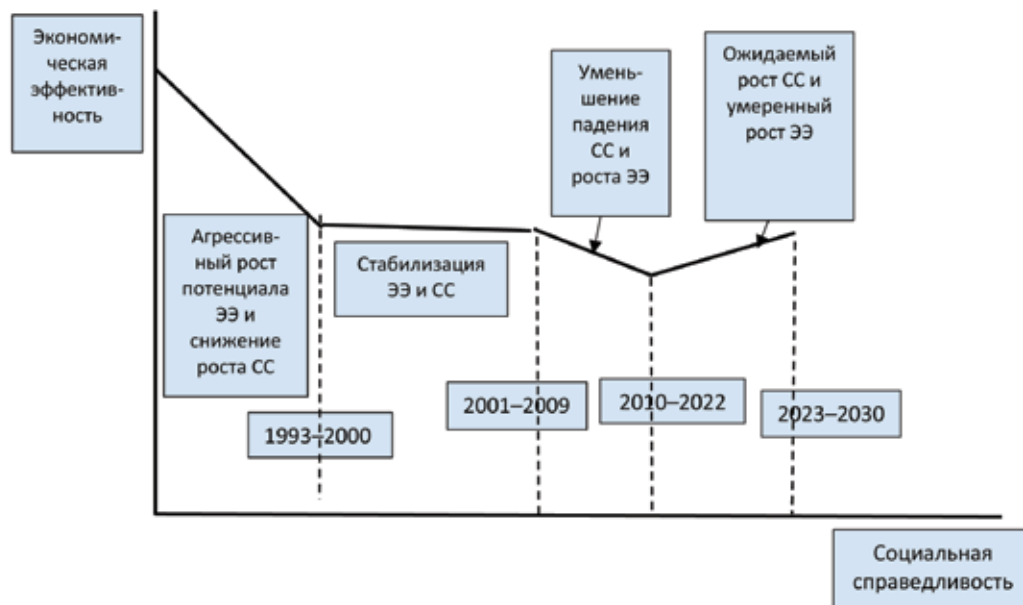
На рис. 5 приведена динамика стратегий зависимости $СС$ и $ЭЭ$.

На 1-м этапе стратегии потенциала роста и экономической эффективности объективно оценить затруднительно, поскольку в России на данном этапе не ставилась цель прогрессивного достижения, а предполагалась иное: согласно заявлениям одного из идеологов такой стратегии, А. Чубайса, главное было «сломать хребет социализму и не допустить возвращения к плановой экономике». Поэтому реальные экономические успехи были скорее отрицательными, в результате приватизации 20% населения получили более 50% доходов, а остальные 80% – всего 5% дохода. При этом объемы промышленности сократились почти на половину, а ВВП упал на четверть.

На 2-м этапе реализовывалась стратегия умеренного обмена $ЭЭ$ на $СС$, которая основывалась на экспорте ресурсов, развитии ресурсодобычи и фактической ликвидации отечественной обрабатывающей промышленности. При этом росла безработица, увеличивалось число бедных, задерживалась выдача зарплат, усилилась дифференциация доходов и др.

3-й этап, начавшийся в 2010 г., после мирового финансового кризиса, можно считать периодом неустойчивой стабилизации и умеренного обмена $СС$ на $ЭЭ$. Он вызвал падение мировых цен на ресурсы, что приводит к дальнейшему снижению объемов финансирования социальной сферы и падение доходов населения.

На 4-м этапе, который начался в 2023 г., действиями Правительства, законодательных органов и отечественных компаний обозначена стратегия ожидания устойчивого экономического роста, повышения

Разработано и рассчитано авторами на основе данных Росстата с использованием формул (2), (3), (4).

Рис. 5. Динамика стратегий зависимости социальной справедливости и экономической эффективности

Developed and calculated by the authors based on Rosstat data using formulas (2) and (3).

Fig. 5. Dynamics of addition strategy of social justice and economic efficiency

внимания к социальной сфере и обрабатывающей промышленности. Намеченные меры ее достижения представлены в Указе Президента РФ¹².

С целью повышения эффективности экономики государству необходим рациональный механизм стимулирования поиска новых технологий, устойчивого совершенствования существующих технологий, включающих плюралистические политические институты (ППИ), допускающие к управлению экономикой активные слои населения. Создание таких институтов является решающим условием обеспечения устойчивости развития экономики, поскольку рациональный механизм управления с ППИ гарантирует, что владельцы существующих монополий, используя свою экономическую мощь, не смогут блокировать принятие и распространение новых технологий.

Достижение приемлемого уровня благосостояния населения

Совокупность инструментов реализации ППИ рациональной экономической управленческой модели существенно повышает эффективность экономики, обеспечивая населению социальную справедливость в распределении дохода и постоянный приемлемый уровень жизни.

Процесс разделения на богатых и бедных сохраняет устойчивость и при значительном росте уровня жизни.

Исследования А.Ю. Шевякова и А.Я. Кируты [17] показали, что продуктивность функциональной деятельности людей существенно зависит от уровня их бедности. Двойственность экономических и социальных эффектов определяется существующим разделением «неравенств на нормальные и избыточные. Нормальное неравенство способствует достижению позитивных эффектов, стимулирующих человеческую активность, при этом функции населения не ограничиваются ресурсами» [17]. По их мнению, избыточные неравенства иррациональны, поскольку они вызывают «социальную депривацию, снижающую активность населения и дезориентацию поведения людей из-за недостатка ресурсов». Исследователи предложили методическую концепцию, согласно которой целесообразно заменить определение нормального и избыточного неравенства на определение «границы бедности». В такой постановке вопроса становится возможным определение функциональной границы в зависимости от рассматриваемой человеческой функции, как порогового уровня дохода (ПУД) на душу населения. «При доходе выше ПУД функция

¹² Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития государства на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/?ysclid=m72037hlxj664527032 (дата обращения: 01.12.2024)

индивидуума (ФИ) полноценно осуществима, а при доходе ниже ПУД осуществление ФИ связано с определенными экономическими и социально-психологическими ограничениями» [17].

В современных социально-экономических условиях корректное и системное определение того, какую часть общественного дохода необходимо распределить в пользу беднейших слоев населения, практически невозможно, поскольку достижение оптимальности распределения дохода происходит на фоне деформации социального статуса населения. Наемные работники являются одновременно собственниками капитала. Они могут владеть различными видами ценных бумаг, недвижимостью, организовывать частный бизнес и проч. Реальная формирующаяся социальная структура фактически не имеет классового противостояния. Процесс ЭР сопровождается увеличением числа факторов, определяющих различие в доходах населения. Граждане, обладающие большей собственностью, получают более высокую заработную плату. Они в большей степени заинтересованы в повышении эффективности производства, увеличении доходов. Социальное неравенство в структуре ЭР – это препятствие достижения достойной жизни граждан, которое приводит к возникновению таких иррациональных явлений как снижение технологического развития и деградация социальной сферы, блокирующая реализацию природных способностей населения.

Концепции управленческой системы и инструменты обеспечения устойчивой экономической эффективности на основе социального прогресса, разработанные российскими и зарубежными экономистами, можно рассматривать в качестве перспективного направления экономической теории, в которой основное значение придается реализации взаимосвязи справедливости распределения благ и эффективности экономики.

Д. Аджемоглу и Дж.А. Робинсоном показано, что социальное благополучие населения «прямо зависит от рациональности взаимодействия политических и экономических институтов государства» [15].

Выбор стратегии рационального управления экономикой, основанной на компромиссе между экономической эффективностью и социальной справедливостью, зависит от согласованности внутренних мотивов субъекта и множества субъектов с внешними управленческими институциональными стимулами¹³.

Поэтому концепция инклюзивного экономического развития (КИЭР) представляется более приемлемой. В ней отсутствует противопоставление политических и экономических институтов государства, а экономические интересы учитываются в соответствии с принятой государственной стратегией развития.

Решение проблемы социальной стабильности, обеспечивающей высокий темп и устойчивость экономического развития, достигается созданием инклюзивно-социальных институтов (ИСИ), действующих по следующим возможным направлениям:

- свободном активном участии граждан в формировании и коррекции управления на основе всеобщего голосования, региональных социальных опросов и проведения референдумов;
- полной или частичной передачи политической власти ИСИ с участием широких слоев активного населения.
- инклюзивного инструмента.

Острая политическая борьба за власть и влияние права выбора прогрессивной стратегии в интересах какой-либо ветви власти и группировки сил предполагают выбор победившей стороной такой стратегии, которая соответствует ее интересам на данный момент времени. Наиболее предпочтительно такое распределение сил между различными партиями, общественными движениями и профсоюзами, представленными в результате демократических выборов в парламент и влияющих на формирование исполнительных органов власти и поддержку рекомендации прогрессивной стратегии. При этом методы противодействия и борьбы за власть должны соответствовать законодательству, принятому в демократическом обществе, не допускающему насилие и террористические акты.

Условия формирования стратегии развития

Формирование стратегии развития представляет собой поиск поэтапной последовательности на основе известных и перспективных способов перехода от внешней потребности к достижению цели стратегии развития. Перспективные способы – это целевые инновационные проекты, идеи и решения, согласованно учитывающие внешнюю потребность и удовлетворяющие эту потребность цель.

Этапность формирования стратегии развития как составной части воспроизводственного цикла изложена в работе¹⁴. Необходимые условия для

¹³ Комков Н.И., Сутягин В.В. Концепция управленческого механизма экономического развития гармонизацией социума // Известия Кабардино-Балкарского научного центра. 2024. Т. 26. № 2. С. 146-151. EDN: <https://elibrary.ru/casxvr>. DOI: 10.35330/1991-6639-2024-26-2-141-151

¹⁴ Комков Н.И., Бондарева Н.Н., Романцов В.С., Диденко Н.И., Скрипнюк Д.Ф. Методические и организационные основы управления развитием компаний. Монография. М.: ИД «Наука», 2015. 520 с. EDN: <https://elibrary.ru/vcgfkl>

формирования стратегии развития, гармонично учитывающие экономическую эффективность и социальную справедливость, зависят не только от наличия необходимых условий, но и от состояния внешней среды, отличающейся агрессивным враждебным отношением к принятой РФ программной стратегии. Для преодоления противодействия недружественных к РФ стран используется стратегия импортозамещения, ориентация на потенциал и поддержку дружественных стран, синергия всего населения и бизнеса, компаний и корпораций.

Конструирование прогрессивной и устойчивой стратегии развития зависит как от намерения, воли и желания правящей в стране политической партии, так и от степени влияния этой власти на исполнение принятой стратегии на местном уровне: в регионах, муниципалитетах, а также в компаниях и корпорациях. Ответственность за реализацию программ и проектов в рамках принятой стратегии на местах должны контролировать общественные организации, допущенные властями для контроля выполнения стратегии.

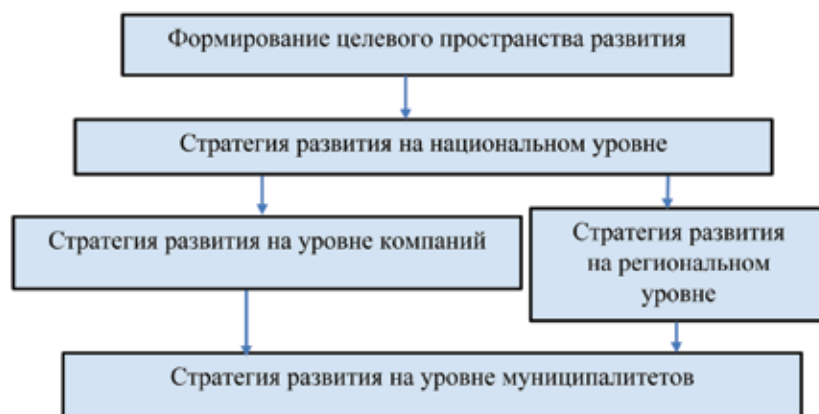
Понятие «способ» используется в конструкциях систем управления развитием и означает преобразование материи, производительных сил и общественных отношений из одного состояния в другое, более прогрессивное. Понятие «механизм» наиболее часто используется для описания процессов преобразования одного вещества в другое и предполагает формирование материального объекта с

новыми свойствами. В последние годы этот термин используется при описании процессов в экономике и в общественных отношениях, где в качестве синонима понятия «механизм», включающего преобразование состояния экономических объектов и общественных отношений, используется понятие «проект», то есть «проектируемый процесс, состоящий из набора скоординированной и управляемой деятельности со сроками начала и завершения, предпринятой для достижения цели, соответствующей конкретным требованиям, включая ограничения по времени, стоимости и ресурсам»¹⁵.

Механизм в организационно-экономическом смысле – это способ выполнения определенной работы, операции, решения задачи, который существует и известен его исполнителю, а конечный результат предсказуем и известен исполнителю.

Поэтому инструмент – это способ организации поиска решения определенной проблемы, результат решения которой задается внешней потребностью, определяющей ее цель и ожидаемую полезность использования результата ее решения. Аналогом этого понятия являются дорожные карты, стратегии, программы, планы.

Целевое управление развитием многоуровневой СЭС имеет замкнутый цикл: от оценки состояния и формирования национальных целей развития, стратегий, программ и проектов до их завершения, учета. Структура и порядок организации стратегий развития приведены на рис. 6.

Разработано авторами.

Рис. 6. Схема организации разработки многоуровневых стратегий развития

Developed by the authors.

Fig. 6. The scheme of organization of development of multilevel development strategies

¹⁵ Комков Н.И., Селин В.С., Цукерман В.А. Инновационная экономика: энциклопедический словарь-справочник. М.: Макс-Пресс, 2012. 542 с. EDN: <https://elibrary.ru/qvhnvt>

Учитывая изложенные ранее соображения о возможности и условиях конструирования способа согласования гармоничности экономической эффективности и социальной справедливости, необходимо ограничить состав основных органов и структур, влияющих на формирование стратегии гармоничного социально-экономического развития. В этот перечень входят: правительство и органы власти, включая парламент; экономические субъекты (компании, корпорации, бизнес-структуры, отраслевые и экономические органы управления); население и общество в целом, включая общественные организации. Динамика изменения в зависимости от ряда обязательных внешних и внутренних условий, определяющих изменение стратегии развития, отражена на рис. 6.

Анализ трансформации состояний основных органов и структур и повлиявших на эту трансформацию причин позволяет считать, что временные отрезки формирования новых стратегий во многом определяют причины трансформации стратегий. На начальном этапе перехода к рынку РФ властные структуры определялись неформальными интересами и союзом правящей власти и криминальных кругов, определявшим порядок распределения государственной собственности. Население при таком способе приватизации ограничило правом распределения и получения ваучеров. Политическая власть на 1-м этапе только начинала формироваться, а поддержка населением отдельных партий была в целом неопределенной и практически равномерной.

На 2-м этапе в стране стала благоприятно складываться внутренняя обстановка, после добровольного ухода с поста Президента РФ Б.Н. Ельцина и назначения преемником В.В. Путина. В.В. Путин, оставаясь под давлением сформировавшихся квазиэлит, не сразу перешел к восстановлению управляемости экономики. Этому во многом благоприятствовали высокие мировые цены на ресурсы, поставлявшиеся Россией на мировые рынки. Отечественные неолбералы осуждали и блокировали экспортные поставки продукции обрабатывающих отраслей и продовольствия, необоснованно предпочитая импорт и считая отечественный экспорт неконкурентоспособным. Отечественные компании, в основном ресурсодобывающие и металлургические, содействовали девальвации рубля и росту стоимости доллара США, предпочитая зарабатывать не только на продаже ресурсов, но и на спекуляции иностранной валютой.

3-й этап начался с момента финансового кризиса 2008 г. в США, когда мировые цены на ресурсы стали резко падать, а восстановление прежних объемов экспорта продукции перерабатывающих и обрабатывающих отраслей после падения их

объемов и уровня стало невозможным. Затраты на социальное развитие инфраструктуры достигли минимального уровня, а зарплаты россиян в 2-3 раза уступали зарплатам сотрудников иностранных компаний в РФ. Одновременно стала происходить концентрация интересов населения по поддержке партий, поддерживающих социальную направленность, являющуюся одной из обязательных и отмеченных в Конституции РФ.

Однако критической точкой, изменившей настроение населения страны, послужили события 24.02.2022 г., когда руководство России было вынуждено начать СВО в Украине. Этот шаг привел к отказу стран Запада от поставок ресурсов из РФ, запрету импорта технологий двойного назначения и банковских операций с российскими компаниями. Россия была вынуждена переориентироваться на поставку ресурсов в страны ЮВА, но надежды стран ЕС и США на падение ВВП и ухудшение отношений РФ с иностранными государствами не оправдались. Наоборот, использование возможностей дружественных стран и меры, принятые Правительством РФ, позволили перейти к стратегии медленного экономического роста и к поддержке социальной сферы.

Все основные субъекты, влияющие на формирование взаимоотношений экономики и общества в последние годы, подверглись существенной трансформации. Прежде всего, укоренился потенциал властных структур, как в правительственных органах, так и на региональном и местном уровнях. Повысилась эффективность исполнительной ветви власти: полиции, судебной системы. Возросла роль деятельности общественных организаций. Такие изменения базировались на согласованности действий политических сил, распределенных в различных политических партиях, включая оппозиционные. Повысилась определенность в формировании экономической стратегии, выразившаяся в необходимости повышения конкурентоспособности отечественной промышленности на основе увеличения доли обрабатывающих отраслей, использующих высокие технологии и инновации и обеспечивающих рост производительности труда. Повысилось внимание к инфраструктуре и социальной сфере.

Стал меняться сам бизнес, и постепенно изменилось отношение к нему общества. В соответствии с повесткой ESG (где E – экология, S – общественные интересы, C – управление) [18] трансформировалась роль компаний, когда к успешным стали относить не только самых богатых, достигших высокого уровня капитализации и конкурентоспособности, но и социально ответственных, совмещающих цели развития компании с национальными интересами страны.

Представленные выше способы соизмерения результатов многопараметрических решений и коллективных экспертных оценок позволяют считать, что существование строгого и однозначного решения соотношения СС и ЭЭ не существует. Однако достижение компромисса между ними, с учетом распределения дохода между богатыми и бедными, возможно на основе принятия согласованной стратегии развития между различными группами населения, политическими и правящими партиями. Такой компромисс может быть достигнут на основе участия населения, путем прямых выборов основных органов власти с участием допущенных к выборам партий и их объединений. Выбранные органы власти формируют стратегию развития, содержащую основные положения, программные заявления конкурирующих партий, доступные к обсуждению и оценке населением. Такой подход соответствует и учитывает основные положения Конституции России.

Учитывая многопараметричность и многосвязность элементов и составных частей СЭС в масштабах страны, влияющих на взаимодействие в целом как единого организма, можно предположить, что их объединение возможно в рамках подготовленной принятой Правительством и одобренной парламентом страны стратегии развития. Контуры такого механизма управления многоуровневой СЭС изложены в работе ¹⁶.

Целевой подход к формированию стратегии развития, в виде формулировки целей и основных результатов достижения как национальных проектов, так и программ развития, определяет основные контуры процессов достижения промежуточных и конечных результатов для планируемого интервала развития. При формировании стратегии и целей развития необходимо сбалансировано учитывать:

- 1) перспективность целей для бизнеса и населения;
- 2) достижимость намечаемых целей;
- 3) ответственность Правительства, властных и исполнительных структур страны в случае недостижения заявленных целей.

Соизмеряя риски и ответственность за отсутствие достижения намеченных целей, Правительство РФ в начальный период реформ ограничивалось принятием годового, а затем и трехгодового шага планирования и финансирования проектов и программ развития, включая финансирование инфраструктуры и социальной сферы. Неопределенность внешней среды и условий для воспроиз-

водства потенциала развития частично удалось снизить за счет ясности в отношениях нашей страны с Западом и последовавшим санкционным давлением на Россию.

Опора России на использование собственного потенциала развития во взаимодействии с дружественными странами, входящими в БРИКС+, а также ориентация на инновации, технологии и ответственное управление компаниями позволили создать в РФ основу для качественного перехода к новому этапу развития.

Отсюда следует, что поиск согласованности между экономической эффективностью и социальной справедливостью зависит от распределения соотношения политических сил в борьбе за распределение их соотношения в законодательной и исполнительной власти. Достигнутое соотношение влияет на выбор стратегии развития, в пределах сохранения соотношения основных политических сил в рамках планового периода ее реализации, а государственный аппарат, региональные и муниципальные органы власти обеспечивают реализацию выбранной стратегии развития.

Выводы

1. Социальное направление является точкой роста прогрессивного развития экономики для повышения ее эффективности, реализуемое рациональным государственным управлением на базе общественного инклюзивного воздействия на либеральные принципы в экономических, юридических, политических, социальных и психологических сферах.
2. Анализ литературы выявил, что проблема установления предпочтительности в отношениях между эффективностью и социальной справедливостью является важной для гармоничного социально-экономического развития.
3. Нарушение необходимой гармоничности в отношениях между экономической эффективностью и социальной справедливостью во многом обусловлено дифференциацией доходов между богатыми и бедными, где преобладает капиталистическая форма управления экономикой, причем отсутствие в ней эффективных механизмов практически непрерывно увеличивает этот разрыв в пользу богатых. Однако снижение уровня социального развития общества ниже определенного порога способствует снижению экономической эффективности и падению производительности труда.

¹⁶ Володина Н.Н., Комков Н.И., Кротова М.В. и др. Формирование потенциала и управление процессами развития активных социально-экономических систем. Коллективная монография. М.: Научный консультант, 2023. 456 с. EDN: <https://elibrary.ru/lctyui>

4. Известные математические методы поиска компромисса (оптимум по Парето и способы агрегирования индивидуальных предпочтений) не позволяют находить компромисс между экономической эффективностью и социальной справедливостью для большинства практических задач. Нахождение такого компромисса возможно на основе концепции инклюзивного развития, включающей 11 обязательных условий, выполнение которых обеспечивает согласованное развитие экономики и социальной сферы на базе устойчивой стратегии.
5. Практическая реализация стратегии инклюзивного развития возможна на основе гармонизации и сближения возможностей государства с интересами бизнеса и населения.
6. Возможны 4 различных стратегии развития, включая: агрессивный рост потенциала экономической эффективности; замедленный рост экономической эффективности за счет умеренного снижения социальной справедливости; стабилизация экономической эффективности; ожидаемый рост социальной справедливости и умеренный рост экономической эффективности.
7. На примере динамики изменений социальной справедливости и экономической эффективности за почти 30-летний период формирования рыночных отношений в РФ продемонстрированы условия формирования стратегий развития, а также показана трансформация состояний основных участников формирования стратегий, включая правительство (властные институты), бизнес (компании) и население.

Список источников

1. Волконский В.А. Смысловые установки и роль государства в эпоху многополярного мира. М.: Книжный мир, 2021. 384 с. URL: <https://book.net/kn/smyslovye-ustanovki-i-rol-gosudarstva-v-epohu-1f3cb>
2. Маевский В.И., Малков С.Ю., Рубинштейн А.А. Новая теория воспроизводства капитала: развитие и практическое применение. Монография. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 260 с. URL: https://inecon.org/docs/2021/Mayevsky_book_2016.pdf?ysclid=m71y37ehgi194895565
3. Грачев И.Д. Статистическая модель автопрогресса экономических систем. М.: Наука, 2010. 180 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003497471>
4. Аганбегян А.Г. Кризис как окно возможностей для социально-экономического развития // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 223. № 3. С. 47–69. EDN: <https://elibrary.ru/wyeeno>. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2020-223-3-47-69>
5. Макаров В.Л. Социальный кластеризм: российский вызов. М.: Бюджет, 2010. 270 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004831814>
6. Петраков Н.Я. К вопросу об интеграции России в мировое сообщество при установке на модернизацию // Экономика. Налоги. Право. 2013. № 3. С. 31–34. EDN: <https://elibrary.ru/mswdef>
7. Анчишкин А.И. Наука – техника – экономика. 2-е изд. М.: Экономика, 1989. 383 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001471340>
8. Анчишкин А.И. Прогнозирование роста социалистической экономики. М.: Экономика, 1973. 294 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007249852>
9. Анчишкин А.И., Яременко Ю.В. Темпы и пропорции экономического развития. М.: Экономика, 1967. 208 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005946871>
10. Яременко Ю.В. Теория и методология исследования многоуровневой экономики. М.: Наука, 1997. 398 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001783588>
11. Ивантер В.В. Потенциал экономического роста в России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. Т. 218. № 4. С. 70–80. EDN: <https://elibrary.ru/baahnu>
12. Прогнозирование перспектив технологической модернизации экономики России: монография; ИМП РАН. М.: ООО «МАКС Пресс», 2010. 816 с. EDN: <https://elibrary.ru/qupvbl>
13. Стиглиц Дж.Ю. Цена неравенства: чем расслоение общества грозит нашему будущему: пер. с англ. М.: Эксмо, 2015. 255 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007881448>

14. *Стиглиц Дж.Ю.* Люди, власть и прибыль: Прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства: пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2020. 430 с. URL: <https://djvu.online/file/BOFhk7QsuRqtj>
15. *Acemoglu D., Robinson J.A.* Why nations fail the origins of power, prosperity, and poverty. NY: Crown Publishers, 2012. 579 p. URL: <https://archive.org/details/WhyNationsFailTheOriginsODaronAcemoglu/page/n5/mode/2up>
16. *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке: пер. с фр. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 592 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009490566>
17. *Шевяков А.Ю., Кирута А.Я.* Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи: Научная монография. М.: М-Студио, 2009. 187 с. EDN: <https://elibrary.ru/qupdxr>
18. *Измайлова М.А.* Целеполагание устойчивого развития на основе учета ESG-факторов // В сб.: Управленческие науки в современном мире. IX Международная научно-практическая конференция, Москва, 29-30.11.2022. СПб.: ИД «Реальная экономика», 2022. С. 49–51. EDN: <https://elibrary.ru/cmcyyh>
19. *Тюрин Ю.Н.* О математических задачах в экспертных оценках // В сб.: Вопросы кибернетики. Акад. наук СССР. М.: Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика», 1979. Вып. 58: Экспертные оценки. С. 7-16. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006776702>
20. *Шульц В.Л., Кульба В.В., Шелков А.Б.* и др. Модели и методы анализа и синтеза сценариев развития социально-экономических систем: в 2 кн. М.: «Наука», 2012. 357 с. EDN: <https://elibrary.ru/rcinch>
21. *Бурков В.Н.* Основы математической теории активных систем / Ин-т проблем управления. М.: Наука, 1977. 256 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007660879>
22. Управление развитием крупномасштабных систем: монография / отв. ред. *А.Д. Цвиркун*. М.: Физматлит, 2012. 494 с. EDN: <https://elibrary.ru/toyqrt>
23. *Янч Э.* Прогнозирование научно-технического прогресса: пер. с англ. М.: Прогресс, 1974. 592 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007037652>
24. *Абалкин Л.И.* Поиск пути в меняющемся мире // В книге: Избранные труды: в IV томах. Т. 4. М.: Экономика, 2000. 798 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000657593>
25. *Дискин И.Е.* Альтернативы российской модернизации // В книге: Инновации: вызовы и перспективы. Новосибирск: Фонд Социо-прогностических исследований «Тренды», 2013. С. 157–166. EDN: <https://elibrary.ru/torpzj>

Статья поступила в редакцию 07.11.2024; одобрена после рецензирования 24.02.2025; принята к публикации 26.02.2025

Об авторах:

Комков Николай Иванович, доктор экономических наук, профессор; заведующий лабораторией организационно-экономических проблем управления научно-техническим развитием; SPIN-код: 9905-8839, Scopus ID: 25655112100

Сутягин Владилен Васильевич, доктор технических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лабораторией организационно-экономических проблем управления научно-техническим развитием; SPIN-код: 5453-6536, Scopus ID: 44661972200

Жуков Евгений Алексеевич, доктор экономических наук; заместитель директора по учебной работе; почетный профессор Московской международной высшей школы бизнеса «МИРБИС» (Институт); SPIN-код: 6128-8760

Вклад авторов:

Комков Н. И. – научное руководство; проведение критического анализа материалов; развитие методологии; формирование выводов.

Сутягин В. В. – проведение критического анализа материалов; подготовка начального варианта текста; сбор данных и доказательств.

Жуков Е. А. – поиск источников; сбор данных и доказательств; перевод на английский язык.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

References

1. Volkonsky V.A. Meaningful attitudes and the role of the state in the era of a multipolar world. Moscow: Book World, 2021. 384 p. (In Russ.)
2. Maevsky V.I., Malkov S.Yu., Rubinstein A.A. A new theory of capital reproduction: development and practical application. Monograph. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2016. 260 p. URL: https://inecon.org/docs/2021/Maevsky_book_2016.pdf?ysclid=m71y37ehgi194895565 (In Russ.)
3. Grachev I.D. Statistical model of the auto progress of economic systems. Moscow: Nauka, 2010. 180 p. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003497471> (In Russ.)
4. Aganbegyan A.G. Crisis as a window of opportunities for socio-economic development. *Scientific works of the free economic society of Russia*. 2020; 223(3):47–69. EDN: <https://elibrary.ru/wyeeno>. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2020-223-3-47-69> (In Russ.)
5. Makarov V.L. Social clustering: Russian challenge. Moscow: Budget, 2010. 270 p. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004831814> (In Russ.)
6. Petrakov N.Y. To a question on integration of Russia in the world community at installation on modernization. *Economy. Taxes. Right*. 2013; (3):31–34. EDN: <https://elibrary.ru/mswdef> (In Russ.)
7. Anchishkin A.I. Science – Technology – Economics. Moscow: Economics, 1989. 383 p. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001471340> (In Russ.)
8. Anchishkin A.I. Forecasting the growth of the socialist economy. Moscow: Ekonomika, 1973. 294 p. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007249852> (In Russ.)
9. Anchishkin A.I., Yaremenko Yu.V. The pace and proportions of economic development. Moscow: Ekonomika, 1967. 208 p. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005946871> (In Russ.)
10. Yaremenko Yu.V. Theory and methodology of multilevel economics research. Moscow: Nauka, 1997. 398 p. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001783588> (In Russ.)
11. Ivanter V.V. Economic growth potential in Russia. *Scientific works of the free economic society of Russia*. 2019; 218(4):70–80. EDN: <https://elibrary.ru/baahnu> (In Russ.)
12. Forecasting the prospects of technological modernization of the Russian economy: Monograph; INP RAS. Moscow: MAX Press, 2010. 816 p. EDN: <https://elibrary.ru/qupvbl> (In Russ.)
13. Stiglitz J.E. The price of inequality: how today's divided society endangers our future. New York: W.W. Norton and Co, 2012. 456 p. URL: <https://archive.org/details/priceofinequalit00stig> (In Eng.) (Russ. ed.: Stiglitz J.E. The price of inequality: how the stratification of society threatens our future. Moscow: Eksmo, 2015. 255 p.)
14. Stiglitz J.E. People, power, and profits: progressive capitalism for an age of discontent. USA: W.W. Norton and Co, 2019. 371 p. URL: <https://archive.org/details/peoplepowerprofi0000stig> (In Eng.) (Russ. ed.: Stiglitz J.E. People, power, and profits: progressive capitalism for an age of discontent. Moscow: Alpina Publisher, 2020. 430 p.)
15. Acemoglu D., Robinson J.A. Why nations fail the origins of power, prosperity, and poverty. NY: Crown Publishers, 2012. 579 p. URL: <https://archive.org/details/WhyNationsFailTheOriginsODaronAcemoglu/page/n5/mode/2up> (In Eng.)
16. Piketty T. Capital in the Twenty-First Century. Harvard University Press, 2014. 452 p. URL: <https://dowbor.org/wp-content/uploads/2014/06/14Thomas-Piketty.pdf> (In Eng.) (Russ. ed.: Piketty T. Capital in the XXI century. Moscow: AD Marginem Press, 2016. 592 p)
17. Shevyakov A.Yu., Kiruta A.Ya. Inequality, economic growth and demography: unexplored interrelations: Scientific monograph. Moscow: M-Studio, 2009. 187 p. EDN: <https://elibrary.ru/qupdxr> (In Russ.)
18. Izmailova M.A. Setting goals for sustainable development based on taking into account ESG factors. In: *Managerial sciences in the modern world*. IX International Scientific and Practical Conference, Moscow, 29-30.11.2022. St. Petersburg: Publishing House "Real Economy", 2022. P. 49–51. EDN: <https://elibrary.ru/cmcyyh> (In Russ.)

19. Tyurin Yu.N. On mathematical problems in expert assessments. In: *Questions of Cybernetics. Academy of Sciences of the USSR*. Moscow: Scientific Council on the complex problem of "Cybernetics", 1979. Iss. 58: Expert assessments. P. 7–16. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006776702> (In Russ.)
20. Shultz V.L., Kulba V.V., Shelkov A.B. et al. Models and methods of analysis and synthesis of scenarios for the development of socio-economic systems: in 2 books. Moscow: Science, 2012. 357 p. EDN: <https://elibrary.ru/rcinch> (In Russ.)
21. Burkov V.I. Fundamentals of the Mathematical Theory of Active Systems. Moscow: Science, 1977. 256 p. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007660879> (In Russ.)
22. Management of the development of large-scale systems: monograph / ed. A.D. Tsvirkun. Moscow: Fizmatlit, 2012. 494 p. EDN: <https://elibrary.ru/toyqqt> (In Russ.)
23. Jantsch E. Technological forecasting in perspective: A framework for technological forecasting, its technique and organisation; a description of activities and an annotated bibliography. Paris: OECD, 1967. 401 p. (Russ. ed.: Jantsch E. Forecasting of scientific and technological progress. Moscow: Progress Publ., 1974. 592 p.)
24. Abalkin L.I. Search for a way in a changing world. In: *Selected Works*: in IV volumes. Vol. 4. Moscow: Economics, 2000. 798 p. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000657593> (In Russ.)
25. Diskin I.E. Alternatives to Russian modernization. In: *Innovations: challenges and prospects*. Novosibirsk: Foundation for Socio-Prognostic Research "Trends", 2013. P. 157–166. EDN: <https://elibrary.ru/torpzj> (In Russ.)

The article was submitted 07.11.2024; approved after reviewing 24.02.2025; accepted for publication 26.02.2025

About the authors:

Nikolay I. Komkov, Doctor of Economic Sciences, Professor; Head of the Laboratory of Organizational and Economic Problems of Scientific and Technical Development Management; SPIN: 9905-8839, Scopus ID: 25655112100

Vladilen V. Sutyagin, Doctor of Technical Sciences, Professor, Leading Researcher, Laboratory of Organizational and Economic Problems of Scientific and Technical Development Management; SPIN: 5453-6536, Scopus ID: 44661972200

Evgeny A. Zhukov, Doctor of Economic Sciences; Deputy Director for Academic Affairs; Honorary Professor of the Moscow International Higher Business School "MIRBIS"; SPIN: 6128-8760

Contribution of the authors:

Komkov N. I. – scientific guidance; critical analysis of the materials; development of the methodology; drawing conclusions.

Sutyagin V. V. – conducting a critical analysis of the materials; preparing the initial version of the text; collecting data and evidence.

Zhukov E. A. – search for sources; collection of data and evidence; translation into English.

All authors have read and approved the final manuscript.

Научная статья

УДК 378.1

JEL: A13, I23, I25, I26, M14, Q01

<https://doi.org/10.18184/2079-4665.2025.16.1.26-42>

ESG-трансформация системы управления высшим учебным заведением

Марголин Андрей Маркович¹, Вякина Ирина Владимировна²

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; Москва, Россия

² Тверской государственный технический университет; Тверь, Россия

¹ margolin-am@ranepa.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2983-890X>

² ivyakina@yahoo.com, <http://orcid.org/0000-0003-1925-2286>

Аннотация

Цель – разработка рекомендаций по ESG-трансформации системы управления университетом, основанных на диагностике факторов ESG-зрелости учреждений высшего образования и идентификации ESG-рисков.

Методы. Комплексное рассмотрение экологических, социальных и управленческих аспектов в контексте общей теории систем и применение междисциплинарного подхода являются ключевыми методологическими особенностями исследования концепции устойчивого развития и механизмов ESG-трансформации систем управления. Оценка устойчивости развития высших учебных заведений и ESG-зрелости их систем управления основана на использовании международных и национальных рейтинговых систем и моделей, определяющих уровень соответствия показателей деятельности университетов достижению целей устойчивого развития. Наряду с общенаучными методами исследования и визуализации информации, технологиями SWOT-анализа авторы использовали процессный подход для оценки условий и характеристик бизнес-процессов университета, идентификации ESG-рисков и разработки рекомендаций по ESG-трансформации системы управления.

Результаты работы. Выполнена диагностика факторов, определяющих эффективность ESG-трансформации системы управления образовательным учреждением высшего образования, а также идентификация ESG-рисков. С учетом особенностей систем управления в сфере высшего образования на основании типовой процессной модели управления университета предложены рекомендации по ESG-трансформации процессов управления.

Выводы. ESG-трансформация системы управления в высшей школе является сегодня не просто следованием амбициозным целям политиков или популярным научным трендам, а одним из ключевых факторов конкурентоспособности университета. ESG-зрелость учреждения высшего образования, определяющая эффективность ESG-трансформации системы управления, зависит от уровня владения представителями администрации вуза и всех участников образовательного процесса соответствующими компетенциями, технологиями диагностики, учета и минимизации ESG-рисков, включая экологические, социальные, управленческие и регуляторные, с учетом их междисциплинарного характера и способности проектировать организационную структуру управления исходя из трендов реформирования системы образования в целом.

Ключевые слова: управление высшим учебным заведением, ESG-трансформация систем управления, ESG-риски, ESG-зрелость, устойчивое развитие университета, цели устойчивого развития

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Марголин А. М., Вякина И. В. ESG-трансформация системы управления высшим учебным заведением // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2025. Т. 16. № 1. С. 26–42

EDN: <https://elibrary.ru/dvqqkg>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2025.16.1.26-42>

© Марголин А. М., Вякина И. В., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

ESG transformation of the university management system

Andrey M. Margolin¹, Irina V. Vyakina²

¹ Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA); Moscow, Russia

² Tver State Technical University; Tver, Russia

¹ margolin-am@ranepa.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2983-890X>

² ivyakina@yahoo.com, <http://orcid.org/0000-0003-1925-2286>

Abstract

Purpose: is to develop recommendations for ESG transformation of the university management system based on the diagnostics of the ESG maturity factors of higher education institutions and identification of ESG risks.

Methods: comprehensive consideration of environmental, social and management aspects in the context of general systems theory and the use of the interdisciplinary approach are key methodological features for research of the sustainable development concept and mechanisms of the management systems ESG transformation. The assessment of the sustainability of higher education institutions and the ESG maturity of their management systems was carried out using international and national rating systems that determine the level of compliance of university performance indicators with the achievement of sustainable development goals. For assessing the conditions and characteristics of the university's business processes, identifying ESG risks and developing recommendations for management system ESG transformation the authors used the process approach along with general scientific methods of research and visualization of information, SWOT analysis technologies.

Results: the diagnostics of ESG maturity factors of the management system of an educational institution of higher education and identification of ESG risks have performed. Taking into account the features of management systems in the field of higher education, recommendations for ESG transformation of management processes have proposed based on a typical process model of university management.

Conclusions and Relevance: ESG transformation of the management system in higher education today is not just following the ambitious goals of politicians or popular scientific trends, but one of the key factors of the university's competitiveness. The higher education institution ESG maturity, which determines the effectiveness of the management system ESG transformation, depends on the level of proficiency of the university administration representatives and all participants in the educational process in the relevant competencies, technologies for diagnostics, accounting and minimization of ESG risks, including environmental, social, managerial and regulatory, taking into account their interdisciplinary nature and the ability to design an organizational management structure based on the trends in reforming the education system as a whole.

Keywords: higher education institution management, ESG transformation of management systems, ESG risks, ESG maturity, sustainable development of the university, sustainable development goals

Conflict of Interest. The authors declare that there is no Conflict of Interest.

For citation: Margolin A. M., Vyakina I. V. ESG transformation of the university management system. *MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2025; 16(1):26–42. (In Russ.)

EDN: <https://elibrary.ru/dvqqkg>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2025.16.1.26-42>

© Margolin A. M., Vyakina I. V., 2025

Введение

Глобальный системный кризис, связанный с формированием нового миропорядка и трансформацией сложившейся системы экономических отношений, сопровождается кардинальной перестройкой принципов экономической и социально-политической организации общества. В системе государственного управления и реализации государствен-

ной политики акценты с максимизации темпов роста валового внутреннего продукта (ВВП) смещаются на обеспечение безопасности и повышение качества жизни нынешних и будущих поколений с учетом комплексного решения сложных экологических, социальных и экономических проблем (Environmental, Social, Governance – ESG¹), на защиту национальных стратегических интересов

¹ Прим. Авторы: Подробнее об этом см.: Chung R.K., Margolin A.M., Vyakina I.V. Theory and practice of ESG transformation of management systems // *Economic Policy*. 2023. Т. 18. № 2. С. 80–103. EDN: <https://elibrary.ru/gbytgu>. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2023-2-80-103>. Соответственно, в настоящей статье, под ESG-трансформацией системы управления университетом понимается создание особой культуры, ориентирующей всех участников образовательного процесса (абитуриенты, студенты, слушатели, аспиранты, профессорско-преподавательский состав, научные работники, административно-управленческий персонал) на решение сложных экономических, социальных и экологических проблем в комплексе на основе согласования их долгосрочных интересов.

и достижение технологической независимости Российской Федерации. В этих условиях, по мнению Г.Б. Клейнера, индивидуализм «должен уступить место коллективизму, направленному на обеспечение устойчивого пространственно-временного развития на базе принципов ESG» [1, с. 15].

Высшие учебные заведения (вузы) играют ключевую роль во внедрении и распространении принципов социальной ответственности, устойчивого развития, а также реализации ESG-практик как в управлении университетом, так и в преподавании, научных исследованиях, информационно-просветительской деятельности, направленной на реализацию Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., принятой Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций в 2015 г., и распространение ESG-повестки в рамках взаимодействия со школами, колледжами и техникумами и реализации совместных проектов с бизнесом и государственными учреждениями.

Сегодня университеты всего мира стремятся к улучшению своих позиций в многочисленных рейтингах в области устойчивого развития, активно демонстрируют свою приверженность реализации инициатив по достижению целей устойчивого развития ООН (далее – ЦУР). В мировой академической среде неуклонно растет количество исследований в области реализации ESG-повестки университетами. Однако на практике администрация вузов озабочена решением широкого круга текущих задач, обеспечением финансовой устойчивости и соблюдением обязательных требований, поэтому реального вовлечения университетов в эту актуальную долгосрочную повестку не наблюдается. Вузы нацелены скорее на демонстрацию выполнения критериев и показателей, используемых в международных рейтингах устойчивости университетов или в рамках аудита, проводимого независимыми агентствами; при этом практическая реализация ESG-принципов в системе управления образовательной организацией остается на периферии внимания. В то же время, важно понимать, что именно университеты в рамках подготовки управленческих кадров выступают в качестве примера организации системы управления и эффективной реализации ESG-принципов в своей деятельности. Поэтому ESG-трансформация систем управления современными университетами может рассматриваться в качестве необходимого (но, естественно, недостаточного) условия достижения ЦУР в целом.

Цель настоящего исследования заключается в формулировании рекомендаций, направленных на ESG-трансформацию системы управления учреждением высшего образования, на основе диагностики факторов ESG-зрелости (то есть сте-

пени соответствия логике ESG-трансформации) и идентификации ESG-рисков университета, характеризующих возможность потерь (финансовых, репутационных и др.) участников процесса трансформации.

Задачи исследования и соответствующие этапы его проведения включают:

- обоснование необходимости ESG-трансформации системы управления в высшей школе;
- диагностику факторов, определяющих эффективность ESG-трансформации системы управления образовательным учреждением высшего образования, и идентификацию ESG-рисков;
- разработку рекомендаций по ESG-трансформации процессов управления вузом.

Обзор литературы и исследований

Сегодня, по мнению академического сообщества всего мира, именно сфера высшего образования выступает в качестве основной среды распространения и реализации международных и национальных программ, направленных на достижение ЦУР ООН.

В зависимости от контекста, научные исследования, связанные с реализацией ЦУР в сфере высшего образования, можно объединить в следующие три группы.

1. Продвижение и распространение ESG повестки в ходе образовательной и научной деятельности:

- модификация учебных программ дисциплин и практик на основе интеграции в них ЦУР, разработка и реализация соответствующих программ дополнительного профессионального образования практического и просветительского характера, включение тематики устойчивого развития в проектную деятельность, научные, выпускные и курсовые работы студентов, участие в научных проектах, посвященных ESG-повестке, преподавателей и аспирантов и т.д. [2, 3];
- ESG-трансформация методов обучения и критическое осмысление образовательных технологий [4];
- формирование мотивации к продвижению ESG-повестки в среде педагогических работников и оценка уровня развития компетенций в сфере устойчивого развития среди преподавателей высших учебных заведений [5, 6];
- использование междисциплинарного подхода при изучении вопросов устойчивого развития, как в рамках содержания учебных курсов, так и путем сотрудничества между исследователями и преподавателями разных областей науки [7, 8].

2. Внедрение ESG принципов в процессы управления высшим учебным заведением:

- описание лучших практик и передового опыта ESG-трансформации в университетах [9];
- приверженность администрации вузов ESG-повестке, изменение организационной культуры и структуры управления в контексте ESG-трансформации [10];
- включение ESG-повестки в миссию, стратегические планы, программы и другие локальные документы вуза, медийная активность в области формирования имиджа и репутации в сфере достижения ЦУР, продвижение и позиционирование соответствующего контента на официальных веб-сайтах вузов и в социальных сетях [11];
- трансформация системы менеджмента и бухгалтерского учета образовательного учреждения высшего образования [12, 13].

3. Методология оценки ESG-зрелости университетов и участие вузов в рейтингах устойчивого развития с учетом факторов ESG:

- определение аналитических показателей и критериев, позволяющих оценить текущий уровень ESG-зрелости вузов в отношении соответствия управленческих решений, проектов и документов университета руководящим принципам Повестки дня на период до 2030 г. [14, 15];
- разработка индикаторов для оценки успешности внедрения ЦУР в практику управления университетом [16];
- раскрытие ESG-показателей в публичной нефинансовой отчетности университетов [17, 18];
- анализ эффективности использования рейтингов университетов на основе ESG-факторов как инструмента оценивания ESG-зрелости вузов [19, 20].

Стоит отметить, что вопросы практической реализации ESG-трансформации системы управления в образовательных учреждениях высшего образования различных стран гораздо чаще исследуются в зарубежных источниках. В опубликованных на настоящий момент российских исследованиях обобщение международных инициатив в данной области и наиболее подробный анализ публичной ESG-отчетности российских университетов содержится в работах А.А. Вахрушиной [17], а также в серии последующих статей и монографии автора [21].

Существующие аналитические инструменты диагностики факторов ESG-зрелости имеют схожие черты с точки зрения способов группировки критериев, показателей и индикаторов. Как правило, в отчетах по устойчивому развитию вузов ESG-зрелость или эффективность деятельности по реализации ЦУР оцениваются по 3-м ключевым аспектам: экологическому, социальному и управленческому. В работе [15] авторы выделяют

5 групп показателей: управление, академическая среда, окружающая среда, общественная деятельность и инновационная активность. При этом, как отмечается в работе С.Г. Татаринцевой и ее соавторов [19, с. 51], методология и критерии оценивания ESG-зрелости и позиция университета в ESG-рейтингах во многом зависят от выбора модели корпоративного управления. Отметим, что ряд исследователей, среди которых, например [22, 23], достаточно критично относятся к возможности использования рейтингов для принятия управленческих решений и обоснования на их основе конкретных мер по трансформации системы управления вузом, указывая на сильную зависимость позиции университета в рейтинге от используемой методологии, выбора критериев и субъективных предпочтений разработчиков.

Еще один контекст исследования ESG-трансформации процессов управления вузом в научной литературе связан с цифровизацией высшего образования [24, 11].

В российских библиографических базах и научных информационно-аналитических системах представлено достаточно большое количество публикаций, в которых использование аббревиатуры ESG применительно к тематике высшего образования связано с международной аккредитацией и оценкой качества образовательных программ с позиции Болонской системы. В данном случае аббревиатура ESG расшифровывается как European Standards and Guidelines (Стандарты и руководства для обеспечения качества образования в Европейском пространстве высшего образования). Это группа европейских стандартов, используемых для оценки качества высшего образования, применяемая в рамках Болонской системы. В таком контексте термин ESG упоминается в работах [25, 26]. На примере системы высшего образования Республики Беларусь О.В. Токарь [26] идентифицирует и оценивает риски ориентации системы управления в высшей школе на Болонские стандарты качества высшего образования. Так, по мнению автора, выстраивание политики управления в вузе на основе Болонских стандартов приводит к зависимости результатов аккредитации от иностранных структур и изменения иностранных стандартов образования, трансформации системы ценностей общества, росту миграции и утечке кадров, неэффективному использованию бюджетных средств, потере фундаментальности высшего образования и т.д. В этой связи в академическом сообществе все чаще звучат предложения о разработке новой международной системы стандартов, например, в рамках БРИКС.

В целом, нужно отметить, что круг вопросов, связанных с исследованием продвижения и распро-

странения ESG-принципов в рамках управления высшим учебным заведением, образовательной и научной деятельности университета, достаточно широкий. Огромное количество научных работ, посвященных внедрению ESG-повестки в систему управления высшей школой в российской и иностранной академической среде, и постоянное появление новых исследований в данной сфере свидетельствуют о высоком интересе научного сообщества к заявленной авторами тематике.

Материалы и методы

Систематизация и анализ контекста научных трудов, посвященных проблемам и опыту реализации ESG-принципов в университетах, позволили идентифицировать наиболее актуальные проблемы ESG-трансформации вузов, выявленные в российской и общемировой академической среде, и разделить работы на кластеры в зависимости от контекста исследования. В огромной массе работ, насчитывающей несколько тысяч публикаций по тематике реализации принципов устойчивого развития и ESG-трансформации в вузах, выбирались наиболее релевантные, актуальные или цитируемые исследования.

Важно подчеркнуть, что методология любых исследований, посвященных концепции устойчивого развития и механизмам ESG-трансформации систем управления, основана на использовании междисциплинарного подхода для комплексного рассмотрения экологических, социальных и управленческих аспектов в контексте общей теории систем.

Для качественного анализа, группировки и идентификации факторов внутренней и внешней среды, влияющих на процессы ESG-трансформации систем управления учебным заведением, выявления логических взаимосвязей между ними и агрегирования полученных результатов применялись общенаучные методы исследования, технологии составления SWOT-модели и графические методы визуализации информации.

Оценка ESG-зрелости системы управления образовательной организацией основана на двух различных подходах:

- 1) процессном – оценивается соответствие условий и характеристик бизнес-процессов университета государственным и другим внешним требованиям;
- 2) результативном – оценивается соответствие фактически достигнутых результатов управления образовательной организацией требова-

ниям заинтересованных сторон: государства, университета, работодателя, самого студента.

В работе исследованы различные модели оценки устойчивости развития вузов с учетом факторов ESG и инструменты оценки ESG-зрелости университетов на основе отслеживания позиции вуза в международных рейтингах университетов, среди которых: рейтинг UI Green Metric World University Ranking, рейтинг Times Higher Education Impact Ranking (THE-IR), рейтинг QS World University Rankings: Sustainability, система Sustainability Tracking, Assessment & Rating System (STARS) (система аудита показателей устойчивости в высшем образовании – AISHE) и другие международные и национальные рейтинги высших образовательных учреждений.

Результаты исследования

ESG-трансформации системы управления в высшей школе: проблемы и особенности

Применительно к сфере высшего образования ESG-трансформация систем управления заключается в эволюции принципов целеполагания, ценностей и управленческой этики на основе всестороннего учета социальных, экологических и экономических факторов функционирования вузов, согласования долгосрочных интересов государства, бизнеса и гражданского общества, предполагающего формирование ESG-компетенций (знаний, умений и навыков, необходимых для успешной реализации процесса ESG-трансформации) у всех участников образовательной деятельности. Очевидно, что такое согласование интересов практически нереально без формирования атмосферы доверия не только внутри самих вузов, но и между вузами и регулятором образовательных отношений. Характерно, что значимость атмосферы доверия часто недооценивается, хотя во многих исследованиях (см. например²) наглядно показано, что она способствует получению таких высоких результатов, которые заранее невозможно было даже предположить.

Образование – важная часть инфраструктуры устойчивого развития, его роль заключается в обеспечении «знаний и навыков, необходимых для содействия устойчивому развитию» и формирования мотивации к устойчивому образу жизни (ЦУР 4, задача 4.7). Речь идет о формировании ценностных и этических установок, стратегического и системного мышления, бережного отношения к окружающей и природной среде, навыков эффективной управленческой деятельности и эффективного управления ресурсами.

² Аузан А.А. Доверие как фактор и инструмент социально-экономического развития // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2021. № 1(761). URL: <http://council.gov.ru/media/files/9SKbz9PvGjZBTHsE8TX3QnAmD9N3b3cf.pdf> (дата обращения 09.01.2025)

Эти принципы заложены в перечне универсальных компетенций, которые являются обязательными для освоения и формируются у всех, получающих высшее образование. Все действующие на данный момент федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (ФГОС ВО 3++)³ и проекты федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования 4-го поколения (ФГОС ВО 4)⁴ содержат универсальные компетенции, формирующие системное мышление (УК-1 в ФГОС ВО 3++ и ФГОС ВО 4), способность создавать и поддерживать «безопасные условия жизнедеятельности для сохранения природной среды, обеспечения устойчивого развития общества» (УК-8 в ФГОС ВО 3++ и УК-6 в ФГОС ВО 4), «принимать обоснованные экономические и финансовые решения» (УК-9 в ФГОС ВО 3++ и УК-8 в ФГОС ВО 4).

Анализу барьеров для реализации ESG-принципов в управлении университетами посвящен целый ряд исследований. Например, в работах А.А. Вахрушиной [21] и бразильских авторов [9] к таким барьерам отнесены:

- нехватка специалистов, обладающих необходимыми ESG-компетенциями;
- отсутствие приверженности ESG-принципам и интереса к их реализации со стороны преподавателей и руководства;
- высокая интенсивность работы и загруженность научно-педагогических работников, недостаток свободного времени на освоение ESG-

компетенций и расширение знаний в области устойчивого развития;

- трудности встраивания дисциплин по устойчивому развитию в специализированные образовательные программы;
- изменчивость образовательной политики в области высшего образования;
- нехватка или ограниченность финансовых, кадровых и материальных ресурсов;
- консерватизм и сопротивление изменениям в академической среде;
- сложность организационной структуры и корпоративной культуры университета, невосприимчивой к изменениям;
- отсутствие объективных показателей, инструментов и отчетов для измерения прогресса в достижении ЦУР при реализации процессов ESG-трансформации;
- отсутствие государственных стимулов для мотивации достижения ЦУР.

За последние десятилетия в сфере высшего образования произошли количественные и структурные изменения численности студентов и преподавателей высшей школы, характеризующиеся следующими наиболее явно выраженными тенденциями.

1. Снижение численности и удельного веса обучающихся, получающих аттестат о среднем общем образовании среди выпускников школ (заканчивающих 11 классов) (рис. 1).

Составлено авторами по материалам: Приложение к Ежегоднику «Социально-экономические показатели Российской Федерации», 2024 // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13396> (дата обращения: 09.01.2025)

Рис. 1. Численность и удельный вес выпускников школ, оканчивающих 11 классов

Compiled by the authors based on the materials: Appendix to the Yearbook "Socio-Economic Indicators of the Russian Federation", 2024. Rosstat. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13396> (accessed: 09.01.2025) (In Russ.)

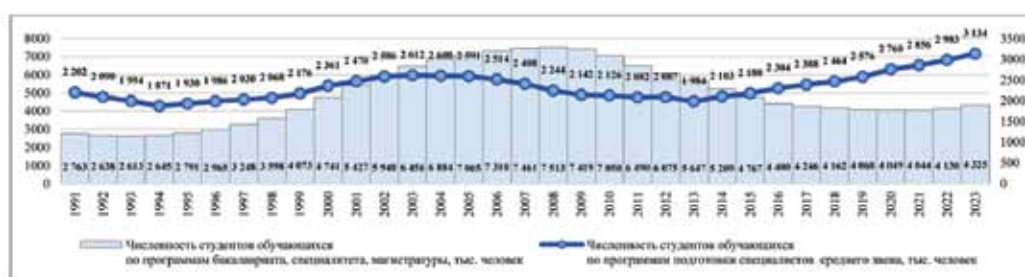
Fig. 1. The number and proportion of school graduates completing 11 grades

³Прим. Авторы: Пункт 3.2 во всех действующих ФГОС ВО 3++ по направлениям бакалавриата изменен с 01.09.2023 г. в соответствии с Приказом Минобрнауки России от 27.02.2023 г. № 208 «О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования». См. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406553423/> (дата обращения 09.01.2025)

⁴Прим. Авторы: Проекты ФГОС ВО 4 создаются на основании Макета, утвержденного Письмом Минобрнауки России № МН-5/169012 от 02.05.2023 г. См. URL: https://www.fgosvo.ru/uploadfiles/fgos4/Maket_FGOSVO_41.DOC (дата обращения 09.01.2025)

2. Снижение контингента студентов вузов и увеличение численности обучающихся, получающих среднее профессиональное образование (рис. 2).
3. Увеличение интенсивности труда преподавателей высших учебных заведений на фоне снижения их численности (рис. 3). В 2023 г., по данным

Росстата, на одного научно-педагогического работника вузов и научных организаций, осуществляющих образовательную деятельность по программам высшего образования, приходилось 20 студентов, в то время как в 1995 г. их было почти в два раза меньше (11 студентов на одного преподавателя высшей школы).

Составлено авторами по материалам: Приложение к Ежегоднику «Социально-экономические показатели Российской Федерации», 2024 // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13396> (дата обращения: 09.01.2025)

Рис. 2. Численность студентов, получающих высшее и среднее профессиональное образование

Compiled by the authors based on the materials: Appendix to the Yearbook "Socio-Economic Indicators of the Russian Federation", 2024. Rosstat. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13396> (accessed: 09.01.2025) (In Russ.)

Fig. 2. Number of students receiving higher and secondary vocational education

Составлено авторами по материалам: Приложение к Ежегоднику «Социально-экономические показатели Российской Федерации», 2024 // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13396> (дата обращения: 09.01.2025)

Рис. 3. Интенсивность работы и численность преподавателей высшей школы

Compiled by the authors based on the materials: Appendix to the Yearbook "Socio-Economic Indicators of the Russian Federation", 2024. Rosstat. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13396> (accessed: 09.01.2025) (In Russ.)

Fig. 3. Labor intensity and number of higher education teachers

4. Снижение эффективности выпуска из аспирантуры после периода активного роста числа защит (на протяжении 15-ти лет, с 1997 по 2013 гг., удельный вес защитивших диссертацию после выпуска из аспирантуры превышал 25%). Нужно отметить, что в 2022 г. набор в аспирантуру увеличился более чем в 1,6 раза, что, вероятно, может быть связано с желанием ряда поступивших использовать прием в аспирантуру как возможную отсрочку от службы в армии (рис. 4).

Наряду с перечисленными выше трендами происходят структурные сдвиги численности обучающихся и количества бюджетных мест в разрезе специальностей и направлений подготовки. В период пандемии увеличилось количество мест в медицинские вузы, финансируемых за счет бюджета и в рамках целевого приема; необходимость достижения технологического суверенитета и стремительная цифровизация обусловили увеличение бюджетных мест на технические и ИТ-специальности; для устранения дефицита

Составлено авторами по материалам: Приложение к Ежегоднику «Социально-экономические показатели Российской Федерации», 2024 // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13396> (дата обращения: 09.01.2025)

Рис. 4. Подготовка научных кадров в аспирантуре

Compiled by the authors based on the materials: Appendix to the Yearbook "Socio-Economic Indicators of the Russian Federation", 2024. Rosstat. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13396> (accessed: 09.01.2025) (In Russ.)

Fig. 4. Training of scientific personnel in postgraduate studies

учителей растет число финансируемых за счет бюджета мест на педагогические специальности.

Специфический характер системы управления высшим учебным заведением обусловлен особенностями государственной политики в сфере образования, нормативными требованиями к обеспечению качества учебного процесса, особенностями организации учебного процесса, научно-исследовательской деятельности и воспитательной работы в вузе, запросами абитуриентов, потребностями рынка труда и общественности. Между тем, в контексте становления системы ценностей и управленческой этики, направленных на достижение ЦУР, образование как «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения»⁵ занимает центральное место в формировании стратегического мышления и распространении принципов устойчивого развития в общественном сознании и академической среде. При этом надо учитывать, что конкурентоспособность вуза на рынке образовательных услуг определяется посредством обеспечения им более высокого качества и доступности образования и наличием конкурентных преимуществ. Она достигается при наличии трех условий: концентрация талантов, изобилие ресурсов и эффективное управление. На рис. 5 отражена логика представления ключевых факторов успеха университетов мирового класса, которые определяют конкурентоспособность высшего образовательного учреждения в условиях ESG-трансформации систем управления.

Представим внешние и внутренние факторы, определяющие эффективность ESG-трансформации

системы управления вузом, с помощью SWOT-анализа (табл. 1).

Проблема оценки факторов ESG-зрелости системы управления университетом заключается в сложности выбора и обоснования объективных критериев и показателей в сфере высшего образования и науки (как и в других творческих профессиях), поскольку результаты работы часто нельзя оценить количественными (прежде всего, финансовыми) показателями.

Оценка факторов и рисков ESG-зрелости систем управления

В ходе диагностики факторов ESG-зрелости системы управления высшим учебным заведением теоретическая концепция устойчивого развития преобразуется в измеримые показатели и критерии, необходимые для поддержки практических решений и дальнейших научных исследований в области оценки ESG-зрелости менеджмента в университетах.

На своих сайтах, помимо обязательной отчетности в соответствии с требованиями сферы высшего образования, современные вузы раскрывают в годовых отчетах и иной публичной отчетности нефинансовые данные, позволяющие оценить достижения в области реализации принципов устойчивого развития.

В настоящее время рейтинги устойчивого развития и ESG-рейтинги стали наиболее широко используемым инструментом оценки ESG-зрелости корпораций. Их появление обусловлено ростом

⁵ Статья 2. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174 (дата обращения: 09.01.2025)

Модифицировано авторами на основе: Салми Д. Создание университетов мирового класса. М.: Издательство «Весь Мир», 2009. Рис. 2. С. 8. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/pt/603581468328212328/pdf/476100PUB0REPL0Universities0Russian.pdf> (дата обращения: 09.01.2025)

Рис. 5. Ключевые факторы создания университетов мирового класса в условиях ESG-трансформации систем управления

Modified by the authors based on: Salmi D. The Challenge of Establishing the World Class Universities. The International Bank for Reconstruction and Development, The World Bank, 2009 (Russ. ed.: Salmi D. Creating World-Class Universities. Moscow: The Whole World Publ., 2009. Fig. 2. P. 8)

Fig. 5. Key factors in creating world-class universities in the context of management systems ESG transformation

интереса инвесторов к оценке имиджа компании с позиции достижения ею ЦУР и потребностью в конкретных критериях оценки деятельности компании и ее ориентации на устойчивое развитие. Глобальные и национальные ESG-рейтинги составляют как рейтинговые агентства, так и представители академической среды.

Американская Ассоциация по продвижению идей устойчивого развития в системе высшего образования (The Association for the Advancement of Sustainability in Higher Education – AASHE) в 2006 г. разработала систему отслеживания и оценки позиции университета в рейтингах устойчивости STARS (Sustainability Tracking, Assessment and Rating System).

Рейтинговое агентство (Round University Ranking, RUR) с 2010 г. публикует Рейтинг мировых университетов RUR⁶. Это первый международный рейтинг университетов, который начал составляться в России.

Консалтинговая организация в области образования и науки с Ближнего Востока, Центр мировых рейтингов университетов (Center for World University Rankings, CWUR), с 2012 г. представляет свой Мировой рейтинг университетов⁷. В настоящее время он включает около 21 тыс. университетов со всего мира.

Российский союз ректоров и Ассоциация составителей рейтингов (АСР) в 2021 г. представили рей-

⁶ World University Rankings // RUR. URL: <https://roundranking.com/ranking/world-university-rankings.html#world-2024> (дата обращения: 09.01.2025)

⁷ Global 2000 list by the center for World University Rankings // CWUR. URL: <https://cwur.org/2024.php> (дата обращения: 09.01.2025)

Таблица 1

SWOT-анализ факторов ESG-трансформации системы управления вузом

Table 1

SWOT analysis of ESG factors – university management systems transformation

	Влияние	
	Способствует ESG-трансформации систем управления вузом (+)	Препятствует ESG-трансформации систем управления вузом (-)
Внутренняя среда	<i>Сильные стороны</i> • Кадровый и интеллектуальный потенциал высшей школы, психологические особенности научно-педагогических работников, высокая мотивация к саморазвитию и самореализации, необходимость в постоянном обучении и повышении квалификации • Цифровая трансформация образовательной деятельности, повышение качества электронной образовательной среды, использование информационно-коммуникационных и дистанционных технологий обучения, рост цифровых навыков у обучающихся и преподавателей • Установление партнерских отношений со школами, учреждениями СПО, частными компаниями и государственными учреждениями для совместной работы по достижению ЦУР • Корпоративная культура, основанная на ценностях устойчивого развития	<i>Слабые стороны</i> • Формализм и концентрация на ограниченном числе отчетных показателей, сложности выбора показателей для адекватной оценки процессов ESG-трансформации • Нехватка специалистов, обладающих необходимыми ESG-компетенциями • Фокус на решении текущих проблем, прежде всего финансовых, в ущерб достижению долгосрочных целей ESG-трансформации • Высокая интенсивность работы научно-педагогических работников • Консерватизм, бюрократия и сопротивление изменениям в академической среде • Большие трудозатраты, связанные с разработкой новых образовательных программ, рабочих программ дисциплин и практик в связи с трансформацией системы высшего образования
Внешняя среда	<i>Возможности</i> • Реализация национальной стратегии обретения технологического суверенитета и политики импортозамещения • Согласованность логики и принципов ESG-трансформации с национальными приоритетами, целями национальных проектов и программ экологического воспитания населения • Возможности финансирования научных исследований в рамках ESG-повестки за счет грантов • Рост количества вузов, заинтересованных в раскрытии нефинансовой информации и участии в рейтингах устойчивого развития, повышение качества ESG-отчетности университетов • Использование лучших региональных практик достижения целей устойчивого развития в университетах • Включение показателей достижения ЦУР в оценку эффективности деятельности губернаторов, увеличивающее их заинтересованность в реализации ESG-повестки	<i>Угрозы</i> • Разрыв академических связей и ограничение доступа российских вузов к участию в международных проектах • Высокая степень неопределенности и изменчивости внешней среды, снижающая мотивацию к проведению трудоемкой ESG-трансформации системы управления вузом • Недостаточный для реализации долгосрочной стратегии ESG-трансформации системы управления уровень доверия не только внутри самих вузов, но и между вузами и регулятором образовательных отношений • Демографический кризис и тенденции изменения на рынке труда, часто «не вписывающиеся» в ESG-повестку

Разработано авторами.

Developed by the authors.

тинг «Три миссии университета»⁸. В 2024 г. в него вошли 2000 университетов из 112-ти стран, в том числе 152 участника из России. В 2024 г. составители рейтинга выпустили пилотный список лучших вузов стран БРИКС.

Помимо глобальных рейтингов вузов существуют внутрироссийские рейтинги, в которых ранжируются только отечественные вузы, без сравнения с иностранными. Среди них – национальный рейтинг университетов от группы компаний «Интерфакс» (пу-

бликуется с 2009 г.), рейтинг 100 лучших вузов России от Рейтингового агентства RAEX (публикуется с 2012 г.), «Лучшие российские вузы по версии Forbes», выпускаемый российской редакцией Forbes с 2018 г.

В табл. 3 представлено описание методологии наиболее распространенных международных рейтингов университетов в сфере устойчивого развития.

Однако авторы работ [22, 23] в ходе сравнения результатов выявили серьезные несоответствия в методологии разных рейтингов, дающие иска-

⁸ Московский международный рейтинг вузов «Три миссии университета» 2024 // MosIUR. URL: <https://mosiur.org/ranking/> (дата обращения: 09.01.2025)

Таблица 3

Международные системы оценки вузов в области устойчивого развития

Table 3

International systems for assessing universities in the field of sustainable development

	Рейтинг UI GreenMetric World University Ranking ⁹	Рейтинг Times Higher Education Impact Ranking (THE-IR) ¹⁰	Рейтинг QS World University Rankings: Sustainability ¹¹	Система Sustainability Tracking, Assessment & Rating System (STARS) ¹²
Год появления	2010	2019	2004	2006
Разработчик, страна	Университет Индонезии, Индонезия	Журнал Times Higher Education, Великобритания	Агентство Quacquarelli Symonds, Великобритания	Ассоциации содействия устойчивому развитию высшего образования (AASHE), США
Способ группировки показателей	6 категорий показателей: 1. обстановка и инфраструктура, 2. энергетика и изменение климата, 3. переработка отходов, 4. вода, 5. транспорт, 6. образование и исследования	17 групп показателей в разрезе достижения каждой из ЦУР ООН	3 группы показателей в разрезе воздействия ESG-факторов: 1. воздействие на окружающую среду, 2. социальное воздействие, 3. управление	Показатели группируются по 4-м категориям деятельности университета: 1. обучение и исследования, 2. информационно-пропагандистская деятельность и сотрудничество, 3. хозяйственная деятельность и управление имуществом, 4. планирование и администрирование
Охват	1477 вузов из 95-ти стран (2024)	2152 университета из 125-ти стран (2024)	Более 1500 вузов из 105-ти стран (2025)	1235 учреждений зарегистрировано в системе STARS, из них 1050 из США и Канады; в рейтинге 371 вуз из 19-ти стран, из них 331 из США и Канады (2024)

Составлено авторами по материалам: [21, с. 42].

Compiled by the authors on the materials in: [21, p. 42].

женное представление об уровне ESG-зрелости, подвергая сомнению возможность оценивания уровня ESG-зрелости вуза с помощью одинаково подходящего для всех университетов рейтинга. При этом также можно заметить тенденцию изменения состава вузов, участвующих в рейтингах устойчивого развития университетов, связанную с ростом числа менее популярных в медийном пространстве университетов и вузов из развивающихся стран при отсутствии ведущих университетов мирового класса. Можно предположить, что участие в рейтингах достижения ЦУР менее известных учреждений может рассматриваться как возможность улучшить свою репутацию за счет усилий по формальному достижению критериев устойчивости.

Представляется, что достижение ESG-зрелости вуза определяется не позицией университета в рейтингах устойчивого развития университетов, а качеством интеграции ESG-принципов в стратегическое управление университетом.

Предложения и рекомендации по ESG-трансформации систем управления университетом

В основе ESG-трансформации систем управления, с одной стороны, лежит формирование ESG-компетенций и продвижение ESG-повестки в академической среде и среди представителей руководства вузами, с другой стороны, учет ESG-рисков образовательной организации и адекватное управление ими.

⁹ UI GreenMetric World University Rankings 2024 // UI GreenMetric. URL: <https://greenmetric.ui.ac.id/rankings/overall-rankings-2024> (дата обращения: 09.01.2025)

¹⁰ University Impact Rankings 2024 // THE. URL: <https://www.timeshighereducation.com/impactrankings> (дата обращения: 09.01.2025)

¹¹ QS World University Rankings: Sustainability 2025. URL: <https://www.topuniversities.com/sustainability-rankings> (дата обращения: 09.01.2025)

¹² The Sustainability Tracking, Assessment & Rating System // STARS. URL: <https://reports.aashe.org/institutions/participants-and-reports/> (дата обращения: 09.01.2025)

Кластерный подход к формированию необходимых «ESG-компетенций» представлен в табл. 4 (подробнее об этом см.¹³).

ESG-риски образовательной организации в зависимости от источника возникновения можно разделить на риски природного характера, социальные, управленческие и регуляторные.

Риски природного характера связаны с долгосрочными изменениями климата, экстремальными ситуациями природного характера, загрязнением окружающей среды. Применительно к вузам такие риски имеют свою специфику. Она заключается в том, что, если в образовательных программах, тематике исследований аспирантов, публикациях и научных работах проблемам достижения ЦУР и ESG-трансформации систем управления не уделяется должного внимания, то их выпускники, преподаватели и научные работники не являются проводниками «культуры экологической безопасности», то есть «знаний и навыков, необходимых для содействия устойчивому развитию» (ЦУР 4, задача 4.7).

Социальные риски включают в себя нарушение трудовых норм, неадекватный уровень вознаграждения, недостаточный уровень безопасности, угрозы здоровью и благополучию работников, неравенство и дискриминацию всех видов. Весь-

ма существенны и демографические проблемы – так, по данным Росстата, за период с 1991 по 2023 гг. потенциальное количество абитуриентов вузов сократилось почти на 25%¹⁴. Неоднозначными с точки зрения диагностики рисков ESG-трансформации являются и современные тенденции на рынке труда¹⁵. С одной стороны, ESG-компетенции не входят в перечень наиболее востребованных, так называемых жестких и гибких управленческих навыков, а с другой стороны, повышается уровень требований к условиям труда, то есть к наличию определенного баланса между «E», «S» и «G».

К управленческим рискам относят коррупцию, неадекватную систему компенсации топ-менеджмента, нарушение деловой этики и правил коммуникации, манипулирование отчетностью, недостаточную защиту данных.

Регуляторные риски образовательной организации могут заключаться в изменениях государственных требований к качеству образования и правилам приема, трансформации государственной образовательной политики, в изменении ожиданий и предпочтений абитуриентов на рынке образовательных услуг, в переходе к новой системе образования в Российской Федерации.

Таблица 4

Кластеры «ESG-компетенций» управленческих кадров

Table 4

Clusters of "ESG competencies" of management personnel

Кластеры компетенций	Тренды развития кластеров компетенций
Ценности и этика	От культы текущего потребления к обеспечению безопасности и достижению целей устойчивого развития
Стратегическое мышление и междисциплинарные знания	От фокуса на максимизацию краткосрочных выгод к долгосрочным приоритетам и осознанию необходимости решения экономических, социальных и экологических проблем в комплексе
Коммуникации	От авторитарного менеджмента и избыточного администрирования к пониманию возрастающих требований к современному руководителю, развитию цифровых компетенций и корпоративной культуре, ориентированной на создание эффективных управленческих команд, разделяющих философию устойчивого развития
Навыки эффективной управленческой деятельности	От минимизации профессиональных рисков и боязни принятия решений к ответственности за бездействие к укреплению доверия между государством, бизнесом и гражданским обществом
Эффективное управление ресурсами	От расточительства к ресурсосбережению

Составлено авторами.

Compiled by the authors.

¹³ Марголин А.М. Развитие профессиональных компетенций управленческих кадров как необходимое условие обеспечения реального суверенитета // Государственная служба. 2024. № 4(150). С. 6–18. URL: <https://pa-journal.igsu.ru/articles/11181/> (дата обращения: 09.01.2025)

¹⁴ Приложение к Ежегоднику «Социально-экономические показатели Российской Федерации», 2024 // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13396> (дата обращения: 09.01.2025)

¹⁵ Названы главные тренды на рынке труда в 2024 году // РБК Life. 10.12.2024. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/6756f7f29a79478bffa245cb?ysclid=m6vt5h75sf350961050> (дата обращения: 08.02.2025)

Особенностями ESG-рисков является выраженный междисциплинарный характер и то, что они никогда не реализуются сами по себе – влияние на бизнес-процессы ESG-риски оказывают через реализацию классических рисков. При этом горизонт реализации ESG-рисков гораздо длиннее, чем у классических рисков.

ESG трансформация систем управления вузом подразумевает интеграцию учета ESG-рисков в процесс принятия решений и во все процессы управления образовательной организацией на стратегическом, операционном, программном и проектном уровнях с учетом бюджетирования.

Контуры процессной модели управления образовательным учреждением высшего образования, как правило, включают управление учебным процессом и воспитательной работой, научно-исследовательской, финансовой и административно-хозяйственной видами деятельности

Порядок интеграции управления ESG-рисками в процессы управления вузом включает следующие этапы:

- формирование общей стратегии ESG-трансформации системы управления вузом, отражающей принятую систему ценностей, установление риск-ориентированных целей и ключевых показателей их достижения;
- разработка функциональных стратегий (образовательной, исследовательской, финансовой и др.), не противоречащих общей стратегии ESG-трансформации системы управления и друг другу, и системы показателей, характеризующих степень достижения соответствующих им целей;
- обоснование механизмов достижения целей ESG-трансформации, включающих построение моделей необходимых процессов, содержащих входной и выходной критерии его эффективности (по сути, разность между значениями выходного и входного критериев характеризует так называемый «результативный разрыв», который и необходимо ликвидировать механизмами исполнения стратегии);
- диагностика, анализ и выбор методов учета ESG-рисков, которые могут быть как управляемыми вузом, так и неуправляемыми, их оценка и ранжирование в порядке убывания значимости влияния на результаты реализации стратегии ESG-трансформации системы управления вузом;
- обоснование механизмов управления рисками и формирование отчетности о результатах их применения;
- мониторинг, контроль и оценка эффективности управления рисками.

Для эффективной ESG-трансформации системы управления вузом необходимо усовершенствовать бизнес-процессы университета, протекающие в его структурных подразделениях. В качестве основы для оптимизации таких бизнес-процессов целесообразно использовать компетентностный подход. Он предполагает моделирование бизнес-процессов, модификацию организационно-управленческой структуры и распределение ответственности на основе компетенций.

Представляется логичным организовывать учебный процесс на основе распределения компетенций между учебными структурными подразделениями (кафедрами, деканатами) в соответствии с профессионально-компетентностным подходом. Применительно к образовательным программам такие компетенции могут быть системно встроены в перечень универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций, что позволит повысить квалификацию научно-педагогических работников и качество преподавания дисциплин, избежать дублирования образовательных программ и конкуренции между разными структурными подразделениями образовательной организации во время приемной кампании, организовать более фундаментальную и глубокую научную работу в рамках конкретной научной специализации.

Для административно-управленческого персонала необходимо предусмотреть адресное повышение квалификации, после прохождения которого необходимые ESG-компетенции станут частью соответствующих должностных инструкций.

Практическая реализация процесса ESG-трансформации вуза предполагает включение элементов управления ESG-рисками в действующие внутренние нормативные документы и локальные акты в виде соответствующих методик, чек-листов, разработанных по итогам анализа рисков, внесение изменений в положения о функционировании коллегиальных органов и структурных подразделений, должностные инструкции ключевых сотрудников, внутренние нормативные документы, описывающие процедуры управления основными процессами. В результате информация об ESG-рисках (в виде ключевых рискованных показателей) будет включена в управленческую отчетность и интегрирована в процесс принятия решений.

Выводы

Применительно к сфере высшего образования ESG-трансформация систем управления вузами заключается в эволюции принципов целеполагания, ценностей и управленческой этики на основе комплексного учета социальных, экологических и экономических факторов функционирования вузов, согласования долгосрочных интересов госу-

дарства, бизнеса и гражданского общества, предполагающего формирование ESG-компетенций у всех участников образовательной деятельности. Такое согласование интересов практически не реально без формирования атмосферы доверия не только внутри самих вузов, но и между вузами и регулятором образовательных отношений.

Реализация стратегий ESG-трансформации систем управления вузами сталкивается в настоящее время со сложностями как объективного, так и субъективного характера. К объективным сложностям, прежде всего, относятся высокая степень неопределенности и изменчивости внешней среды функционирования образовательных организаций, снижающая мотивацию к проведению трудоемкой ESG-трансформации системы, а также ограничение доступа российских вузов к участию в международных проектах устойчивого развития. Самим коллективам вузов зачастую не хватает ESG-компетенций, в силу самых разных причин они сфокусированы на решении текущих проблем, прежде всего, финансовых, в ущерб достижению долгосрочных целей ESG-трансформации. Сказывается и определенный консерватизм вузовской среды, предопределяющий сопротивление изменениям, пусть даже и назревшим. Причем даже продвижение вузов в рейтингах устойчивого развития далеко не всегда свидетельствует о высоком качестве интеграции ESG-принципов в стратегическое управление университетом, зачастую оно является лишь индикатором формального достижения установленных рейтинговыми агентствами критериев устойчивости.

Тем не менее, содержательное следование университетами ESG-повестке – это не прихоть регулятора или выражение амбиций отдельных исследователей, а веление времени. Уже в недалекой перспективе практическая значимость успешного проведения ESG-трансформации системы управления вузом найдет свое отражение в повышении его конкурентоспособности, конкретными индикаторами подтверждения которой станут устойчивая позитивная репутация, признание высокого качества образовательных программ и результатов научных исследований со стороны потенциальных заказчиков и работодателей, а также новые возможности получения адекватного бюджетного и внебюджетного финансирования.

Чтобы успешно провести ESG-трансформацию системы управления, вузам необходимо владеть технологиями диагностики, учета и минимизации ESG-рисков, включая экологические, социальные, управленческие и регуляторные. Для этого целесообразно учитывать междисциплинарный характер ESG-компетенций и проектировать организационную структуру управления исходя из современных трендов реформирования системы образования.

В целом, авторы настоящей статьи, содержащей рекомендации по ESG-трансформации систем управления вузом, надеются на то, что проделанная работа позволит обновить и дополнить методологию оценки ESG-зрелости вузов и учета ESG-рисков и послужит катализатором для будущих исследований.

Список литературы

1. Клейнер Г.Б. Системная парадигма как теоретическая основа стратегического управления экономикой в современных условиях // Управленческие науки. 2023. Т. 13. № 1. С. 6–19. EDN: <https://elibrary.ru/dkkpbt>. <https://doi.org/10.26794/2304-022X-2023-13-1-6-19>
2. Дмитриев С.М., Ивашкин Е.Г., Митяков С.Н., Мурашова Н.А. Новые инструменты модернизации университетского образования: внедрение принципов устойчивого развития // Инновации. 2023. № 6(296). С. 8–18. EDN: <https://www.elibrary.ru/inghgc>
3. Leal Filho W., Shiel C., Paço A., Mifsud M. et al. Sustainable development goals and sustainability teaching at universities: falling behind or getting ahead of the pack? // Journal of Cleaner Production. 2019. Vol. 232. P. 285–294. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.05.309>
4. Buerkle A., O'Dell A., Matharu H., Buerkle L., Ferreira P. Recommendations to align higher education teaching with the UN sustainability goals – a scoping survey // International Journal of Educational Research Open. 2023. Vol. 5. P. 100280. <https://doi.org/10.1016/j.ijedro.2023.100280>
5. Zhang G., Chen P., Xu S. Developing and validating a scale for measuring sustainable leadership development among teachers in Chinese higher education institutions // Journal of Cleaner Production. 2025. Vol. 486. P. 144403. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2024.144403>
6. Bui T.M.H., Bui D.T., Pham B.T. The role of higher education in achieving sustainable development goals: an evaluation of motivation and capacity of Vietnamese institutions // The International Journal of Management Education. 2024. Vol. 22. Iss. 3. P. 101088. <https://doi.org/10.1016/j.ijme.2024.101088>

7. *Fredman P.* Higher education based on cooperation and interdisciplinarity has a key role in a global sustainable development // *On the Horizon*. 2022. Vol. 31. Iss. 1. P. 42–46. <https://doi.org/10.1108/OTH-08-2022-0043>
8. *Cottafava D., Ascione G.S., Corazza L., Dhir A.* Sustainable development goals research in higher education institutions: an interdisciplinarity assessment through an entropy-based indicator // *Journal of Business Research*. 2022. Vol. 151. P. 138–155. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2022.06.050>
9. *Serafini P.G., de Moura J.M., de Almeida M.R., de Rezende J.F.D.* Sustainable development goals in higher education institutions: a systematic literature review // *Journal of Cleaner Production*. 2022. Vol. 370. P. 133473. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2022.133473>
10. *Blasco N., Brusca I., Labrador M.* Drivers for universities' contribution to the sustainable development goals: an analysis of Spanish public universities // *Sustainability*. 2021. Vol. 13. Iss. 1. P. 89. <https://doi.org/10.3390/su13010089>
11. *Carrillo-Duran M.V., Blanco Sanchez T., Garcia M.* University social responsibility and sustainability. How they work on the SDGs and how they communicate them on their websites // *Higher Education Quarterly*. 2024. Vol. 78. Iss. 3. P. 586–607. <https://doi.org/10.1111/hequ.12470>
12. *Frizon J.A., Eugenio T.* Recent developments on research in sustainability in higher education management and accounting areas // *The International Journal of Management Education*. 2022. Vol. 20. Iss. 3. P. 100709. <https://doi.org/10.1016/j.ijme.2022.100709>
13. *Abad-Segura E., González-Zamar M.D.* Sustainable economic development in higher education institutions: a global analysis within the SDGs framework // *Journal of Cleaner Production*. 2021. Vol. 294. P. 126133. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.126133>
14. *Griebeler J.S., Brandli L.L., Salvia A.L., Leal Filho W., Reginatto G.* Sustainable development goals: a framework for deploying indicators for higher education institutions // *International Journal of Sustainability in Higher Education*. 2022. Vol. 23. Iss. 4. P. 887–914. <https://doi.org/10.1108/IJSHE-03-2021-0088>
15. *Alghamdi N., Alexandra D.H., Hans J.* Assessment tools' indicators for sustainability in universities: an analytical overview // *International Journal of Sustainability in Higher Education*. 2017. Vol. 18. Iss. 1. P. 84–115. <https://doi.org/10.1108/IJSHE-04-2015-0071>
16. *Schlickmann A., de Lima E.P., Bortoluzzi S.C.* Assessment tools and performance indicators for HEI environmental and sustainable development education // In: *Integrating Social Responsibility and Sustainable Development* / Leal Filho W. (eds). 2021. P. 463–477. https://doi.org/10.1007/978-3-030-59975-1_31
17. *Вахрушина А.А.* Анализ публичных отчетов российских университетов в контексте ESG-повестки // *Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях*. 2023. № 18(570). С. 2–15. EDN: <https://elibrary.ru/ffnwam>. <https://doi.org/10.24891/ia.26.10.1076>
18. *Lakhno M.* Green or green-washed? Examining sustainability reporting in higher education // *Higher Education Quarterly*. 2024. Vol. 78. Iss. 3. P. 1099–1122. <https://doi.org/10.1111/hequ.12513>
19. *Татаринцева С.Г., Баранова Л.Г., Гейзер А.А.* Содержание этапов подготовки организации к участию в рейтингах устойчивого развития с учетом факторов ESG // *Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право*. 2022. № 4. С. 37–52. EDN: <https://www.elibrary.ru/jldgkt>. <https://doi.org/10.1016/10.26653/2076-4650-2022-4-04>
20. *De la Poza E., Merello P., Barbera A., Celani A.* Universities' reporting on SDGs: using the impact rankings to model and measure their contribution to sustainability // *Sustainability*. 2021. Vol. 13. Iss. 4. P. 2038. <https://doi.org/10.3390/su13042038>
21. *Вахрушина А.А.* Устойчивое развитие в сфере высшего образования: учетно-аналитический и образовательный контекст: монография. М.: ИНФРА-М, 2025. 242 с. EDN: <https://elibrary.ru/jyrkkg>. <https://doi.org/10.12737/2129775>
22. *Bautista-Puig N., Orduna-Malea E., Perez-Esparrells C.* Enhancing sustainable development goals or promoting universities? An analysis of the times higher education impact rankings // *International Journal of Sustainability in Higher Education*. 2022. Vol. 23. Iss. 8. P. 211–231. <https://doi.org/10.1108/IJSHE-07-2021-0309>
23. *Galleli B., Teles N.E.B., dos Santos J.A.R., Freitas-Martins M.S., Hourneaux Junior F.* Sustainability university rankings: a comparative analysis of UI green metric and the times higher education world university rankings // *International Journal of Sustainability in Higher Education*. 2022. Vol. 23. Iss. 2. P. 404–425. <https://doi.org/10.1108/IJSHE-12-2020-0475>
24. *Авраменко А.А., Елизарова Д.Н.* Научно-исследовательская деятельность студентов в условиях цифровой трансформации образования в интересах устойчивого развития // *Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право*. 2023. № 3. С. 8–24. EDN: <https://www.elibrary.ru/tmbyxd>. <https://doi.org/10.28995/2073-6304-2023-3-8-24>

25. Табишев Т.А. Аккредитация образовательной деятельности в аспекте международных стандартов гарантии качества // Education. Quality Assurance. 2020. № 1(18). С. 14–20. EDN: <https://elibrary.ru/rqjuxn>

26. Токарь О.В. Экспертная оценка качества стандартов ESG-ENQA // Эпоха науки. 2023. № 36. С. 74–85. EDN: <https://www.elibrary.ru/tvqqjb>

Статья поступила в редакцию 10.01.2025; одобрена после рецензирования 10.02.2025; принята к публикации 17.02.2025

Об авторах:

Марголин Андрей Маркович, доктор экономических наук, профессор; проректор; SPIN-код: 1156-4681, Scopus ID: 57205301323

Вякина Ирина Владимировна, доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой «Экономики и управления производством»; SPIN: 2205-6788, Researcher ID: G-6146-2016, Scopus ID: 56711983200

Вклад авторов:

Марголин А. М. – научное руководство; проведение критического анализа материалов и формирование выводов; подготовка начального варианта текста; развитие методологии; сбор данных и доказательств.

Вякина И. В. – перевод на английский язык; проведение критического анализа материалов и формирование выводов; подготовка начального варианта текста; развитие методологии; сбор данных и доказательств.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

References

1. Kleiner G.B. System paradigm as a theoretical basis for strategic economic management in modern conditions. *Management Sciences*. 2023; 13(1):6–19. EDN: <https://elibrary.ru/dkpbpt>. <https://doi.org/10.26794/2304-022X-2023-13-1-6-19> (In Russ.)
2. Dmitriev S.M., Ivashkin E.G., Mityakov S.N., Murashova N.A. Higher education modernization new instruments: sustainable development principles implementation. *Innovations*. 2023; (6(296)):8–18. EDN: <https://www.elibrary.ru/inghgc> (In Russ.)
3. Leal Filho W., Shiel C., Paço A., Mifsud M. et al. Sustainable development goals and sustainability teaching at universities: falling behind or getting ahead of the pack? *Journal of Cleaner Production*. 2019; 232:285–294. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.05.309> (In Eng.)
4. Buerkle A., O'Dell A., Matharu H., Buerkle L., Ferreira P. Recommendations to align higher education teaching with the UN sustainability goals – a scoping survey. *International Journal of Educational Research Open*. 2023; 5:100280. <https://doi.org/10.1016/j.ijedro.2023.100280> (In Eng.)
5. Zhang G., Chen P., Xu S. Developing and validating a scale for measuring sustainable leadership development among teachers in Chinese higher education institutions. *Journal of Cleaner Production*. 2025; 486:144403. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2024.144403> (In Eng.)
6. Bui T.M.H., Bui D.T., Pham B.T. The role of higher education in achieving sustainable development goals: an evaluation of motivation and capacity of Vietnamese institutions. *The International Journal of Management Education*. 2024; 22(3):101088. <https://doi.org/10.1016/j.ijme.2024.101088> (In Eng.)
7. Fredman P. Higher education based on cooperation and interdisciplinarity has a key role in a global sustainable development. *On the Horizon*. 2022; 31(1):42–46. <https://doi.org/10.1108/OTH-08-2022-0043> (In Eng.)
8. Cottafava D., Ascione G.S., Corazza L., Dhir A. Sustainable development goals research in higher education institutions: an interdisciplinarity assessment through an entropy-based indicator. *Journal of Business Research*. 2022; 151:138–155. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2022.06.050> (In Eng.)
9. Serafini P.G., de Moura J.M., de Almeida M.R., de Rezende J.F.D. Sustainable development goals in higher education institutions: a systematic literature review. *Journal of Cleaner Production*. 2022; 370:133473. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2022.133473> (In Eng.)
10. Blasco N., Brusca I., Labrador M. Drivers for universities' contribution to the sustainable development goals: an analysis of Spanish public universities. *Sustainability*. 2021; 13(1):89. <https://doi.org/10.3390/su13010089> (In Eng.)
11. Carrillo-Duran M.V., Blanco Sanchez T., Garcia M. University social responsibility and sustainability. How they work on the SDGS and how they communicate them on their websites. *Higher Education Quarterly*. 2024; 78(3):586–607. <https://doi.org/10.1111/hequ.12470> (In Eng.)

12. Frizon J.A., Eugenio T. Recent developments on research in sustainability in higher education management and accounting areas. *The International Journal of Management Education*. 2022; 20(3):100709. <https://doi.org/10.1016/j.ijme.2022.100709> (In Eng.)
13. Abad-Segura E., González-Zamar M.D. Sustainable economic development in higher education institutions: a global analysis within the SDGs framework. *Journal of Cleaner Production*. 2021; 294:126133. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.126133> (In Eng.)
14. Griebeler J.S., Brandli L.L., Salvia A.L., Leal Filho W., Reginatto G. Sustainable development goals: a framework for deploying indicators for higher education institutions. *International Journal of Sustainability in Higher Education*. 2022; 23(4):887–914. <https://doi.org/10.1108/IJSHE-03-2021-0088> (In Eng.)
15. Alghamdi N., Alexandra D.H., Hans J. Assessment tools' indicators for sustainability in universities: an analytical overview. *International Journal of Sustainability in Higher Education*. 2017; 18(1):84–115. <https://doi.org/10.1108/IJSHE-04-2015-0071> (In Eng.)
16. Schlickmann A., de Lima E.P., Bortoluzzi S.C. Assessment tools and performance indicators for HEI environmental and sustainable development education. In: *Integrating Social Responsibility and Sustainable Development*. Leal Filho W. (eds). 2021. P. 463–477. https://doi.org/10.1007/978-3-030-59975-1_31 (In Eng.)
17. Vakhrushina A.A. Analysis of public reports of Russian universities in the context of the ESG agenda. *Accounting in budgetary and non-profit organizations*. 2023; (18(570)):2–15. EDN: <https://elibrary.ru/ffnwam> (In Russ.)
18. Lakhno M. Green or green-washed? Examining sustainability reporting in higher education. *Higher Education Quarterly*. 2024; 78(3):1099–1122. <https://doi.org/10.1111/hequ.12513> (In Eng.)
19. Tatarintseva S.G., Baranova L.G., Geyser A.A. The content of the stages of preparing an organization for participation in the sustainable development rating, taking into account ESG factors. *Scientific Review. Series 1: Economics and Law*. 2022; (4):37–52. <https://www.elibrary.ru/jldgkt>. <https://doi.org/10.1016/10.26653/2076-4650-2022-4-04> (In Eng.)
20. De la Poza E., Merello P., Barbera A., Celani A. Universities' reporting on SDGs: using the impact rankings to model and measure their contribution to sustainability. *Sustainability*. 2021; 13(4):2038. <https://doi.org/10.3390/su13042038> (In Eng.)
21. Vakhrushina A.A. Sustainable development in higher education: accounting, analytical and educational context. Monograph. Moscow: INFRA-M, 2025. 242 p. EDN: <https://elibrary.ru/jyrkgg>. <https://doi.org/10.12737/2129775> (In Russ.)
22. Bautista-Puig N., Orduna-Malea E., Perez-Esparrells C. Enhancing sustainable development goals or promoting universities? An analysis of the times higher education impact rankings. *International Journal of Sustainability in Higher Education*. 2022; 23(8):211–231. <https://doi.org/10.1108/IJSHE-07-2021-0309> (In Eng.)
23. Galleli B., Teles N.E.B., dos Santos J.A.R., Freitas-Martins M.S., Hourneaux Junior F. Sustainability university rankings: a comparative analysis of UI green metric and the times higher education world university rankings. *International Journal of Sustainability in Higher Education*. 2022; 23(2):404–425. <https://doi.org/10.1108/IJSHE-12-2020-0475> (In Eng.)
24. Avramenko A.A., Elizarova D.N. Research activities of students in the context of digital transformation of education in the interests of sustainable development. *RGGU Bulletin. Series: Economics. Management. Law*. 2023; (3):8–24. EDN: <https://www.elibrary.ru/tmbyxd>. <https://doi.org/10.28995/2073-6304-2023-3-8-24> (In Russ.)
25. Tabishev T.A. Accreditation of educational activities in the aspect of international quality assurance standards. *Education. Quality Assurance*. 2020; (1(18)):14–20. EDN: <https://elibrary.ru/rqiuxn> (In Russ.)
26. Tokar O.V. Expert assessment of the quality of ESG-ENQA standards. 2023; (36):74–85. *Era of science*. EDN: <https://www.elibrary.ru/tvqqjb> (In Russ.)

The article was submitted 10.01.2025; approved after reviewing 10.02.2025; accepted for publication 17.02.2025

About the authors:

Andrey M. Margolin, Doctor of Economic Sciences, Professor; Vice Rector; SPIN: 1156-4681, Scopus ID: 57205301323

Irina V. Vyakina, Doctor of Economic Sciences, Head of the Department of Economics and Production Management; SPIN: 2205-6788, Researcher ID: G-6146-2016, Scopus ID: 56711983200

Contribution of the authors:

Margolin A. M. – scientific guidance; critical analysis of the materials and the formation of conclusions; preparation of the initial version of the text; development of the methodology; collection of data and evidence.

Vyakina I. V. – translation into English; critical analysis of the materials and the formation of conclusions; preparation of the initial version of the text; development of the methodology; collection of data and evidence.

All authors have read and approved the final manuscript.

Обзорная статья

УДК 338.48

JEL: Z32, Q01, R19

<https://doi.org/10.18184/2079-4665.2025.16.1.43-63>

Проблемы устойчивого развития туризма и устойчивого туризма в научных исследованиях: библиометрический обзор

Уткина Наталья Владимировна¹, Гамидуллаева Лейла Айваровна²

¹ Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязева (ИЭУП); Казань, Россия

² Пензенский государственный университет; Пенза, Россия

¹ natalya.utkina-pnz@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3803-1761>

² gamidullaeva@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-3042-7550>

Аннотация

Цель. Сформировать комплексное представление о закономерностях публикационной активности и направлениях научных исследований по проблемам устойчивого развития туризма и устойчивого туризма.

Методы. При проведении исследования использовались методы анализа и синтеза, системного подхода, методы библиометрического, статистического и контент-анализа литературных источников. Источником информации послужили базы данных Scopus и eLibrary. Глубина исследования охватывает период 2022–2023 гг. Для рассмотрения отдельных аналитических срезов глубина исследования увеличивалась до 1980-х годов.

Результаты работы. Выявлены закономерности публикационной активности по проблемам устойчивого развития туризма и устойчивого туризма по количеству публикаций по годам, в разрезе научных журналов, стран, научно-исследовательских организаций, авторов, ключевых слов и тематических групп. Показаны основные направления развития научной мысли по исследуемой проблематике. Особый акцент сделан на анализе публикаций российских ученых. Определены перспективные направления научных исследований по проблемам устойчивого развития туризма и устойчивого туризма.

Выводы. Проблемы устойчивого развития туризма и устойчивого туризма формируют научный интерес со стороны ученых многих стран мира. Исследования носят междисциплинарный характер. Их тематика разнообразна и обусловлена трансформацией представлений об устойчивом развитии и роли туризма в развитии человека, общества и государства. В страноведческом контексте фокус исследований сместился с развитых на развивающиеся страны. Значительный период времени актуальность сохраняют проблемы устойчивого развития туризма в сельских поселениях. Стабильный интерес формирует тема экотуризма. В последние годы важными становятся вопросы исследования устойчивости: как с позиции развития индустрии туризма, так и с позиции влияния туризма на развитие территорий. В качестве перспективных направлений исследований авторы выделяют вопросы человекоцентричности в туризме, изучение которых будет способствовать лучшему пониманию взаимозависимости между развитием туризма и человеческого капитала.

Ключевые слова: туризм, устойчивый туризм, устойчивое развитие, индустрия туризма, библиометрический обзор, анализ научной литературы

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Уткина Н. В., Гамидуллаева Л. А. Проблемы устойчивого развития туризма и устойчивого туризма в научных исследованиях: библиометрический обзор // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2025. Т. 16. № 1. С. 43–63

EDN: <https://elibrary.ru/eauunx>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2025.16.1.43-63>

© Уткина Н. В., Гамидуллаева Л. А., 2025

Review article

Problems of sustainable tourism development and sustainable tourism in scientific research: the bibliometric review

Natalia V. Utkina¹, Leyla A. Gamidullaeva²

¹ Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov; Kazan, Russia

² Penza State University; Penza, Russia

¹ natalya.utkina-pnz@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3803-1761>

² gamidullaeva@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-3042-7550>

Abstract

Purpose: is to form the comprehensive understanding of the patterns of publication activity and the directions of scientific research on the problems of sustainable tourism development and sustainable tourism.

Methods: the research used methods of analysis and synthesis, a systematic approach, methods of bibliometric, statistical and content analysis of literary sources. The source of information was the Scopus and eLibrary databases. The depth of the study covers the period 2022–2023. To consider individual analytical sections, the depth of the study increased until the 1980s.

Results: the patterns of publication activity on the problems of sustainable tourism development and sustainable tourism are revealed by the number of publications by year, in the context of scientific journals, countries, research organizations, authors, keywords and thematic groups. The main directions of the development of scientific thought on the studied problem are shown. Special emphasis is placed on the analysis of publications by Russian scientists. Promising areas of scientific research on the problems of sustainable tourism development and sustainable tourism have been identified.

Conclusions and Relevance: the problems of sustainable tourism development and sustainable tourism are generating scientific interest from scientists from many countries of the world. The research is interdisciplinary in nature. Their topics are diverse and conditioned by the transformation of ideas about sustainable development and the role of tourism in the development of man, society and the state. In the context of regional studies, the focus of research has shifted from developed to developing countries. For a considerable period of time, the problems of sustainable tourism development in rural settlements remain relevant. The theme of ecotourism forms a stable interest. In recent years, the issues of sustainability research have become important: both from the point of view of the development of the tourism industry and from the point of view of the influence of tourism on the development of territories. As promising areas of research, the authors highlight the issues of human centrality in tourism, the study of which will contribute to a better understanding of the interdependence between the development of tourism and of human capital.

Keywords: tourism, sustainable tourism, sustainable development, tourism industry, bibliometric review, scientific literature analysis

Conflict of Interest. The authors declare that there is no Conflict of Interest.

For citation: Utkina N. V., Gamidullaeva L. A. Problems of sustainable tourism development and sustainable tourism in scientific research: the bibliometric review. *MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2025; 16(1):43–63. (In Russ.)

EDN: <https://elibrary.ru/eauunx>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2025.16.1.43-63>

© Utkina N. V., Gamidullaeva L. A., 2025

Введение

Интерес к проблематике устойчивого развития туризма и устойчивого туризма постоянно растет. На это влияет несколько факторов. Во-первых, глобальные изменения в экономике и обществе, связанные с трансформацией общественных укладов, усилением внимания к социальным и экологическим задачам со стороны научного сообщества, общественности и политических структур. Во-вторых, возрастание общего понимания важности развития туризма как межотраслевого комплекса, целенаправленное управление которым позволяет получить мультипликативные эффекты.

Однако туризм представляет собой многоаспектное явление. Он оказывает воздействие на экономику, природу, антропогенную среду, местное население посещаемых туристами территорий, а также на самих туристов. Грамотное управление этой сферой хозяйственной деятельности позволяет обеспечивать устойчивое развитие как государства в целом, так и его отдельных административно-территориальных единиц – регионов. Особенно актуально развитие туризма для несырьевых регионов и регионов, социально-экономическое положение которых в значительной степени зависит от государственной финансовой поддержки.

Переосмысление роли туризма как инструмента устойчивого развития территориальными социально-экономическими системами привело к формированию концепции устойчивого туризма¹. Следует отметить, что устойчивое развитие туризма и устойчивый туризм – это два взаимосвязанных, но различных концептуальных подхода к организации деятельности в сфере туризма. Устойчивое развитие туризма можно рассматривать как стратегическую рамку для обеспечения долгосрочной устойчивости всего межотраслевого комплекса, тогда как устойчивый туризм представляет собой конкретные управленческие практики, которые помогают реализовать эти цели.

Концепция устойчивого туризма в последние годы привлекает все больший интерес научного сообщества, в том числе благодаря распространению идей глобального устойчивого развития, разработке и внедрению практических механизмов достижения 17-ти ЦУР² (устойчивый туризм прямо указан как инструмент достижения трех глобальных целей устойчивого развития: ЦУР 8³, ЦУР 12⁴, ЦУР 14⁵). При этом, согласно экспертным оценкам [1], управление туризмом на принципах устойчивого развития оказывает воздействие на достижение всех 17-ти ЦУР. Учитывая, что устойчивый туризм – многоплановый вид деятельности, Генеральная ассамблея Организации Объединенных наций провозгласила 2027 г. Международным годом устойчивого и жизнестойкого туризма⁶.

Исследуемая проблематика актуальна и для Российской Федерации, где туризм развивается с учетом геополитических факторов и задач внутренней политики. В последние годы внимание государства к этой сфере хозяйственной деятельности значительно возросло. В 2021 г. введен в действие национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства», в основу которого заложена национальная цель «Возможности для самореализации и разви-

тия талантов»⁷, что говорит о восприятии туризма руководством страны как средства приращения экономических выгод и формирования высококачественного человеческого капитала.

Таким образом, важным представляется изучение современного проблемного поля исследований по вопросам устойчивого развития туризма и устойчивого туризма посредством анализа научных публикаций в разрезе глобального и российского научного пространства.

Целью настоящего исследования является формирование комплексного представления о закономерностях публикационной активности и направлениях научных исследований по проблемам устойчивого развития туризма и устойчивого туризма.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- проанализировать динамику публикационной активности по проблемам устойчивого развития туризма и устойчивого туризма в мировом и российском контекстах;
- выявить закономерности публикационной активности в разрезе научных изданий, стран, научно-исследовательских организаций и научных центров, авторов, ключевых слов и тематических групп;
- определить актуальные и перспективные направления научных исследований по проблемам устойчивого развития туризма и устойчивого туризма.

Проведение библиометрического обзора позволит систематизировать все многообразие научных исследований и дать внешнюю оценку современного состояния дел в теории и практике устойчивого развития туризма и устойчивого туризма.

¹ Устойчивый туризм // Отдел по целям в области устойчивого развития Департамента по экономическим и социальным вопросам Организации объединенных наций. URL: <https://sdgs.un.org/ru/topics/sustainable-tourism> (дата обращения: 10.07.2024)

² Цели в области устойчивого развития // Организация объединенных наций. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/> (дата обращения: 10.07.2024)

³ Цель 8: Содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех // Организация объединенных наций. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/economic-growth/> (дата обращения: 10.07.2024)

⁴ Цель 12: Обеспечение перехода к рациональным моделям потребления и производства. // Организация объединенных наций. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-consumption-production/> (дата обращения: 10.07.2024)

⁵ Цель 14: Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/oceans/> (дата обращения: 10.07.2024)

⁶ Генассамблея провозгласила 2027 год Международным годом устойчивого туризма. // Организация объединенных наций. URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/02/1449862> (дата обращения: 10.07.2024)

⁷ Национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства». // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/turizm/nacionalnyy_proekt_turizm_i_industriya_gostepriimstva/ (дата обращения: 10.07.2024)

Обзор литературы и исследований

Проблемы устойчивого развития туризма и устойчивого туризма формируют интерес ученых в разрезе нескольких направлений. Все многообразие существующих научных исследований условно можно классифицировать следующим образом:

- по признаку целевой направленности – концептуальные (или теоретические) и практико-ориентированные исследования;
- по масштабу объекта исследования (при использовании системного подхода) – исследование систем макроуровня, мезоуровня, микроуровня;
- по географическому критерию – исследования по изучению проблем устойчивого развития туризма и устойчивого туризма в отдельных территориальных социально-экономических системах, выделенных на основе географического районирования, включая работы с результатами сравнительного анализа нескольких объектов исследования в рамках единого уровня районирования;
- по тематическому критерию – исследования, раскрывающие экономические, социальные, культурные, экологические, правовые и политические аспекты.

В последнем случае существующий массив научных исследований по проблемам устойчивого развития туризма и устойчивого туризма также можно разделить по отраслям наук: экономические науки, науки о Земле, социологические науки, культурология, психология, юридические науки и проч. Однако в силу многосоставной сущности туризма большинство научных работ, как правило, имеет междисциплинарный характер. В качестве примеров можно привести работы, изучающие вопросы воздействия туризма на окружающую среду, а также влияния состояния окружающей среды на туризм [2–6]. Кроме того, это публикации, освещающие социальные и культурные аспекты устойчивого туризма, затрагивающие темы сохранения объектов культурного наследия, этнокультурной самобытности и территориальной идентичности средствами туризма, вовлечения местных жителей в туристскую деятельность и формирования у них гостеприимного отношения к туристам [7–11]. Еще одно направление междисциплинарных исследований связано с политикой и управлением. В частности, достаточно большое количество публикаций современных ученых посвящено оценке эффективности стратегий и инициатив по устойчивому развитию туризма, вопросам государственного регулирования туризма [12–15].

Обзор научных публикаций 2022–2023 гг. показал наличие научного интереса и российских, и зарубежных ученых к вопросам влияния пандемии

COVID-19 на туризм [2, 16–19], а также к изучению экономических аспектов функционирования индустрии туризма в современных условиях хозяйствования (новые модели бизнес-устойчивости и конкурентоспособности в туризме, финансирование устойчивых туристских проектов, влияние геополитических рисков на туризм и прочие темы) [6, 10, 19–25].

Отдельное направление работ ученых по исследуемой тематике связано с изучением различных форм и видов туризма, развитие которых способствует достижению целей устойчивого развития на глобальном и национальном уровнях. В частности, значительный массив научных публикаций посвящен культурному [8, 26–28], экологическому [29–32], сельскому туризму [15, 33–35]. Возрос интерес ученых к проблемам арктического туризма [30, 36–38].

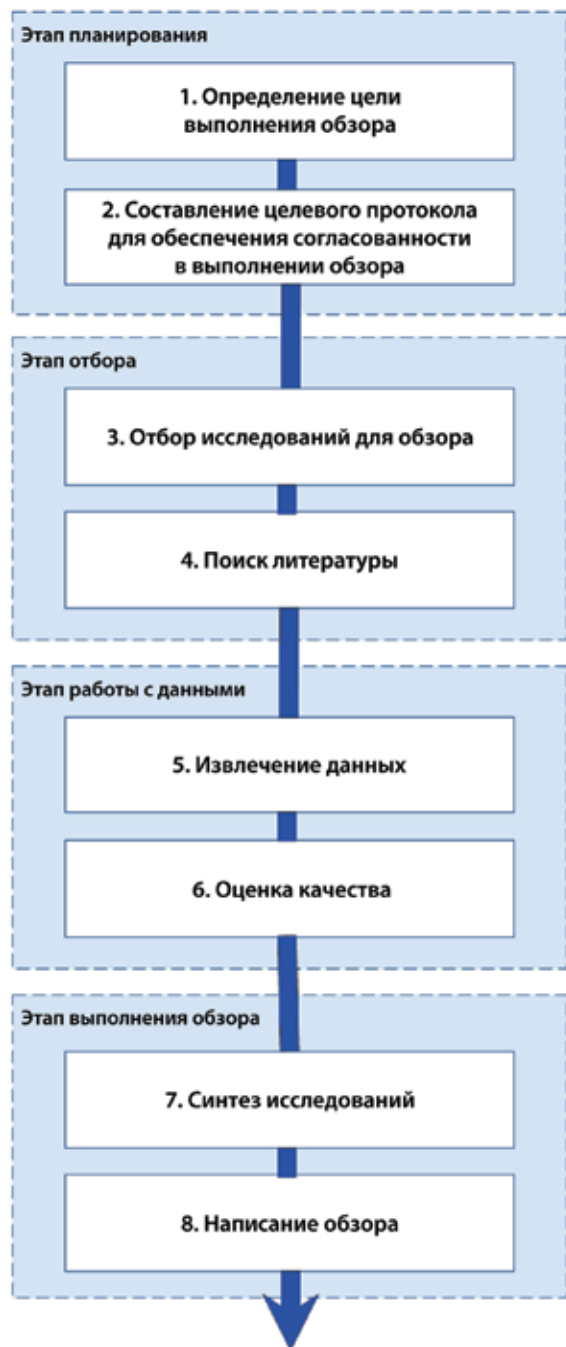
Выделенные направления в совокупности позволяют оценить широту взглядов современных исследователей на проблему устойчивого развития туризма и устойчивого туризма, оценить глубину взаимосвязи туризма и устойчивого развития. С другой стороны, столь разнообразный характер направлений исследований обуславливает необходимость сквозной систематизации существующих публикаций по указанной тематике.

Материалы и методы

При проведении исследования применялась методика систематического библиометрического обзора, основанная на выполнении ряда последовательных этапов (рис. 1) [39]. Выбор указанной методики обусловлен ее универсальностью, логичностью и простотой использования.

В качестве методической основы исследования использовались методы библиометрического, статистического и контент-анализа литературных источников. Для проведения анализа применялись современные компьютерные средства и инструменты исследовательской аналитики (MS Excel, пакет *bibliometrix* в среде R), а также общенаучные методы исследования: анализ, синтез, сравнение, системный подход.

Анализ литературных источников проводился за период 2022–2023 гг. с целью выявления, сопоставления и интерпретации количественных и качественных характеристик текущей публикационной активности зарубежных и российских ученых. Для рассмотрения отдельных аналитических срезов глубина исследования увеличивалась до 1980-х гг. Предметом исследования послужили выборки англоязычных публикаций из базы данных Scopus по тематике «устойчивый туризм». Также по указанной тематике анализировались научные работы на русском языке, представ-

Составлено авторами на основе материала работы С. Okoli [39]

Рис. 1. Схема процесса проведения систематического библиометрического обзора

Compiled by the authors based on the material of the article of C. Okoli [39]

Fig. 1. The scheme of the process of conducting the systematic bibliometric review

ленные на сайте eLibrary.ru (РИНЦ). Кластеризация публикаций по различным признакам в совокупности с анализом взаимосвязей цитируемости отдельных работ способствуют глубокому осмыслению текущего состояния научно-исследовательского пространства по проблемам устойчивого развития туризма и устойчивого туризма, выделению наиболее перспективных направлений для дальнейшей работы.

Результаты исследования

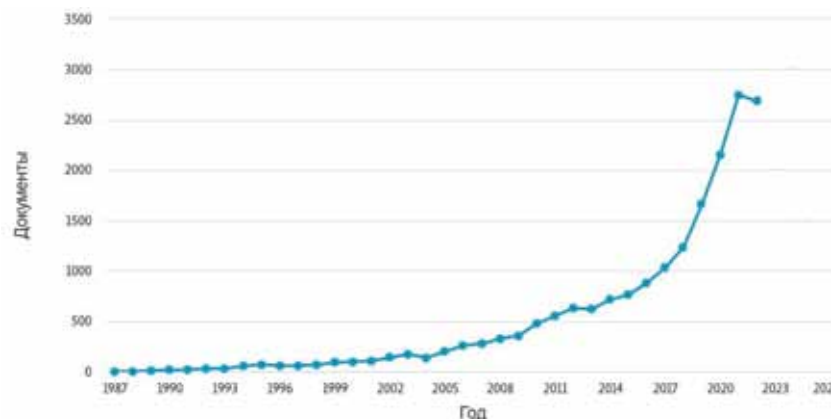
По результатам поиска публикаций по базе данных Scopus по ключевому словосочетанию «устойчивый туризм» (sustainable AND tourism) было выявлено, что проблемное поле по указанной тематике стало формироваться в конце 1980-х гг. (рис. 2).

В 1990-х гг. в международном туристском сообществе появилась концепция устойчивого туризма, которая рассматривалась как новый подход развития туризма, являющийся альтернативой традиционному массовому туризму [40, 41]. В этот же период стала активно обсуждаться тема развития туризма в сельской местности в контексте поддержки местных сообществ и сохранения окружающей среды [42, 43]. В 1993 г. Биллом Брэмуэллом и Бернардом Лейном основан научный журнал об устойчивом туризме («Journal of Sustainable Tourism»), что благоприятно сказалось на формировании и расширении базы знаний о взаимосвязи устойчивого развития и туризма⁸. В 1994 г. указанные авторы ввели термин «устойчивый туризм», под которым понималась модель экономического развития, предназначенная для повышения качества жизни местных сообществ, поддержки туристического опыта в туристических направлениях и сохранения окружающей среды принимающих территорий [44]. В 1997 г. была опубликована «Повестка дня на XXI век для индустрии путешествий и туризма», в рамках которой Всемирная туристская организация (UNWTO) сформулировала понятие устойчивого туризма и его основные принципы. В соответствии с документом, устойчивый туризм – это «управление всеми ресурсами без нанесения им ущерба и обеспечения их возобновления с такой же скоростью, с какой они использовались, таким образом, чтобы социальные и эстетические потребности могли быть удовлетворены при соблюдении культурной интеграции, основных экологических процессов, биологического разнообразия и систем жизнеобеспечения»⁹.

Отметим, что в 1980–2000 гг. наиболее активными направлениями научных исследований по

⁸Прим. Авторы: В 2024 г. импакт-фактор журнала составил 9,0; Индекс Хирша – 127; журнал имеет квартиль Q1. Источник: Journal of Sustainable Tourism. URL: <https://www.tandfonline.com/journals/rsus20> (дата обращения: 10.07.2024).

⁹Agenda 21 for the travel and tourism industry // UN Tourism Elibrary. URL: <https://www.e-unwto.org/doi/book/10.18111/9789284403714> (дата обращения: 10.07.2024)

Составлено авторами по данным Scopus. URL: <https://scopus.com> (дата обращения: 01.06.2024)

Рис. 2. Динамика публикационной активности (количество публикаций по годам) по тематике «устойчивый туризм» за период 1987–2022 гг.

Compiled by the authors according to the Scopus data. URL: <https://scopus.com> (accessed: 01.06.2024)

Fig. 2. Dynamics of publication activity (number of publications by year) on the topic of «sustainable tourism» for the period 1987–2022

тематике «устойчивый туризм» были вопросы развития сельского туризма и экотуризма. Эмпирической базой здесь, как правило, выступали развитые страны. Особый акцент в исследованиях был сделан на изучении и наращивании потенциала местных сообществ, роли местных органов власти в устойчивом развитии туризма на локальных территориях. С 2000-х гг. проблемное поле расширилось за счет роста интереса ученых к развивающимся странам, а также усиления внимания к отдельным видам и формам туризма. В 2002 г. на Всемирной встрече по устойчивому развитию в Йоханнесбурге было рекомендовано поощрять устойчивое развитие туризма, включая непотребительский и экотуризм¹⁰. В 2004 г. Всемирная туристская организация (UNWTO) сформулировала концепцию устойчивого развития туризма, основными тезисы которой гласят: «Нормы и практику управления устойчивым развитием туризма можно применять ко всем видам туризма и ко всем типам направлений, включая массовый туризм и различные ниши туристических сегментов». Этот же тезис представлен в докладе «Навстречу «зеленой» эко-

номике: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности»¹¹. На глобальном уровне переход к понятию «устойчивый туризм» произошел в 2010 г., когда был создан Глобальный Совет по устойчивому туризму¹².

Анализ динамики публикационной активности (см. рис. 2) показал, что научный интерес к проблемам устойчивого развития туризма и устойчивого туризма медленно рос с 1990 по 2009 гг. Значительное увеличение количества публикаций наблюдается с 2010 г., что связано с глобальным распространением целей устойчивого развития, разработкой механизмов их практической реализации и оценки результативности внедрения, применения в деятельности органов государственной власти, на предприятиях индустрии туризма, некоммерческом секторе.

Проведенный анализ также показал отрицательный темп роста количества публикаций в 2020–2022 гг., что говорит о некотором снижении интереса ученых к тематике «устойчивый туризм» за исследуемый временной период. Возможно,

¹⁰ Резолюция 2. План выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию (Йоханнесбургский план выполнения решений). // Организация объединенных наций. URL: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/plan_wssd.pdf (дата обращения: 10.07.2024)

¹¹ Tourism in the Green Economy: Background Report // United Nations Environment Programme (UNEP) and World Tourism Organization (UNWTO), 2012. URL: https://www.researchgate.net/publication/274138138_Tourism_in_the_Green_Economy_Background_Report_Copyright_C_2012_United_Nations_Environment_Programme_UNEP_and_World_Tourism_Organization_UNWTO_ISBN_978-92-807-3143-9 (дата обращения: 10.07.2024)

¹² History of GSTC // Global Sustainable Tourism Council (GSTC). URL: <https://www.gstccouncil.org/about/gstc-history/> (дата обращения: 10.07.2024)

это вызвано тем, что количество публикаций по проблемам устойчивого развития туризма и устойчивого туризма за последние несколько лет набрало некую «критическую массу», в том числе из-за публикационной активности в 2019–2020 гг., как реакция на осмысление значимых для индустрии туризма негативных последствий пандемии COVID-19.

Одним из главных выводов по результатам проведенного количественного анализа можно считать то, что в целом в международном пространстве достаточно много научных публикаций по тематике «устойчивый туризм», что говорит о значительном интересе к проблемам устойчивого развития туризма и устойчивого туризма. Поиск в базе данных Scopus по ключевому словосочетанию «устойчивый туризм» (sustainable AND tourism) за период 2022–2023 гг. показал наличие 2000 публикаций, из которых 1899 научных статей, 15 книг и 86 обзоров (табл. 1).

Наибольшее количество научных статей было издано в журналах «Sustainability (Switzerland)» (301 публикация) и «Journal of Sustainable Tourism» (119 публикаций). Лидерами по количеству публикаций по тематике «устойчивый туризм» также стали такие издания как: «Land», «International Journal of Environmental Research and Public Health», «Environment, Development and Sustainability» (табл. 2).

Анализ географии публикаций по тематике «устойчивый туризм», имеющихся в базе данных Scopus и изданных за период 2022–2023 гг., подтверждает глобальный интерес ученых к проблемам устойчивого туризма. В настоящее время лидером по частоте публикаций является Китай (1084 публикации). Далее с большим отрывом следуют Испания (294 публикации), Италия (221 публикация) и США (221 публикация). ТОП-10 стран в рейтинге публикационной активности по тематике «устойчивый туризм» за период 2022–2023 гг. представлен на рис. 3.

Лидерство Китая в издании публикаций по тематике «устойчивый туризм» можно объяснить влиянием следующих факторов: а) рост объемов национального туризма; б) активная вовлеченность органов государственной власти в развитие сферы туризма (туризм – инструмент внутренней и внешней политики); в) государственное финансирование научных исследований в области туризма [45, 46]. При этом основное внимание как в академической среде, так и на практике уделяется проблемам сельского туризма, поскольку его развитие двояко влияет на сохранение нематериальной сельской культуры Китая: с одной стороны, он способствует росту занятости в сельской местности, а с другой – приводит к формированию коммерциализиро-

Таблица 1

Основные количественные показатели библиометрического анализа литературных источников по тематике «устойчивый туризм», опубликованных за период 2022–2023 гг. (Scopus)

Table 1

The main quantitative indicators of bibliometric analysis literature sources on the topic of «sustainable tourism», published for the period 2022–2023 (Scopus)

Показатели	Результаты по БД Scopus
Количество публикаций, из них:	2000
статьи	1899
книги	15
обзоры	86
Среднее количество цитирований одной публикации	1,887
Количество источников (журналы, книги, материалы конференций и т.д.)	530
Число авторов публикаций	5688

Составлено авторами.

Compiled by the authors.

Таблица 2

ТОП-10 изданий, опубликовавших научные статьи по тематике «устойчивый туризм» за период 2022–2023 гг. (Scopus)

Table 2

TOP-10 publications that published scientific articles on the topic of «sustainable tourism» for the period 2022–2023 (Scopus)

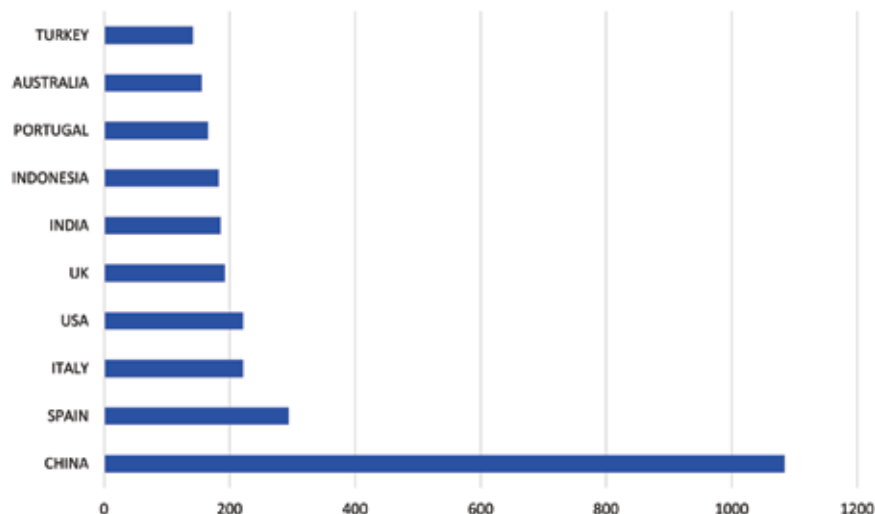
Название издания (журнала, книги и пр.)	Количество статей
Sustainability (Switzerland)	301
Journal of Sustainable Tourism	119
Land	53
International Journal of Environmental Research and Public Health	43
Environment, Development and Sustainability	40
Worldwide Hospitality and Tourism Themes	34
Current Issues in Tourism	33
GeoJournal of Tourism and Geosites	31
Environmental Science and Pollution Research	30
Tourism Review	30

Составлено авторами.

Compiled by the authors.

ванного местного сообщества и изменению традиционных ценностей [15, 33, 47].

Следует отметить, что сельский туризм – актуальная тема исследований не только для ученых из

Составлено авторами по данным Scopus. URL: <https://scopus.com> (дата обращения: 01.06.2024)

Рис. 3. ТОП-10 стран в рейтинге публикационной активности (по частоте публикаций) по тематике «устойчивый туризм» за период 2022–2023 гг. (Scopus)

Compiled by the authors according to the Scopus data. URL: <https://scopus.com> (accessed: 01.06.2024)

Fig. 3. The TOP-10 countries in the ranking of publication activity (by frequency of publications) on the topic of «sustainable tourism» for the period 2022–2023 (Scopus)

Китая. Вопросы развития сельского туризма поднимаются учеными многих стран мира, где есть проблемы сокращения численности жителей сельских поселений, где сельское население сталкивается с экономическими трудностями.

Усиление научного интереса к теме сельского туризма связано с ростом микромобильности и качественными изменениями в спросе современных туристов, обусловленным формированием желания проводить свой отдых за городом в условиях природной среды. Если первоначально сельский туризм рассматривался как инструмент диверсификации экономики сельских поселений, позволяющий компенсировать снижение доходов от сельскохозяйственного сектора, то сейчас деятельность в этой сфере превращается в сложный и многогранный бизнес, развивающий смежные отрасли – виноделие, животноводство, производство локальных продуктов питания, оказание услуг общественного питания, изготовление и продажа изделий народных художественных промыслов и ремесел. Кроме того, сельский туризм взаимосвязан с экотуризмом, поскольку затрагивает экологические аспекты устойчивого развития сельских поселений. Сохранение природы и культурного наследия, улучшение экономики и качества жизни местных жителей, удовлетворенность туристов отдыхом на территории сельских районов являются важными факторами устойчивого развития сельского туризма.

Анализ публикационной активности за период с 2022 по 2023 год, проведенный для различных стран мира и учитывающий сотрудничество между учеными (см. рис. 4), показал возросший интерес исследователей к вопросам устойчивого развития туризма в развивающихся странах. При этом смещение акцента в исследованиях стало особенно заметным после 2019 г., поскольку кризисные последствия COVID-19 сильнее всего сказались на социально-экономическом состоянии стран с развивающейся экономикой, в особенности прибрежных и островных государств¹³. Это говорит об актуальности исследований по тематике «устойчивый туризм» в развивающихся странах как с позиции теоретического осмысления концепции устойчивого туризма, так и с позиции ее практического применения.

Во многих странах мира сформированы научные школы, занимающиеся исследованием проблем устойчивого развития туризма и устойчивого туризма. Среди научно-исследовательских организаций наибольшая публикационная активность в 2022–2023 гг. была у Йоханнесбургского университета (г. Йоханнесбург, ЮАР), Китайской академии наук и ее подразделений (г. Пекин, КНР), Оулуского университета (г. Оулу, Финляндия), университета Гриффита (г. Брисбен, Австралия) и ряда других (рис. 5).

Сильная научная школа по исследованию проблем устойчивого развития туризма создана в Китае. На-

¹³ Аналитическая записка: COVID-19 и перестройка сектора туризма // Группа ООН по устойчивому развитию. URL: <https://unsdg.un.org/ru/resources/analiticheskaya-zapiska-covid-19-i-perestroyka-sektora-turizma> (дата обращения: 10.07.2024)

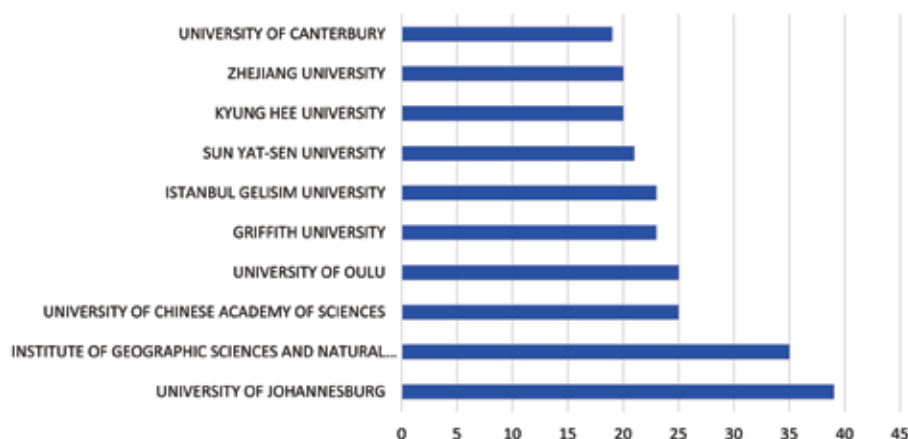

Составлено авторами по данным Scopus с использованием пакета bibliometrix в среде R. URL: <https://scopus.com> (дата обращения: 01.06.2024)

Рис. 4. Результаты библиометрического анализа литературных источников по тематике «устойчивый туризм» за период 2022–2023 гг. в разрезе стран, с учетом аффилиации корреспондирующего автора

Compiled by the authors according to the Scopus data using the bibliometrix package in the R environment. URL: <https://scopus.com> (accessed: 01.06.2024)

Fig. 4. The results of the bibliometric analysis of literary sources on the subject of «sustainable tourism» for the period 2022–2023 by country, taking into account the affiliation of the corresponding author

Составлено авторами по данным Scopus. URL: <https://scopus.com> (дата обращения: 01.06.2024)

Рис. 5. ТОП-10 научно-исследовательских организаций в рейтинге публикационной активности (по количеству статей) по тематике «устойчивый туризм» за период 2022–2023 гг. (Scopus)

Compiled by the authors according to the Scopus data. URL: <https://scopus.com> (accessed: 01.06.2024)

Fig. 5. TOP-10 research organizations in the ranking of publication activity (by the number of articles) on the topic of «sustainable tourism» for the period 2022–2023 (Scopus)

учные центры изучения туризма работают в университете Сунь Ятсена, Гонконгском политехническом университете, Нанкинском университете, Пекинском международном исследовательском университете, Китайском университете наук о Земле и других [45].

Среди российских научно-исследовательских организаций в ТОП-50 по результатам поисковой выдачи по базе данных Scopus за 2022–2023 гг. фигурирует Южно-Уральский государственный университет (13 статей). В выборку также попали публикации ученых Российского государственного университета туризма и сервиса, Российской международной академии туризма, Московского государственного института международных отношений, Санкт-Петербургского государственного университета, Самарского государственного экономического университета и других вузов. Отметим, что именно вузы в большей степени формируют массив научных публикаций по тематике устойчивого развития туризма и устойчивого туризма. Среди публикаций ученых российских вузов преобладает управленческий контекст, в то время как представители академической науки делают акцент на решении экологических вопросов. Важным также является тот факт, что в ряде российских вузов сформированы и функционируют научные школы и исследовательские коллективы, занимающиеся проблемами устойчивого развития туризма. В 2023 г. в России был создан научно-образовательный консорциум «Устойчивый туризм», в состав которого вошли ведущие научно-образовательные организации страны, осуществляющие подготовку кадров для туризма и индустрии гостеприимства, крупнейшие отраслевые объединения туристической индустрии, отдельные компании и корпоративные школы гостеприимства¹⁴.

Следует отметить, что в российской науке вопросы устойчивого развития туризма и устойчивого туризма стали предметом изучения относительно недавно. Так, проведенный нами анализ публикационной активности по поисковому запросу «устойчивый туризм» (поиск в названии, аннотации и ключевых словах; тип публикации – «статьи в журналах»; параметры поиска – «искать с учетом морфологии») на платформе eLibrary.ru показал, что первая публикация по указанной тематике датируется 2000 г. Это научная статья «Переход к устойчивому развитию туризма: проблемы и специалисты для их решения», опубликованная в журнале «Культура народов Причерноморья» С.Ф. Ревиным и Н.В. Шадриным [48], где авторы поднимают проблему влияния негативных последствий массового туризма на природу Крыма, его

прибрежных территорий и вносят предложение о разработке общекрымской программы экологизации туристической индустрии, ее перехода к устойчивому развитию.

Всего в базе данных РИНЦ по указанному поисковому запросу «устойчивый туризм» найдено 2598 публикаций. Самой цитируемой работой (111 цитирований) является статья в «Российском журнале экотуризма» под названием «Сущность устойчивого и экологического туризма», где А.Б. Лукичев отмечает, что устойчивый и экологический туризм представляют собой туризм с новым технологическим способом производства турпродукта [49]. Второй по числу цитирований работой (96 цитирований) является статья в журнале «Вестник РМАТ» по теме «Основные тенденции развития туризма в современном мире», где автор рассматривает устойчивый туризм как одну из тенденций развития мирового туризма [50]. На третьем месте (63 цитирования) – статья в журнале «Современные проблемы сервиса и туризма» под названием «Концепт «экологического туризма» в мировой и российской практике: компаративный анализ и кейсы». В статье рассмотрен опыт исследований в области экологического туризма в зарубежной научной практике, поднимаются вопросы терминологии и понимания сущности экологического туризма как вида туризма и как организационной формы бизнеса в туристической индустрии, предлагается авторская классификация видов экологического туризма в зависимости от факторов мотивации и количества туристов [51]. За 2022–2023 гг. по тематике «устойчивый туризм» в базе данных РИНЦ на платформе eLibrary.ru найдено всего 616 статей, из них наибольшее количество цитирований (23 цитирования) – у работы «ESG-трансформация предприятий туристической и гостиничной индустрии», опубликованной в журнале «Сервис в России и за рубежом» [22].

В российском научном сообществе проблема устойчивого развития туризма нашла отражение в нескольких диссертациях на соискание ученой степени доктора экономических наук (табл. 3). На наш взгляд, перечисленные диссертационные работы вносят значимый вклад в понимание ключевых задач стратегического управления сферой туризма на макро- и мезо-уровнях в соответствии с принципами устойчивого развития и формирования концепции устойчивого туризма в российской экономической науке.

Продолжая исследование особенностей публикационной активности по проблемам устойчивого

¹⁴ Научно-образовательный консорциум «Устойчивый туризм». URL: <https://st-consortium.ru/> (дата обращения: 10.07.2024)

Таблица 3

**Диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук по решению проблемы
устойчивого развития туризма (eLibrary)**

Table 3

Dissertations for the degree of Doctor of Economics to solve the problem of sustainable tourism development (eLibrary)

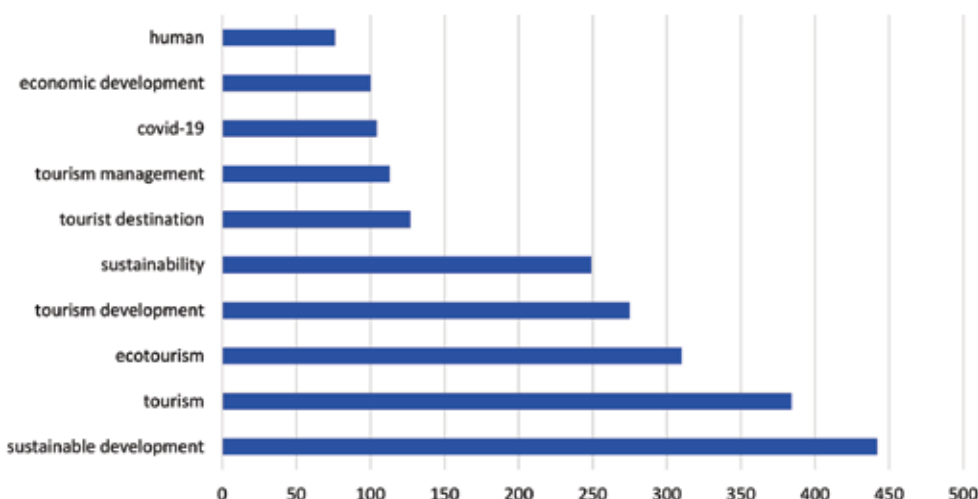
№ п/п	Автор	Место и год защиты	Источник
1	Севастьянова С.А.	Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет, 2006 г.	Севастьянова С.А. Формирование интегрированной системы управления устойчивым развитием сферы туризма в регионе: специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством»: диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. Санкт-Петербург, 2006. 345 с. EDN: https://elibrary.ru/nolylb
2	Максанова Л.Б.Ж.	Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2018 г.	Максанова Л.Б.Ж. Совершенствование системы государственного регулирования устойчивого развития туризма: специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством»: диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. 2018. 373 с. EDN: https://elibrary.ru/kkggyi
3	Рассохина Т.В.	Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, 2021 г.	Рассохина Т.В. Методология устойчивого развития туризма в управлении туристскими территориями: специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством»: диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. 2021. 398 с. EDN: https://elibrary.ru/efzcdl

Составлено авторами.

Compiled by the authors.

развития туризма и устойчивого туризма, обратимся к анализу облака ключевых слов. Используя инструментарий пакета bibliometrix в среде R, проведем анализ литературных источников, проиндексированных за 2022–2023 гг. в базе данных Scopus. Результаты анализа показали тесную взаимосвязь исследований по тематике «устойчивый

туризм» с изучением проблем устойчивого развития в целом, развития туризма и экотуризма, исследования устойчивости функционирования индустрии туризма. ТОП-10 наиболее часто используемых ключевых слов в публикациях по тематике «устойчивый туризм» представлен на рис. 6.

Составлено авторами по данным Scopus. URL: <https://scopus.com> (дата обращения: 01.06.2024)

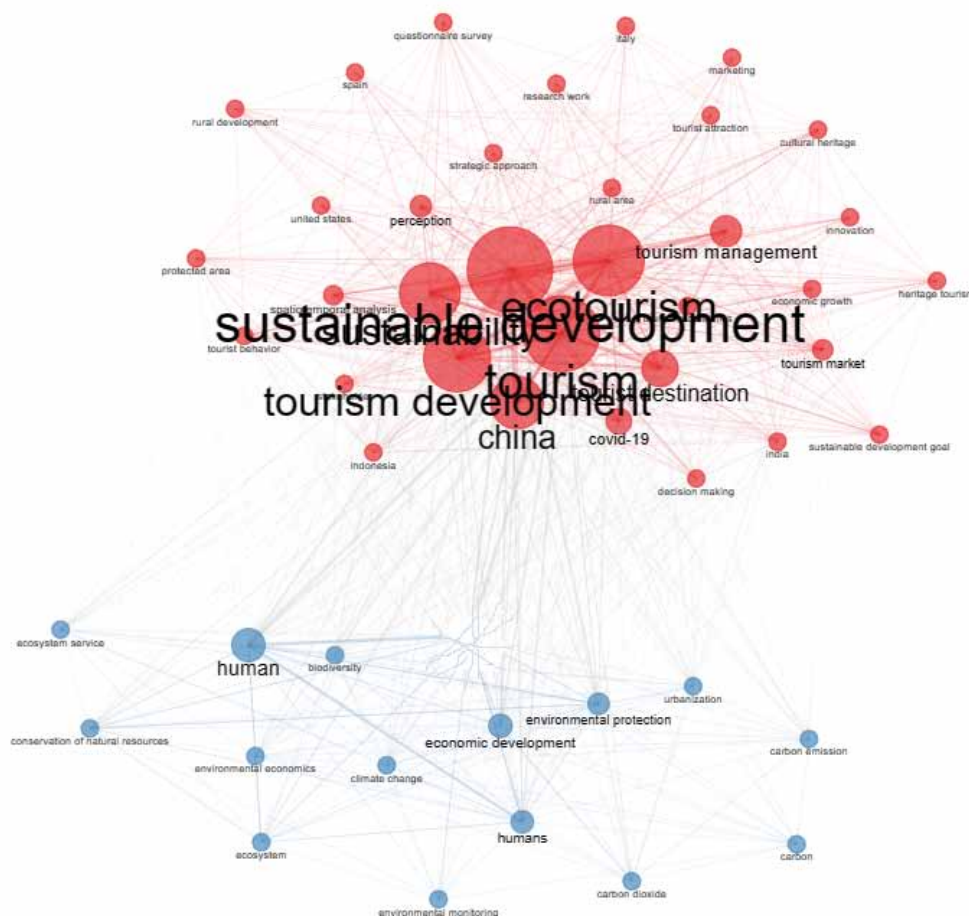
**Рис. 6. ТОП-10 наиболее часто используемых словосочетаний в публикациях по тематике «устойчивый туризм»
(поиск по ключевым словам) за период 2022–2023 гг. (Scopus)**

Compiled by the authors according to the Scopus data. URL: <https://scopus.com> (accessed: 01.06.2024)

**Fig. 6. The TOP-10 most frequently used phrases in publications on the topic of «sustainable tourism»
(keyword search) for the period 2022–2023 (Scopus)**

Используя методы кластеризации и сопоставления набора соответствующих терминов в соответствии с их сходством на основе применения собственного алгоритма *bibliometrix*, была составлена визуальная карта, отображающая ключевые кластеры исследований по тематике «устойчивый туризм» (рис. 7). При ее составлении применялись методы визуализации на основе расстояния, то есть

чем меньше расстояние между двумя терминами, тем больше частота совместного использования этих терминов. Кроме того, каждый термин, представленный на карте, изображен кругом, диаметр которого коррелирует со значимостью соответствующего термина. В результате были выделены два кластера: «Устойчивое развитие» (*sustainable development*) и «Человек» (*human*).

Составлено авторами по данным Scopus с использованием пакета *bibliometrix* в среде R. URL: <https://scopus.com> (дата обращения: 01.06.2024)

Рис. 7. Сеть совместного использования «ключевых слов плюс»

Compiled by the authors according to the Scopus data using the *bibliometrix* package in the R environment. URL: <https://scopus.com> (accessed: 01.06.2024)

Fig. 7. The «keywords plus» sharing network

Кластер «Устойчивое развитие» (*sustainable development*) представляет собой ярко выраженную предметную область, образованную такими якорными терминами как: экотуризм (*ecotourism*), развитие туризма (*tourism development*), Китай (China), устойчивость (*sustainability*), туристская территория (*tourism destination*), управление туризмом (*tourism management*), восприятие (*perception*),

туристский рынок (*tourism market*), маркетинг (*marketing*) и другими. Перечисленные ключевые слова тесно сгруппированы в центре карты ключевых кластеров с плотными ссылками друг на друга. Это наводит на мысль, что указанные термины представляют тесно связанные концептуальные основы изучения проблем устойчивого развития туризма и устойчивого туризма. Кластер «Чело-

век» (human) менее концентрирован и включает такие термины как: человек/человечество (human/humans), экономическое развитие (economic development), экосистема (ecosystem), защита окружающей среды (environmental protection), изменение климата (climate change), биоразнообразие (biodiversity), экосистемный сервис (ecosystem service) и другие.

Появление термина «устойчивость» (sustainability) в кластере «Устойчивое развитие» (sustainable development) привлекло наше внимание, поскольку этот термин может рассматриваться как «сквозной», соединяющий исследования по проблемам устойчивого туризма разных тематик. В частности, практический интерес представляет задача анализа влияния туризма на экономическую, социальную и экологическую устойчивость территорий различного масштаба (государств, отдельных административно-территориальных образований или локальных пространственно-организованных туристско-рекреационных комплексов). Важным аспектом современных научных исследований являются вопросы прогнозирования устойчивости индустрии туризма, оценки ее способности поддерживать свою функциональность и эффективность при возникновении непредсказуемых «шоковых» явлений. Актуальными темами исследований становятся вопросы применения современных технологий для повышения устойчивости туризма, таких как цифровые платформы управления туристскими потоками или зеленые технологии, позволяющие снизить уровень негативного воздействия на окружающую среду.

Значимой темой исследований становятся вопросы вовлечения местных сообществ в сохранение культурных ландшафтов, а также в создание устойчивой индустрии туризма. В этом контексте интерес представляет работа коллектива авторов Колледжа менеджмента Университета Махидол, выполненная при поддержке Фонда устойчивого развития Таиланда и представляющая собой библиографический обзор научных публикаций базы данных Scopus по проблеме устойчивости в общественно-ориентированном туризме (community-based tourism) [9]. Проблематика развития общественно-ориентированного туризма особенно актуальна для государств, где имеются сельские поселения, на территории которых постоянно проживают национальные меньшинства, в том числе коренные народы. Отметим, что общественно-ориентированный туризм представляет собой модель развития туризма, которая определяется следующими признаками:

а) лидерство коренных народов в решении вопросов приема туристов (сообщество берет на себя коллективную ответственность за все аспекты пребывания туриста на некоторой локальной территории);

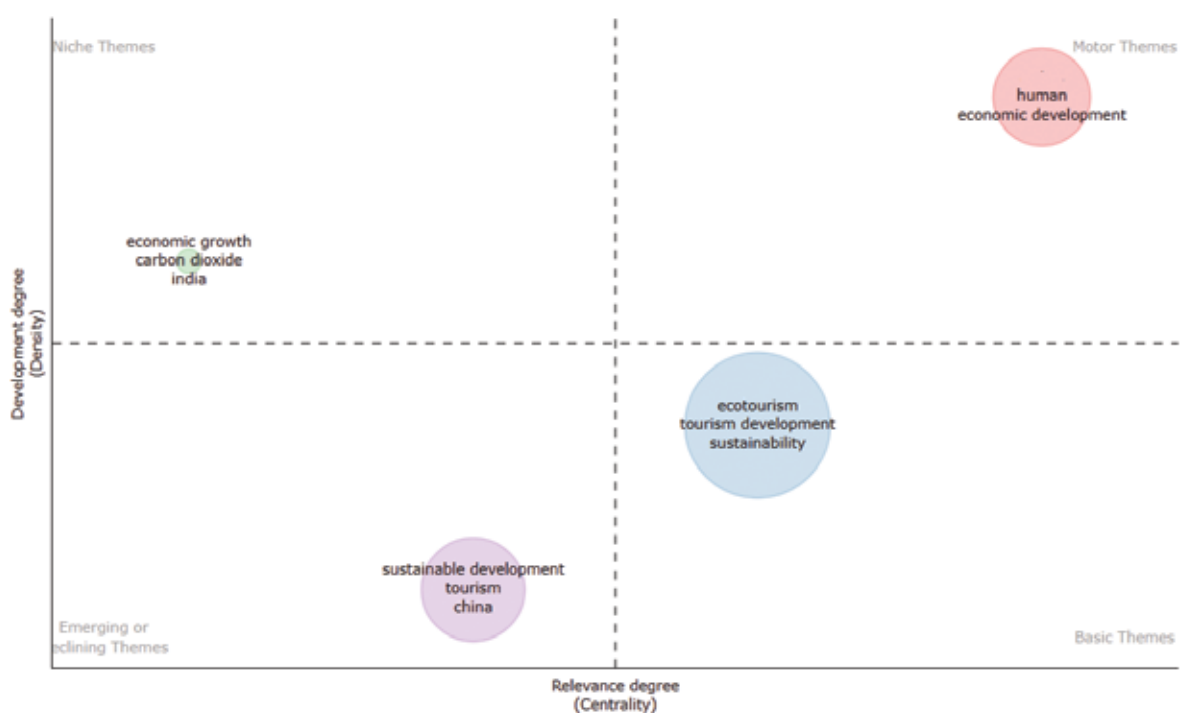
б) погружение туриста в местную культуру и традиции;

в) соответствие туристской и иной деятельности принципам устойчивого развития, социальная и экологическая ответственность в производстве и потреблении туристских и сопутствующих услуг.

На наш взгляд, для Российской Федерации тема общественно-ориентированного туризма является перспективной и стратегически значимой в силу наличия большого количества разнообразных этнических групп, компактно проживающих на территории различных регионов.

На рис. 8 представлена матрица тематических кластеров, которая отображает ключевые слова, объединенные в тематические группы по значениям двух показателей: плотность (density) и центральность (centrality). Это позволяет определять степень изученности тех или иных тем в соответствии с квадрантом, в котором они размещены: а) верхний правый квадрант: моторные темы; б) нижний правый квадрант: основные темы; в) нижний левый квадрант: возникающие или исчезающие темы; г) верхний левый квадрант: узко специализированные/нишевые темы.

Исследование закономерностей публикационной активности позволило выявить основные и перспективные темы исследований. Так, к основным относятся темы экотуризма (ecotourism), развития туризма (tourism development) и устойчивости (sustainability). К перспективным темам – человек (human) и экономическое развитие (economic development). Перспективность указанных тем во многом определяется необходимостью трансформации политического курса многих стран мира в сторону практической реализации глобальных целей устойчивого развития. Существующие диспропорции в качестве жизни населения и другие демографические проблемы, как внутри отдельных государств, так и в международном масштабе, а также наличие тенденции формирования новых экономических моделей территориального развития на основе построения управляемых рынков – все это будет способствовать смещению фокуса исследовательского интереса в сторону социального аспекта, изучения роли человека в туризме и влияния туризма на людей и общество в целом. Человек и будущее человечества становятся объектом исследования ученых, в том числе занимающихся проблемами устойчивого развития туризма и устойчивого туризма. «Люди – новая нефть» – этот тезис как никогда становится актуальным, так как именно от количества и качества человеческого капитала зависят экономическое развитие и сохранение природной среды для будущих поколений. Однако, несомненно, вопросы человекоцентричности в туризме требуют дополнительных исследований, в том числе на предмет вы-

Составлено авторами по данным Scopus с использованием пакета bibliometrix в среде R. URL: <https://scopus.com> (дата обращения: 01.06.2024)

Рис. 8. Матрица тематических кластеров

Compiled by the authors according to the Scopus data using the bibliometrix package in the R environment. URL: <https://scopus.com> (accessed: 01.06.2024)

Fig. 8. Matrix of thematic clusters

явления формирующегося научного направления в рамках решения проблем устойчивого развития туризма и устойчивого туризма.

Выводы

Проведенный обзор научных работ зарубежных и российских авторов показал наличие высокого интереса к проблемам устойчивого развития туризма и устойчивого туризма. В глобальном научном сообществе первые публикации по исследуемой тематике появились в 1980-х гг., в то время как в российском – в 2000-х. За более чем 40-летнюю «мировую историю» изучения вопросов устойчивого развития туризма и устойчивого туризма массив научных публикаций ежегодно увеличивался в несколько раз. Только за 2022–2023 гг. в базе данных Scopus было проиндексировано 2000 научных публикаций (из них 1899 научных статей, 15 книг и 86 обзоров), в базе данных РИНЦ – 616 статей.

Возникновение в исследовательском пространстве научной проблемы устойчивого развития туризма и устойчивого туризма предопределено междисциплинарным подходом. Многие работы, как правило, затрагивают экономику, социологию,

вопросы экологии и сохранения природной среды. Лейтмотивом исследований является тематика устойчивого развития территориальных систем различного масштаба в контексте достижения 17 ЦУР и национальных целей развития.

Анализ публикационной активности в разрезе стран показал, что наибольшее количество публикаций по исследуемой тематике приходится на Китай, где создана сильная научная школа. Значительный интерес к проблемам устойчивого развития туризма и устойчивого туризма наблюдается среди ученых Испании, Италии, США, Великобритании, Индии, Португалии, Австралии, Турции и других. В России система научного обеспечения устойчивого развития туризма стала активно формироваться относительно недавно, в период реализации национальных целей развития, стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 г. и национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства».

Проведенный анализ показал наличие смещения фокуса ученых к изучению проблем устойчивого развития туризма и устойчивого туризма в странах с развивающейся экономикой, особенно в

отношении прибрежных и островных государств. В настоящее время лидером среди объектов исследования является Китай, в том числе по причине формирования потребности в разработке научно-обоснованных механизмов устойчивого управления туризмом и оценки эффективности национальной туристской политики в этой стране.

Исследование также выявило стабильный интерес научного сообщества к теме экотуризма. Свою актуальность сохраняют проблемы устойчивого развития туризма в сельских поселениях. Интересна также тема формирования новых моделей развития туризма на принципах устойчивого развития, таких как общественно-ориентированный туризм. Значимыми становятся вопросы исследования устойчивости как с позиции развития туризма, так и с позиции влияния туризма на развитие территорий. При этом устойчивость может рассматриваться как «сквозной» термин, соединяющий актуальные исследования по проблемам устойчивого туризма различных тематик.

В качестве перспективных направлений исследований можно выделить вопросы человекоцентрич-

ности в туризме. Потенциал указанной тематики связан с решением задач обеспечения долгосрочной конкурентоспособности государств за счет эффективного управления туризмом в контексте глобальных изменений в экономике и обществе. Такие исследования могут охватывать множество аспектов:

- а) технологии формирования туристского опыта, согласования интересов туристов и местных жителей для достижения устойчивого развития;
- б) развитие культуры гостеприимства, социальной и экологической ответственности в кадровом менеджменте;
- в) использование инклюзивного подхода при разработке и реализации туристской политики на национальном и местном уровнях.

Таким образом, проблематика исследования вопросов устойчивого развития туризма и устойчивого туризма носит комплексный характер и требует дальнейшего осмысления на междисциплинарном уровне.

Список источников

1. *Rasoolimanesh M.S., Ramakrishna S., Hall M.C., Esfandiar K., Seyfi S.* A systematic scoping review of sustainable tourism indicators in relation to the sustainable development goals // *Journal of Sustainable Tourism*. 2020. Vol. 31. Iss. 7. P. 1497–1517. <https://doi.org/10.1080/09669582.2020.1775621>
2. *Gössling S., Schweiggart N.* Two years of COVID-19 and tourism: what we learned, and what we should have learned // *Journal of Sustainable Tourism*. 2022. Vol. 30. Iss. 4. P. 915–931. <https://doi.org/10.1080/09669582.2022.2029872>
3. *Eusébio C., Carneiro M.J., Rodrigues V., Robaina M., Madaleno M., Gama C., Oliveira K., Monteiro A.* Factors influencing the relevance of air quality in the attractiveness of a tourism destination: differences between nature-based and urban destinations // *Tourism Management Perspectives*. 2022. Vol. 44. P. 101045. <https://doi.org/10.1016/j.tmp.2022.101045>
4. *Liu Y., Sadiq F., Ali W., Kumail T.* Does tourism development, energy consumption, trade openness and economic growth matters for ecological footprint: testing the Environmental Kuznets Curve and pollution haven hypothesis for Pakistan // *Energy*. 2022. Vol. 245. P. 123208. <https://doi.org/10.1016/j.energy.2022.123208>
5. *Ying T.* Study on the impact of carbon emission pollution on urban tourism environment // *Engineering Reports*. 2023. Vol. 5. Iss. 8. P. e12641. <https://doi.org/10.1002/eng2.12641>
6. *Zhuang Y., Yang Sh., Razzaq A., Khan Z.* Environmental impact of infrastructure-led Chinese outward FDI, tourism development and technology innovation: a regional country analysis // *Journal of Environmental Planning and Management*. 2023. Vol. 66. Iss. 2. P. 367–399. <https://doi.org/10.1080/09640568.2021.1989672>
7. *Zhang J., Xiong K., Liu Zh. He L.* Research progress and knowledge system of world heritage tourism: a bibliometric analysis // *Heritage Science*. 2022. Vol. 10. P. 42. <https://doi.org/10.1186/s40494-022-00654-0>
8. *Tadesse G.W.* Heritage resources as a driver of cultural tourism development in Ethiopia: a review // *Cogent Arts and Humanities*. 2023. Vol. 10. Iss. 1. P. 2158623. <https://doi.org/10.1080/23311983.2022.2158623>
9. *Krittayaruangroj K., Suriyankietkaew S., Hallinger P.* Research on sustainability in community-based tourism: a bibliometric review and future directions // *Asia Pacific Journal of Tourism Research*. 2023. Vol. 28. Iss. 9. P. 1031–1051. <https://doi.org/10.1080/10941665.2023.2276477>

10. *Ahn Y.-j., Bessiere J.* The relationships between tourism destination competitiveness, empowerment, and supportive actions for tourism // *Sustainability*. 2023. Vol. 15. Iss. 1. P. 626. <https://doi.org/10.3390/su15010626>
11. *Tse S., Tung V.W.S.* Understanding residents' attitudes towards tourists: connecting stereotypes, emotions and behaviors // *Tourism Management*. 2022. Vol. 89. P. 104435. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2021.104435>
12. *Кружалин В.И., Меньшикова Т.Н., Кружалин К.В.* Стратегическое планирование как основа устойчивого развития туризма в регионах Российской Федерации // *Географический вестник*. 2022. № 1(60). С. 136–149. EDN: <https://elibrary.ru/mmxgll>. <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2022-1-136-149>
13. *Ristiawan R., Huijbens E., Peters K.* Projecting development through tourism: patrimonial governance in Indonesian geoparks // *Land*. 2023. Vol. 12. Iss. 1. P. 223. <https://doi.org/10.3390/land12010223>
14. *Liu X.* Tourism development, environmental regulations, and natural resource management: evidence from G20 countries // *Resources Policy*. 2023. Vol. 86. Part A. P. 104224. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2023.104224>
15. *Liu Ch., Dou X., Li J., Cai L.A.* Analyzing government role in rural tourism development: an empirical investigation from China // *Journal of Rural Studies*. 2020. Vol. 79. P. 177–188. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2020.08.046>
16. *Zhang Sh.-N., Li Y.-Q., Ruan W.-Q., Liu Ch.-H.* Would you enjoy virtual travel? The characteristics and causes of virtual tourists' sentiment under the influence of the COVID-19 pandemic // *Tourism Management*. 2022. Vol. 88. P. 104429. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2021.104429>
17. *Рубцова Н.В., Солодухин К.С.* Внутренний и выездной туризм в России: состояние и прогноз развития в условиях пандемии COVID-19 // *Экономика, предпринимательство и право*. 2022. Т. 12. № 1. С. 301–314. EDN: <https://elibrary.ru/tgyibs>. <https://doi.org/10.18334/epp.12.1.114074>
18. *Traskevich A.G., Fontanari M.* Tourism potentials in post-COVID19: the concept of destination resilience for advanced sustainable management in tourism // *Tourism Planning and Development*. 2023. Vol. 20. Iss. 1. P. 12–36. <https://doi.org/10.1080/21568316.2021.1894599>
19. *Романова Г.М., Онищенко Е.В.* Отечественная туриндустрия в системе устойчивого развития туристско-рекреационных регионов России: проблемы и противоречия в условиях цифровизации // *Естественно-гуманитарные исследования*. 2022. № 39(1). С. 275–290. EDN: <https://elibrary.ru/nxxscv>. <https://doi.org/10.24412/2309-4788-2022-1-39-275-290>
20. *Gozgor G., Lau Ch.K., Zeng Y., Yan Ch., Lin Z.* The impact of geopolitical risks on tourism supply in developing economies: the moderating role of social globalization // *Journal of Travel Research*. 2022. Vol. 61. Iss. 4. P. 872–886. <https://doi.org/10.1177/00472875211004760>
21. *Baggio R., Valeri M.* Network science and sustainable performance of family businesses in tourism // *Journal of Family Business Management*. 2022. Vol. 12. Iss. 2. P. 200–213. <https://doi.org/10.1108/JFBM-06-2020-0048>
22. *Морозов М.А., Морозова Н.С.* ESG-трансформация предприятий туристской и гостиничной индустрии // *Сервис в России и за рубежом*. 2022. Т. 16. № 2(99). С. 86–93. EDN: <https://elibrary.ru/aqyrjs>. <https://doi.org/10.24412/1995-042X-2022-2-86-93>
23. *Darvishmotevali M., Altinay L.* Green HRM, environmental awareness and green behaviors: the moderating role of servant leadership // *Tourism Management*. 2022. Vol. 88. P. 104401. <http://doi.org/10.1016/j.tourman.2021.104401>
24. *Farooq R., Zhang Zh., Talwar Sh., Dhir A.* Do green human resource management and self-efficacy facilitate green creativity? A study of luxury hotels and resorts // *Journal of Sustainable Tourism*. 2022. Vol. 30. Iss. 4. P. 824–845. <https://doi.org/10.1080/09669582.2021.1891239>
25. *Marinello S., Butturi M.A., Gamberini R., Martini U.* Indicators for sustainable touristic destinations: a critical review // *Journal of Environmental Planning and Management*. 2023. Vol. 66. Iss. 1. P. 1–30. <https://doi.org/10.1080/09640568.2021.1978407>
26. *Pradhan S., Dyson L.E., Lama S.* The nexus between cultural tourism and social entrepreneurship: a pathway to sustainable community development in Nepal // *Journal of Heritage Tourism*. 2022. Vol. 17. Iss. 6. P. 615–630. <https://doi.org/10.1080/1743873X.2022.2101369>

27. Zhang Sh., Lin J., Feng Z., Wu Y., Zhao Q., Liu Sh., Ren Y., Li H. Construction of cultural heritage evaluation system and personalized cultural tourism path decision model: an international historical and cultural city // *Journal of Urban Management*. 2022. Vol. 12. Iss. 2. P. 96–111. <https://doi.org/10.1016/j.jum.2022.10.001>
28. Pu L., Chen X., Jiang L., Zhang H. Spatiotemporal characteristics of coupling and coordination of cultural tourism and objective well-being in Western China // *International Journal of Environmental Research and Public Health (IJERPH)*. 2023. Vol. 20. Iss. 1. P. 650–671. <https://doi.org/10.3390/ijerph20010650>
29. Samal R., Dash M. Ecotourism, biodiversity conservation and livelihoods: understanding the convergence and divergence // *International Journal of Geoheritage and Parks*. 2023. Vol. 11. Iss. 1. P. 1–20. <https://doi.org/10.1016/j.ijgeop.2022.11.001>
30. Vasilieva A.V., Volkov A.D., Karginova-Gubinova V.V., Tishkov S.V. Opportunities of development of ecotourism in the Karelian Arctic in the conditions of the existing environmental and social challenges // *Journal of Risk and Financial Management*. 2022. Vol. 15. Iss. 10. P. 484. <https://doi.org/10.3390/jrfm15100484>
31. Ралык Д.В. Экологический и «умный» туризм в контексте устойчивого развития отрасли в России // *Общество: политика, экономика, право*. 2023. № 8(121). С. 150–157. EDN: <https://elibrary.ru/dbwpgm>. <https://doi.org/10.24158/pep.2023.8.19>
32. Baloch Q.B., Shah S.N., Iqbal N., Sheeraz M., Asadullah M., Mahar S., Khan A.U. Impact of tourism development upon environmental sustainability: a suggested framework for sustainable ecotourism // *Environmental Science and Pollution Research*. 2023. Vol. 30. P. 5917–5930. <https://doi.org/10.1007/s11356-022-22496-w>
33. Dai M.L., Fan D.X.F., Wang R., Ou Y.H., Ma X.L. Does rural tourism revitalize the countryside? An exploration of the spatial reconstruction through the lens of cultural connotations of rurality // *Journal of Destination Marketing and Management*. 2023. Vol. 29. P. 100801. <https://doi.org/10.1016/j.jdmm.2023.100801>
34. Mikhaylova A.A., Wendt J.A., Hvalej D.V., Bógdał-Brzezińska A., Mikhaylov A.S. Impact of cross-border tourism on the sustainable development of rural areas in the Russian Polish and Russian Kazakh borderlands // *Sustainability*. 2022. Vol. 14. Iss. 4. P. 2409. <https://doi.org/10.3390/su14042409>
35. Костюкова Е.И., Бобрышев А.Н., Фролов А.В. Управление развитием сельского туризма на территории Ставропольского края // *Сервис в России и за рубежом*. 2022. Т. 16. № 5(102). С. 89–102. EDN: <https://elibrary.ru/oadduh>. <https://doi.org/10.5281/zenodo.7403933>
36. Varnajot A., Saarinen J. Emerging post-Arctic tourism in the age of anthropocene: case Finnish Lapland // *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*. 2022. Vol. 22. Iss. 4 5. P. 357–371. <https://doi.org/10.1080/15022250.2022.2134204>
37. Каранатова Л.Г., Кулев А.Ю. Социально-экономическое развитие Арктики: современные вызовы и приоритеты // *Управленческое консультирование*. 2022. № 2(158). С. 49–62. EDN: <https://elibrary.ru/ehhwav>. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-2-49-62>
38. Chen J.S., Wang W., Kim H., Liu W.-Y. Climate resilience model on Arctic tourism: perspectives from tourism professionals // *Tourism Recreation Research*. 2022. Vol. 49. Iss. 5. P. 1114–1125. <https://doi.org/10.1080/02508281.2022.2122341>
39. Okoli C. A guide to conducting a standalone systematic literature review // *Communications of the Association for Information Systems*. 2015. Vol. 37. P. 879–910. <https://doi.org/10.17705/1CAIS.03743>
40. Swarbrooke J. Sustainable tourism management. New York: Cabi Pub., 1999. 390 p. URL: <https://archive.org/details/sustainabletouri0000swar> (дата обращения: 15.07.2024)
41. Butler R.W. Sustainable tourism: a state-of-the-art review // *Tourism geographies*. 1999. Vol. 1. Iss. 1. P. 7–25. <https://doi.org/10.1080/14616689908721291>
42. Bramwell B. Green tourism in the countryside // *Tourism Management*. 1990. Vol. 11. Iss. 4. P. 358–360. [https://doi.org/10.1016/0261-5177\(90\)90072-H](https://doi.org/10.1016/0261-5177(90)90072-H)
43. Gannon A. Rural tourism as a factor in rural community economic development for economies in transition // *Journal of Sustainable Tourism*. 1994. Vol. 2. Iss. 1-2. P. 51–60. <https://doi.org/10.1080/09669589409510683>
44. Lane B. Sustainable rural tourism strategies: a tool for development and conservation // *Journal of Sustainable Tourism*. 1994. Vol. 2. Iss. 1-2. P. 102–111. <https://doi.org/10.1080/09669589409510687>

45. *Заклязьминская Е.О.* Туристическая отрасль в стратегии развития Китая: монография. М.: ИМЭМО РАН, 2021. 234 с. EDN: <https://elibrary.ru/tettbq>. <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0597-0>
46. *Хуссамов Р.Р., Насибуллин И.У., Бондалет А.А.* Туристическая отрасль Китая: этапы развития и национальные особенности // Креативная экономика. 2021. Т. 15. № 6. С. 2589–2602. EDN: <https://elibrary.ru/frsvih>. <https://doi.org/10.18334/ce.15.6.112209>
47. *Shen S., Wang H., Quan Q., Xu J.* Rurality and rural tourism development in China // *Tourism Management Perspectives*. 2019. Vol. 30. P. 98–106. <https://doi.org/10.1016/j.tmp.2019.02.006>
48. *Ревин С.Ф., Шадрин Н.В.* Переход к устойчивому развитию туризма: проблемы и специалисты для их решения // Культура народов Причерноморья. 2000. № 12. С. 66–67. EDN: <https://elibrary.ru/qiblce>
49. *Лукичев А.Б.* Сущность устойчивого и экологического туризма // Российский журнал экотуризма. 2011. № 1. С. 3–6. EDN: <https://elibrary.ru/nyjmxh>
50. *Мошняга Е.В.* Основные тенденции развития туризма в современном мире // Вестник РМАТ. 2013. № 3. С. 20–34. EDN: <https://elibrary.ru/tcrzuv>
51. *Афанасьев О.Е., Афанасьева А.В.* Концепт «экологического туризма» в мировой и российской практике: компаративный анализ и кейсы // Современные проблемы сервиса и туризма. 2017. Т. 11. № 4. С. 7–26. EDN: <https://elibrary.ru/ykybzh>. <https://doi.org/10.22412/1995-0411-2017-11-4-7-25>

Статья поступила в редакцию 14.08.2024; одобрена после рецензирования 26.01.2025; принята к публикации 03.02.2025

Об авторах:

Уткина Наталья Владимировна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры туризма; SPIN-код: 5620-4055, Researcher ID: B-8323-2016

Гамидуллаева Лейла Айваровна, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой «Менеджмент и государственное управление»; SPIN-код: 2136-9154, Scopus ID: 56436586400, Researcher ID: E-7822-2016

Вклад авторов:

Уткина Н. В. – сбор и подготовка материалов для исследования; проведение анализа; оформление результатов и формирование выводов.

Гамидуллаева Л. А. – научное руководство; проведение критического анализа результатов работы; перевод на английский язык.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

References

1. Rasoolimanesh S.M., Ramakrishna S., Hall C.M., Esfandiar K., Seyfi S. A systematic scoping review of sustainable tourism indicators in relation to the sustainable development goals. *Journal of Sustainable Tourism*. 2020; 31(7):1497–1517. <https://doi.org/10.1080/09669582.2020.1775621> (In Eng.)
2. Gössling S., Schweiggart N. Two years of COVID-19 and tourism: what we learned, and what we should have learned. *Journal of Sustainable Tourism*. 2022; 30(4):915–931. <https://doi.org/10.1080/09669582.2022.2029872> (In Eng.)
3. Eusébio C., Carneiro M.J., Rodrigues V., Robaina M., Madaleno M., Gama C., Oliveira K., Monteiro A. Factors influencing the relevance of air quality in the attractiveness of a tourism destination: differences between nature-based and urban destinations. *Tourism Management Perspectives*. 2022; 44:101045. <https://doi.org/10.1016/j.tmp.2022.101045> (In Eng.)
4. Liu Y., Sadiq F., Ali W., Kumail T. Does tourism development, energy consumption, trade openness and economic growth matters for ecological footprint: testing the Environmental Kuznets Curve and pollution haven hypothesis for Pakistan. *Energy*. 2022; 245:123208. <https://doi.org/10.1016/j.energy.2022.123208> (In Eng.)
5. Ying T. Study on the impact of carbon emission pollution on urban tourism environment. *Engineering Reports*. 2023; 5(8):e12641. <https://doi.org/10.1002/eng2.12641> (In Eng.)
6. Zhuang Y., Yang Sh., Razzaq A., Khan Z. Environmental impact of infrastructure-led Chinese outward FDI, tourism development and technology innovation: a regional country analysis. *Journal of Environmental Planning and Management*. 2023; 66(2):367–399. <https://doi.org/10.1080/09640568.2021.1989672> (In Eng.)

7. Zhang J., Xiong K., Liu Zh. He L. Research progress and knowledge system of world heritage tourism: a bibliometric analysis. *Heritage Science*. 2022; 10:42. <https://doi.org/10.1186/s40494-022-00654-0> (In Eng.)
8. Tadesse G.W. Heritage resources as a driver of cultural tourism development in Ethiopia: a review. *Cogent Arts and Humanities*. 2023; 10(1):2158623. <https://doi.org/10.1080/23311983.2022.2158623> (In Eng.)
9. Krittayaruangroj K., Suriyankietkaew S., Hallinger P. Research on sustainability in community-based tourism: a bibliometric review and future directions. *Asia Pacific Journal of Tourism Research*. 2023; 28(9):1031–1051. <https://doi.org/10.1080/10941665.2023.2276477> (In Eng.)
10. Ahn Y.-j., Bessiere J. The relationships between tourism destination competitiveness, empowerment, and supportive actions for tourism. *Sustainability*. 2023; 15(1):626. <https://doi.org/10.3390/su15010626> (In Eng.)
11. Tse S., Tung V.W.S. Understanding residents' attitudes towards tourists: connecting stereotypes, emotions and behaviors. *Tourism Management*. 2022; 89:104435. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2021.104435> (In Eng.)
12. Kruzhalin V.I., Menshikova T.N., Kruzhalin K.V. Strategic planning as a basis for sustainable tourism development and the preservation of cultural heritage in the regions of the Russian Federation. *Geographical Bulletin*. 2022; (1(60)):136–149. EDN: <https://elibrary.ru/mmxgll>. <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2022-1-136-149> (In Russ.)
13. Ristiawan R., Huijbens E., Peters K. Projecting development through tourism: patrimonial governance in Indonesian geoparks. *Land*. 2023; 12(1):223. <https://doi.org/10.3390/land12010223> (In Eng.)
14. Liu X. Tourism development, environmental regulations, and natural resource management: evidence from G20 countries. *Resources Policy*. 2023; 86(A):104224. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2023.104224> (In Eng.)
15. Liu Ch., Dou X., Li J., Cai L.A. Analyzing government role in rural tourism development: an empirical investigation from China. *Journal of Rural Studies*. 2020; 79:177–188. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2020.08.046> (In Eng.)
16. Zhang Sh.-N., Li Y.-Q., Ruan W.-Q., Liu Ch.-H. Would you enjoy virtual travel? The characteristics and causes of virtual tourists' sentiment under the influence of the COVID-19 pandemic. *Tourism Management*. 2022; 88:104429. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2021.104429> (In Eng.)
17. Rubtsova N.V., Solodukhin K.S. Domestic and outbound tourism in Russia: state and development trends amid COVID-19 pandemic. *Journal of economics, entrepreneurship and law*. 2022; 12(1):301–314. EDN: <https://elibrary.ru/tgyibs>. <https://doi.org/10.18334/epp.12.1.114074> (In Russ.)
18. Traskevich A.G., Fontanari M. Tourism potentials in post-COVID19: the concept of destination resilience for advanced sustainable management in tourism. *Tourism Planning and Development*. 2023; 20(1):12–36. <https://doi.org/10.1080/21568316.2021.1894599> (In Eng.)
19. Romanova G.M., Onishchenko E.V. Domestic tourindustry in the system of sustainable development of tourist and recreation regions of Russia: problems and contradictions in the conditions of digitalization. *Natural-Humanitarian Research*. 2022; (39(1)):275–290. EDN: <https://elibrary.ru/nxxscv>. <https://doi.org/10.24412/2309-4788-2022-1-39-275-290> (In Russ.)
20. Gozgor G., Lau Ch.K., Zeng Y., Yan Ch., Lin Z. The impact of geopolitical risks on tourism supply in developing economies: the moderating role of social globalization. *Journal of Travel Research*. 2022; 61(4):872–886. <https://doi.org/10.1177/00472875211004760> (In Eng.)
21. Baggio R., Valeri M. Network science and sustainable performance of family businesses in tourism. *Journal of Family Business Management*. 2022; 12(2):200–213. <https://doi.org/10.1108/JFBM-06-2020-0048> (In Eng.)
22. Morozov M.A., Morozova N.S. ESG-transformation of the tourism and hotel industry. *Services in Russia and abroad*. 2022; 16(2(99)):86–93. EDN: <https://elibrary.ru/aqyrjs>. <https://doi.org/10.24412/1995-042X-2022-2-86-93> (In Russ.)
23. Darvishmotevali M., Altinay L. Green HRM, environmental awareness and green behaviors: the moderating role of servant leadership. *Tourism Management*. 2022; 88:104401. <http://doi.org/10.1016/j.tourman.2021.104401> (In Eng.)
24. Farooq R., Zhang Zh., Talwar Sh., Dhir A. Do green human resource management and self-efficacy facilitate green creativity? A study of luxury hotels and resorts. *Journal of Sustainable Tourism*. 2022; 30(4):824–845. <http://doi.org/10.1080/09669582.2021.1891239> (In Eng.)
25. Marinello S., Butturi M.A., Gamberini R., Martini U. Indicators for sustainable touristic destinations: a critical review. *Journal of Environmental Planning and Management*. 2023; 66(1):1–30. <https://doi.org/10.1080/09640568.2021.1978407> (In Eng.)

26. Pradhan S., Dyson L.E., Lama S. The nexus between cultural tourism and social entrepreneurship: a pathway to sustainable community development in Nepal. *Journal of Heritage Tourism*. 2022; 17(6):615–630. <https://doi.org/10.1080/1743873X.2022.2101369> (In Eng.)
27. Zhang Sh., Lin J., Feng Z., Wu Y., Zhao Q., Liu Sh., Ren Y., Li H. Construction of cultural heritage evaluation system and personalized cultural tourism path decision model: an international historical and cultural city. *Journal of Urban Management*. 2022; 12(2):96–111. <https://doi.org/10.1016/j.jum.2022.10.001> (In Eng.)
28. Pu L., Chen X., Jiang L., Zhang H. Spatiotemporal characteristics of coupling and coordination of cultural tourism and objective well-being in Western China. *International Journal of Environmental Research and Public Health (IJERPH)*. 2023; 20(1): 650–671. <https://doi.org/10.3390/ijerph20010650> (In Eng.)
29. Samal R., Dash M. Ecotourism, biodiversity conservation and livelihoods: Understanding the convergence and divergence. *International Journal of Geoheritage and Parks*. 2023; 11(1):1–20. <https://doi.org/10.1016/j.ijgeop.2022.11.001> (In Eng.)
30. Vasilieva A.V., Volkov A.D., Karginova-Gubinova V.V., Tishkov S.V. Opportunities of development of ecotourism in the Karelian Arctic in the conditions of the existing environmental and social challenges. *Journal of Risk and Financial Management*. 2022; 15(10):484. <https://doi.org/10.3390/jrfm15100484> (In Eng.)
31. Ralyk D.V. Ecotourism and smart tourism in the context of sustainable development of the tourism industry in Russia. *Society: politics, economics, law*. 2023; (8(121)):150–157. EDN: <https://elibrary.ru/dbwpgm>. <https://doi.org/10.24158/pep.2023.8.19> (In Russ.)
32. Baloch Q.B., Shah S.N., Iqbal N., Sheeraz M., Asadullah M., Mahar S., Khan A.U. Impact of tourism development upon environmental sustainability: a suggested framework for sustainable ecotourism. *Environmental Science and Pollution Research*. 2023; 30:5917–5930. <https://doi.org/10.1007/s11356-022-22496-w> (In Eng.)
33. Dai M.L., Fan D.X.F., Wang R., Ou Y.H., Ma X.L. Does rural tourism revitalize the countryside? An exploration of the spatial reconstruction through the lens of cultural connotations of rurality. *Journal of Destination Marketing and Management*. 2023; 29:100801. <https://doi.org/10.1016/j.jdmm.2023.100801> (In Eng.)
34. Mikhaylova A.A., Wendt J.A., Hvalek D.V., Bógdał-Brzezińska A., Mikhaylov A.S. Impact of cross-border tourism on the sustainable development of rural areas in the Russian Polish and Russian Kazakh borderlands. *Sustainability*. 2022; 14(4):2409. <https://doi.org/10.3390/su14042409> (In Eng.)
35. Kostyukova E.I., Bobryshev A.N., Frolov A.V. Management of rural tourism development in Stavropol Krai. *Services in Russia and abroad*. 2022; 16(5(102)):89–102. EDN: <https://elibrary.ru/oadduh>. <https://doi.org/10.5281/zenodo.7403933> (In Russ.)
36. Varnajot A., Saarinen J. Emerging post-Arctic tourism in the age of anthropocene: case Finnish Lapland. *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*. 2022; 22(4 5):357–371. <https://doi.org/10.1080/15022250.2022.2134204> (In Eng.)
37. Karanatova L.G., Kulev A.Yu. Socio-economic development of the Arctic: modern challenges and priorities. *Administrative consulting*. 2022; (2(158)):49–62. EDN: <https://elibrary.ru/ehhwav>. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-2-49-62> (In Russ.)
38. Chen J.S., Wang W., Kim H., Liu W.-Y. Climate resilience model on Arctic tourism: perspectives from tourism professionals. *Tourism Recreation Research*. 2022; 49(5):1114–1125. <https://doi.org/10.1080/02508281.2022.2122341> (In Eng.)
39. Okoli C. A guide to conducting a standalone systematic literature review. *Communications of the Association for Information Systems*. 2015; 37:879–910. <https://doi.org/10.17705/1CAIS.03743> (In Eng.)
40. Swarbrooke J. Sustainable tourism management. New York: Cabi Pub., 1999. 390 p. URL: <https://archive.org/details/sustainabletour0000swar> (accessed: 15.07.2024) (In Eng.)
41. Butler R.W. Sustainable tourism: a state-of-the-art review. *Tourism geographies*. 1999; 1(1):7–25. <https://doi.org/10.1080/14616689908721291> (In Eng.)
42. Bramwell B. Green tourism in the countryside. *Tourism Management*. 1990; 11(4):358–360. [https://doi.org/10.1016/0261-5177\(90\)90072-H](https://doi.org/10.1016/0261-5177(90)90072-H) (In Eng.)
43. Gannon A. Rural tourism as a factor in rural community economic development for economies in transition. *Journal of Sustainable Tourism*. 1994; 2(1-2):51–60. <https://doi.org/10.1080/09669589409510683> (In Eng.)

44. Lane B. Sustainable rural tourism strategies: a tool for development and conservation. *Journal of Sustainable Tourism*. 1994; 2(1-2):102–111. <https://doi.org/10.1080/09669589409510687> (In Eng.)
45. Zaklyazminskaya E.O. Tourism industry in China's development strategy: Monograph. Moscow: IMEMO RAS, 2021. 234 p. EDN: <https://elibrary.ru/tettbq>. <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0597-0> (In Russ.)
46. Khussamov R.R., Nasibullin I.U., Bondalet A.A. China's tourism industry: stages of development and national characteristics. *Creative Economy*. 2021; 15(6):2589–2602. EDN: <https://elibrary.ru/frsvih>. <https://doi.org/10.18334/ce.15.6.112209> (In Russ.)
47. Shen S., Wang H., Quan Q., Xu J. Rurality and rural tourism development in China. *Tourism Management Perspectives*. 2019; 30:98–106. <https://doi.org/10.1016/j.tmp.2019.02.006> (In Eng.)
48. Revin S.F., Shadrin N.V. Transition to sustainable tourism development: problems and specialists for their solution. *Culture of the peoples of the Black Sea region*. 2000; (12):66–67. EDN: <https://elibrary.ru/qiblc> (In Russ.)
49. Lukichev A.B. The essence of sustainable tourism and ecotourism. *Russian Journal of Ecotourism*. 2011; (1):3–6. EDN: <https://elibrary.ru/nyjmx> (In Russ.)
50. Moshnyaga E.V. Mainstream trends of tourism development in contemporary world. *Vestnik RIAT*. 2013; (3):20–34. EDN: <https://elibrary.ru/tcrzv> (In Russ.)
51. Afanasiev O.E., Afanasieva A.V. The concept of “ecological tourism” in the world and Russian practice: comparative analysis and cases. *Service and tourism: current challenges*. 2017; 11(4):7–26. EDN: <https://elibrary.ru/ykybzh>. <https://doi.org/10.22412/1995-0411-2017-11-4-7-25> (In Russ.)

The article was submitted 14.08.2024; approved after reviewing 26.01.2025; accepted for publication 03.02.2025

About the authors:

Natalia V. Utkina, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Tourism; SPIN: 5620-4055, Researcher ID: B-8323-2016

Leyla A. Gamidullaeva, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Management and Public Administration; SPIN: 2136-9154, Scopus ID: 56436586400, Researcher ID: E-7822-2016

Contribution of the authors:

Utkina N. V. – collection and preparation of the materials for research; carrying out analysis; registration of the results and formation of conclusions.

Gamidullaeva L. A. – scientific guidance; conducting the critical analysis of the results of the work; translation into English.

All authors have read and approved the final manuscript.

Научная статья

УДК 332.146.2

JEL: P25, O38

<https://doi.org/10.18184/2079-4665.2025.16.1.64-81>

Методология выбора и реализации приоритетов «умной» региональной специализации

Иващенко Наталия Павловна¹, Энговатова Александра Андреевна²,
Шпакова Анастасия Андреевна³

¹⁻³ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; Москва, Россия

¹ nivashenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5917-2494>

² alexengovatova@gmail.com, <http://orcid.org/0009-0006-7931-7239>

³ shpakovaaa@my.msu.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1467-5220>

Аннотация

Цель исследования заключается в разработке методологии определения долгосрочных приоритетов «умной» специализации регионов и построения «трансформационной дорожной карты» их реализации для российской практики, направленной на формирование устойчивых инновационных экосистем и достижение технологического суверенитета страны.

Методы. Основой исследования является сравнительный анализ международного опыта реализации региональной инновационной политики и «умной» специализации в странах ЕС, США и Китае. Исследование выполнено методами качественного, системного и структурно-логического анализа. Авторская методология базируется на опыте разработки региональных стратегий и серии экспертных интервью с представителями региональных властей.

Результаты работы. Авторами предложена методология применения концепции «умной» специализации в российских регионах, включающая 4 этапа: выбор приоритетов «умной» специализации, оценка регионального потенциала для трансформации отраслей, формирование пула проектов и их реализация. Кроме того, структурированы подходы к выявлению потенциала «умной» трансформации и пула подходящих проектов в регионе. Особое внимание уделено процессу «предпринимательского поиска» и созданию «трансформационных дорожных карт», которые учитывают как научно-технологические приоритеты, так и уникальные характеристики регионов.

Выводы. Представленная методология позволяет регионам России структурированно и системно организовать процесс определения приоритетов инновационного развития, учитывая как федеральные стратегические цели в достижении технологического лидерства, так и локальные особенности. Это способствует формированию устойчивых инновационных экосистем, интеграции науки, бизнеса и государства, а также достижению технологического суверенитета. Практическая значимость исследования заключается в возможности применения методологии для разработки региональных стратегий «умной» специализации, что может стать основой для долгосрочного экономического роста и конкурентоспособности страны на перспективных рынках.

Ключевые слова: «умная» специализация, научно-технологическое развитие, региональная инновационная политика, тройная спираль, региональная инновационная система

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов, в том числе связанного с участием Иващенко Н.П. в редакционной коллегии журнала «МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)».

Для цитирования: Иващенко Н. П., Энговатова А. А., Шпакова А. А. Методология выбора и реализации приоритетов «умной» региональной специализации // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2025. Т. 16. № 1. С. 64–81

EDN: <https://elibrary.ru/fvsstw>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2025.16.1.64-81>

© Иващенко Н. П., Энговатова А. А., Шпакова А. А., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Methodology for selecting and implementing priorities for smart regional specialization

Natalia P. Ivashchenko¹, Alexandra A. Engovatova², Anastasia A. Shpakova³

¹⁻³ Lomonosov Moscow State University; Moscow, Russia

¹ nivashenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5917-2494>

² alexengovatova@gmail.com, <http://orcid.org/0009-0006-7931-7239>

³ shpakovaaa@my.msu.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1467-5220>

Abstract

Purpose: is to develop the methodology for identifying long-term priorities for smart specialization in the regions and creating "transformational roadmap" for their implementation in the Russian context. This approach is designed to foster sustainable innovation ecosystems and achieve the country's technological sovereignty.

Methods: the research is based on the comparative analysis of international experience in implementing regional innovation policies and smart specialization strategies in the EU, the USA, and China. The study employs qualitative, systemic, and structural-logical analysis methods. The proposed methodology draws on the experience of regional strategy development and a series of expert interviews with representatives of regional authorities.

Results: the authors propose the methodology for applying the smart specialization concept in the Russian regions, structured into four key stages: selecting smart specialization priorities, assessing regional potential for industry transformation, forming a portfolio of projects, and their implementation. Additionally, the study systematizes approaches to identifying the potential for smart transformation and selecting suitable projects within a region. Special attention is given to the process of "entrepreneurial discovery" and the development of "transformational roadmaps", which integrate both scientific and technological priorities and the unique characteristics of the regions.

Conclusions and Relevance: the proposed methodology enables Russian regions to systematically and structurally organize the process of defining innovation development priorities, aligning both with national strategic goals for technological leadership and local specificities. This contributes to the formation of sustainable innovation ecosystems, the integration of science, business, and government, and the achievement of technological sovereignty. The practical significance of the study lies in the applicability of the methodology for developing regional smart specialization strategies, which can serve as a foundation for long-term economic growth and national competitiveness in emerging markets.

Keywords: smart specialization, science and technology development, regional innovation policy, triple helix, regional innovation system

Conflict of Interest. The authors declare that there is no Conflict of Interest, including those related to the participation of Ivashchenko N.P. in the editorial board of the journal "MIR (Modernization. Innovation. Research)".

For citation: Ivashchenko N. P., Engovatova A. A., Shpakova A. A. Methodology for selecting and implementing priorities for smart regional specialization. *MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2025; 16(1):64–81. (In Russ.)

EDN: <https://elibrary.ru/fvsstw>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2025.16.1.64-81>

© Ivashchenko N. P., Engovatova A. A., Shpakova A. A., 2025

Введение

В условиях современных глобальных вызовов требуется создание принципиально новых механизмов функционирования национальной инновационной системы России, направленных на достижение технологической независимости и формирование новых высокотехнологичных рынков. Для реализа-

ции «Стратегии научно-технологического развития РФ»¹, «Приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики РФ»², «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года»³ необходимо развитие производственно-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358/page/1> (дата обращения: 21.12.2024)

² Прим. Авторы: утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2023 г. № 603. См.: Правительство определило приоритетные направления проектов технологического суверенитета и структурной адаптации экономики России // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/48272/> (дата обращения: 21.12.2024)

³ Прим. Авторы: утверждена Распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р. См.: Правительство России. URL: <http://static.government.ru/media/files/ttXJCZ4PNa7bmTrRgcUPwoIQA8SYR91B.pdf> (дата обращения: 21.12.2024)

технологических систем⁴ на основе ключевых и критически важных технологий, а также создание новых форм взаимодействия между участниками, осуществляющими научно-исследовательскую и производственно-техническую деятельность.

В России за последние 10 лет уже произошли системные изменения подходов к научно-технологическому развитию с усилением внимания на взаимодействии научного и бизнес-сообществ. Также в инновационной политике происходит сдвиг парадигмы от выравнивания регионов к их дифференциации, основанной на учете сильных сторон отдельных регионов [1], которые различаются по социально-экономическому, кадровому и научно-техническому потенциалу, инновационной и экспортной активности, качеству инновационной политики⁵ и другим параметрам.

Подход, при котором приоритетные направления, определенные в едином государственном центре, плановым образом распределяются между регионами в качестве приоритетов их дальнейшего развития, не учитывая сложившийся институциональный контекст региона, имеет шансы на реализацию лишь в наиболее централизованных государствах – например, в Китае. В любом другом контексте шансы на их «прорастание» в регионе не такие высокие. Также в российской практике достаточно четко структурированная на уровне федерации программа государственного инновационного развития далее крайне несистемно транслируется на уровень отдельных регионов: существует явный дефицит нормативно-правовых оснований, призванных обеспечить прозрачность трансляции инновационной повестки на региональный уровень. В результате подход к управлению научно-инновационной деятельностью на уровне отдельного региона приобретает все большее количество сторонников. Одной из концепций в рамках этого подхода является стратегия «умной» специализации, нацеленная на создание конкурентного преимущества региона в перспективных сферах экономической деятельности с учетом, с одной стороны, научно-технологических приоритетов на национальном уровне, а другой стороны, научно-технологического потенциала, потребностей бизнеса, властей и общества и уникальных характеристик и ресурсов региона.

«Умной» специализация названа потому, что она касается выбора направлений развития региона не столько на основе существующей экономической специализации, сколько с учетом места ре-

гиона на перспективных, еще не сформированных рынках, основанных на научно-технологических достижениях. Структурные преобразования посредством инновационной деятельности способны привести к комплексной модернизации традиционных отраслей (то есть переходу на другой уровень технологического развития), диверсификации или переориентации этих отраслей на новые перспективные рынки, а также создание «с нуля» новых (под)секторов.

Применение «умной» региональной специализации направлено на организацию инновационной деятельности и создание новых связей между участниками инновационной экосистемы как внутри региона, так и за его пределами, что позволяет развить новые рынки и отрасли на основе найденных «точек роста». В этой концепции достижение эффективной трансформации рынков и структуры экономики региона опирается на синергические и агломерационные эффекты в инновационной сфере и требует достаточно высокой проектной активности в регионе.

Дополнительная задача «умной» специализации – побуждать регионы инициировать комплексные преобразования, чтобы создавать новые конкурентные преимущества на основе уникальных сильных сторон, потенциала и возможностей региона, а не следуя общим, сформулированным на федеральном уровне шаблонам. Следуя логике региональной дифференциации, регионы получают шанс достичь более высоких результатов по сравнению с теми, которые возникали под влиянием универсальных рекомендаций в логике «лучших практик», сформулированных в федеральном разрезе, однако никак не адаптированных на местном уровне.

Для обеспечения устойчивого инновационного развития региона элементы инновационной политики должны быть единообразно и максимально глубоко проработаны, а также институционализированы на региональной почве (согласованы с локальными целями и условиями развития в области человеческого капитала, в научно-техническом, историческом и социально-экономическом контекстах и т.д.). При этом качество региональной инновационной политики определяется характером: (1) нормативно-правовой базы научно-технической и инновационной политики, (2) ее организационного обеспечения, (3) участия региона в федеральной научно-технической и инновационной политике, в основе которого лежит продуманная долгосрочная стратегия.

⁴ Ивашенко Н.П. Производственно-экономические системы в промышленности России (трансформация, формирование, развитие). Монография. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2000. 283 с. EDN: <https://elibrary.ru/xijvnp>

⁵ Прим. Авторы: на основе методологии «Рейтинга инновационного развития субъектов Российской Федерации». См.: Российская кластерная лаборатория // НИУ ВШЭ. URL: <https://cluster.hse.ru/> (дата обращения: 21.12.2024)

С учетом отсутствия системности в существующей практике определения приоритетов долгосрочного инновационного развития регионов, целью данного исследования является разработка методологии выбора долгосрочных приоритетов «умной» специализации регионов и формирования «трансформационной дорожной карты»⁶ их реализации для российской практики.

Обзор литературы и исследований

Начиная с работы Л. Лейдесдорфа и Г. Ицковица (L. Leydesdorff, H. Etzkowitz) [2], где введено понятие «тройной спирали» взаимодействия науки, бизнеса и государства как драйвера инноваций и экономического развития отдельных территорий, проводится множество исследований по определению условий их эффективного взаимодействия как на страновом, так и на региональном уровнях [3]. В настоящее время концепцию часто расширяют до «четверной спирали» [4], добавляя к числу участников представителей гражданского общества (СМИ, культурные сообщества и др.), и до «пятерной», дополненной за счет «естественной среды общества» (экологических и социальных вопросов развития). В данной работе мы в целом придерживаемся концепции «тройной спирали» как основы функционирования инновационной системы на этапах реализации приоритетов «умной» специализации, однако на этапе определения запросов региона учитывается также мнение гражданского общества, что является частью «четверной спирали».

В подтверждение участия общественности в определении региональной стратегии можно привести цитату из работы Ф. Кука (Ph. Cooke) и соавторов: «регионализм включает политические требования, идущие снизу, где культурологические сообщества (cultural regions)... мобилизуются в условиях воспринимаемого ими пренебрежения со стороны государства, его неэффективности или дискриминации (отдельных регионов) для переговоров о новом институциональном порядке» [5], что создает новую структуру управления и социальный капитал, эффективный на региональном уровне.

Региональная инновационная система как предпринимательская экосистема [6] включает взаимодействие по генерации и коммерциализации знаний со стороны организаций, которые стремятся к развитию сетей и связей на региональном, а затем и на национальном и глобальных уровнях [7, 8]. Идея региональных инновационных систем рас-

сматривается как непрерывный процесс капитализации многоуровневых партнерств для локального (регионального) технологического, инновационного и экономического развития, что отражено в работах Б. Ашейма (B.T. Asheim) с соавторами [9].

При внедрении инноваций компании в региональных инновационных системах полагаются на уникальные качества местных партнерских сетей и региональные ресурсы [9]. Устойчивые конкурентные преимущества в концепции М. Портера (M.E. Porter) определяются локальными активами, включая местные знания, местные сети (партнерства) и системы мотивации, которые не могут быть сопоставимы с внешними конкурентами [10]. При этом высшее образование играет важную роль в процессе регионализации [11, 12], поскольку исследовательские центры, связанные с различными университетами в пределах региона, сотрудничают и предоставляют платформу, способствующую межорганизационному и межфирменному сотрудничеству на местном и региональном уровнях [8].

В российском научном дискурсе множество работ посвящено таким вопросам регионального инновационного развития, как эффективность использования региональной инновационной инфраструктуры при формировании устойчивой региональной высокочередельной экономики [13], проблемы российских региональных инновационных систем [14], методические вопросы дифференциации регионов и их инновационного развития [1, 15].

Если говорить о концепции именно «умной» специализации, то она была сформирована относительно недавно, в 2007–2009 гг., экспертной группой «Knowledge for Growth» Директората по исследованиям и инновациям Еврокомиссии, и стала основой для проекта «Smart Specialization Platform» в ЕС [16]. На сегодняшний день количество статей, посвященных этой концепции, продолжает расти в основном за счет исследования опыта в странах ЕС, что отражено в статье Л.А. Гамидуллаевой⁷. Многие работы посвящены анализу стратегических документов органов власти разных уровней и сравнению их целей с практикой реализации [17, 18], которая не всегда соответствует планам [19, 20]. Так, результаты исследований коллективов авторов под руководством М. Ди Катальдо (M. Di Cataldo) [21] и К. Пилака (K. Pylak) [22] показывают, что во многих S3-стратегиях⁸ выбран слишком широкий список приоритетов (особенно в регионах с более низким качеством государственного

⁶ Прим. Авторы: то есть дорожной карты по достижению целевого состояния отраслей и рынков региона в рамках выбранных приоритетов (подробнее см. далее, в описании 2-го этапа авторской методологии).

⁷ Гамидуллаева Л.А. Умная специализация: происхождение и современное состояние // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2024. Т. 15. № 1. С. 166–184. EDN: <https://elibrary.ru/gqisvb>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2024.15.1.166-184>

⁸ Прим. Авторы: S3 – Smart Specialization Strategy.

управления), что снижает потенциальные эффекты от специализации. Кроме того, руководства многих регионов при разработке собственных программ развития чаще копируют решения соседних регионов, не учитывая свои особенности и преимущества [21, 22].

В российской науке также возрастает интерес к концепции «умной» специализации – исследуются основы формирования и условия применения этого подхода [23, 24], проводится анализ отдельных регионов⁹ и их сравнение по разным показателям разработки и реализации научно-технологической и инновационной политики [15, 25, 26]. Тем не менее, во многих работах определение приоритетов «умной» специализации сводится к поиску текущей экономической специализации региона, без учета долгосрочных научно-технологических приоритетов и потребности в трансформации отраслей для достижения их нового технологического уровня. Поэтому представленная статья посвящена выработке подхода к выявлению именно долгосрочных целей и условий формирования «трансформационных дорожных карт» перехода в целевое состояние.

Материалы и методы

В исследовании проведен комплексный анализ международного опыта организации взаимодействия участников «тройной спирали» в контексте региональной инновационной политики.

В качестве материалов исследования использованы стратегические документы, отчеты и аналитические обзоры, посвященные региональной инновационной политике в ЕС, США и Китае, где уже реализуются программы «умной» специализации регионов. В частности, авторами изучены следующие программы:

- Евросоюз: Стратегия «умной» специализации (Smart Specialization Strategy, S3), Regional Innovation Valleys (RIVs);
- США: Build to scale (панель – Regional Innovation Strategies Program), Regional Innovation Engines Program, Regional Technology and Innovation Hub Program, Manufacturing USA (панель – Национальная сеть по инновациям в производстве), Comprehensive Economic Development Strategies (CEDS);
- Китай: Стратегия национального развития, ориентированная на инновации (Made in China 2025), Региональные инновационные стратегии, Программа промышленных зон с высоким уровнем технологического развития.

Особое внимание уделено европейской программе «Smart Specialization Strategy» (S3), которая стала основой для формирования региональных инновационных стратегий в странах Евросоюза. Также рассмотрены успешные кейсы из США, где региональные инновационные экосистемы развиваются на основе кластерных инициатив и государственно-частного партнерства, и из Китая, где централизованное планирование сочетается с поддержкой локальных инновационных инициатив.

Основными методами исследования являются следующие:

- Сравнительный анализ – для выявления общих и уникальных черт региональной инновационной политики в разных странах. Этот метод позволил определить ключевые факторы успеха, такие как наличие четкой стратегии, вовлеченность всех участников «тройной спирали», а также учет локальных особенностей регионов, что включено в рекомендации по реализации отдельных этапов методологии.
- Качественный анализ – для изучения процессов взаимодействия между наукой, бизнесом и государством. Были рассмотрены механизмы координации, инструменты поддержки инноваций и роль региональных властей в формировании инновационной экосистемы.
- Экспертные оценки – для формирования методологии с учетом мнения региональных властей, научных организаций и бизнеса были проведены интервью с их представителями. В частности, авторы статьи участвовали в разработке стратегий регионального развития 4-х регионов и одного макрорегиона России с последующей институционализацией этих стратегий. Разработка указанных стратегий следовала логике представленной в статье методологии в соответствии с принципами выхода на новый технологический передел, проходила экспертную валидацию в рамках серий воркшопов с представителями региональной власти, промышленного и научно-технологического сектора в рамках сессий в РГО, РСПП. Кроме того, в работе использован опыт, полученный авторами при участии в разработке методологии Национальной технологической инициативы в части роли научно-технологического сектора, а также Стратегии научно-технологического развития страны от 2016 г.¹⁰

Методологический характер статьи подразумевает также применение общенаучных методов для обобщения практического опыта и его концептуализации

⁹ Абашкин В.Л., Гохберг Л.М. и др. Атлас экономической специализации регионов России // НИУ ВШЭ. Москва, 2021. 264 с. URL: <https://ris3.hse.ru/> (дата обращения: 21.12.2024)

¹⁰ Прим. Авторы: утверждена Указом Президента РФ от 01.12.2016 г. № 642. См.: Сайт Президента России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201612010007.pdf> (дата обращения: 21.12.2024)

для возможности тиражирования. Таким образом, материалы и методы, использованные в статье, обеспечивают комплексный подход к разработке методологии построения «умных» региональных инновационных стратегий с учетом существующей практики российских регионов и подходов других стран.

Результаты исследования

Анализ опыта применения региональных инновационных стратегий со специализацией показал, что в США и ЕС доминирует децентрализованный принцип формирования региональных инновационных экосистем при условии директивно определенных на национальном уровне целей; в Китае же доминирует централизованный подход. Но общим для региональных инновационных программ этих стран является:

- обоснованность, регулярные обновления и устойчивая реализация программ инновационного развития регионов, цели которых согласуются с национальными приоритетами и задачами;
- директивное определение приоритетов на национальном уровне, из которых либо сами регионы выбирают приоритеты (США, ЕС), либо их распределяет центральное правительство (Китай);
- использование специализированных механизмов трансляции национальных целей на региональный уровень;
- конкретизация критериев для отбора проектов, обеспечивающих достижение целей инновационной политики;
- формирование межрегиональных сетей и цепочек добавленной стоимости на основе специализации макрорегионов.

Отдельно следует отметить процесс «предпринимательского открытия (поиска)» (в логике Й.А. Шумпетера), включающий выявление и развитие

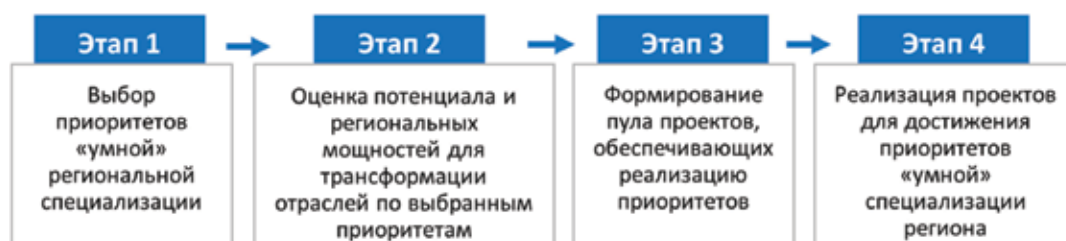
приоритетных направлений исследований и разработок, для которых определяются вакантные и привлекательные рыночные ниши и существует предпринимательский потенциал внутри региона [21]. Среди проанализированных программ в явном виде важность процесса «предпринимательского поиска» заявлена только в политике S3 в ЕС, которая подчеркивает роль предпринимательских знаний, сочетающих «знания об уровне научного потенциала той или иной области, об уровне технологий и инженерии, со знаниями о потенциале роста рынка, действующих акторах (потенциальных конкурентах, партнерах), а также о всем наборе ресурсов и услуг, необходимых для вывода на рынок инновационных товаров»¹¹ Именно предпринимательское сообщество, обеспечивающее сочетание этих знаний и навыков, запускает «процесс предпринимательского поиска» и взаимодействие участников «тройной спирали», что создает условия для выявления и развития приоритетных направлений исследований и разработок как с научно-технической, так и коммерческой точки зрения.

Перейдем к описанию методологии выбора и реализации приоритетов «умной» специализации регионов, которая состоит из 4-х этапов (рис. 1). Далее рассмотрим подробно каждый этап.

Этап 1. Выбор приоритетов «умной» региональной специализации

В качестве отправной точки необходимо определить приоритетные области таким образом, чтобы для них можно было задать вектор долгосрочной трансформации, соответствующий общим макроэкономическим, рыночным и технологическим трендам развития как на федеральном, так и на региональном уровне.

Возможны три основных подхода к организации процесса взаимодействия акторов по выявлению,

Разработано авторами.

Рис. 1. Процесс формирования и реализации «умной» региональной специализации

Developed by the authors.

Fig. 1. The process of implementing smart regional specialization

¹¹ About S3 Smart Specialisation // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/policy/communities-and-networks/s3-community-of-practice/about_en (дата обращения: 21.12.2024)

выбору и развитию приоритетных направлений инновационного развития региона:

- 1) директивное определение ряда приоритетов, развитие которых следует логике федерального центра;
- 2) совместное выявление приоритетов участниками «тройной» либо «четверной спирали» в рамках децентрализованного коллективного процесса (например, в рамках серии воркшопов с представителями каждого элемента спирали);
- 3) выбор на основе анализа больших данных с использованием инструментария базовых социально-сетевых техник, математических методов анализа больших данных, в том числе на основе машинного обучения.

Сочетание этих качественных и количественных подходов позволит максимально эффективно выбрать долгосрочные «умные» приоритеты и сформировать экосистему проектов и стейкхолдеров, а также структурировать дорожную карту реализации приоритетов.

При выборе приоритетов следует учитывать следующие условия.

1. Концентрация на конкретных приоритетах. Во-первых, выбор ограниченного числа приоритетов для отдельного региона способствует созданию определенной плотности участников и проектов, которые связаны между собой. Плотность участников позволяет получать выгоды от синергии, взаимодополняемости и эффектов агломерации – факторов успешной инновационной деятельности, развития креативности и продуктивности научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности.

Во-вторых, концентрация на приоритетных направлениях позволяет достичь определенного уровня специфичности ресурсов, требуемого для успешной инновационной деятельности в конкретной индустриальной или технологической области. Поскольку инфраструктура, необходимая для развития, например, секторов цифрового автопрома и «умного» здравоохранения, значительно различается, возможность обеспечить всю специализированную инновационную инфраструктуру и услуги для всех рынков и видов деятельности в рамках одного региона или даже группы регионов отсутствует. Поэтому необходимым становится выбор конкретных областей для концентрации усилий.

2. Концентрация не на действующих структурах (например, самых экономически эффективных отраслях экономики региона в текущий момент времени), а на их трансформации. Это условие призвано обеспечить активизацию вектора целенаправленного вмешательства в интересах комплексной

трансформации: не достаточно принадлежать определенной отрасли, чтобы получить поддержку и стать частью стратегии «умной» специализации, необходимо также быть вовлеченным в процесс трансформации. Например, далеко не все участники традиционного автопрома могут быть включены в новый «образ» этой отрасли в перспективе 10–15-ти лет, то есть в так называемую «умную мобильность». Производители двигателей внутреннего сгорания, очевидно, действуют в логике, контрнаправленной вектору «умной мобильности», основа которой – электрификация, автономное вождение и шеринг средств передвижения.

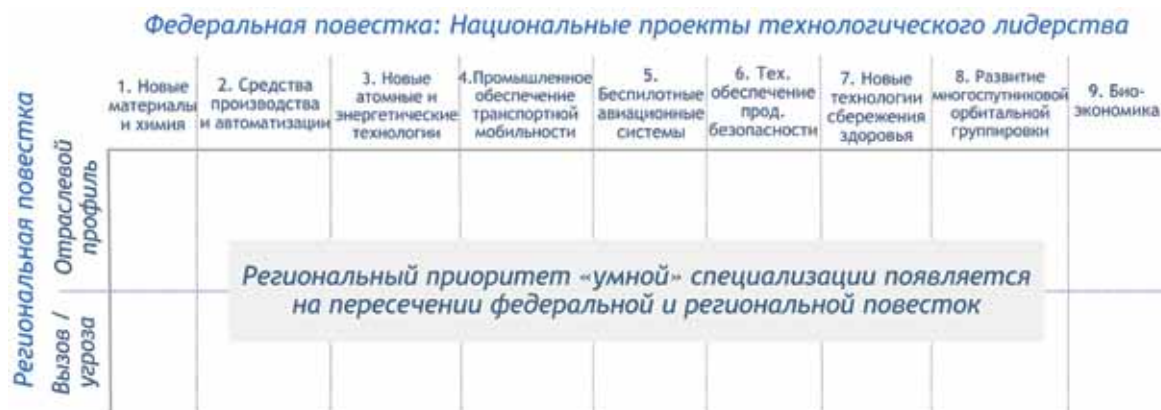
3. Предпочтение логики развития «снизу вверх» (от местного к региональному, а не от федерального к региональному) и децентрализации, когда целевая трансформация следует не заранее заданному пути, а формируется по мере развития самого процесса. Это означает отсутствие заранее составленного четкого плана развертывания «умной» специализации на уровне отдельного региона: «план» возникнет *ex post*, в результате осуществления самого процесса, включенности в него тех или иных участников, их активности. В этом случае актуален аргумент Ф. Хайека (F. Hayek), что знание о том, что нужно делать и как именно это делать, не является очевидным и доступным в централизованной форме, оно не сосредоточено в руках государства или отдельного органа управления [27]. Хайек подчеркивал, что такое знание является локальным, специфичным для «времени и места». Оно децентрализовано, рассредоточено среди множества людей и организаций, и его можно раскрыть только через взаимодействие различных участников: предпринимателей, работников, жителей региона, экспертов и прочих стейкхолдеров.

4. Поиск баланса между слишком широким и слишком узким определением приоритетной области. Слишком широкое определение затруднит достижение плотности и агломерационных эффектов, которые являются ключевой целью «умной» специализации, тогда как слишком узкое определение приведет к исключению многих участников, которые могли бы в той или иной мере способствовать трансформации.

5. Приоритет должен сочетать национальные и региональные интересы. С одной стороны, в нем должны быть отражены региональные возможности (сильные стороны и потенциал) и перспективы (инновации и мегатренды), а также вызовы, стоящие перед регионом. С другой стороны, региональный «умный» приоритет должен соответствовать задачам федеральной программы инновационного развития. В настоящий момент это «Стратегия научно-технологического развития», национальная цель «Технологическое лидерство»,

отраженная в 9-ти национальных проектах ¹², приоритетные направления научно-технологического развития и перечень важнейших наукоёмких технологий ¹³.

Таким образом, приоритет «умной» региональной специализации будет находиться на пересечении федеральной и региональной повесток (рис. 2).

Разработано авторами

Рис. 2. Процесс выбора приоритета «умной» региональной специализации

Developed by the authors

Fig. 2. The process of choosing the priority of smart regional specialization

В данной матрице федеральная повестка представлена национальными проектами технологического лидерства, сформированными в соответствии с рыночной парадигмой. Далее выбирается региональная повестка – либо в соответствии с существующим отраслевым профилем региона, либо в соответствии с неким вызовом (угрозой), с которым региону предстоит справиться в ближайшее время. Приведем примеры для обоих этих случаев. Для Тамбовской области, специализирующейся на растениеводстве, мясной продукции, животноводстве и смешанном сельском хозяйстве ¹⁴, «умный» приоритет будет находиться на пересечении с нацпроектами «Технологическое обеспечение продовольственной безопасности» и «Биоэкономика». Для ХМАО-Югра приоритет «умной» специализации будет находиться на пересечении

вызова – поставленной на федеральном уровне задачи развития направления передовых инженерных технологий и новых материалов, адаптированных к условиям Севера и Арктики ¹⁵ (вопросу, актуальность которого будет только расти в связи с угрозами климатической повестки и потепления) – с нацпроектами «Новые материалы и химия» и «Промышленное обеспечение транспортной мобильности».

Далее выявленный приоритет необходимо соотнести с национальной научно-технологической повесткой ¹⁶. Продолжим наш пример для Тамбовской области и среди всех ключевых и сквозных технологий отметим те, которые соответствуют выбранному приоритету (рис. 3).

Таким образом, региональная дифференциация будет ограниченной, и результаты приоритизации

¹² Прим. Авторы: 8 проектов уже запущено, а проект «Биоэкономика» еще в разработке. См.: Михаил Мишустин дал поручения по итогам стратегической сессии, посвящённой технологическому лидерству // Правительство России. 10.02.2025. URL: <http://government.ru/news/54184/>; Кузьмин В. Мишустин: Россия должна стать лидером в биоэкономике к 2036 году // RG.RU. 04.03.2025. URL: <https://rg-ru.turbopages.org/rg.ru/s/2025/03/04/mishustin-rossiya-dolzha-k-2036-godu-stat-liderom-v-bioekonomike.html> (дата обращения: 06.03.2025)

¹³ Указ Президента РФ от 18.06.2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоёмких технологий» // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50755> (дата обращения: 21.12.2024)

¹⁴ Прим. Авторы: см., например, Абашкин В.Л., Гохберг Л.М. и др. Атлас экономической специализации регионов России // НИУ ВШЭ. Москва, 2021. 264 с. URL: <https://ris3.hse.ru/> (дата обращения: 21.12.2024)

¹⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 02.08.2023 г. № 1255 «О создании инновационного научно-технологического центра "ЮНИТИ ПАРК"» // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/all/149158/> (дата обращения: 21.12.2024)

¹⁶ Прим. Авторы: как говорилось выше, прежде всего, в соответствии с приоритетными направлениями научно-технологического развития и перечнем важнейших наукоёмких технологий.

КРИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ	
1.	Технологии создания высокоэффективных систем генерации, распределения и хранения энергии (в том числе атомной)
2.	Технологии создания энергетических систем с замкнутым топливным циклом
3.	Биомедицинские и когнитивные технологии здорового и активного долголетия
4.	Технологии разработки лекарственных средств и платформ нового поколения (биотехнологических, высокотехнологичных и радиофармацевтических лекарственных препаратов)
5.	Технологии персонализированного, лечебного и функционального питания для здоровьесбережения
6.	Технологии разработки медицинских изделий нового поколения, включая биогибридные, бионические технологии и нейротехнологии
7.	Технологии повышения продуктивности (в том числе с помощью селекции) сельскохозяйственных животных и их устойчивости к заболеваниям
8.	Технологии разработки ветеринарных лекарственных средств нового поколения, в том числе для профилактики и лечения инфекционных заболеваний у сельскохозяйственных животных
9.	Технологии получения устойчивых к изменениям природной среды новых сортов и гибридов растений
10.	Технологии создания биологических и химических средств для повышения урожайности сельскохозяйственных культур и их защиты от болезней и вредных организмов (природного или искусственного происхождения)
11.	Технологии микроэлектроники и фотоники для систем хранения, обработки, передачи и защиты информации
12.	Технологии защищенных квантовых систем передачи данных
13.	Технологии создания доверенного и защищенного системного и прикладного программного обеспечения, в том числе для управления социальными и экономически значимыми системами
14.	Транспортные технологии для различных сфер применения (море, земля, воздух), в том числе беспилотные и автономные системы
15.	Технологии космического приборостроения для развития современных систем связи, навигации и дистанционного зондирования Земли
16.	Технологии системного анализа и прогноза социально-экономического развития и безопасности РФ в формирующемся миропорядке
17.	Современный инструментальный исследования и укрепления цивилизационных основ и традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества, включая историко-культурное наследие и языки народов РФ
18.	Социально-психологические технологии формирования и развития общественных и межнациональных отношений
19.	Мониторинг и прогнозирование состояния окружающей среды и изменения климата (в том числе ключевых районов Мирового океана, морей России, Арктики и Антарктики), технологии предупреждения и снижения рисков чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, негативных социально-экономических последствий
20.	Экологически чистые технологии эффективной добычи и глубокой переработки стратегических и дефицитных видов полезных ископаемых
21.	Технологии сохранения биологического разнообразия и борьбы с чужеродными (инвазивными) видами животных, растений и микроорганизмов
СКВОЗНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ	
22.	Технологии, основанные на методах синтетической биологии и геномной инженерии
23.	Технологии создания новых материалов с заданными свойствами и эксплуатационными характеристиками
24.	Технологии производства малотоннажной химической продукции, включая особо чистые вещества, для фармацевтики, энергетики и микроэлектроники
25.	Технологии искусственного интеллекта в отраслях экономики, социальной сферы (включая сферу общественной безопасности) и в органах публичной власти
26.	Технологии создания отечественных средств производства и научного приборостроения
27.	Природоподобные технологии
28.	Биотехнологии в отраслях экономики

Примечание: Цветом выделены позиции, соответствующие выбранному приоритету.

Разработано авторами на основе: Указ Президента РФ от 18.06.2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоёмких технологий» // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50755> (дата обращения: 21.12.2024)

Рис. 3. Выбор наукоёмких технологий, соответствующих приоритету «умной» региональной специализации на примере Тамбовской области

Developed by the authors based on: Decree of the President of the Russian Federation of 18.06.2024 № 529 "On approval of priority areas of scientific and technological development and a list of the most important science-intensive technologies". Website of the President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50755> (accessed: 21.12.2024) (In Russ.)

Fig. 3. The selection of high-tech solutions aligned with the priority of smart regional specialization: case of the Tambov region

первого этапа не обязательно будут весьма заметно различаться от региона к региону. При определенных условиях приоритетные области и технологии могут в значительной степени совпадать между регионами. Действительная региональная дифференциация произойдет позже, в рамках этапов 2, 3 и 4.

Этап 2. Оценка потенциала и региональных мощностей для трансформации отраслей по выбранным приоритетам

Конкретизация приоритетов в преобразующие мероприятия (определение проектов и участников) является самым сложным этапом всего процесса и заключается в формировании «трансформационной карты» – дорожной карты, содержащей структурированный набор преобразующих мероприятий, привязанных к определенным временным границам и требуемым ресурсам для реализации в рамках выбранных приоритетов.

Задачу формирования «трансформационных карт» можно сформулировать так: наш приоритет – это реализация выявленного на 1-м этапе регионального приоритета путем предварительного развития (при необходимости) и применения важнейших наукоемких технологий на принципиально новом технологическом уровне (переделе). Например, реализуя переход от аналогового этапа развития сельского хозяйства, животноводства и растениеводства к цифровому этапу, в Тамбовской области будут применять биотехнологии, решения в области агро-IoT, прецизионного земледелия, агроэкосистемы и климатические адаптивные технологии (все они являются следующим уровнем конкретизации в рамках перечня важнейших наукоемких технологий).

На начальном этапе регион находится на определенном уровне технологий, занятости и квалификации работников индустрии, в определенной логике бизнес-моделей компаний и уровне их производительности. В соответствии с подходом «умной» специализации регион будет стремиться перейти на более высокий уровень технологий, квалификации и экономической эффективности, соответствующий приоритетам научно-технологического развития страны. Ключевой вопрос в этом процессе: почему отрасль/индустрия все еще не достигла этого, более привлекательного и совершенного, научно-технологического уровня, трансформацию в направлении которого мы заявили как приоритет; какие ограничения, рыночные и координационные «бутылочные горлышки» мешали этой трансформации. Некоторые из ограничений очевидны или

могут быть выявлены путем тщательного анализа, другие остаются скрытыми, но оказывают влияние. Именно в выявлении и поиске решений для преодоления этих препятствий и проявляется этап перехода к «трансформационной карте».

Наполнение «трансформационной карты» весьма разнообразно:

- 1) сами инновационные проекты, отвечающие вектору трансформации приоритетной отрасли/индустрии;
- 2) проекты, направленные на формирование рабочей силы, обладающей новыми навыками и квалификациями, необходимыми для развития приоритетного направления;
- 3) новые формы управления, позволяющие перейти на новый этап технологической готовности;
- 4) конкретные общественные блага (специализированные услуги, например, технопарки определенного профиля);
- 5) проактивное развитие определенных ключевых технологий, а также их распространение за счет отстроенной системы сертификации и т.д.

В этой связи возникает вопрос, как проанализировать возможности и потенциал региона для выбора наиболее подходящего приоритета. Для этого могут быть использованы различные методы (табл. 1).

Представленные в табл. 1 методы могут помочь в выявлении не только возможностей региона, но и конкретных проектов, потенциально пригодных к включению в дорожную карту достижения приоритета, что является частью 3-го этапа.

Этап 3. Формирование пула проектов, обеспечивающих реализацию приоритетов

Выявленные приоритеты должны быть транслированы в экономическую деятельность в виде инновационных проектов, имеющих явный социо-экономический эффект, например:

- создание новых, максимально высокочередельных в текущих условиях продуктов;
- формирование новых рабочих мест;
- обновление учебных программ на основе новых знаний, которые получены в рамках разработки продукта – для этого должна быть реализована задача по переводу, трансляции научных знаний в образовательный контекст¹⁷;
- развитие инфраструктурной базы в регионе.

¹⁷ Прим. Авторы: Рассинхронизация целей образования и рынка труда (то есть отражение запросов экономических объектов) во всем мире становится все более очевидной. В этой связи любые попытки обеспечить синхронизацию, способствовать появлению класса специалистов, обладающих знаниями, умениями и навыками для развития сформированных в рамках реализации стратегии «умной» региональной специализации проектов, становятся ключевым фактором устойчивости этих процессов.

Таблица 1

Подходы и методы выявления проектов в регионе, соответствующих «умному» приоритету специализации региона

Table 1

Approaches and methods for identifying projects in the region that correspond to the smart priority of the region's specialization

Подход	Детализация	Потенциальные методы (примеры)
Кластерный анализ	Кластеризация может выявить потенциальные секторальные и технологические синергии внутри региона. Она помогает определить «связанное разнообразие», когда отрасли связаны не только географически, но и через знания или цепочки поставок	Инструменты социального сетевого анализа (social network analysis), включая теорию графов, алгоритмы обнаружения сообществ (алгоритмы Лувена или Жирвана-Ньюмана), меры центральности (выявление влиятельных компаний или секторов)
Анализ межотраслевых / индустриальных связей	Анализ подчеркивает связи между отраслями на основе цепочек поставок или входно-выходных связей, помогая выявить секторы с сильными региональными связями	
Сети передачи знаний (Knowledge Spillover Networks)	Изучая цитирование патентов, соавторство или сотрудничество, эта теория сетей может выявить секторы, в которых знания свободно распространяются, что может указывать на инновационный потенциал	
Методы сокращения размерности	Крупные наборы данных, такие как данные по компаниям или патентам, часто содержат информацию с высокой размерностью (например, сотни характеристик, относящихся к каждой компании). Сокращение размерности упрощает эти данные, фокусируясь на наиболее релевантных переменных	Анализ главных компонент (PCA), стохастическое соседское вложение t-DSNE (t-Distributed Stochastic Neighbor Embedding), факторный анализ
Кластерный анализ и машинное обучение без разметки	Позволяет выявлять кластеры взаимосвязанных отраслей, компаний или технологических областей внутри региона без заранее заданных меток	Кластеризация K-средних, иерархическая кластеризация, DBSCAN
Обработка естественного языка (NLP – Natural Language Processing)	Извлечение релевантной информации из неструктурированных данных (текстов патентов, научных статей, отчетов и стратегий компаний и регионов и проч.) для выявления трендов и специализаций	Тематическое моделирование (латентное размещение Дирихле), векторное представление слов (Word2Vec, GloVe), распознавание именованных сущностей (NER)
Прогнозное моделирование и контролируемое машинное обучение	Прогнозирование секторов с высоким потенциалом роста путем анализа исторических данных о росте сектора, инвестициях в НИОКР, патентной активности и т.д.	Логистическая регрессия, модели случайного леса и градиентного бустинга, нейронные сети
Поиск ассоциативных правил	Обнаружение скрытых взаимосвязей между различными секторами, технологиями или фирмами, что полезно для выявления «умных» комбинаций секторов	Алгоритм Apriori, FP-Growth (Frequent Pattern Growth)

Разработано авторами.

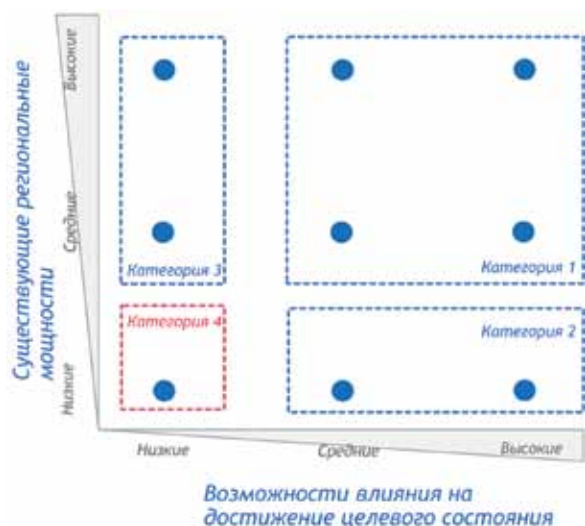
Developed by the authors.

Ключевым вызовом на этом пути становится избегание «скатывания» к так называемым «фабрикам проектов», то есть «деятельности ради деятельности» – проектам, отвечающим выявленным приоритетам, однако не обладающим действительными социо-экономическими эффектами для жизни региона.

На этом этапе по согласованным региональными стейкхолдерами критериям собирается множество потенциальных проектов и настраивается система мониторинга новых проектов, которые будут возникать в регионе в отраслях, связанных с достижением приоритетов. Для ответа на вопрос о том, какие проекты из всего множества, от крупных индустриальных и до малых студенческих стартапов, следует выбрать и поддержать в рамках реализации стратегии как соответствующие

логике трансформации и способствующие достижению ее целевого состояния, предлагаем использовать простой, но действенный инструмент: матрицу «Существующие мощности – Возможности» (рис. 4). Оценка проектов по каждому критерию проводится экспертами с представителями всех групп стейкхолдеров, при этом конкретизация критериев зависит от выбранного приоритета и может отличаться от уровня социально-экономического и научно-технического потенциала региона.

Оценка существующих региональных мощностей для проектов включает анализ доступности человеческих ресурсов, необходимых навыков и компетенций, а также наличие исследовательского и научно-технического потенциала, то есть партнеров, компаний и предпринимателей, заинтересованных и способных участвовать в проекте.

Разработано авторами.

Рис. 4. Матрица «Существующие мощности – Возможности»

Developed by the authors.

Fig. 4. Matrix "Opportunities – Capacity"

При этом проект, выбранный для реализации, не обязан полностью соответствовать высокому уровню шкалы «существующих региональных мощностей» с самого начала, поскольку развитие таких мощностей и является, во многом, целью заявленной трансформации выбранной приоритетной области. Однако необходим хотя бы минимальный уровень соответствия – должны присутствовать, по крайней мере, «низкие» существующие региональные мощности (особенно в отношении вовлеченности компаний). Крайне важно это учитывать при выборе приоритетов из позиции «регионального вызова». Поскольку такая оценка является достаточно субъективной, нужно инициировать активные обсуждения, например, в формате воркшопов, со всеми стейкхолдерами приоритетного направления развития, для принятия решений на основе доказательств.

Оценка возможностей влияния проекта на достижение целевого состояния выбранного приоритета трансформации предполагает анализ того, в какой степени проект может способствовать реализации трансформационного потенциала и достижению целевого состояния.

Таким образом, можно выявить следующие 4 категории проектов (см. рис. 4), в порядке убывания их приоритетности.

- Категория 1 – проекты со средними или высокими существующими региональными мощностями и средними или высокими возможностями влияния считаются региональными приоритетами для первоначальной «трансформационной карты», включаются в нее и должны быть поддержаны.

- Категория 2 – проекты с высокими/средними возможностями влияния, но слабыми/умеренными мощностями могут рассматриваться как варианты, для которых критически необходимо наращивание потенциала и, с большой вероятностью, межрегиональное сотрудничество (чтобы «импортировать» недостающие ресурсы). Если запустить создание региональных мощностей либо организовать межрегиональную кооперацию, возможно, эти проекты будут включены в «трансформационную карту».
- Категория 3 – проекты с высокими/средними мощностями, но недостаточно соответствующие цели трансформации, то есть с низкими возможностями влияния на достижение целевого состояния. Если они могут быть пересобраны и иначе организованы, чтобы лучше способствовать заявленной трансформации, то существует возможность включения их в «трансформационную карту».
- Категория 4 – проекты с низкими мощностями и низкими перспективами возможного влияния на достижение целевого состояния не должны включаться в «трансформационную карту».

При формировании карт проектов проводится оценка потенциала как региона, так и отдельного проекта с применением обозначенных выше методов анализа (см. табл. 1) и экспертной оценки с привлечением максимально широкой группы стейкхолдеров, консолидация взглядов которых позволит снизить издержки, связанные с дефицитом и асимметрией информации, которые могут возникать при проектировании «умной» региональной стратегии в отрыве от ее стейкхолдеров и акторов. К участию в дискуссии по выбору проектов следует привлекать представителей всех категорий «тройной спирали»: представителей государства (прежде всего, региональной власти), университетов и регионального научного сектора, бизнеса (крупных, средних и малых компаний, в том числе наукоемких, а также стартапов). Далее выбранные проекты проверяются на связность и потенциал синергии, что также является эффектом будущей «умной» региональной стратегии.

В примере приоритета по формированию цифрового сельского хозяйства в регионе выбранные проекты будут включать развитие специализированной инфраструктуры для стартапов в области биотех и агро-IoT (например, бизнес-инкубатора, фаблаба, центра прототипирования, акселерационной программы) и создание центра обработки данных в области сельского хозяйства. Оба эти проекта направлены на увеличение ресурсов в экосистеме НИОКР региона, что будет способствовать инновационной деятельности в области цифрового сельского хозяйства в регионе (push-подход). Параллельно необходимо выбрать несколько проектов, ориентированных на создание

условий: привлечение участников и формирование возможностей для инноваций в сфере цифрового сельского хозяйства. Например, запустить платформу для поддержки совместных проектов малых и средних предприятий по диверсификации и сертификации объектов агро-IoT, а также программу обучения, направленную на развитие необходимых новых навыков для операторов беспилотной сельскохозяйственной техники, биотехнологов, агроэкологов, специалистов прецизионного земледелия (pull-подход). Также следует включить проекты, ориентированные на активизацию спроса на инновации, такие как цифровая платформа для закупок беспилотной сельскохозяйственной техники для работы в полях или для координации потребностей фермеров в селективных семенах. Наконец, необходимо запустить проект, целью которого станет усиление координации участников будущего цифрового сельскохозяйственного кластера, например, платформа управления для координации мониторинга процесса реализации стратегии и обеспечения продолжения предпринимательского поиска в определенной приоритетной области.

Этап 4. Реализация проектов для достижения приоритетов «умной» региональной специализации

Реализация трансформационной деятельности требует мобилизации и координации финансовых инструментов, которые часто имеют разные цели финансирования (НИОКР, обучение, развитие инфраструктуры и др.), а также оценки проектов с точки зрения перспектив их финансирования, потенциала успеха и общего вклада в трансформацию приоритетного направления. Необходимо закладывать различные критерии выбора проектов для финансирования, которые, помимо непосредственной отдачи средств, вносят вклад в трансформацию приоритетной отрасли, чему должен присваиваться даже больший вес в общей оценке.

«Умная» специализация, как подчеркивалось выше, исходит из приоритета ценности одновременной поддержки синергичных друг другу проектов, поскольку они оказывают большее влияние на процесс и системность трансформации.

Ключевой вызов в реализации комплексной стратегии инновационного развития региона лежит в управленческом поле. Он заключается в некомпетентности (неготовности) управленческой команды региона в области разработки и дальнейшей реализации инновационных стратегий регионального развития. Вопросы в этой сфере требуют одновременного видения и понимания векторов различных областей регионального развития: прежде всего, экономического, кадрового, в сферах образо-

вания, промышленности и торговли. В этой связи надзор за данным процессом логично «замыкать» на курирующего вице-губернатора, способного оказывать влияние на развитие всех областей региональной политики.

Главным вопросом при формировании и применении модели управления становится правильная формализация процесса мониторинга и оценивания продвижения в рамках выявленных приоритетов.

Модель управления процессом достижения заявленных приоритетов «умной» специализации требует особого внимания. Если на этапе 1 доминирует централизованное определение приоритетов, на основе национальных целей и важнейших наукоемких технологий с их согласованием с запросами регионов, то следующие этапы уже более децентрализованы, реализуются «снизу вверх». Для каждого выбранного приоритета должна быть сформирована соответствующая координационная и инвестиционная комиссия (комитет), которая займется выполнением этапа 3 (выбором проектов с целью преобразования приоритета в трансформационную деятельность) и этапа 4 (разработкой и реализацией плана действий по достижению целевого состояния выбранной приоритетной области с помощью выбранных проектов).

Эта децентрализация будет обеспечивать запуск механизмов мониторинга, обмена информацией и придаст общую гибкость процессу реализации, что скажется на их эффективности. По сути, логика развертывания этапов 2–4 должна следовать типу управления ARPA, то есть относиться к подходу, вдохновленному моделью Агентства передовых исследовательских проектов (Advanced Research Projects Agency, ARPA), которая делает акцент на гибкости, инновациях и независимости в управлении сложными высокорискованными проектами с потенциально трансформационными эффектами. Ключевыми принципами данного подхода являются [28]:

- проектирование в логике «снизу вверх» – поощряет команды и отдельных руководителей проектов предлагать и формировать проекты на основе выявленных потребностей и возможностей;
- свобода действия при выборе проектов – руководители программ обладают значительной автономией в выборе и корректировке проектов, что позволяет быстро адаптироваться к новым вводным и изменяющимся условиям;
- активное управление проектами – руководители программ глубоко вовлечены в каждый проект, обеспечивая его соответствие трансформационным целям и внося изменения по мере необходимости;
- организационная гибкость – организации ARPA-типа спроектированы как agile-команды, что

позволяет быстро перераспределять ресурсы и менять приоритеты проектов.

Таким образом, управление в рамках «умной» региональной специализации сочетает централизованный и децентрализованный подходы к принятию решений: на этапе 1 ключевыми являются национальные цели и проекты, определенные федеральным центром, но на последующих этапах возрастает роль экспериментального управления на уровне отдельного региона. В целом, данная методология «умной» специализации регионов подчеркивает, что успешное инновационное развитие возможно только при условии комплексного подхода, сочетающего стратегическое планирование на федеральном уровне с гибкостью в адаптации к локальным условиям.

Выводы

В России вопрос внедрения и следования «умной» специализации регионов стоит весьма остро. Существует многообразие инструментов, программ, инициатив, которые нацелены на формирование сообщества участников «тройной спирали» на уровне макрорегионов или страны, на выявление приоритетных проектов и их развитие. Однако до недавнего времени подобные проекты нередко фокусировались лишь на двух категориях участников «тройной спирали»: задача целенаправленного объединения и стимулирования к взаимодействию научно-образовательного и бизнес-сообщества не всегда виделась приоритетной. Кроме того, часто упускались проблемы институционализации в условиях региона инициатив по интеграции участников, необходимости учета сложившихся на конкретной территории научно-индустриальных связей на основе долгосрочной комплексной стратегии регионального инновационного развития.

Вызовами на пути формирования и функционирования региональных инновационных систем в нашей стране являются также плохо транслируе-

мая федеральная повестка инновационного развития и пока не сложившаяся практика создания региональных экосистем инновационного развития, объединяющих и обеспечивающих поддержку участникам, которые могут выступить в качестве реальных драйверов инновационного роста выбранных приоритетов.

Предложенная в статье методология определения приоритетов «умной» специализации содержит 4 последовательных этапа, которые образуют взаимосвязанную систему, учитывая как глобальные тренды, так и локальные особенности.

На этапе 1 – выбор приоритетов – важно достичь баланса между широкими и узкими направлениями специализации. Учет как федеральных стратегических целей, так и локальных реалий региона, запросов бизнеса и общества обеспечивает согласованность действий всех участников «тройной» и «четверной спирали».

Этап 2 – оценка регионального потенциала – направлен на выявление ограничений и возможностей для трансформации выбранных приоритетов в соответствии с ведущим технологическим вектором для данной области.

Этап 3 – формирование пула проектов – является ключевым для перехода от стратегического планирования к практической реализации и завершается построением «трансформационной карты».

Наконец, этап 4 – реализация проектов – завершает процесс «умной» специализации, переводя стратегические планы в конкретные действия.

Представленная методология выбора приоритетов регионального инновационного развития и формирования «трансформационных карт» может быть использована различными регионами России для формирования действительных точек роста на базе инновационной деятельности как в региональном, так и в национальном масштабе.

Список источников

1. Земцов С.П., Барина В.А. Смена парадигмы региональной инновационной политики в России: от выравнивания к «умной специализации» // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 65–81. EDN: <https://elibrary.ru/wqxsdr>. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-10-65-81>
2. Leydesdorff L., Etzkowitz H. The triple helix as a model for innovation studies // Science and Public Policy. 1998. Vol. 25. Iss. 3. С. 195–203. <https://doi.org/10.1093/SPP/25.3.195>
3. Дежина И.Г., Киселева В.В. «Тройная спираль» в инновационной системе России // Вопросы экономики. 2007. № 12. С. 123–135. EDN: <https://elibrary.ru/jvizqp>. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2007-12-123-135>
4. Carayannis E.G., Campbell D.F.J. “Mode 3” and “Quadruple Helix”: toward a 21st century fractal innovation ecosystem // International Journal of Technology Management. 2009. Vol. 46. Iss. 3/4. P. 201–234. <https://doi.org/10.1504/IJTM.2009.023374>

5. *Cooke Ph., Uranga M.G., Etzebarria G.* Regional innovation systems: institutional and organisational dimensions // *Research Policy*. 1997. Vol. 26. Iss. 4-5. P. 475–491. [https://doi.org/10.1016/S0048-7333\(97\)00025-5](https://doi.org/10.1016/S0048-7333(97)00025-5)
6. *Cooke Ph.* The virtues of variety in regional innovation systems and entrepreneurial ecosystems // *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. 2016. Vol. 2. Iss. 3. P. 1–19. <https://doi.org/10.1186/s40852-016-0036-x>
7. *Farinha L., Ferreira J., Ratten V.* Regional innovation systems and entrepreneurial embeddedness // *European Planning Studies*. 2018. Vol. 26. Iss. 11. P. 2105–2113. <https://doi.org/10.1080/09654313.2018.1530146>
8. *Kitagawa F., Woolgar L.* Regionalisation of innovation policies and new university–industry links in Japan: policy review and new trends // *Prometheus*. 2008. Vol. 26. Iss. 1. P. 55–67. <https://doi.org/10.1080/08109020701846033>
9. *Asheim B.T., Isaksen A.* Regional innovation systems: the integration of local ‘sticky’ and global ‘ubiquitous’ knowledge // *The Journal of Technology Transfer*. 2002. Vol. 27. P. 77–86. <https://doi.org/10.1023/A:1013100704794>
10. *Porter M.E.* Clusters and the new economics of competition // *Harvard Business Review*. 1998. Vol. 76. Iss. 6. P. 77–90. EDN: <https://elibrary.ru/cwriol>
11. *Cai Y., Liu C.* The role of university as institutional entrepreneur in regional innovation system: towards an analytical framework // In: *Examining the role of entrepreneurial universities in regional development* / Ed. by A.D. Daniel, A.C. Teixeira, M.T. Preto. Hershey, PA: IGI Global, 2020. P. 133–155. <https://doi.org/10.4018/978-1-7998-0174-0.ch007>
12. *Yao W., Li H., Weng M.* The role the university could play in an inclusive regional innovation system // *Triple Helix*. 2018. Vol. 5. P. 12. <https://doi.org/10.1186/s40604-018-0058-4>
13. *Невзорова А.И., Кучеров В.Г.* Концепция технологической инновационной системы: основные положения и возможности // *Вопросы экономики*. 2022. № 5. С. 99–120. EDN: <https://elibrary.ru/tiddlj>. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-5-99-120>
14. *Вольчик В.В., Пантеева С.А., Ширяев И.М.* Институт региональных стратегий в российской инновационной системе // *Journal of Institutional Studies*. 2022. Т. 14. № 3. С. 6–30. EDN: <https://elibrary.ru/ebrgoa>. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2022.14.3.006-030>
15. *Бывшев В.И., Пантелеева И.А., Писарев И.В.* Дифференциация субъектов Российской Федерации для реализации региональной научно-технологической и инновационной политики // *Экономика региона*. 2024. Т. 20. № 3. С. 702–717. EDN: <https://elibrary.ru/ejrqgz>. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-3-7>
16. *Foray D., David P.A., Hall B.H.* Smart specialization: from academic idea to political instrument, the surprising career of a concept and the difficulties involved in its implementation // In: *MTEI Working Paper*. Switzerland: Lausanne, 2011. 16 p. URL: <https://infoscience.epfl.ch/server/api/core/bitstreams/11c6806e-e8bc-4901-a8b0-febd065dc30e/content> (дата обращения: 21.12.2024)
17. *Markkula M., Kune H.* Making smart regions smarter: smart specialization and the role of universities in regional innovation ecosystems // *Technology Innovation Management Review*. 2015. Vol. 5. Iss. 10. P. 7–15. <https://doi.org/10.22215/timreview/932>
18. *Silva P., Pires S.M., Teles F., Polido A., Rodrigues C.* Pre-conditions and barriers for territorial innovation through smart specialization strategies: the case of the lagging Centro region of Portugal // *Urban Research and Practice*. 2024. Vol. 17. Iss. 1. P. 1–28. <https://doi.org/10.1080/17535069.2022.2103447>
19. *Deegan J., Broekel T., Fitjar R.D.* Searching through the haystack: the relatedness and complexity of priorities in smart specialization strategies // *Economic Geography*. 2021. Vol. 97. Iss. 5. P. 497–520. <https://doi.org/10.1080/00130095.2021.1967739>
20. *Kogut-Jaworska M., Ociepa-Kicińska E.* Do regional smart specialization strategies affect innovation in enterprises? // *Sustainability*. 2023. Vol. 15. Iss. 23. P. 16405. <https://doi.org/10.3390/su152316405>
21. *Di Cataldo M., Monastiriotis V., Rodríguez-Pose A.* How ‘smart’ are smart specialization strategies? // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 2022. Vol. 60. Iss. 5. P. 1272–1298. <https://doi.org/10.1111/jcms.13156>
22. *Pylak K., Deegan J., Broekel T.* Smart specialisation or smart following? A study of policy mimicry in priority domain selection // *Regional Studies*. 2025. P. 1–14. <https://doi.org/10.1080/00343404.2024.2429626>
23. *Еферин Я.Ю., Куценко Е.С.* Адаптация концепции умной специализации для развития регионов России // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2021. № 3. С. 75–110. EDN: <https://elibrary.ru/fvnnbq>

24. Орлова Л.Н., Янь М.Ц. Концепция «умной специализации» для инновационного развития регионов России // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 102. С. 37–53. EDN: <https://elibrary.ru/eeraqj>. <https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-102-2024-37-53>
25. Гамидуллаева Л.А., Ворновская А.А. Подход к определению «умной специализации» регионов с использованием технологии больших данных // *W-Economy*. 2024. Т. 17. № 2. С. 67–85. EDN: <https://elibrary.ru/pfywft>. <https://doi.org/10.18721/JE.17204>
26. Куценко Е., Исланкина Е., Киндрас А. Можно ли быть умным в одиночестве? Исследование инновационных стратегий российских регионов в контексте умной специализации // Форсайт. 2018. Т. 12. № 1. С. 25–45. EDN: <https://elibrary.ru/ytpmip>. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2018.1.25.45>
27. Hayek F. The use of knowledge in society // *American Economic Review*. 1945. Vol. 35. Iss. 4. P. 519–530. URL: <https://assets.aeaweb.org/asset-server/journals/aer/top20/35.4.519-530.pdf> (дата обращения: 21.12.2024)
28. Azoulay P., Fuchs E., Goldstein A.P., Kearney M. Funding breakthrough research: promises and challenges of the “ARPA Model” // *Innovation policy and the economy*. 2019. Vol. 19. Iss. 1. P. 69–96. <https://doi.org/10.1086/699933>
29. Sabel C.F. Beyond principal-agent governance: experimentalist organizations, learning and accountability // In: *De staat van de democratie. Democratie voorbij de staat*. Amsterdam University Press, 2004. P. 173–195. URL: <https://books.google.ru/books?id=4ptXMcOmrcAC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 21.12.2024)

Статья поступила в редакцию 09.02.2025; одобрена после рецензирования 11.03.2025; принята к публикации 14.03.2025

Об авторах:

Иващенко Наталия Павловна, доктор экономических наук, профессор; научный руководитель кафедры экономики инноваций экономического факультета; SPIN-код: 8453-0936, Researcher ID: O-1754-2017, Scopus ID: 35111334600

Энговатова Александра Андреевна, кандидат экономических наук; доцент кафедры экономики инноваций экономического факультета; SPIN-код: 1468-9490, Researcher ID: AEX-0833-2022

Шпакова Анастасия Андреевна, кандидат экономических наук; доцент кафедры экономики инноваций экономического факультета; научный сотрудник ЦИКЭР, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; SPIN-код: 3242-8297, Researcher ID: W-1623-2019

Вклад авторов:

Иващенко Н. П. – научное руководство; проведение критического анализа материалов и подведение итогов исследования.

Энговатова А. А. – проведение качественного сравнительного анализа опыта ЕС, США и Китая; разработка теоретических и методологических положений выбора приоритетов «умной» региональной специализации; подготовка начального варианта текста.

Шпакова А. А. – сбор и систематизация научных источников; описание результатов и подготовка текста статьи.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

References

1. Zemtsov S.P., Barinova V.A. The paradigm changing of regional innovation policy in Russia: from equalization to smart specialization. *Voprosy Ekonomiki*. 2016; (10):65–81. EDN: <https://elibrary.ru/wqsxdr>. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-10-65-81> (In Russ.)
2. Leydesdorff L., Etzkowitz H. The triple helix as a model for innovation studies. *Science and Public Policy*. 1998; 25(3):195–203. <https://doi.org/10.1093/SPP/25.3.195> (In Eng.)
3. Dezhina I.G., Kiseleva V.V. “Triple helix” in Russia’s innovation system. *Voprosy Ekonomiki*. 2007; (12):123–135. EDN: <https://elibrary.ru/jvizqp>. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2007-12-123-135> (In Russ.)
4. Carayannis E.G., Campbell D.F.J. “Mode 3” and “Quadruple Helix”: toward a 21st century fractal innovation ecosystem. *International Journal of Technology Management*. 2009; 46(3/4):201–234. <https://doi.org/10.1504/IJTM.2009.023374> (In Eng.)
5. Cooke Ph., Uranga M.G., Etxebarria G. Regional innovation systems: institutional and organisational dimensions. *Research Policy*. 1997; 26(4-5):475–491. [https://doi.org/10.1016/S0048-7333\(97\)00025-5](https://doi.org/10.1016/S0048-7333(97)00025-5) (In Eng.)

6. Cooke Ph. The virtues of variety in regional innovation systems and entrepreneurial ecosystems. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. 2016; 2(3):1–19. <https://doi.org/10.1186/s40852-016-0036-x> (In Eng.)
7. Farinha L., Ferreira J., Ratten V. Regional innovation systems and entrepreneurial embeddedness. *European Planning Studies*. 2018; 26(11):2105–2113. <https://doi.org/10.1080/09654313.2018.1530146> (In Eng.)
8. Kitagawa F., Woolgar L. Regionalisation of innovation policies and new university–industry links in Japan: policy review and new trends. *Prometheus*. 2008; 26(1):55–67. <https://doi.org/10.1080/08109020701846033> (In Eng.)
9. Asheim B.T., Isaksen A. Regional innovation systems: the integration of local ‘sticky’ and global ‘ubiquitous’ knowledge. *The Journal of Technology Transfer*. 2002; 27:77–86. <https://doi.org/10.1023/A:1013100704794> (In Eng.)
10. Porter M.E. Clusters and the new economics of competition. *Harvard Business Review*. 1998; 76(6):77–90. EDN: <https://elibrary.ru/cwriol> (In Eng.)
11. Cai Y., Liu C. The role of university as institutional entrepreneur in regional innovation system: towards an analytical framework. In: *Examining the Role of Entrepreneurial Universities in Regional Development*. Ed. by A.D. Daniel, A.C. Teixeira, M.T. Preto. Hershey, PA: IGI Global, 2020. P. 133–155. <https://doi.org/10.4018/978-1-7998-0174-0.ch007> (In Eng.)
12. Yao W., Li H., Weng M. The role the university could play in an inclusive regional innovation system. *Triple Helix*. 2018; 5:12. <https://doi.org/10.1186/s40604-018-0058-4> (In Eng.)
13. Nevzorova T.A., Kutcherov V.G. The concept of technological innovation system: the basic principles and opportunities. *Voprosy Ekonomiki*. 2022; (5):99–120. EDN: <https://elibrary.ru/tiddlj>. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-5-99-120> (In Russ.)
14. Volchik V.V., Panteeva S.A., Shiriaev I.M. Institution of regional strategies in the Russian innovation system. *Journal of Institutional Studies*. 2022; 14(3):6–30. EDN: <https://elibrary.ru/ebrgoa>. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2022.14.3.006-030> (In Russ.)
15. Byvshev V.I., Panteleeva I.A., Pisarev I.V. Differentiation of the constituent entities of the Russian Federation for the implementation of regional scientific, technological and innovation policy. *Economy of regions*. 2024; 20(3):702–717. EDN: <https://elibrary.ru/ejrqqz>. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-3-7> (In Russ.)
16. Foray D., David P.A., Hall B.H. Smart specialization: from academic idea to political instrument, the surprising career of a concept and the difficulties involved in its implementation. In: *MTEI Working Paper*. Switzerland: Lausanne, 2011. 16 p. URL: <https://infoscience.epfl.ch/server/api/core/bitstreams/11c6806e-e8bc-4901-a8b0-febd065dc30e/content> (accessed: 21.12.2024) (In Eng.)
17. Markkula M., Kune H. Making smart regions smarter: smart specialization and the role of universities in regional innovation ecosystems. *Technology Innovation Management Review*. 2015; 5(10):7–15. <https://doi.org/10.22215/timreview/932> (In Eng.)
18. Silva P., Pires S.M., Teles F., Polido A., Rodrigues C. Pre-conditions and barriers for territorial innovation through smart specialization strategies: the case of the lagging Centro region of Portugal. *Urban Research and Practice*. 2024; 17(1):1–28. <https://doi.org/10.1080/17535069.2022.2103447> (In Eng.)
19. Deegan J., Broekel T., Fitjar R.D. Searching through the haystack: the relatedness and complexity of priorities in smart specialization strategies. *Economic Geography*. 2021; 97(5):497–520. <https://doi.org/10.1080/00130095.2021.1967739> (In Eng.)
20. Kogut-Jaworska M., Ociepa-Kicińska E. Do regional smart specialization strategies affect innovation in enterprises? *Sustainability*. 2023; 15(23):16405. <https://doi.org/10.3390/su152316405> (In Eng.)
21. Di Cataldo M., Monastiriotis V., Rodríguez-Pose A. How ‘smart’ are smart specialization strategies? *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 2022; 60(5):1272–1298. <https://doi.org/10.1111/jcms.13156> (In Eng.)
22. Pylak K., Deegan J., Broekel T. Smart Specialisation or smart following? A study of policy mimicry in priority domain selection. *Regional Studies*. 2025; 1–14. <https://doi.org/10.1080/00343404.2024.2429626> (In Eng.)
23. Eferin Ya.Yu., Kutsenko E.S. Adjusting smart specialization concept for Russian regions. *Public Administration Issues*. 2021; (3):75–110. EDN: <https://elibrary.ru/fvnnbq> (In Russ.)

24. Orlova L.N., Yan M.J. "Smart specialization" concept for innovative development of Russian regions. *E-journal Public Administration*. 2024; (102):37–53. EDN: <https://elibrary.ru/eeraqj>. <https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-102-2024-37-53> (In Russ.)
25. Gamidullaeva L.A., Vornovskaia A.A. An approach to determining "smart specialization" of regions using big data technology. *Экономика*. 2024; 17(2):67–85. EDN: <https://elibrary.ru/pfywft>. <https://doi.org/10.18721/JE.17204> (In Russ.)
26. Kutsenko E., Islankina E., Kindras A. Smart by oneself? An analysis of Russian regional innovation strategies within the RIS3 framework. *Foresight and STI Governance*. 2018; 12(1):25–45. EDN: <https://elibrary.ru/ypmip>. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2018.1.25.45> (In Russ.)
27. Hayek F. The use of knowledge in society. *American Economic Review*. 1945; 35(4):519–530. URL: <https://assets.aeaweb.org/asset-server/journals/aer/top20/35.4.519-530.pdf> (accessed: 21.12.2024) (In Eng.)
28. Azoulay P., Fuchs E., Goldstein A.P., Kearney M. Funding breakthrough research: promises and challenges of the "ARPA Model". *Innovation policy and the economy*. 2019; 19(1):69–96. <https://doi.org/10.1086/699933> (In Eng.)
29. Sabel C.F. Beyond principal-agent governance: experimentalist organizations, learning and accountability. In: *De staat van de democratie. Democratie voorbij de staat*. Amsterdam University Press, 2004. P. 173–195. URL: <https://books.google.ru/books?id=4ptXMComrkAC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (accessed: 21.12.2024) (In Eng.)

The article was submitted 09.02.2025; approved after reviewing 11.03.2025; accepted for publication 14.03.2025

About the authors:

Natalia P. Ivashchenko, Doctor of Economic Sciences, Professor; Department of Economics of Innovations, Faculty of Economics; SPIN: 8453-0936, Researcher ID: O-1754-2017, Scopus ID: 35111334600

Alexandra A. Engovatova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor; Department of Economic Security, System Analysis and Control; SPIN: 1468-9490, Researcher ID: AEX-0833-2022

Anna A. Bogdanenko, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor; Department of Economics of Innovations, Faculty of Economics; SPIN: 3242-8297, Researcher ID: W-1623-2019

Contribution of the authors:

Ivashchenko N. P. – scientific guidance, conducting a critical analysis of materials and summing up the research results;

Engovatova A. A. – conducting a qualitative comparative analysis of the experience of the EU, USA and China; developing theoretical and methodological provisions for choosing priorities for smart regional specialization; preparing the initial version of the text;

Shpakova A. A. – collecting and systematizing scientific sources; conducting a critical analysis of materials and drawing conclusions.

All authors have read and approved the final manuscript.

Научная статья

УДК 332.1

JEL: F52, O32

<https://doi.org/10.18184/2079-4665.2025.16.1.82-100>

Влияние инновационной активности реального сектора экономики на уровень экономической безопасности федеральных округов РФ

Мызрова Ольга Александровна¹, Горячева Татьяна Владимировна²,
Ревзина Елена Мстиславовна³, Новикова Ирина Леонидовна⁴

^{1,2} Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А.; Саратов, Россия

^{3,4} Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского; Саратов, Россия

¹ olga_myzrova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7979-1623>

² tvsgstu@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1129-7589>

³ lesya16@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1287-5651>

⁴ Nil064@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-8914-6923>

Аннотация

Цель. Выявить степень влияния инновационной активности реального сектора экономики на экономическую безопасность федеральных округов РФ.

Методы. В исследовании использованы методы научного обобщения, контент-анализа, статистического, корреляционно-регрессионного и иерархического кластерного анализа, обработки данных, сравнения и группировки, логический и графический.

Результаты работы. Проанализирована инновационная активность реального сектора экономики, проиллюстрирован двойственный характер взаимосвязи экономической безопасности субъектов федеральных округов РФ с восприимчивостью экономики к инновациям. С использованием контент-анализа обоснован выбор комплекса показателей, на основе которого методом иерархического кластерного анализа проведена группировка регионов по уровням экономической безопасности и инновационной активности. Оценка влияния инновационной активности реального сектора экономики на экономическую безопасность федеральных округов продемонстрировала, что как по отдельным регионам, так и по РФ в целом наблюдается обратная связь между экономической безопасностью и инновационной активностью. Наиболее сильная обратная зависимость наблюдается в регионах Северо-Кавказского, Дальневосточного и Приволжского, наименьшая – Южного и Уральского федеральных округов.

Выводы. На данном этапе развития экономики, несмотря на наметившиеся тенденции к повышению, инновационная активность не оказывает существенного влияния на экономическую безопасность субъектов федеральных округов РФ в краткосрочном периоде. Неравномерность инновационной активности реального сектора экономики может создавать преграды для разрешения проблем в перспективе, так как разрывы в уровнях экономического развития субъектов РФ могут нарастать, что повысит степень рисков и угроз обеспечения безопасности экономики. Выявленная тенденция характеризуется влиянием временного фактора на итоговые результаты показателей. Как следствие, инновации могут выступать реальными источниками комплексного обеспечения повышения экономической безопасности регионов в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: инновационная активность, реальный сектор экономики, федеральный округ, регион, экономическая безопасность, трансформация, индикаторы, корреляционно-регрессионный анализ

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Мызрова О. А., Горячева Т. В., Ревзина Е. М., Новикова И. Л. Влияние инновационной активности реального сектора экономики на уровень экономической безопасности федеральных округов РФ // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2025. Т. 16. № 1. С. 82–100

EDN: <https://elibrary.ru/hockei>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2025.16.1.82-100>

© Мызрова О. А., Горячева Т. В., Ревзина Е. М., Новикова И. Л., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original article

The impact of innovation activity in the real sector of the economy on the level of the economic security of the Federal districts of the Russian Federation

Olga A. Myzrova¹, Tatyana V. Goryacheva², Elena M. Revzina³, Irina L. Novikova⁴

^{1,2} Yuri Gagarin State Technical University of Saratov; Saratov, Russia

^{3,4} Saratov State University; Saratov, Russia

¹ olga_myzrova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7979-1623>

² tvsgstu@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1129-7589>

³ lesya16@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1287-5651>

⁴ Nil064@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-8914-6923>

Abstract

Purpose: is to identify the degree of influence of innovation activity in the real sector of the economy on the economic security of the federal districts of the Russian Federation.

Methods: the research uses methods of scientific generalization, content analysis, statistical, correlation-regression and hierarchical cluster analysis, data processing, comparison and grouping, logical and graphical.

Results: the article analyzes the innovative activity of the real sector of the economy and illustrates the dual nature of the relationship between the economic security of the subjects of the Federal districts and the susceptibility of the economy to innovation. Using content analysis, the choice of a set of indicators is justified, on the basis of which the hierarchical cluster analysis method is used to group regions by the levels of the economic security and innovation activity. The assessment of the impact of innovation activity in the real sector of the economy on the economic security of the Federal districts has shown that there is the inverse relationship between economic security and innovation activity both in individual regions and in the Russian Federation as a whole. The strongest inverse relationship is observed in the regions of the North Caucasus, the Far East and the Volga region, the least in the Southern and the Ural Federal districts.

Conclusions and Relevance: at this stage of economic development, despite the emerging upward trends, innovation activity does not have a significant impact on the economic security of the subjects of the Federal districts in the short term. The uneven innovation activity of the real sector of the economy may create obstacles to solving problems in the future, as gaps in the levels of economic development of the subjects of the Russian Federation may increase, which will increase the degree of risks and threats to the economic security. The revealed trend is characterized by the influence of the time factor on the final results of the indicators. As a result, innovations can act as real sources of comprehensive support for improving the economic security of regions in the long term.

Keywords: innovation activity, real economy, Federal district, region, economic security, transformation, indicators, correlation and regression analysis

Conflict of Interest. The authors declare that there is no Conflict of Interest.

For citation: Myzrova O. A., Goryacheva T. V., Revzina E. M., Novikova I. L. The impact of innovation activity in the real sector of the economy on the level of the economic security of the Federal districts of the Russian Federation. *MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2025; 16(1):82–100. (In Russ.)

EDN: <https://elibrary.ru/hockei>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2025.16.1.82-100>

© Myzrova O. A., Goryacheva T. V., Revzina E. M., Novikova I. L., 2025

Введение

Начало XXI века характеризуется новыми феноменами развития и преобразования социально-экономических отношений, сопровождающихся цифровой модернизацией, а также трансформационными процессами всех сфер общественной жизни, включая обеспечение экономической безопасности. Реализация трансформационных процессов сопровождается повышенным вниманием к инновационной сфере как источнику обеспечения национального экономического развития и сглаживания различий между территориями.

Какой бы уровень экономической безопасности не рассматривался, определяющим фактором будет являться то, насколько реальный сектор экономики восприимчив к внедрению инноваций, что также выступает одним из важнейших условий повышения конкурентоспособности государства в целом. Следовательно, стоит задача определения направлений решения проблем развития инновационной составляющей экономики. Вследствие этого важнейшее значение приобретает выявление влияния инновационной активности на уровень экономической безопасности регионов.

Инновации и информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), формирующие наукоемкий сегмент, в настоящее время выступают движущими силами экономического роста. Наукоемкие услуги и товары образуют особый сектор экономики, который увеличивает долю ценности знаний в ВВП и является движущей силой будущего технологического развития. Наукоемкие виды деятельности, как источники инноваций, инициируют и развивают инновационную деятельность в организациях и регионах.

Следует отметить дуализм взглядов на влияние инновационной активности реального сектора на экономическую безопасность регионов. С одной стороны, субъекты экономики, стремясь повышать инновационную активность, должны учитывать сопровождающие ее риски, а также то, что инновации по своей сути являются драйверами развития экономики на всех уровнях. Кроме того, инновации зачастую связаны с рисками, которые в случае недостаточного внимания к управлению могут формировать значительные вызовы и угрозы экономической безопасности. С другой стороны, при «определенных показателях развития инновационной деятельности достигаются такие пропорции между угрозами и рисками, исходящими от инноваций, и показателями экономического развития, при котором обеспечивается экономически безопасное ... функционирование ... социально-экономической системы»¹.

Целью данного исследования является определение степеней влияния на экономическую безопасность субъектов федеральных округов РФ инновационной активности реального сектора экономики на основе оценки тесноты связи, рассчитанной с помощью экономико-статистических методов.

Задачи исследования включают:

- определение базовых показателей и методов для оценки уровней экономической безопасности и инновационной активности субъектов федеральных округов;
- группировку уровней инновационной активности и экономической безопасности регионов по степени и направленности воздействия первого показателя на второй;
- диагностику влияния инновационной активности реального сектора экономики на уровень экономической безопасности субъектов федеральных округов;
- выявление и характеристику взаимосвязи между экономической безопасностью и инновационной активностью регионов в долгосрочном и краткосрочном периодах.

Полученные результаты исследования позволили разработать практические рекомендации по совершенствованию процесса обеспечения экономической безопасности субъектов федеральных округов с учетом значимости инновационного компонента.

Обзор литературы и исследований

Несмотря на то, что одни из первых исследований по экономической безопасности появились еще в 30-е гг. XX века, до сих пор отсутствует единый подход к терминологии, индикаторам, факторам, методикам и алгоритмам оценки экономической безопасности региона (ЭБЗР). Так, Кораблева А.А. в своей работе отмечает, что можно выделить более 50-ти определений ЭБЗР, которые отличаются друг от друга по своему содержанию [1]. Категория «экономическая безопасность» в научных работах наиболее часто характеризуется как «состояние экономики и институтов власти, при котором обеспечиваются гарантированная защита национальных интересов, социально направленное развитие страны в целом, достаточный оборонный потенциал даже при наиболее неблагоприятных условиях развития внутренних и внешних процессов» [2]. Однако этим же автором [2] подчеркивается, что экономическая безопасность обеспечивается при защищенности как от внутренних, так и внешних угроз. Но развитие терминологии и теории о данном явлении сформировало и другие подходы. Например, автор исследования [3] при рассмотрении данной дефиниции исходит из концепции устойчивого развития объекта. Согласно ей, объект достигает всех видов безопасности, если его устойчивое функционирование в динамике происходит без значительных отклонений от поставленных целей и задач стратегического характера.

В последние годы все большее влияние на рассмотрение вопросов экономической безопасности оказывает синтетический подход. Он предполагает двустороннее рассмотрение экономической безопасности – и как состояния защищенности от угроз (статика явления), и как долгосрочной устойчивости от угроз (динамика явления).

Еще одним аспектом в рассмотрении вопросов экономической безопасности является ее уровневый характер. Некоторые авторы объединяют их и дают такое универсальное определение как: «состояние защищенности объекта от внутренних и внешних угроз на текущий момент и на перспективу» [4].

Разработка фундаментальных подходов, комплексной теории и уровневого механизма управления экономической безопасностью в последние

¹ Спектор А.А. Экономическая безопасность государства: теоретико-методологический аспект: учебное пособие. Саратов: Амрит, 2020. 103 с. EDN: <https://elibrary.ru/rfvifj>

три десятилетия связаны с именами таких ученых, как Абалкин Л.И. [5], Глазьев С.Ю. [6], Новицкий Н.А. и Шийко В.Г. [7], Сенчагов В.К. [2] и др.

Начиная с 1996 г. был принят ряд нормативно-правовых документов, закрепивших основные понятия и принципы экономической безопасности: Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации (1996 г.); Концепция национальной безопасности Российской Федерации (1997 г.); ФЗ «О безопасности» (2010 г.); Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (2020 г.); Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.

Однако при этом следует отметить отсутствие единого методического подхода к оценке ЭБЗР. В частности, предлагается проводить ее на основе индикаторов и критериев [8, 9], либо на основе уровневой системы показателей².

На наш взгляд, индикативная система показателей и критериев не лишена недостатков, так как дает возможность только охарактеризовать достигнутый уровень выбранных показателей, их отклонения от пороговых значений, но не отражает общий уровень ЭБЗР. В то же время, она эффективна для целей факторного анализа с целью выявления причин отклонений от нормативных значений и разработки направлений повышения ЭБЗР.

На основании анализа проведенных теоретических и практических исследований представляется целесообразным констатировать, что обеспечение общей экономической защиты представляет собой систему, одной из частей которой являются современные инновации. В соответствии с этим экономическая безопасность включает не только уровневое состояние ее обеспечения, но и институты и инструменты ее защиты, действия по противодействию текущим рискам и угрозам и долгосрочное сбалансированное развитие. Отдельно следует отметить, что в ряде случаев внедрение инноваций в контексте обеспечения экономической безопасности организаций должно быть выше интересов экономической эффективности.

Значительный вклад в формирование теоретического представления о сущности инноваций и их роли в экономическом развитии и обеспечении безопасности государства внесли зарубежные ученые: Ицковиц Г. и Лейдесдорф Л. [11], Караян

нис Э. и Григорудис Э. [12], Санто Б. [13], Мейер К. [14], Твисс Б. [15], Шумпетер Й.А. [16], Фукуда К. и Ватанабэ Т. [17], Нельсон Р.Р. [18]. Среди отечественных ученых, изучавших особенности развития инновационной деятельности и ее влияния на экономическое развитие, можно отметить: Бывшева В.И. [19], Туккеля И.Л., Сурина А.В. и Мироненкова В.Б. [20], Клейнера Г.Б. [21], Терещенко Д.С. [22], Тодосийчука А.В. [23]. Влияние инновационной деятельности на экономическую безопасность нашло также отражение в работах [24, 25]³.

В современных условиях геополитических вызовов и угроз повышение экономической безопасности требует постоянного мониторинга динамики развития ее составляющих, одной из которых выступает инновационная активность.

В теории и практике существует несколько подходов к оценке инновационной активности организаций. Всю совокупность методик оценки инновационной активности можно разделить на 5 групп: формальные (предполагают разделение организаций на инновационно активные и инновационно неактивные), ресурсно-затратные (основной акцент сделан на анализе ресурсов и их использования в инновационном процессе), результативные (основаны на соотношении затрат и результатов), целевые (рассмотрение стратегических целей инновационной активности), системные (базируются на взаимосвязи производственной, экономической и маркетинговой активности). В рамках данного исследования за основу взят результативный подход при рассмотрении вопросов оценки инновационной активности. Но следует также отметить тот факт, что все выше представленные подходы направлены на определение инновационной активности организаций, а не регионов.

Таким образом, разнонаправленность и недостаточная разработанность проблемы предопределили необходимость углубления разработок в данной области. Кроме того, весьма важным представляется исследование влияния инновационной активности на экономическую безопасность регионов, поскольку именно устойчивое и динамичное развитие их экономики можно рассматривать как составной элемент национальной безопасности. Это актуально в связи с необходимостью формирования технологического суверенитета, а также с тем, что приоритетами в сфере экономической безопасности являются нововведения как факторы экономического роста.

² Долганова Я.А., Бабкин А.В. Факторы обеспечения экономической безопасности депрессивных регионов в условиях цифровой трансформации // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2023. Т. 14. № 3. С. 361–379. EDN: <https://www.elibrary.ru/eggmya>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.3.361-379>

³ Technology sovereignty: From demand to concept. Research Report // Perspectives – Policy Brief № 02. Fraunhofer Institute for Systems and Innovation Research ISI, 2020. P. 4–32. URL: <https://hdl.handle.net/10419/233462> (дата обращения: 12.07.2024)

Материалы и методы

В качестве нормативной базы исследования послужила «Стратегия научно-технологического развития и экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года»⁴. В документах федерального уровня среди угроз и вызовов отмечается наличие «слабой инновационной активности», а также низкие темпы экономического роста, определяется комплекс показателей, характеризующих национальную экономическую безопасность, в частности, доля инновационных в общем объеме отгруженных товаров, работ и услуг, доля организаций, осуществляющих технологические инновации. Это позволило обосновать необходимость проведения исследования по субъектам федеральных округов, так как именно их развитие обеспечивает национальную экономическую безопасность.

Методы обобщения и контент-анализ научных методических подходов к формированию и отбору показателей, необходимых для оценки влияния инновационной активности реального сектора на экономическую безопасность регионов, позволили выбрать и обосновать комплекс показателей в соответствии с целью исследования.

Эмпирической базой исследования послужили официальные данные Федеральной службы государственной статистики и территориальных органов по инновационному и экономическому развитию регионов, статистические данные ЕМИСС, аналитические материалы ВШЭ «Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации»⁵.

На основе многомерной оценки множества исходных данных методом иерархического кластерного анализа проведена группировка регионов федеральных округов по достигнутым уровням экономической безопасности и инновационной активности. С помощью метода корреляционно-регрессионного анализа выявлена теснота связи, частное и общее влияние инновационной активности на экономическую безопасность субъектов федеральных округов РФ путем обобщения данных по регионам, а также рассчитана эластичность данных показателей. При этом следует отметить, что результаты анализа показали сохранение направленности проявления показателей как в отдельных регионах, так и в целом по федеральным округам.

Результаты исследования

Мировой опыт свидетельствует, что высокий уровень благосостояния стран достигается, как правило, за счет создания и развития собственных прибыльных источников. Одними из них являются инновационные центры развития технологических производств, как меры противодействия стагнации и депрессивности экономик отдельных регионов и их кризисного состояния.

Уровень развития инновационных производств в регионах определяется конкурентными преимуществами территорий и имеющимися в них условиями для разработки и внедрения инноваций. Поэтому анализ и оценка инновационной активности выступает важнейшей частью обеспечения экономической безопасности регионов.

На наш взгляд, не представляется возможным объективно оценить состояние инновационной сферы региона на основе одного индикатора, здесь требуется системный подход к формированию и анализу комплекса показателей. В этот комплекс включаются разнонаправленные показатели, оказывающие влияние на отдельные составляющие инновационной сферы. Рассмотрим каждый из них в динамике.

За последние несколько лет удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе обследованных организаций, по субъектам Российской Федерации имел тенденцию к увеличению. Только в трех федеральных округах отмечается снижение значения данного показателя (рис. 1).

По показателю «доля расходов на инновационные научно-исследовательские работы в общем объеме ВВП» РФ входит только в третий десяток мирового рейтинга, значительно уступая его лидеру этого рейтинга – Израилю (рейтинговые значения соответственно 1,07 % и 4,25 %)⁶.

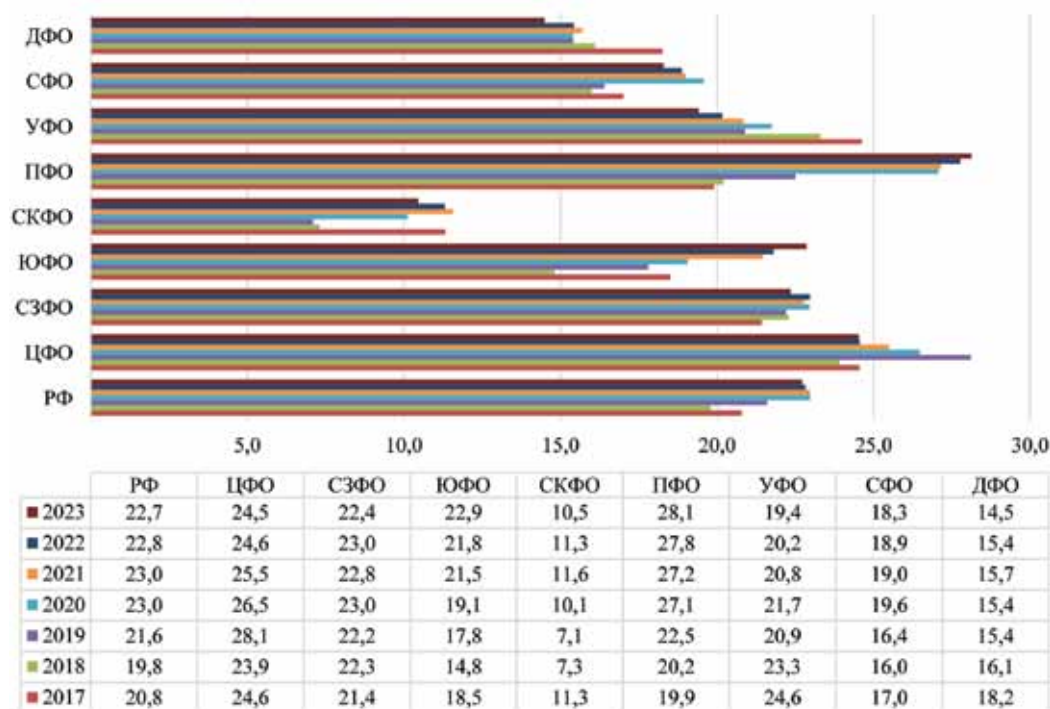
Аналогичный показатель определяется как по Российской Федерации в целом, так и по федеральным округам (рис. 2).

Главной характеристикой представленного на рис. 2 графика является разброс значений показателя: от 0,37% ВВП в СКФО до 5,27% ВВП в ПФО.

⁴ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Консультант-Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271 (дата обращения: 12.08.2024)

⁵ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуски 5-8 / В. Л. Абашкин, Г. И. Абдрахманова, С. В. Бредихин и др.; под ред. Л. М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». URL: <https://www.hse.ru/primarydata/rir> (дата обращения: 21.06.2024)

⁶ Уровень расходов на НИОКР в странах мира // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/research-and-development-expenditure> (дата обращения 10.09.2024)

Разработано авторами по материалам: Наука, инновации и технологии // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/154849?print=1> (дата обращения: 01.09.2024)

Рис. 1. Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе обследованных организаций, по субъектам Российской Федерации, %

Developed by the authors based on the materials in: Science, innovation and technology. Federal state statistics service. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/154849?print=1> (accessed: 01.09.2024) (In Russ.)

Fig. 1. The share of organizations that implemented technological innovations in the total number of surveyed organizations by subjects of the Russian Federation, %

Но по данному показателю критериально нельзя судить о перспективах инновационного развития, так как по своей сути он является экстенсивным, и на его основе сделать вывод об эффективности вложенных средств не представляется возможным. Более реально уровень инновационной активности региона отражает результирующий показатель – доля инновационной продукции в общем объеме произведенной продукции (рис. 3).

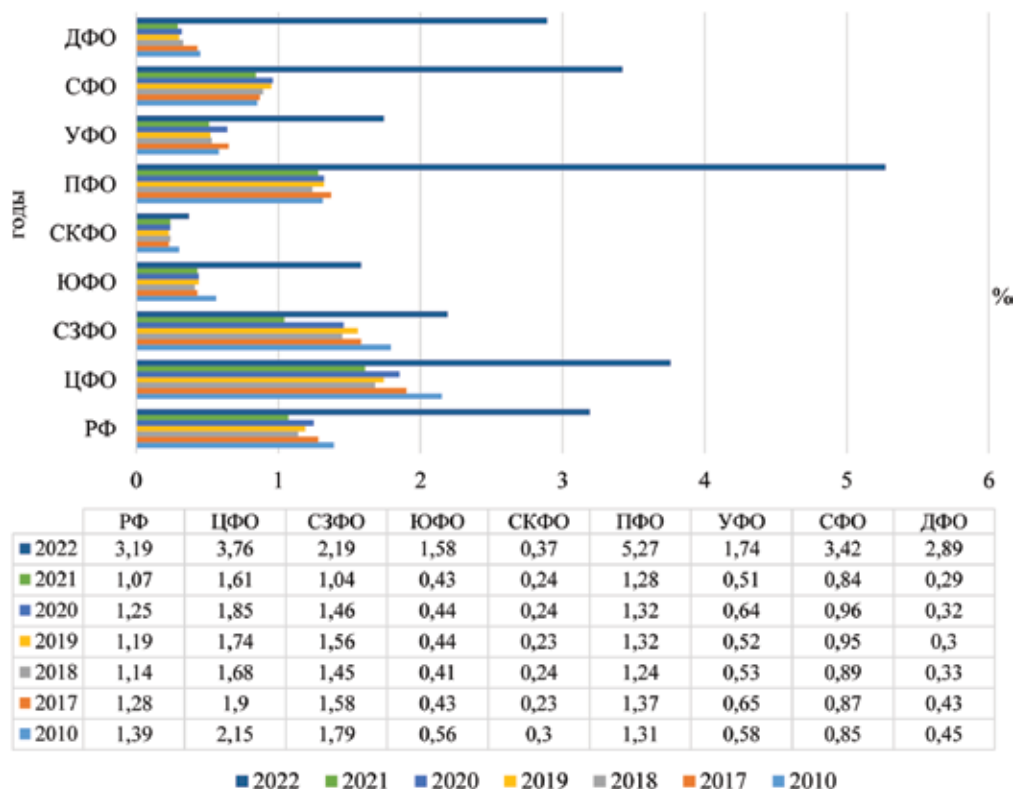
В настоящее время наиболее высокий уровень инновационной активности демонстрирует реальный сектор регионов ЦФО, ПФО и СФО – Республики Татарстан, Башкортостан, Мордовия, Чувашия, г. Москва, г. Санкт-Петербург, Калужская, Нижегородская, Томская и Новосибирская области, Красноярский край.

Однако современная действующая учетная система статистической информации предопределяет, что в состав инновационной продукции должны включаться усовершенствованная продукция и затраты на приобретение готовых технологий за рубежом. Такой подход, на наш взгляд, создает искаженное представление о реальном уровне и

динамике инновационной активности реального сектора экономики региона.

С учетом вышеизложенного целесообразно принять предположение об уже отмеченной выше двоякости влияния инновационной активности реального сектора экономики на экономическую безопасность региона, которое было проверено при проведении исследования с применением экономико-статистических методов. В качестве исходной информации были использованы официальные данные Росстата за 2016–2022 гг. в соответствии с показателями, закрепленными в «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года» и адаптированными к оценке состояния экономической безопасности регионов (рис. 4).

Группировка регионов по уровням экономической безопасности (ЭБЗР) и инновационной активности (ИАР) проводилась методом иерархического кластерного анализа. Выбор данного метода объясняется тем, что он позволяет использовать неограниченное количество показателей и проводить многомерную оценку множества данных. Это дает

Разработано авторами по материалам: Наука, инновации и технологии // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/154849?print=1> (дата обращения: 01.09.2024)

Рис. 2. Доля внутренних затрат на исследования и разработки к ВРП, в %

Developed by the authors based on the materials in: Science, innovation and technology. Federal state statistics service. <https://rosstat.gov.ru/folder/154849?print=1> (accessed 01.09.2024) (In Russ.)

Fig. 2. The share of internal research and development costs in GRP

возможность получить реальные результаты распределения регионов по заданным параметрам. Следует отметить, что этот метод позволяет получить реальные результаты даже в том случае, если не выполняется требование нормальности распределений случайных величин.

В основе метода иерархического кластерного анализа лежит матрица следующего вида:

$$X = \begin{pmatrix} x_{11} & x_{12} & \dots & x_{1j} \\ x_{21} & x_{22} & \dots & x_{2j} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ x_{i1} & x_{i2} & \dots & x_{ij} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ x_{n1} & x_{n2} & \dots & x_{nj} \end{pmatrix} \quad (1)$$

В данной матрице значения по строкам отражают резульативные показатели исследования объектов: в нашем случае были составлены матрицы для ЭБЗР и ИАР.

Кластерный анализ предполагает разделение m наблюдений (из пространства R_n) на k -кластеров,

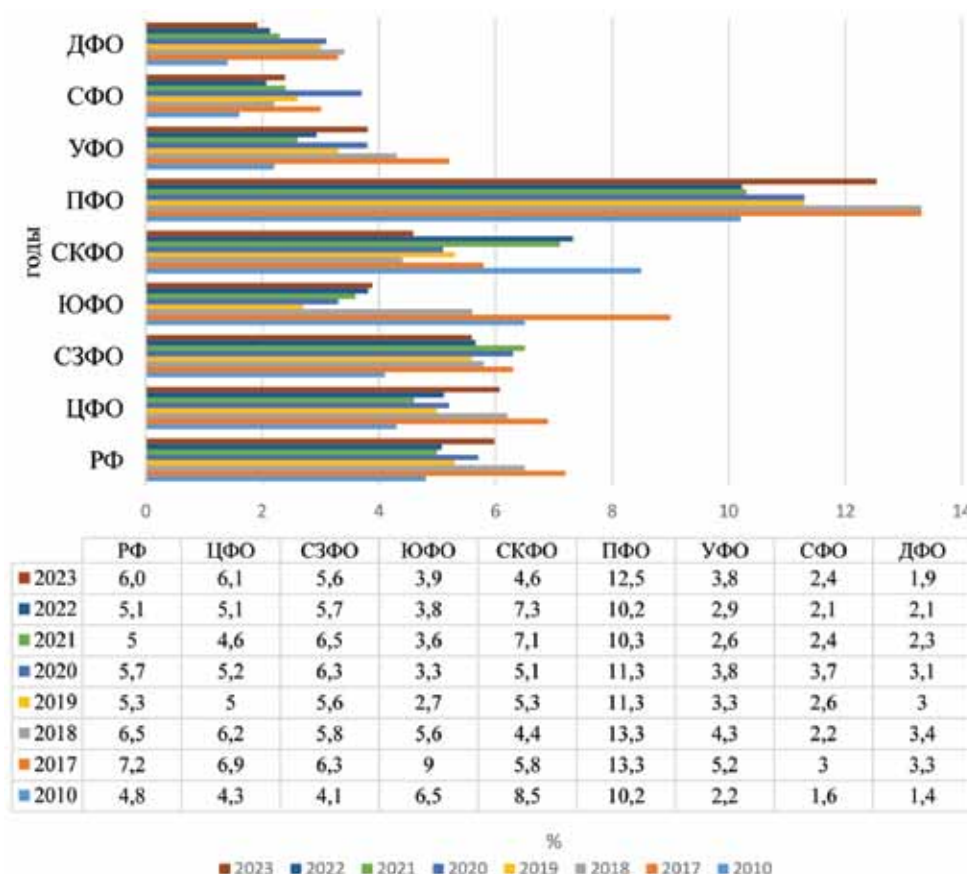
при этом каждый показатель относится к тому кластеру, к центру которого он располагается ближе всего. В целях оценки меры близости применяется формула, позволяющая найти это расстояние, получившая название «Евклидово расстояние»:

$$\rho(x, y) = \|x - y\| = \sqrt{\sum_{p=1}^n (x_p - y_p)^2}, \quad (2)$$

где $x, y \in R_n$.

В случае использования показателей с атрибутивными признаками для проведения кластерного анализа, мера близости двух объектов по большому числу признаков определяется расстоянием Хемминга, которое показывает меру различий регионов по данным показателям:

$$p_k(x_i, x_j) = \sum_{i,j}^{1,2,\dots,k} |x_i^{1,2,\dots,k} - x_j^{1,2,\dots,k}| \quad (3)$$

Разработано авторами по материалам: Наука, инновации и технологии // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/154849?print=1> (дата обращения: 01.09.2024)

Рис. 3. Доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %

Developed by the authors based on the materials in: Science, innovation and technology. Federal state statistics service. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/154849?print=1> (accessed 01.09.2024) (In Russ.)

Fig. 3. The share of innovative goods, works, and services in the total volume of goods shipped, works performed, and services, %

В качестве ограничения выступает требование, что количество показателей, используемых для разбиения совокупности на кластеры, должно быть не меньше количества групп, то есть $k \leq m$. Кроме того, для минимизации суммарного квадратичного отклонения точек кластеров от центров этих кластеров должно выполняться условие:

$$\min \left[\sum_{i=1}^k \sum_{x_j} \|x_j - \mu_i\|^2 \right], \quad (4)$$

где μ_i – центр кластера S_i ; $x_j \in R_n$; $\mu_i \in R_n$.

В соответствии с целями проводимого исследования было определено количество кластеров, а

их центры выбирались случайно или по принципу максимизации начального расстояния между кластерами. Центр кластера представляет собой вектор, элементы которого составляют средние значения признаков, вычисленных по всем показателям кластера. К соответствующему кластеру были отнесены те результативные показатели, к которым ближе всего находится его центр. Каждый показатель включался только в один кластер, даже если его значение соответствовало двум и более кластерам.

Следующий этап заключался в пересчете центра каждого кластера по формуле:

$$\mu_i = \frac{1}{S_i} \sum_{x_j} x_j. \quad (5)$$

Составлено авторами по материалам: Долганова Я.А., Бабкин А.В. Факторы обеспечения экономической безопасности депрессивных регионов в условиях цифровой трансформации // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2023. Т. 14. № 3. С. 361–379. EDN: <https://www.elibrary.ru/eggmya>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.3.361-379>; Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271 (дата обращения: 12.08.2024)

Рис. 4. Базовые показатели оценки состояния экономической безопасности региона

Compiled by the authors based on the materials in: Dolganova Ia.A., Babkin A.V. Factors for ensuring the economic security of depressed regions in the context of digital transformation. MIR (Modernization. Innovation. Research). 2023; 14(3):361–379. EDN: <https://www.elibrary.ru/eggmya>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.3.361-379>; Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 № 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271 (accessed: 12.08.2024) (In Russ.)

Fig. 4. Basic indicators for assessing the state of the economic security in the region

Таким образом, на каждом последующем этапе пересчитывался центр для каждого кластера до тех пор, пока его значение не стало постоянной величиной, то есть на каждой итерации в каждом кластере оставался один и тот же набор записей:

$$\mu_i = \mu_{i+1} \cdot \quad (6)$$

Оценка уровней ЭБЗР и ИАР проводилась по регионам с выделением трех кластеров в каждом федеральном округе. Это представляется рациональным с позиции выделения уровней – выше среднего, среднего и ниже среднего.

Результаты проведенного кластерного анализа представлены в табл. 1.

В табл. 1 регионы каждого федерального округа расположены в последовательности, отражающей удаление от центра кластера по ЭБЗР и ИАР. Например, в ЦФО наиболее слабое состояние ЭБЗР наблюдается в Ивановской, а ИАР – в Орловской области, а наиболее высокое, соответственно, в г. Москва и Белгородской области.

На рис. 5 представлена структурная группировка регионов по уровням экономической безопасности и инновационной активности реально-

Таблица 1

Результаты иерархического кластерного анализа

Table 1

The results of cluster analysis

1	2	3
ЦФО	ЭБЗР	ИАР
Ниже среднего уровня	Ивановская область Костромская область Брянская область Орловская область Тамбовская область Владимирская область Тверская область	Орловская область Калужская область Костромская область г. Москва Ивановская область Смоленская область Курская область Тверская область Московская область Брянская область
Средний уровень	Смоленская область Рязанская область Курская область	Ярославская область Владимирская область Тамбовская область
Выше среднего уровня	Воронежская область Тульская область Ярославская область Калужская область Липецкая область Белгородская область Московская область г. Москва	Липецкая область Воронежская область Тульская область Рязанская область Белгородская область
СЗФО	ЭБЗР	ИАР
Ниже среднего уровня	Псковская область Новгородская область Республика Карелия Калининградская область	Калининградская область Псковская область Новгородская область Республика Коми Архангельская область Ленинградская область
Средний уровень	Волгоградская область Ленинградская область	Республика Карелия Волгоградская область Мурманская область
Выше среднего уровня	Мурманская область Архангельская область Республика Коми г. Санкт-Петербург	г. Санкт-Петербург
ЮФО	ЭБЗР	ИАР
Ниже среднего уровня	Республика Крым г. Севастополь Республика Адыгея Республика Калмыкия	Республика Крым Астраханская область Республика Калмыкия Краснодарский край
Средний уровень	Волгоградская область Ростовская область	Волгоградская область Ростовская область г. Севастополь
Выше среднего уровня	Краснодарский край Астраханская область	Республика Адыгея
ПФО	ЭБЗР	ИАР
Ниже среднего уровня	Чувашская Республика Кировская область Республика Марий Эл Пензенская область Республика Мордовия Саратовская область	Саратовская область Оренбургская область Республика Башкортостан Пензенская область Чувашская Республика Самарская область Кировская область
Средний уровень	Республика Башкортостан Ульяновская область Удмуртская Республика	Удмуртская Республика Республика Марий Эл Ульяновская область

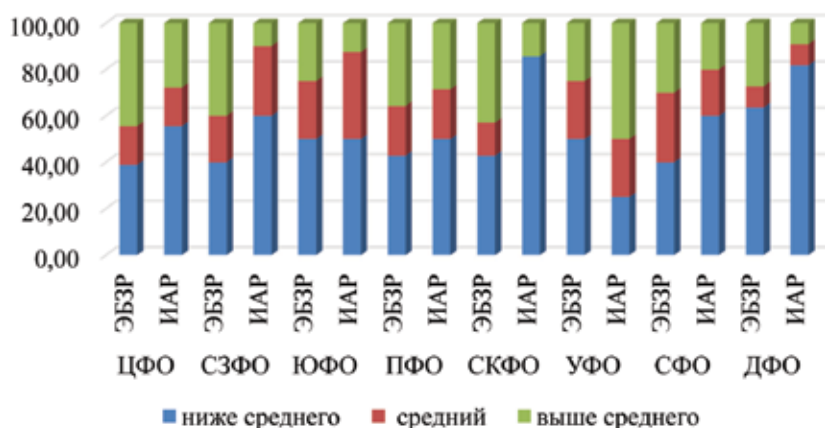
Окончание таблицы 1

End of table 1

1	2	3
Выше среднего уровня	Пермский край Нижегородская область Оренбургская область Самарская область Республика Татарстан	Пермский край Нижегородская область Республика Татарстан Республика Мордовия
СКФО	ЭБЗР	ИАР
Ниже среднего уровня	Республика Ингушетия Чеченская Республика Карачаево-Черкесская Республика	Чеченская Республика Карачаево-Черкесская Республика Республика Дагестан Республика Ингушетия Республика Северная Осетия – Алания Кабардино-Балкарская Республика
Средний уровень	Кабардино-Балкарская Республика	–
Выше среднего уровня	Республика Дагестан Республика Северная Осетия – Алания Ставропольский край	Ставропольский край
УФО	ЭБЗР	ИАР
Ниже среднего уровня	Курганская область Челябинская область	Тюменская область
Средний уровень	Свердловская область	Курганская область
Выше среднего уровня	Тюменская область	Челябинская область Свердловская область
УФО	ЭБЗР	ИАР
Ниже среднего уровня	Республика Тыва Республика Алтай Алтайский край Омская область	Республика Тыва Республика Хакасия Иркутская область Кемеровская область Омская область Республика Алтай
Средний уровень	Республика Хакасия Кемеровская область Новосибирская область	Томская область Новосибирская область
Выше среднего уровня	Томская область Иркутская область Красноярский край	Алтайский край Красноярский край
ДФО	ЭБЗР	ИАР
Ниже среднего уровня	Республика Бурятия Забайкальский край Еврейская автономная область Амурская область Приморский край Хабаровский край Камчатский край	Забайкальский край Республика Саха (Якутия) Сахалинская область Магаданская область Чукотский автономный округ Амурская область Республика Бурятия Камчатский край Еврейская автономная область
Средний уровень	Республика Саха (Якутия)	Приморский край
Выше среднего уровня	Магаданская область Чукотский автономный округ Сахалинская область	Хабаровский край

Разработано авторами по материалам: Наука, инновации и технологии // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/154849?print=1> (дата обращения: 01.09.2024)

Compiled by the authors based on the materials in: Science, innovation and technology. Federal state statistics service. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/154849?print=1> (accessed 01.09.2024) (In Russ.)

Разработано авторами по результатам иерархического кластерного анализа и материалам: Наука, инновации и технологии // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/154849?print=1> (дата обращения: 01.09.2024)

Рис. 5. Структурная группировка федеральных округов по уровням экономической безопасности и инновационной активности реального сектора экономики регионов, %

Developed by the authors based on the result of hierarchical cluster analysis and the materials in: Science, innovation and technology. Federal state statistics service. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/154849?print=1> (accessed 01.09.2024) (In Russ.)

Fig. 5. Structural grouping of the Federal districts by the levels of the economic security and innovation activity in the real sector of the regional economy, %

го сектора экономики в целом по федеральным округам.

На основе полученной группировки было построено уравнение множественной регрессии с целью выявления частного и общего влияния ИАР на ЭБЗР. Затем, с целью предотвращения возникновения мультиколлинеарности, которая могла привести к снижению точности оценок параметров и невозможности применения коэффициентов регрессии для интерпретации степени влияния ИАР на ЭБЗР, были проведены проверки влияния экзогенных показателей на мультиколлинеарность. Это позволило исключить взаимовлияющие внешние переменные.

Оценочное уравнение регрессии: $y = bx + a + \varepsilon_i$, где a и b – оценки параметров, соответственно, α и β регрессионной модели; ε – оценка случайной ошибки ε_i .

Отклонения случайной ошибки выступают как неизвестные величины. Поэтому для наиболее эффективной оценки параметров α и β на основе метода наименьших квадратов было получено следующее уравнение регрессии:

$$F(a, b) = \sum_{i=1}^n (y_i - f(x_i))^2 = \sum_{i=1}^n (y_i - (ax_i + b))^2 \rightarrow \min. \quad (7)$$

Коэффициент линейной регрессии характеризует среднее изменение ЭБЗР на единицу изменения ИАР. То есть, с увеличением ЭБЗР на одну единицу понижается ИАР, и наоборот, с уменьшением ЭБЗР на одну единицу повышается ИАР. Значение коэффициента формально показывает прогнозируемый уровень ЭБЗР. Между исследуемыми явлениями взаимосвязь отражается через знак коэффициента регрессии b : положительная величина – прямая связь, отрицательная – обратная.

В целях выявления тесноты связи между ЭБЗР и ИАР был проведен анализ и оценка коэффициента корреляции, который может находиться в интервале $[-1; 1]$:

$$r_{xy} = \frac{\overline{xy} - \bar{x}\bar{y}}{S_{(x)}S_{(y)}} \quad (8)$$

В качестве критериев оценки тесноты связи между исследуемыми показателями использовалась шкала Чеддока: $0,1 < r_{xy} < 0,3$ – связь слабая; $0,3 < r_{xy} < 0,5$ – умеренная; $0,5 < r_{xy} < 0,7$ – заметная; $0,7 < r_{xy} < 0,9$ – высокая; $0,9 < r_{xy} < 1$ – весьма высокая.

Доверительный интервал для коэффициентов уравнения позволил определить, что с надежностью 95% параметры будут находиться в значениях:

$$a - t_{\text{крит}} S_a; a + t_{\text{крит}} S_a; b - t_{\text{крит}} S_b; b + t_{\text{крит}} S_b.$$

Для определения влияния изменений инновационной активности реального сектора экономики региона

на его экономическую безопасность остальные независимые переменные были зафиксированы на постоянном уровне, и рассчитан коэффициент бета:

$$\beta_j = b_j \frac{S_{(x)}}{S_{(y)}}. \quad (9)$$

Коэффициент бета демонстрирует влияние изменения величины среднего квадратического отклонения ИАР на величину среднего квадратического отклонения значения ЭБЗР.

На основе построенной модели в случае сохранения действующих взаимосвязей между ЭБЗР и ИАР можно построить прогнозные значения $(a + bxp \pm \varepsilon)$, где:

$$\varepsilon = t_{\text{крит}} S_y \sqrt{1 + \frac{1}{n} + \frac{(\bar{x} - x_p)^2}{(x_i - \bar{x})^2}}, \quad (10)$$

и выявить индивидуальные доверительные интервалы для ИАР при данном значении ЭБЗР $(a + bxi \pm \varepsilon)$, где:

$$\varepsilon = t_{\text{крит}} S_y \sqrt{1 + \frac{1}{n} + \frac{(\bar{x} - x_p)^2}{(x_i - \bar{x})^2}}. \quad (11)$$

Для измерения тесноты зависимости исследуемых показателей было определено эмпирическое корреляционное отношение (изменяется от 0 до 1).

Проверка наличия гетероскедастичности проводилась на основе коэффициента корреляции Спирмена и теста Голдфелда-Квандта.

Коэффициент корреляции Спирмена характеризует на основе рангов силу связи между ЭБЗР и ИАР. Он определялся по следующей формуле:

$$\begin{aligned} p &= 1 - \frac{\sum 6d^2 + A + B}{n^3 - n}, \\ A &= \frac{1}{12} \sum (A_j^3 - A_j), \\ B &= \frac{1}{12} \sum (B_k^3 - B_k), \end{aligned} \quad (12)$$

где j – номера связок по порядку для признака x ; A_j – число одинаковых рангов в j -й связке по x ; k – номера связок по порядку для признака y ; B_k – число одинаковых рангов в k -й связке по y .

На основании теста Голдфелда-Квандта было сделано предположение, что стандартное отклоне-

ние $\sigma_i = \sigma(\varepsilon_i)$ пропорционально значению x_i переменной X , то есть $\sigma_{2i} = \sigma^2 x_i^2$, $i = 1, 2, \dots, n$. Это может использоваться и при предположении об обратной пропорциональности между σ_i и значениями объясняющей переменной. При этом статистика Фишера имеет вид:

$$F = S_1 / S_3.$$

Расчеты были проведены по регионам и, для обобщения полученных результатов, представлены по федеральным округам в табл. 2.

Проведенный анализ показал, что по регионам наблюдается обратная связь между ЭБЗР и ИАР, что оказывает непосредственное влияние на итоговые показатели федеральных округов и РФ в целом. Наиболее сильная обратная зависимость наблюдается по регионам Северо-Кавказского, Дальневосточного и Приволжского, наименьшая – Южного и Уральского федеральных округов.

Кроме того, неравномерность инновационной активности реального сектора экономики регионов может создавать преграды для разрешения проблем в перспективе, так как разрывы в уровнях экономического развития регионов будут нарастать, что повысит степень рисков и угроз обеспечения безопасности экономики.

Значительное влияние на снижение ИАР в ответ на повышение ЭБЗР происходило в анализируемом периоде в регионах Дальневосточного, незначительная – Приволжского федерального округа.

Проведенные расчеты демонстрируют, что связь между ЭБЗР и ИАР слабая и обратная для всех субъектов федеральных округов, кроме Центрального (связь умеренная и обратная) и Уральского (связь сильная и обратная).

Несмотря на наметившиеся тенденции к росту показателя «доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг» в регионах 5-ти из 8-ми федеральных округов, вызванные введенными санкциями и необходимостью формировать технологический суверенитет, ИАР, как одна из составляющих ЭБЗР на данном этапе развития, не оказывает существенного влияния на ее состояние. На наш взгляд, такая тенденция связана с временным фактором, поскольку итоги затрат и объемы финансирования на инновационную деятельность отражаются по итогам отчетного периода, а результаты (объемы произведенной и отгруженной инновационной продукции, разработанные и внедренные инновационные технологии), как правило, наблюдаются с некоторым временным лагом.

Таблица 2

Table 2

Результаты расчетов тесноты связи между ЭБЗР и ИАР

The results of calculations of the closeness of the relationship between EBSR and IAR

	РФ	ЦФО	СЗФО	ЮФО	ПФО	СКФО	УФО	СФО	ДФО
Эмпирическое уравнение регрессии	$y = -25496.6669x + 821330.7844$	$y = -33283.3382x + 789842.9314$	$y = -33105.0484x + 959818.3748$	$y = -4647.1767x + 382295.368$	$y = -23957.2881x + 698347.264$	$y = -6138.2611x + 312918.3$	$y = -57890.9819x + 1547597.8086$	$y = -13127.0337x + 642396.6587$	$y = -71463.023x + 1813731.0823$
Коэффициент корреляции	-0,412	-0,359	-0,667	-0,216	-0,79	-0,866	-0,336	-0,539	-0,788
Доверительный интервал для коэффициента корреляции	$-250910.57 \leq r \leq 1077678.8$	$-0.936 \leq r \leq 0.218$	$-1 \leq r \leq 0.0581$	$-1 \leq r \leq 0.967$	$-1 \leq r \leq -0.336$	$-1 \leq r \leq 0.159$	$-1 \leq r \leq 1$	$-1 \leq r \leq 0.28$	$-1 \leq r \leq -0.236$
Коэффициент эластичности	-0,815	-0,866	-0,779	-0,217	-0,931	-0,656	-0,994	-0,615	-1,458
Бета-коэффициент	-0,412	-0,359	-0,667	-0,216	-0,79	-0,866	-0,336	-0,539	-0,788
Доверительные интервалы для зависимой переменной	$600459.671 \leq y_p \leq 1042201.898$	$-208524.63 \leq y_p \leq 989410.38$	$118013.23 \leq y_p \leq 874682.17$	$11681.48 \leq y_p \leq 604199.61$	$165241.97 \leq y_p \leq 512733.91$	$146932.08 \leq y_p \leq 208821.03$	$-5659364.18 \leq y_p \leq 7017830.34$	$-32601.57 \leq y_p \leq 766059.47$	$-291850.69 \leq y_p \leq 1489570.07$
Коэффициент Спирмена	-0,316	-0,588	-0,18	-0,0476	-0,214	-0,43	-0,8	-0,161	-0,33
							Связь между признаком e и фактором X сильная и обратная	Связь между признаком e и фактором X слабая и обратная	Связь между признаком e и фактором X слабая и обратная

Разработано авторами.

Developed by the authors.

Выводы

В целях анализа уровней экономической безопасности и инновационной активности регионов были выбраны базовые показатели, представляющие собой коэффициенты, что позволило обеспечить их соизмеримость, необходимую для применения экономико-статистических методов и формирования их многомерной оценки. Показатели ЭБЗР сгруппированы по 4-м блокам, отражающих ее составляющие: финансово-экономические, основные фонды и производственные мощности, инновационная активность реального сектора экономики, уровень дифференциации доходов населения. Методом иерархического кластерного анализа проведена оценка уровней экономической безопасности и инновационной активности реального сектора экономики субъектов федеральных округов РФ. Это дало возможность получить сравнительную характеристику на основе выделения в каждом округе по три кластера регионов, соответствующих уровням «ниже среднего», «средний» и «выше среднего».

Диагностика влияния инновационной активности реального сектора экономики на уровень экономической безопасности региона проводилась методом регрессионного анализа, что позволило установить взаимосвязь между ключевыми показателями ИАР и состоянием ЭБЗР. Построение уравнения множественной регрессии показало наличие частного (краткосрочного) и общего (долгосрочного) влияния ИАР на ЭБЗР. Эта взаимосвязь носит двоякий характер: однонаправленный – в долгосрочном периоде, и разнонаправленный – краткосрочном.

Несмотря на то, что инновационная активность реального сектора экономики оказывает двоякое влияние на состояние экономической безопасности в краткосрочном и долгосрочном периодах (позитивное – через вклад в систему стимулирования роста экономики; негативное – через существенные риски интенсивного развития инновационной деятельно-

сти), она выступает одним из источников комплексного обеспечения экономической безопасности на всех уровнях. Данный факт подтверждает необходимость стимулирования внедрения в реальном секторе экономики системной работы по повышению инновационной активности отдельных хозяйствующих субъектов, в целях обеспечения экономической безопасности регионов и страны в целом.

Полученные аналитические результаты исследования могут использоваться при разработке стратегий повышения инновационной активности реального сектора экономики и экономической безопасности субъектов федеральных округов, нацеленных на долгосрочный эффект, так как именно в них прогнозируются пролонгированные значения исследуемых взаимосвязей. Это вызывает необходимость разработки новых методов и инструментов формирования региональных стратегий с учетом количественной и качественной оценки динамично меняющейся среды, учета выявленных уровней и тесноты связи ЭБЗР и ИАР.

Повышение инновационной активности реального сектора экономики регионов, как одной из составляющих его экономической безопасности, может и должно проводиться на основе комплексной оценки имеющихся возможностей и перспектив эффективного развития, с учетом платежеспособного спроса, накопленных ресурсов, потенциала, способов и методов, необходимых для развития инновационных процессов.

В дальнейших исследованиях, на наш взгляд, целесообразно провести эконометрический анализ по факторам экономической безопасности и инновационной активности, а также комплексное выявление влияния каждой составляющей экономической безопасности регионов, с учетом их разделения на доноров и реципиентов, определение синергетического эффекта, что позволит выявить «узкие» места в этих процессах и разработать механизмы по их устранению.

Список источников

1. *Кораблева А.А.* Экономическая безопасность регионов в системе видов региональной безопасности: уточнение терминологии // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2017. № 40. С. 27–40. EDN: <https://www.elibrary.ru/zwdubx>. <https://doi.org/10.17223/19988648/40/3>
2. *Сенчагов В.К.* Экономика, финансы, цены: эволюция, трансформация, безопасность. Москва: Анкил, 2010. 1120 с. EDN: <https://elibrary.ru/quaeiv>
3. *Якупов А.М.* О природе опасности и безопасности, формах их проявления и «зонах живучести» систем // Вестник НЦБЖД. 2015. № 1(23). С. 36–47. EDN: <https://elibrary.ru/tnqodj>

4. *Baier-Fuentes H., Guerrero M., Amorós J.E.* Does triple helix collaboration matter for the early internationalisation of technology-based firms in emerging Economies? // *Technological Forecasting and Social Change*. 2021. Vol. 163. P. 120439. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.120439>
5. *Абалкин Л.И.* Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // *Вопросы экономики*. 1994. № 12. С. 4–16. EDN: <https://elibrary.ru/sjovdj>
6. *Глазьев С.Ю.* Регулирование инновационных процессов в новом технологическом и мирохозяйственном укладах // *Экономическое возрождение России*. 2022. № 2(72). С. 24–27. EDN: <https://elibrary.ru/xqzruf>. <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2022-2-72-24-27>
7. *Новицкий Н.А., Шийко В.Г.* Критерии и индикаторы экономической безопасности в условиях новой индустриализации экономики // *Инновации и инвестиции*. 2012. № 3. С. 255–258. EDN: <https://elibrary.ru/tndazt>
8. *Цветков В.А., Дудин М.Н., Лясников Н.В.* Аналитические подходы к оценке экономической безопасности региона // *Экономика региона*. 2019. Т. 15. № 1. С. 1–12. EDN: <https://elibrary.ru/zalwst>. <https://doi.org/10.17059/2019-1-1>
9. *Криворотов В.В., Калина А.В., Белик И.С.* Пороговые значения индикативных показателей для диагностики экономической безопасности Российской Федерации на современном этапе // *Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление*. 2019. Т. 18. № 6. С. 892–910. EDN: <https://www.elibrary.ru/jrqdep>. <https://doi.org/10.15826/vestnik.2019.18.6.043>
10. *Тернавщенко К.О., Малашенко Н.Л., Гапоненко А.В.* Организационно-методические аспекты построения механизма обеспечения экономической безопасности региона и субъектов региональной экономики // *Фундаментальные исследования*. 2021. № 5. С. 104–110. EDN: <https://www.elibrary.ru/tqgdws>. <https://doi.org/10.17513/fr.43046>
11. *Etzkowitz H., Leydesdorff L.* The dynamics of innovation: from national system and “Mode 2” to a Triple Helix of university-industry-government relations // *Research Policy*. 2000. Vol. 29. Iss. 2. P. 109–123. [https://doi.org/10.1016/S0048-7333\(99\)00055-4](https://doi.org/10.1016/S0048-7333(99)00055-4)
12. *Carayannis E., Grigoroudis E.* Quadruple innovation helix and smart specialization: knowledge production and national competitiveness // *Foresight and STI Governance*. 2016. Vol. 10. Iss. 1. P. 31–42. EDN: <https://elibrary.ru/vueahr>. <https://doi.org/10.17323/1995-459x.2016.1.31.42>
13. *Санто Б.* Инновация как средство экономического развития: пер. с венгр. Москва: Прогресс, 1990. 296 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001552007?ysclid=m5nwuuq254534396088> (дата обращения: 15.08.2024)
14. *Meyer Ch.* Relentless growth: how Silicon Valley innovation strategies can work in your business. Free Press, 1998. 201 p. URL: https://openlibrary.org/books/OL683957M/Relentless_growth (дата обращения: 14.06.2024)
15. *Twiss B.C.* Managing technological innovation. 4th ed. Philadelphia: Trans-Atlantic Publ, 1992. 309 p. URL: https://openlibrary.org/books/OL21932240M/Managing_technological_innovation (дата обращения: 05.05.2024)
16. *Шумпетер Й.А.* Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия: пер. с англ. Москва: Эксмо, 2007. 864 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003145883?ysclid=m5ny479h9w281146212> (дата обращения: 17.07.2024)
17. *Fukuda K., Watanabe C.* Japanese and US perspectives on the National Innovation Ecosystem // *Technology in Society*. 2008. Vol. 30. Iss. 1. P. 49–63. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2007.10.008>
18. *Nelson R.R.* National Innovation Systems: a comparative analysis. Oxford University Press, 1993. 541 p. URL: https://books.google.ru/books?vid=9780195076165&redir_esc=y (дата обращения: 24.07.2024)
19. *Бывшев В.И.* Формирование модели научно-технологической и инновационной политики в субъекте Российской Федерации // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2024. Т. 17. № 1. С. 117–136. EDN: <https://elibrary.ru/lciidt>
20. *Туккель И.Л., Сурина А.В., Мироненков В.Б.* Управление инновациями: вызовы и возможности цифрового перехода // *Инновации*. 2023. № 6(296). С. 78–86. EDN: <https://elibrary.ru/jkcjdn>

21. Клейнер Г.Б. Генерация инноваций в условиях ограничений // Финансы и бизнес. 2024. Т. 20. № 2. С. 73–80. EDN: <https://elibrary.ru/cxlheo>. <https://doi.org/10.31085/1814-4802-2024-20-2-120-73-80>
22. Терещенко Д.С. Межрегиональные эффекты инноваций в России: анализ с позиций байесовского подхода // Пространственная экономика. 2024. Т. 20. № 1. С. 125–143. EDN: <https://elibrary.ru/hkbzty>. <https://doi.org/10.14530/se.2024.1.125-143>
23. Тодосийчук А.В. Условия и факторы научно-технологического и инновационного развития экономики // Вестник Российской академии наук. 2023. Т. 93. № 3. С. 237–245. EDN: <https://elibrary.ru/sisqcd>. <https://doi.org/10.31857/S086958732303012X>
24. Кузнецова М.В. Влияние инновационной деятельности предприятий на состояние экономической безопасности национальной экономики // Экономическая безопасность. 2021. Т. 4. № 2. С. 433–446. EDN: <https://www.elibrary.ru/kxrlbm>. <https://doi.org/10.18334/ecsec.4.2.111898>
25. Анатский А.О. Обеспечение экономической безопасности инновационной деятельности российских предприятий в условиях цифровой экономики // Прогрессивная экономика. 2022. № 9. С. 15–28. EDN: <https://www.elibrary.ru/kcgric>. https://doi.org/10.54861/27131211_2022_9_15

Статья поступила в редакцию 08.10.2024; одобрена после рецензирования 07.01.2025; принята к публикации 16.01.2025

Об авторах:

Мырзова Ольга Александровна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Отраслевое управление и экономическая безопасность»; SPIN-код: 5458-2190, Researcher ID: 508995, Scopus ID: 57208900917

Горячева Татьяна Владимировна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Отраслевое управление и экономическая безопасность»; SPIN-код: 2004-0596, Researcher ID: 507187, Scopus ID: 56584277400

Ревзина Елена Мстиславовна, кандидат физико-математических наук, доцент, заведующий кафедрой инноватики; SPIN-код: 1664-7239, Researcher ID: 839193, Scopus ID: 25628611800

Новикова Ирина Леонидовна, проректор по экономике Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского

Вклад авторов:

Мырзова О. А. – научное руководство, выполнение расчетных процедур, развитие методологии;

Горячева Т. В. – сбор и обработка количественных данных, количественная и качественная интерпретация аналитических данных, подготовка текста рукописи;

Ревзина Е. М. – проведение критического анализа материалов, формирование выводов, перевод элементов статьи на английский язык;

Новикова И. Л. – сбор и обработка количественных данных о научных публикациях, обоснование выводов по выполненному исследованию.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

References

1. Korableva A.A. Economic security of the region in the system of regional security types: elaboration of terminology. *Tomsk State University Journal of Economics*. 2017; (40):27–40. EDN: <https://www.elibrary.ru/zwdubx>. <https://doi.org/10.17223/19988648/40/3> (In Russ.)
2. Senchagov V.K. Economics, finance, prices: evolution, transformation, security. Moscow: Ankyl, 2010. 1120 p. EDN: <https://elibrary.ru/quaeiv> (In Russ.)
3. Yakupov A.M. About the nature of the risk and safety, its forms and the «zones of persistence» systems. *Vestnik NTsBZhD*. 2015; (1(23)):36–47. EDN: <https://elibrary.ru/tnqodj> (In Russ.)
4. Baier-Fuentes H., Guerrero M., Amorós J.E. Does triple helix collaboration matter for the early internationalisation of technology-based firms in emerging Economies? *Technological Forecasting and Social Change*. 2021; 163:120439. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.120439> (In Eng.)
5. Abalkin L.I. Economic security of Russia: threats and their reflection. *Voprosy Ekonomiki*. 1994; (12):4–16. EDN: <https://elibrary.ru/sjovdj> (In Russ.)

6. Glaziev S.Yu. Management of innovative processes in the new technological and world economic structures. *Economic Revival of Russia*. 2022; (2(72)):24–27. EDN: <https://elibrary.ru/xqrzuf>. <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2022-2-72-24-27> (In Russ.)
7. Novitskiy N.A., Shiyko V.G. Criteria and indicators of economic security in the context of the new industrialization of the economy. *Innovation and investment*. 2012; (3):255–258. EDN: <https://elibrary.ru/tndazt> (In Russ.)
8. Tsvetkov V.A., Dudin M.N., Lyasnikov N.V. Analytical approaches to estimate economic security of the region. *Economy of regions*. 2019; 15(1):1–12. EDN: <https://elibrary.ru/zalwst>. <https://doi.org/10.17059/2019-1-1> (In Russ.)
9. Krivorotov V.V., Kalina A.V., Belik I.S. Threshold values of indicators for diagnostics of economic security the Russian Federation at the present stage. *Bulletin of Ural Federal University. Series Economics and Management*. 2019; 18(6):892–910. EDN: <https://www.elibrary.ru/jrqdep>. <https://doi.org/10.15826/vestnik.2019.18.6.043> (In Russ.)
10. Ternavshchenko K.O., Malashenko N.L., Gaponenko A.V. Organizational and methodological aspects of building a mechanism for ensuring economic security of the region and regional economic entities. *Fundamental research*. 2021; (5):104–110. EDN: <https://www.elibrary.ru/tqgdws>. <https://doi.org/10.17513/fr.43046> (In Russ.)
11. Etzkowitz H., Leydesdorff L. The dynamics of innovation: from national system and “Mode 2” to a Triple Helix of university-industry-government relations. *Research Policy*. 2000; 29(2):109–123. [https://doi.org/10.1016/S0048-7333\(99\)00055-4](https://doi.org/10.1016/S0048-7333(99)00055-4) (In Eng.)
12. Carayannis E., Grigoroudis E. Quadruple innovation helix and smart specialization: knowledge production and national competitiveness. *Foresight and STI Governance*. 2016; 10(1):31–42. EDN: <https://elibrary.ru/vueahr>. <https://doi.org/10.17323/1995-459x.2016.1.31.42> (In Eng.)
13. Santo B. Innovation as a means of developing the economy: theoretical-methodological examination of technical development. Budapest: Muszaki Konyvkiado, 1985. 264 p. (In Hung.) (Russ. ed.: Santo B. Innovation as a means of economic development. Moscow: Progress, 1990. 296 p.)
14. Meyer Ch. Relentless growth: how Silicon Valley innovation strategies can work in your business. Free Press, 1998. 201 p. URL: https://openlibrary.org/books/OL683957M/Relentless_growth (accessed: 14.06.2024) (In Eng.)
15. Twiss B.C. Managing technological innovation. 4th ed. Philadelphia: Trans-Atlantic Publ, 1992. 309 p. URL: https://openlibrary.org/books/OL21932240M/Managing_technological_innovation (accessed: 05.05.2024) (In Eng.)
16. Schumpeter J.A. Capitalism, socialism and democracy. London: Routledge Publ., 1976. 437 p. (In Eng.) (Russ. ed.: Theory of economic development. Capitalism, socialism and democracy. Moscow: Eksmo Publ., 2007. 864 p.)
17. Fukuda K., Watanabe C. Japanese and US perspectives on the National Innovation Ecosystem. *Technology in Society*. 2008; 30(1):49–63. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2007.10.008> (In Eng.)
18. Nelson R.R. National Innovation Systems: a comparative analysis. Oxford University Press, 1993. 541 p. URL: https://books.google.ru/books?vid=9780195076165&redir_esc=y (accessed: 24.07.2024) (In Eng.)
19. Byvshev V.I. Formation of a model of scientific, technological and innovation policy in the subject of the Russian Federation. *Journal of the Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2024; 17(1):117–136. EDN: <https://elibrary.ru/lciidt> (In Russ.)
20. Tukkel' I.L., Surina A.V., Mironenkov V.B. Innovation management: challenges and opportunities of digital transition. *Innovations*. 2023; (6(296)):78–86. EDN: <https://elibrary.ru/jkcjdn> (In Russ.)
21. Kleiner G.B. Generation innovations under constraints. *Finance and business*. 2024; 20(2):73–80. EDN: <https://elibrary.ru/cxlheo>. <https://doi.org/10.31085/1814-4802-2024-20-2-120-73-80> (In Russ.)
22. Tereshchenko D.S. Interregional effects of innovation in Russia: analysis from the Bayesian perspective. *Spatial economics*. 2024; 20(1):125–143. EDN: <https://elibrary.ru/hkbzty>. <https://doi.org/10.14530/se.2024.1.125-143> (In Russ.)
23. Todosiychuk A.V. Conditions and factors of scientific, technological and innovative development of the economy. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*. 2023; 93(3):237–245. EDN: <https://elibrary.ru/sisqcd>. <https://doi.org/10.31857/S086958732303012X> (In Russ.)

24. Kuznetsova M.V. The impact of enterprises' innovative activity on economic security of the national economy. *Economic Security*. 2021; 4(2):433–446. EDN: <https://www.elibrary.ru/kxrlbm>. <https://doi.org/10.18334/ecsec.4.2.111898> (In Russ.)

25. Anatsky A.O. Ensuring the economic security of innovative activities of Russian enterprises in the digital economy. *Progressive Economy*. 2022; (9):15–28. EDN: <https://www.elibrary.ru/kcgric>. https://doi.org/10.54861/27131211_2022_9_15 (In Russ.)

The article was submitted 08.10.2024; approved after reviewing 07.01.2025; accepted for publication 16.01.2025

About the authors:

Olga A. Myzrova, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Industry Management and Economic Security; SPIN: 5458-2190, Researcher ID: 508995, Scopus ID: 57208900917

Tatyana V. Goryacheva, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Industry Management and Economic Security; SPIN: 2004-0596, Researcher ID: 507187, Scopus ID: 56584277400

Elena M. Revzina, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Innovation; SPIN: 1664-7239, Researcher ID: 839193, Scopus ID: 25628611800

Irina L. Novikova, Vice Rector of the Saratov State University

Contribution of the authors:

Myzrova O. A. – scientific guidance, implementation of calculation procedures, development of the methodology;

Goryacheva T. V. – collection and processing of quantitative data, quantitative and qualitative interpretation of analytical data, preparation of the text of the manuscript;

Revzina E. M. – conducting a critical analysis of the materials, drawing conclusions, translating the elements of the article into English;

Novikova I. L. – collection and processing of quantitative data on scientific publications, substantiation of conclusions on the completed research.

All authors have read and approved the final manuscript.

Научная статья

УДК 332.1

JEL: O10, O32, R11, R12

<https://doi.org/10.18184/2079-4665.2025.16.1.101-115>

Императивы инновационного развития макрорегиона: проблемы и решения

Батов Гумар Хасанович¹¹ Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук; Нальчик, Россия¹ gumarbatov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8632-7407>

Аннотация

Цель – выявление причин низкого уровня трансфера инноваций в экономику регионов Северо-Кавказского федерального округа (СКФО).

Методы. Методологическую основу исследования составила теория инновационного развития. Использовались аналитический, сравнительный, статистический, трендовый анализ и другие методы. Операционализация используемых методов и полученных результатов показывает высокую степень достоверности.

Результаты работы. Анализ инновационной деятельности в регионах СКФО продемонстрировал ее низкий уровень. Показатели инновационной активности округа сегодня заметно отстают от среднероссийских. Хотя на предприятиях округа и увеличивается число используемых новых производственных технологий, это не приводит к кардинальным положительным изменениям в экономике региона. Процесс материализации запатентованных изобретений и полезных моделей сохраняется на недостаточном уровне. Объем отгруженной инновационной продукции характеризуется низкими показателями. В результате экономика регионов СКФО остается слабой и неэффективной, с доминированием традиционных отраслей. Основной причиной этого является малая степень трансфера инноваций в производственные, организационные и технологические процессы.

Выводы. Слабым звеном системы организации инновационной деятельности в регионах СКФО является отсутствие системного подхода, в том числе, по внедрению инноваций. Эпизодические мероприятия не приносят необходимого результата. Для активизации процессов развития инноваций в регионе необходимо интенсифицировать взаимодействие между научными кругами, производственными секторами, властными и финансовыми структурами, развивать инфраструктуру и использовать различные институты развития, адаптировать патенты к условиям хозяйствования, стимулировать предприятия интенсивнее использовать инновации. Такой подход позволит раскрыть инновационный потенциал человеческого капитала округа, создать высокотехнологичный сектор в структуре экономики, повысить конкурентоспособность и сформировать условия для опережающего инновационного развития СКФО.

Ключевые слова: инновации, инновационное развитие, технологический суверенитет, внутренние затраты, инновационная активность, трансфер инноваций

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Батов Г. Х. Императивы инновационного развития макрорегиона: проблемы и решения РФ // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2025. Т. 16. № 1. С. 101–115

EDN: <https://elibrary.ru/ieaepf>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2025.16.1.101-115>

© Батов Г. Х., 2025

Original article

Imperatives of innovative development of the macroregion: problems and solutions

Gumar Kh. Batov¹¹ Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia¹ gumarbatov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8632-7407>

Abstract

Purpose: is to identify the reasons for the low level of innovation transfer to the economy of the regions of the North Caucasus Federal District (NCFD).

Methods: the methodological basis of the study was the theory of innovative development. Analytical, comparative, statistical, trend analysis and other methods were used. The operationalization of the methods used and the results obtained shows a high degree of reliability.

Results: the analysis of innovation activity in the regions of the North Caucasus Federal District showed its low level. The indicators of the district's innovation activity are noticeably lagging behind the Russian average today. Although the number of new production technologies used in the district's enterprises is increasing, this does not lead to fundamental changes in the region's economy. The process of materialization of patented inventions and utility models remains at an insufficient level. The volume of shipped innovative products is characterized by low indicators. As a result, the economy of the regions of the North Caucasus Federal District remains weak and ineffective, with the dominance traditional industries. The main reason this is the low degree of transfer of innovations into production, organizational and technological processes.

Conclusions and Relevance: the weak link in the system of organizing innovation activities in the regions of the North Caucasus Federal District is the lack of a systematic approach, including the introduction of innovations. Episodic activities do not bring the necessary results. To activate the processes of innovation development in the region, it is necessary to intensify the interaction between scientific circles, production sectors, government and financial structures, develop infrastructure and use various development institutions, adapt patents to business conditions, stimulate economic entities to use innovations more intensively. Such an approach will allow to reveal the innovative potential of the district's human capital, create high-tech sectors in the structure of the economy, increase competitiveness and create conditions for advanced innovative development of the North Caucasus Federal District.

Keywords: innovation, innovative development, technological sovereignty, internal costs, innovative activity, innovation transfer

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Batov G. Kh. Imperatives of innovative development of the macroregion: problems and solutions. *MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2025; 16(1):101–115. (In Russ.)

EDN: <https://elibrary.ru/ieaepf>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2025.16.1.101-115>

© Batov G. Kh., 2025

Введение

Современное состояние российской экономики характеризуется наличием сложных проблем, которые связаны как с внутренними, так и внешними факторами. Эти трудности вызывают необходимость трансформации отраслей экономики и социальной сферы на основе новых подходов. Исследователи и эксперты предлагают различные варианты развития, но большинство из них уверено в том, что в перспективе основной тенденцией будет развитие Smart-экономики, которая предполагает активное использование инноваций и результатов интеллектуальной деятельности. Ее

отличительной чертой является появление возможностей для повышения эффективности экономических ресурсов на базе использования инноваций и новых знаний.

С введением антироссийских санкций разработка и внедрение собственных технологий стали для государства вопросами выживания. Поэтому приобретение технологического суверенитета и обеспечение преимуществ посредством использования критических и сквозных технологий входит в состав приоритетных направлений государственной политики¹. Санкции вынуждают пересмотреть многие принятые решения, которые касались открытости

¹ Федеральный закон от 28.12.2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_494804/?ysclid=m6js00769g410368759

экономики. Отказ от сотрудничества со стороны иностранных компаний (иногда по собственной инициативе, а в большинстве случаев под давлением национальных правительств) с российскими предприятиями и фирмами привел к освобождению многих рынков, ряд которых затем был удачно занят отечественными производителями, например, в аграрном секторе. Но уход высокотехнологичных компаний оказал отрицательное влияние на многие отрасли, связанные с инновационными технологиями. В этих условиях основным направлением деятельности становится замещение иностранных товаров и технологий российскими аналогами. Данный процесс является трудоемким, затратным, долговременным и очень непростым. По этому поводу И.М. Голова отмечает: «научно-технический потенциал российских регионов в настоящее время практически не задействован в создании импортозамещающих разработок. По экспертным оценкам, на практике используется не более 5% результатов отечественных НИОКР, а предприятия предпочитают решать возникшие из-за внезапного разрыва хозяйственных связей проблемы за счет поиска новых зарубежных поставщиков из третьих стран, что, в конечном счете, ведет к дальнейшему нарастанию зависимости от импорта» [1, с. 1064].

В сложившейся ситуации приоритетность использования собственных инновационных разработок для развития экономики становится основным направлением, возможно, вынужденным, но зато более безопасным и надежным. Однако этот процесс становится долговременным и не приводит к быстрым прорывам или ускорению технологических преобразований. По мнению Ю.А. Крупнова и С.Н. Сильвестрова, «одной из важных причин сохраняющейся тенденции технологического отставания отечественной экономики является низкая результативность трансграничной диффузии знаний» [2, с. 45].

Необходимо отметить, что производственный сектор с определенными трудностями приспосабливается к использованию отечественных инновационных разработок. Подтверждением тому являются данные Института статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», где отмечается «неустойчивое соотношение продуктовых и процессных инноваций, отражающееся в структуре финансирования различных их типов: в 2022 г. на продуктовые иннова-

ции приходилось 57,8% затрат (в 2018 г. – 47%, в 2020 г. – 59,4%). Доля затрат на разработку и внедрение новых методов производства, связанных в основном с совершенствованием уже используемых производственных технологий, незначительно меньше»². Низкотехнологичные отрасли развиваются в основном процессные инновации, которые не отличаются высокой новизной. В таких отраслях масштабы финансирования продуктовых инноваций минимальны.

В рамках статьи хотим определиться с тем, как категория «инновация» будет интерпретироваться в исследовании: инновация понимается как что-то новое, или нововведение, является конечным результатом интеллектуальной деятельности и может иметь форму открытия, изобретения, нового продукта или нового процесса, а ее использование дает экономический и социальный эффект. Данный подход согласуется с изысканиями Й. Шумпетера³.

Существуют различные типы инноваций: технологические, материально-технические, социальные, экономические, организационно-управленческие, правовые, педагогические, торговые и т.д. Инновации появляются через инновационную деятельность, объектами которой являются результаты творческой деятельности, инновационные проекты и программы, технологии, процессы и продукты.

Посредством инновации осуществляется инновационное развитие. Предметной областью инновационного развития может выступить предприятие, регион или страна. В данном исследовании больше внимания будет обращено инновационному развитию определенного региона – Северо-Кавказского федерального округа РФ.

Мы разделяем мнение авторов, считающих, что «инновационное развитие региональной социально-экономической системы должно быть охарактеризовано в трех основных направлениях: активная внешняя инновационность, активная внутренняя инновационность, пассивная инновационность» [3, с. 109], и что «это сбалансированное инновационное состояние региона, проявляющееся в увеличении инновационного потенциала, повышении интенсивности (активности) его использования, увеличении производства инновационной продукции» [4, с. 58].

Инновационная состоятельность страны зависит от ситуации в ее регионах, а значит, инновацион-

² Роль инноваций в повышении технологического уровня производства // Наука. Технологии. Инновации. Институт статистических исследований и экономики знаний ВШЭ, 02.04.2024. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/910955595.pdf> (дата обращения: 15.09.2024)

³ Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007. 864 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003145883>

ное развитие регионов является весьма важным аспектом. Однако данный процесс в разных регионах осуществляется различными темпами, порой низкими и без особых результатов. Исходя из этого необходимым представляется установление причин такого состояния и определить императивы, которые позволят исправить ситуацию.

Таким образом, актуальность темы инновационного развития регионов определяется не только внешними вызовами, но и внутренними задачами, а именно, необходимостью обеспечения экономически сбалансированного развития территорий страны.

Целью представленной работы является исследование причин низкого уровня трансфера инноваций в экономику регионов Северо-Кавказского федерального округа (СКФО). В соответствии с поставленной целью предполагается решить следующие задачи:

- провести анализ состояния инновационной деятельности в регионах макрорегиона;
- определить слабые места, причины низкого уровня инновационной деятельности, а также трансфера инноваций в регионах СКФО;
- предложить рекомендации по исправлению существующего положения и ускорению инновационного развития в регионах Северо-Кавказского федерального округа.

Обзор литературы и исследований

Вопросы и проблемы, связанные с активизацией инновационной деятельности и внедрением инновационных разработок в экономические, социальные и бизнес-процессы, находятся в центре внимания многих ученых. Исследователи подходят к данной теме с разных позиций и рассматривают проблемы в различных ракурсах, которые порой бывают противоположными. Авторы много внимания уделяют инновациям как многофункциональным инструментам, а также реализации инновационно ориентированной стратегии импортозамещения.

В работе [5] авторы предлагают рассматривать инновации как универсальные средства решения многих проблем, особенно в рыночных условиях. По их мнению, в плане достижения конкурентных преимуществ инновации играют большую роль, чем ценовые факторы.

В своей статье Н.А. Герасименко предлагает создать «в стране и в федеральных округах системы центров развития инновационной деятельности, обеспечивающих: координацию исследований и разработок приоритетных инновационных проектов; устойчивое финансирование; формирование комплекса мер и стимулов в целях привлечения частного капитала и т.д.» и заключает, что «необходима новая стратегия инновационного развития России, в том числе с уче-

том состояния и возможностей федеральных округов и новых вызовов» [6, с. 45].

Группа других авторов отмечает, что в новых геополитических условиях Россия вынуждена полагаться преимущественно на собственные научные силы и производственную базу, чтобы обеспечить устойчивое экономическое развитие и не допустить технологического отставания. Одним из факторов такого устойчивого развития является обеспечение технологического суверенитета страны в широком контексте, но прежде всего, на основе развития критических и сквозных технологий [7]. О необходимости уделить особое внимание обеспечению технологического суверенитета в современных условиях отмечается и в источниках [8–10].

Понятие «Smart» с различными приставками (Smart-экономика, Smart-технологии, Smart-промышленность, Smart-образование и т.д.) начинает занимать в публичных дискурсах такое же место, как и термин «искусственный интеллект», что прослеживается в работах [11–14]. Очевидно, это связано с ускорением и необходимостью перехода экономики на прогрессивные технологии. В связи с этим И.Б. Ардашкин отмечает, что «смарт-технологии – это понятие, которым сегодня различные авторы стремятся обозначить самые современные технологические разработки, применяемые повсеместно (экономика, управление, культура, социум, образование, наука и т.д.) и обладающие определенными качествами, которые на русском языке можно назвать как «умные». Такое название предполагает, что эти технологии, помимо собственно технологического предназначения, обладают дополнительными качествами, ставящими их на более высокий уровень, чем обычные технологии» [15, с. 55], и далее дополняет: «сами по себе смарт-технологии людей «умными» не делают. По этой причине для применения имеющихся смарт-технологий и разработки собственных новых необходима разносторонняя подготовка общества» [15, с. 66].

В источнике [16] автор предлагает сосредоточить основное внимание на развитии предприятий высокотехнологичного сектора, которые являются основными потребителями инноваций, при этом рекомендует не обращать особого внимания на процессы, которые происходят в традиционных отраслях, а сосредоточиться на развитии высокотехнологичных отраслей.

По мнению С.В. Кочеткова и О.В. Кочетковой, совместная инновационная деятельность различных регионов будет способствовать увеличению объемов инновационной продукции, повышению уровня инновационной активности предприятий взаимодействующих регионов и, в целом, снижению пространственного неравенства. Предлагается

рассматривать инновационную деятельность как результат сложного процесса совместного творчества, позволяющего получить новые знания, которые возможно использовать в регионах [17].

Известный экономист А.Г. Аганбегян рассматривает инновации как «продукт знания человека, своего рода материализацию этого знания, которое прежде всего зависит от уровня и качества образования» [18, с. 14]. Он отмечает, чтобы «перевести экономику России на путь инновационного развития ... Самое главное – возобновить социально-экономический рост страны на базе технологического рывка и подъема сферы экономики знаний... Переход к высокотехнологичному основному капиталу и наращиванию человеческого капитала (экономики знаний) – вот главный путь» [18, с. 23].

По мнению группы авторов, «одним из направлений, находящихся в фокусе многочисленных современных научных изысканий, становится концепция открытых инноваций (ОИ), активно реализуемая инновационно-развитыми государствами. Данная концепция базируется на том, что новые решения в организации разрабатываются в процессе взаимодействия с различными субъектами, что в конечном итоге приводит к большему числу бенефициаров, которые получают эффект в виде достижения конкурентных преимуществ, финансовой выгоды или удовлетворения качественных запросов потребителей к продукции» [19, с. 296]. Авторы предлагают воспользоваться преимуществами открытых инноваций для продвижения различных проектов и диффузий инноваций.

Вопросы организационных инноваций анализируются в статье [20], где отмечается, что знания рассматриваются как находящиеся внутри индивидуума, а основная роль организации заключается в применении знаний, а не в их создании. В более общем плане подход, основанный на знаниях, проливает новый свет на текущие организационные инновации и тенденции и имеет далеко идущие последствия для практики управления.

В своей работе [21] Дж. Дин (J. Ding) отмечает, что новые технологии распространяются между странами быстрее, чем между фирмами страны. Государство должно уделить пристальное внимание распространению и внедрению инноваций. Но при этом он отмечает, что рыночные механизмы диффузий инноваций эффективнее, чем централизованные. Такой вывод автор делает, сравнивая подходы по диффузии новых технологий в США и Китае.

В монографии М.З. Тейлора (M.Z. Taylor) говорится о том, что внутренняя политическая борьба и угрозы, которые исходят из внешней среды, инициируют и поощряют инновации. Инновации способствуют повышению уровня безопасности – к таким

выводам автор приходит на основе сравнения различных штатов США [22].

По мнению группы американских исследователей [23], технические изменения являются основными движущими силами мощного экономического роста и развития, поэтому посредством технологических изменений и инноваций становится возможным создать страну с мощной экономикой. Инновации открывают возможности для повышения благосостояния и выгод для общества.

Свое видение решения проблемы инновационного развития и трансфера инноваций излагают авторы Е.В. Балацкий и Н.А. Екимова, которые предлагают использовать региональные корпорации развития (РКР), «которые должны выступать в роли цивилизованного посредника между региональной властью, бизнесом и населением. При этом РКР, будучи специфическим институтом регионального развития, должны иметь очень высокий управленческий статус, находясь над региональными ведомствами и координируя их работу с бизнесом» [24, с. 56].

По мнению другой группы авторов, для эффективной разработки и материализации инноваций необходимо создать инновационно продуктивную среду, которая позволит обеспечить механизмы распространения и обмена знаниями, а также государственного регулирования. Авторы обосновывают, что среда, в которой оперируют компании, выступает одним из важнейших факторов их инновационного развития. Она определяет правила игры, возможности и барьеры на пути адаптации бизнеса к изменению условий его функционирования [25, с. 89-90].

В своей статье индийские исследователи предлагают использовать внутреннее предпринимательство как способ создания и использования инноваций и отмечают, что «интрапренерство рассматривается как один из ключевых механизмов генерации инноваций, в которых нуждаются компании для достижения устойчивости на динамичных рынках и создания новой экономической ценности для повышения конкурентоспособности» [26, с. 99].

Ряд авторов отмечает, что, поскольку создание собственных успешных инноваций зачастую оказывается слишком сложной задачей, то получить необходимые знания (технологии, новые разработки и продукты и т.д.) возможно извне. Для этого предлагается использовать экономический процесс слияния и поглощения (СП) как канал межорганизационной передачи технологий. Как часть корпоративной стратегии механизм СП позволит получить конкретные знания или технологии для повышения эффективности своей инновационной деятельности [27, с. 22].

Таким образом, можно отметить, что в экономической литературе авторы рассматривают инновации с разных сторон и позиций.

Материалы и методы

Методологической основой исследования выступает теория инновационного развития. В работе использован системный подход, в методическом плане исследование базируется на общих методах научного познания: систематизации, обобщении, абстрагировании, анализе и синтезе. В исследовании использованы материалы регионов СКФО и данные Росстата.

Объектом исследования выступают регионы Северо-Кавказского федерального округа. При анализе состояния инновационной деятельности исследуемого объекта использовались аналитический, сравнительный, статистический, трендовый анализ и другие методы, позволившие выявить и интерпретировать закономерности, происходящие в инновационных процессах, трансфере технологий и причинах низкой инновационной деятельности. Операционализация используемых методов и полученных результатов показывает высокую степень взаимосвязи.

Результаты исследования

Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО) располагает определенным социально-экономическим и производственно-ресурсным потенциалом. Однако данный потенциал является недостаточным, чтобы регион развивался более высокими темпами. Стоит отметить, что экономика СКФО представлена отраслями низкотехнологичного и среднетехнологичного низкого уровня, которые формируют базу экономики регионов. Только перевод традиционных отраслей на инновационный путь позволит субъектам округа интенсивно развиваться.

Северо-Кавказский федеральный округ образован 19 января 2010 г. путем выделения из состава Южного федерального округа 7-ми регионов: Республики Дагестан (далее РД), Республики Ингушетия (далее РИ), Кабардино-Балкарской Республики (далее КБР), Карачаево-Черкесской Республики (далее КЧР), Республики Северная Осетия – Алания (далее РСО-А), Чеченской Республики (далее ЧР) и Ставропольского края (далее СК).

Рассмотрим состояние инновационной деятельности в регионах СКФО (табл. 1).

Анализ состояния регионов СКФО по представленным в табл. 1 параметрам показывает, что инновационная деятельность в них осуществляется по-разному. Основными первоисточниками инноваций выступают научно-исследовательские институты, вузы, а также научные изыскания и

разработки предприятий и компаний. Число организаций, выполняющих исследования, а также среднесписочная численность работников научных организаций остаются относительно постоянными. Наблюдается некоторая стабилизация деятельности научных организаций по сравнению с началом реформ Российской академии наук.

Важной частью создания инноваций являются внутренние затраты на научные исследования и разработки. За исследуемый период имело место увеличение этих затрат (в текущих ценах) как в целом по России, так и по СКФО. Однако в 2023 г. в республиках Дагестан, Ингушетия и Чечня наблюдается снижение таких затрат.

Существенными, в плане перевооружения, реконструкции, модернизации и использования инноваций, являются затраты на технологические инновации, которые связаны с созданием нового продукта или услуги, или совершенствованием технологических и производственных процессов. В суммарном исчислении эти затраты увеличиваются во всех регионах, за исключением Чеченской Республики. Однако 83,6% затрат на технологические инновации приходится на Ставропольский край, который тратит на них в 8,3 больше, чем Республика Дагестан (регионы сопоставимы по объему ВРП, численности населения, инвестициям в основной капитал и т.д.). Принимая во внимание положение, в котором находятся субъекты округа, затраты на технологические инновации являются недостаточными для того, чтобы осуществить прорыв в производственно-экономической деятельности.

Важным показателем результативности научных исследований и уровня инновационности экономики является количество признанных патентов и уровень инновационной активности организаций. С одной стороны, за 2021–2023 гг. СКФО в целом показывает положительную динамику по числу выданных патентов на изобретения и полезные модели (даже по сравнению с аналогичными показателями по стране, где в 2023 г. наблюдается снижение количества патентов на полезные модели). В то же время, во многих регионах округа, наоборот, наблюдается снижение количества патентов, что является негативной тенденцией. В СКФО на общем фоне заметно выделяется Ставропольский край, на счету которого более трети общего количества патентов в округе. Имея определенный научный потенциал, свои возможности не реализовывают остальные регионы округа, особенно Республика Дагестан. С другой стороны, для определения состояния инновационности экономики целесообразно применить такой показатель, как число патентов, выданных в расчете на 1 млн человек населения. В РФ в 2023 г. в расчете на 1 млн человек было выдано 104 патента

Таблица 1

Основные показатели инновационной деятельности в РФ и регионах СКФО

Table 1

Key indicators of innovation activity in the Russian Federation and the regions of the North Caucasus Federal District

Показатели/ субъекты	Год	РФ	СКФО	РД	РИ	КБР	КЧР	РСО-А	ЧР	СК
Число организаций, выполняющих исследования, ед.	2023	4125	136	28	6	15	12	18	8	49
	2022	4195	138	29	7	15	12	18	8	49
	2021	4175	143	32	6	15	11	18	8	53
Среднесписочная численность работников, выполнявших НИиР, чел.	2023	594936,8	6156,1	1161,0	161,0	1225,5	582,9	478,0	373,7	2174
	2022	597234,6	5831,7	1220,4	159,7	874,7	587,8	464,1	347,3	2177,7
	2021	599245,3	5 944,4	1177,5	167,0	989,1	580,3	461,0	320,0	2249,5
Внутренние затраты на научные исследования и разработки*, млн руб.	2023	1649,7	8505,0	1166,3	84,4	1101,2	861,5	629,1	445,0	4217,1
	2022	1435,9	7174,1	1200,1	89,6	908,6	723,2	568,2	504,7	3179,9
	2021	1301,4	6479,6	1255,8	85,0	871,9	612,4	437,0	548,7	2668,9
Затраты на технологические инновации*, млн руб.	2023	3519,5	12715,9	1278,0	н/д	725,6	н/д	н/д	88,3	10631,5
	2022	2662,5	8291,3	1083,5	н/д	193,4	н/д	н/д	168,0	6765,2
	2021	2379,7	7494,5	1241,7	н/д	414,7	н/д	42,4	22,8	5706,6
Выдано патентов на полезные модели, ед.	2023	6522	69	8	8	10	4	7	4	28
	2022	7025	57	14	1	5	2	2	7	26
	2021	6733	65	7	-	4	8	7	14	25
Выдано патентов на изобретения, ед.	2023	16928	402	102	2	76	9	60	13	140
	2022	15307	297	37	4	41	4	61	13	137
	2021	15012	298	37	1	56	5	65	23	111
Уровень инновационной активности организаций, %	2023	11,3	3,6	2,7	1,4	2,4	5,1	3,0	1,7	7,0
	2022	11,0	4,0	3,1	1,1	3,8	4,3	2,9	2,0	6,8
	2021	11,9	4,6	3,8	3,9	5,8	4,9	3,4	1,9	6,9
Число созданных передовых технологий, ед.	2023	2743	142	49	н/д	н/д	н/д	3	3	21
	2022	2621	100	49	н/д	25	н/д	н/д	н/д	22
	2021	2186	72	36	н/д	7	н/д	н/д	н/д	22
Число используемых передовых производственных технологий, ед.	2023	278632	3633	619	104	422	141	249	425	1673
	2022	269541	3332	560	83	462	120	199	414	1494
	2021	256582	3153	571	83	455	127	198	389	1330
Удельный вес затрат на инновационную деятельность в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ и услуг, %	2023	2,5	0,9	0,8	0,0	1,0	0,0	0,0	0,1	1,2
	2022	2,1	0,7	0,8	0,0	0,3	0,0	0,1	0,2	0,9
	2021	2,0	0,7	1,0	0,3	0,7	0,0	0,1	0,0	0,8

Примечание: * для РФ – млрд руб.

Составлено автором по материалам: Наука, инновации и технологии // Росстат.

URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 03.10.2024).

Compiled by the author based on the materials in: Science, Innovation and Technology. Rosstat.

URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (accessed: 03.10.2024).

на изобретения и 44 патента на полезные модели; в СКФО эти показатели за этот же период составили 39 и 6 соответственно. Полезные модели имеют важное значение для повышения технологического уровня промышленного производства, они высоко востребованы для субъектов СКФО.

Но региональная наука выдает их в малом количестве, а большинство подтвержденных патентов не внедряется в производство.

Между количеством используемых патентов и уровнем инновационной активности организаций существует определенная взаимосвязь: чем боль-

ше патентов использует конкретная организация, тем выше уровень ее инновационной активности. Надо отметить, что показатель уровня инновационной активности организаций находится на низком уровне: если в 2023 г. по РФ он составил 11,3%, то суммарно по СКФО – всего 3,6%, при этом субъект продемонстрировал отрицательную динамику за 2021–2023 гг. В округе наиболее высокие результаты за 2023 г. имеют Ставропольский край (7,0%) и Карачаево-Черкесская Республика (5,1%) (см. табл. 1).

Уровень инновационной активности имеет связь с числом используемых передовых производственных технологий, без которых организовать высокоэффективное технологическое производство представляется проблематичным. Объем используемых передовых производственных технологий как в РФ, так и в СКФО имеет тенденцию роста, однако темпы наращивания остаются низкими в большинстве регионов округа. Например, в 2023 г. в Республике Дагестан использовано всего 619 единиц при наличии 10374 организаций в отраслях материальной сферы. В таком же положении находятся и другие регионы СКФО. Данное обстоятельство является существенной причиной низко-

го уровня технологических процессов в отраслях экономики регионов.

В неудовлетворительном состоянии находятся затраты на инновационную деятельность по отношению к общему объему отгруженных товаров, выполненных работ и услуг. В 2023 г. по РФ этот показатель составляет всего 2,5%, по СКФО – 0,9%, а по регионам округа находится в диапазоне от 0 до 1,2%.

Подводя итог анализа состояния инновационной деятельности регионов СКФО на основе использования принятых Росстатом показателей, можно заключить, что она находится на низком уровне и регионам необходимо разработать комплекс мер, которые позволили бы исправить наблюдаемую ситуацию.

Улучшить существующее положение возможно в том случае, если в регионах будут разрабатываться и производиться востребованные рынком инновационные продукты и услуги. Но такой процесс потребует затрат. Регионы СКФО инвестируют в науку определенный капитал. Рассмотрим состояние внутренних затрат на научные исследования и разработки в регионах СКФО (табл. 2).

Таблица 2

Внутренние затраты на научные исследования и разработки в РФ и регионах СКФО, млн руб.

Table 2

Internal expenditures on scientific research and development in the Russian Federation and regions of the North Caucasus Federal District, million rubles

Регионы \ годы	2019	2020	2021	2022
РФ	1134786,7	1174534,3	1301490,9	1435914,3
в % к ВВП	1,0	1,1	1,0	1,0
СКФО	5291,1	5786,9	6479,6	7174,1
в % к ВРП	0,23	0,24	0,24	0,23
РД	1040,0	1250,4	1255,8	1200,1
в % к ВРП	0,14	0,16	0,16	0,13
РИ	108,0	112,0	85,0	89,6
в % к ВРП	0,14	0,15	0,12	0,11
КБР	867,0	792,3	871,9	908,6
в % к ВРП	0,51	0,43	0,40	0,35
КЧР	515,3	550,1	612,4	723,2
в % к ВРП	0,56	0,57	0,56	0,57
РСО-А	414,5	492,8	437,0	568,2
в % к ВРП	0,23	0,27	0,22	0,26
ЧР	350,1	361,4	548,7	504,7
в % к ВРП	0,14	0,14	0,19	0,16
СК	1996,2	2227,8	2668,9	3179,9
в % к ВРП	0,24	0,26	0,26	0,26

Рассчитано автором по материалам: Наука, инновации и технологии // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 04.10.2024).

Calculated by the author based on the materials in: Science, Innovation and Technology. Rosstat. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (accessed: 04.10.2024).

Данные табл. 2 показывают, что внутренние затраты в РФ и СКФО в абсолютном измерении имеют тенденцию роста, однако по отношению к ВВП и ВРП остаются в диапазоне от 1,0-1,1% и 0,23-0,24% соответственно. В регионах СКФО доля затрат в процентах от ВРП остается относительно постоянным не только за исследуемый период, но и за последнее десятилетие. В 2022 г. доля внутренних затрат на научные исследования и разработки в валовом региональном продукте уменьшилась в республиках Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария и Чечня, увеличилась в Карачаево-Черкессии, Северной Осетии-Алании. В Ставропольском крае осталась на том же уровне, что и в предыдущем периоде.

Для сопоставления внутренних затрат на исследования и разработки по разным субъектам, рассчитывают затраты на 1 тыс. руб. ВРП. По регионам СКФО эти затраты сложились по-разному: Республика Дагестан – 1,3 руб., Республике Ингушетия – 1,0 руб., Кабардино-Балкарская Республика – 3,5 руб., Карачаево-Черкесская Республика – 5,7 руб., Республика Северная Осетия-Алания – 2,6

руб., Чеченская Республика – 1,6 руб., Ставропольский край – 2,6 руб. В среднем по СКФО показатель равняется 2,3 руб., тогда как в целом по РФ – 10,2 руб. В регионах округа затраты на науку более чем в 4 раза ниже, чем в среднем по России. Таким образом, внутренние затраты на научные исследования и разработки в субъектах СКФО являются недостаточными для интенсификации инновационной деятельности и перехода экономики регионов на инновационный путь развития.

Важным аспектом в производственно-экономической деятельности субъектов экономики СКФО является выпуск инновационной продукции, которая характеризуется тем, что, обладая новыми качественными параметрами, способна максимально удовлетворить потребности потребителей, позволяя производителю оставаться конкурентоспособным и максимально эффективным. В связи с этим объем выпуска инновационной продукции является важнейшим показателем конкурентоспособного состояния субъекта и степени его инновационности. Рассмотрим состояние данного показателя в субъектах СКФО (табл. 3).

Таблица 3

Объем инновационных товаров, работ и услуг по регионам СКФО и в РФ

Table 3

Volume of innovative goods, works and services by regions of the North Caucasus Federal District and in the Russian Federation

Регионы \ годы	2019		2020		2021		2022		2023	
	Млн руб.*	%**	Млн руб.*	%**	Млн руб.*	%**	Млн руб.*	%**	Млн руб.*	%**
РФ	4863,3	5,3	5189,0	5,7	6003,3	5,0	6377,2	5,1	8323,8	6,0
СКФО	44,2	5,3	44,3	5,1	76,7	7,1	86,4	7,3	63,1	4,6
РД	514,8	0,4	1468,1	1,3	2855,8	2,2	5018,2	3,5	1731,6	1,1
РИ	40,6	0,4	-	4,5	140,1	1,7	-	0,5	-	1,6
КБР	296,7	0,6	552,6	1,0	-	0,8	314,7	0,4	376,0	0,5
КЧР	199,2	0,3	438,2	0,8	356,5	0,6	282,4	0,4	251,8	0,4
РСО-А	148,8	0,4	-	1,3	427,0	1,0	506,7	0,9	-	1,1
ЧР	26,6	0,0	-	0,0	-	0,2	-	0,1	112,1	0,1
СК	42,9	8,7	40,9	7,7	72,3	10,5	80,1	11,0	59,7	6,9

Примечания:

* для РФ, СКФО и СК – млрд руб.

** в процентах от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг;

Составлено автором по материалам: Наука, инновации и технологии // Росстат.

URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 03.10.2024).

Compiled by the author based on the materials in: Science, Innovation and Technology. Rosstat.

URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (accessed: 03.10.2024).

В среднем по России объем инновационных товаров, работ и услуг имеет тенденцию роста, но на очень низкой базе (в 2019 г. – 5,3%, в 2023 г. – 6,0%), его доля в общем объеме отгруженной про-

дукции остается в районе 5–6%. В 2023 г. суммарные показатели СКФО относительно предыдущего года заметно снизились. Основной объем выпуска инновационных товаров, работ и услуг в

округе обеспечивается Ставропольским краем. Низкие объемы инновационных товаров, работ и услуг в остальных субъектах СКФО свидетельствуют о том, что производимые ими товары или оказываемые услуги не были подвергнуты каким-либо изменениям, не внедрялись продуктовые инновации и не применялись новые процессные инновации, процессы производства и организация управления оставались традиционно-консервативными.

Низкий уровень инновационной активности предприятий СКФО имеет несколько причин.

Во-первых, создаваемые научными учреждениями разработки, которые могут быть использованы в различных отраслях экономики регионов, не доходят до адресатов. Происходит это в силу того, что, с одной стороны, создатели инноваций должны коммерциализировать свои разработки или хотя бы окупить свои затраты, но с другой стороны, у предприятий сильно ограничены ресурсы – нет свободных финансовых средств, чтобы заплатить за приобретаемые технологии, нет специалистов, которые могли бы оценить эффективность инноваций, а кроме того, нет уверенности, что они смогут окупиться за короткие сроки, поскольку долгосрочные вложения предприятия себе позволить не могут. Разрешить эту сложную дилемму может государство, например, с помощью налоговых каникул, кредитных преференций, поддержки институтами развития, установления долгосрочных кооперационных связей между исследовательскими институтами (вузами) и хозяйствующими субъектами (бизнес-сообществом) и т.д. Приведенные предложения не являются новыми или неизвестными, имеются и другие рекомендации – они звучат со многих трибун, об этом говорят эксперты, исследователи, властные структуры, но ничего не выполняется и не реализуется.

Невыполнение принятых решений или их игнорирование становится препятствием для перехода на следующую стадию развития, и этот процесс имеет тенденцию повторения. Решение системных проблем, которые существуют в структуре управления, должно взять на себя государство. Посредством сочетания административных, рыночных и институциональных методов государство смогло бы внести кардинальные изменения в данный процесс. При этом необходимо иметь в виду, что те методы, которые применяются сегодня, не работают или работают со сбоями.

Во-вторых, в хозяйствующих субъектах округа отсутствуют подразделения высококвалифицированных кадров, которые целенаправленно занимались бы организацией инновационной деятельности, поиском и продвижением инноваций, распространением инновационной культуры среди персонала.

В-третьих, причиной низкой инновационной активности может быть оппортунистическое поведение менеджмента. По этому поводу мы разделяем мнение К. Багратиони и Т. Тернера, которые в отношении внедрения новых технологий отмечают, что «успех этого сложного процесса трансформации зависит от участия и поддержки персонала всех уровней, особенно руководителей среднего звена. При этом последние нередко сопротивляются переменам, что имеет разные причины и принимает различные формы... Понимание причин и специфики указанного сопротивления в различных отраслях необходимо для разработки стратегий его преодоления в интересах успешной реализации инициатив...» [28, с. 51].

Надо отметить, что причин, по которым инновации в округе не внедряются в достаточном количестве, достаточно много. В данном случае отметим из них наиболее значимые и доминирующие для каждого конкретного региона.

Общей проблемой для всех субъектов СКФО является недостаток финансовых средств. Что касается отдельных регионов, то:

- для Дагестана слабым звеном является отсутствие инновационной инфраструктуры;
- для Ингушетии – малое число патентов и разработок, адаптированных к отраслям экономики региона;
- для Кабардино-Балкарии – малое число средних и крупных предприятий, где можно было бы внедрять инновации;
- для Карачаево-Черкессии – слабое стимулирование местных компаний к использованию инноваций;
- для Северной Осетии-Алании – проблемы, связанные со взаимодействием научно-исследовательских институтов (вузов) с производственным сектором;
- для Чечени – нехватка квалифицированных кадров;
- для Ставропольского края – слабая информированность участников и заинтересованных лиц в инновационной деятельности, отсутствие четкой координации взаимосвязей между участниками инновационных процессов.

Характерной особенностью для регионов СКФО является отсутствие системного подхода по внедрению инноваций, а эпизодические мероприятия не дают нужного эффекта.

Безусловно, в Северо-Кавказском федеральном округе создаются инновации, хоть и в малом количестве. Однако в своем большинстве они имеют внутриотраслевое применение, что подчеркивает специализацию округа. В СКФО присутствует все-

го несколько единиц предприятий, которых можно отнести к высокотехнологичным – в основном округ представлен предприятиями, относящимся к среднетехнологичным низкого уровня и низкотехнологичным. Для таких типов предприятий характерной является ориентация на процессные и организационные инновации, в отличие от высокотехнологичных и среднетехнологичных высокого уровня, которые больше внимание уделяют продуктовым инновациям. Процессные и организационные инновации способствуют снижению общих затрат, повышению производительности труда, конкурентоспособности и эффективности производства, но новый продукт они не создают.

В экономической литературе излагаются различные методы ускорения инновационного развития, а также способы организаций сотрудничества науки, производства (бизнеса), вузов и государства. Особенность СКФО и его регионов состоит в том, что округ относится к слаборазвитым, а потому здесь нужно использовать специфичные методы и способы, в частности, проектное управление или программно-целевой метод. Основное внимание необходимо уделить социальным факторам, а именно, раскрытию инновационного потенциала человеческого капитала, формированию инновационной культуры, воспитанию положительного восприятия инноваций и цифровых технологий.

Фундаментальные ограничения, которые испытывает СКФО в природных ресурсах и капитале, возможно компенсировать через экономику знаний, труд и инновации. Округ является трудоизбыточным макрорегионом, поэтому для инновационного развития его регионов особую роль может сыграть экономика знаний, где главными компонентами являются знания и человеческий капитал. Такой подход способен содействовать созданию высокотехнологичного сектора в структуре экономики регионов, тем самым снижая роль традиционных отраслей и переводя экономику СКФО на новые рельсы.

В настоящее время эффективное развитие регионов округа может быть основано только на услови-

ях инновационной парадигмы. Поэтому настолько важным является понимание императивов, которые позволят регионам СКФО достичь высокого уровня инновационной деятельности.

Выводы

Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО) не располагает крупными природными ресурсами (нефть, газ, каменный уголь и т.д.), однако обладает определенным социально-экономическим и производственно-ресурсным потенциалом. В то же время, данный потенциал является недостаточным, чтобы развиваться более высокими темпами. Исходя из положения, в котором находятся регионы округа, основным источником развития может стать использование инноваций. Но, как показывает проведенное исследование, состояние инновационной сферы в субъектах СКФО находится сегодня на низком уровне.

Основной причиной слабого инновационного развития округа является не только недостаточное финансирование науки, но и отсутствие системного подхода к организации как инновационной деятельности в целом, так и в части разработок новых технологий и их использования. На практике такая ситуация приводит к низкому уровню трансфера инноваций в производственные, организационные и технологические процессы. В результате экономика регионов СКФО продолжает быть слабой и неэффективной, а доминирующими остаются традиционные отрасли.

Для стимулирования процессов развития инноваций в Северо-Кавказском федеральном округе необходимо интенсифицировать взаимодействие науки, образования и производства, развивать инфраструктуру с использованием различных институтов развития, адаптировать патенты к условиям конкретного региона, стимулировать хозяйствующих субъектов к использованию инноваций, информировать участников инновационных процессов о конечных результатах деятельности. Только перевод традиционных отраслей на инновационный путь позволит субъектам округа интенсивно развиваться.

Список источников

1. Голова И.М. Научно-технический потенциал регионов как основа технологической независимости РФ // Экономика региона. 2022. Т. 18. № 4. С. 1062–1074. EDN: <https://elibrary.ru/fwfwsg>. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-4-7>
2. Крупнов Ю.А., Сильвестров С.Н. Технологический суверенитет и диффузия технологий // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 2. С. 31–48. EDN: <https://elibrary.ru/cbhkjq>. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2024_2_31_48

3. Батукова Л.Р. Инновационное развитие и модернизация региональных социально-экономических систем // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 1. С. 108–114. EDN: <https://elibrary.ru/opuxgl>
4. Мерзликина Г.С. Инновационное развитие региона: эссенциальная архитектура показателей // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2020. Т. 13. № 5. С. 50–64. EDN: <https://elibrary.ru/yckocs>. <https://doi.org/10.18721/DE.13504>
5. Красников А.В., Джиоев П.В. Оценка роли и значения инноваций в развитии отечественной промышленности: федеральный и региональный аспекты // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2023. № 2(95). С. 93–101. EDN: <https://elibrary.ru/cqxcdm>. <https://doi.org/10.37493/2307-907X.2023.2.11>
6. Герасименко Н.А. Исследование динамики инновационной деятельности федеральных округов России // Вестник университета. 2021. № 11. С. 39–46. EDN: <https://elibrary.ru/ufpjgm>. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-11-39-46>
7. Акаев А.А., Девезас Т.К., Кораблев В.В., Сарыгулов А.И. Критические технологии и перспективы развития России в условиях экономических и технологических ограничений // Terra Economicus. 2024. Т. 22. № 2. С. 6–21. EDN: <https://elibrary.ru/rmemvs>. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2024-22-2-6-21>
8. Афанасьев А.А. Технологический суверенитет: основные направления политики по его достижению в современной России // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12. № 4. С. 2193–2212. EDN: <https://elibrary.ru/gkymj>. <https://doi.org/10.18334/vinec.12.4.116433>
9. Степанов А.А., Савина М.В., Степанов И.А. Технологический суверенитет: сущность и концепция постинформационного общества // Креативная экономика. 2024. Том 18. № 3. С. 737–750. EDN: <https://elibrary.ru/lcktqm>. <https://doi.org/10.18334/ce.18.3.120738>
10. Чурсин А.А., Квасов И.А., Богинский А.И., Назюта С.В. Основы методологии управления процессами, обеспечивающими технологическую независимость организации // Креативная экономика. 2024. Т. 18. № 1. С. 167–188. EDN: <https://elibrary.ru/wqotdn>. <https://doi.org/10.18334/ce.18.1.120272>
11. Максимова В.Ф. Smart (интеллектуальная) экономика: цели, задачи и перспективы // Открытое образование. 2011. № 3. С. 63–71. EDN: <https://elibrary.ru/okasrf>
12. Ардашкин И.Б., Суровцев В.А. Смарт-технологии как понятие и феномен: к вопросу о критериях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 32–44. EDN: <https://elibrary.ru/arooru>. <https://doi.org/10.17223/1998863X/60/4>
13. Янь М.Ц. Особенности реализации принципа смарт-экономики на основе формирования высокотехнологических региональных кластеров // Инновации и инвестиции. 2023. № 2. С. 248–252. EDN: <https://elibrary.ru/mqvsku>
14. Ризванова А.Я. Теоретические аспекты формирования концепции smart-территорий // Креативная экономика. 2020. Том 14. № 12. С. 3307–3320. EDN: <https://elibrary.ru/bsjifs>. <https://doi.org/10.18334/ce.14.12.111196>
15. Ардашкин И.Б. Смарт-технологии как феномен: концептуализация подходов и философский анализ. Являются ли смарт-технологии действительно умными? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 43. С. 55–68. EDN: <https://elibrary.ru/xwebmt>. <https://doi.org/10.17223/1998863X/43/5>
16. Курина Т.Н. Инновационное развитие экономики на основе трансформации высокотехнологического сектора // Креативная экономика. 2024. Т. 18. № 5. С. 1109–1130. EDN: <https://elibrary.ru/biczym>. <https://doi.org/10.18334/ce.18.5.120801>
17. Кочетков С.В., Кочеткова О.В. Инновационное состояние экономики региона как главное условия снижения межтерриториального неравенства // Экономическое возрождение России. 2023. № 1(75). С. 50–55. EDN: <https://elibrary.ru/epyhiq>. <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2023-1-75-50-55>
18. Аганбегян А.Г. Инновации в России: от высокого знания и наличия перспективных научных заделов к эффективному социально-экономическому развитию // Экономическое возрождение России. 2023. № 2(76). С. 13–26. EDN: <https://elibrary.ru/dgiqok>. [https://doi.org/10.37930/1990-9780-2023-2\(76\)-13-26](https://doi.org/10.37930/1990-9780-2023-2(76)-13-26)
19. Васина А.В., Киселева О.Н., Сысоева О.В. Практика реализации концепции открытых инноваций в России: государственный, региональный и корпоративный уровни // Регионология. 2023. Т. 31. № 2(123). С. 294–312. EDN: <https://elibrary.ru/jwgypi>. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.031.202302.294-312>

20. Grant R.M. Toward a knowledge-based theory of the firm // *Strategic Management Journal*. 1996. Vol. 17. Iss. S2. P. 109–122. <https://doi.org/10.1002/smj.4250171110>
21. Ding J. The diffusion deficit in scientific and technological power: re-assessing China's rise // *Review of International Political Economy*. 2024. Vol. 31. Iss. 1. P. 173–198. <https://doi.org/10.1080/09692290.2023.2173633>
22. Taylor M.Z. The politics of innovation: why some countries are better than others at science and technology. New York: Oxford University Press, 2016. 431 p. URL: <https://ideas.repec.org/b/oxp/obooks/9780190464134.html> (дата обращения: 01.10.2024)
23. Gries T., Grundmann R., Palnau I., Redlin M. Innovations, growth and participation in advanced economies – a review of major concepts and findings // *International Economics and Economic Policy*. 2017. Vol. 14. P. 293–351. <https://doi.org/10.1007/s10368-016-0371-1>
24. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Региональные корпорации развития в России: финиш или рестарт? // *Вопросы экономической теории*. 2022. № 3(16). С. 47–61. EDN: <https://elibrary.ru/ivhick>. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_3_47_61
25. Власова В., Бойко К., Кузнецова Т. Преодоление внутренних и внешних барьеров инновационного развития компаний // *Форсайт*. 2024. Т. 18. № 2. С. 85–96. EDN: <https://elibrary.ru/exjols>. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2024.2.85.96>
26. Вивек В., Чандрасекар К. Интрапренерство как драйвер инноваций в бизнесе // *Форсайт*. 2024. Т. 18. № 2. С. 97–105. EDN: <https://elibrary.ru/rbpyrq>. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2024.2.97.105>
27. Дранев Ю., Очирова Е., Хармс Р., Миряков М. Оценка эффективности межорганизационного трансфера технологий // *Форсайт*. 2023. Т. 17. № 3. С. 20–31. EDN: <https://elibrary.ru/csnxxy>. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2023.3.20.31>
28. Багратиони К., Тернер Т. Сопротивление менеджеров среднего звена цифровой трансформации // *Форсайт*. 2023. Т. 17. № 2. С. 49–60. EDN: <https://elibrary.ru/jezmfe>. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2023.2.49.60>

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 28.01.2025; принята к публикации 14.02.2025

Об авторе:

Батов Гумар Хасанович, доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела «Экономика знаний и опережающее региональное развитие», Институт информатики и проблем регионального управления – филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»; SPIN-код: 6771-1828, Scopus ID: 57193362469

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. Golova I.M. Scientific and technical capacity of regions as the foundation for technological independence of the Russian Federation. *Economy of Regions*. 2022; 18(4):1062–1074. EDN: <https://elibrary.ru/fwfwsg>. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-4-7> (In Russ.)
2. Krupnov Y.A., Silvestrov S.N. Technological sovereignty and diffusion of technologies. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk*. 2024; (2):31–48. EDN: <https://elibrary.ru/cbhkjq>. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2024_2_31_48 (In Russ.)
3. Batukova L.R. Innovative development and modernization of the regional social-economic systems. *Actual Problems of Economics and Law*. 2012; (1):108–114. EDN: <https://elibrary.ru/opuxgl> (In Russ.)
4. Merzlikina G.S. Innovative development of a region: essential architecture of indicators. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*. 2020; 13(5):50–64. EDN: <https://elibrary.ru/yckocs>. <https://doi.org/10.18721/DE.13504> (In Russ.)
5. Krasnikov A.V., Dzhioev P.V. Assessment of the role and importance of innovations in the development of domestic industry: federal and regional aspects. *Newsletter of North-Caucasus Federal University*. 2023; (2(95)):93–101. EDN: <https://elibrary.ru/cqxcdm>. <https://doi.org/10.37493/2307-907X.2023.2.11> (In Russ.)

6. Gerasimenko N.A. Study of innovation activity dynamics in Russia's Federal districts. *Vestnik Universiteta*. 2021; (11):39–46. EDN: <https://elibrary.ru/ufpjgm>. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-11-39-46> (In Russ.)
7. Akaev A.A., Devezas T.K., Korablyov V.V., Sarygulov A.I. Critical technologies and prospects for Russia's development under economic and technological restrictions. *Terra Economicus*. 2024; 22(2):6–21. EDN: <https://elibrary.ru/rmemvs>. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2024-22-2-6-21> (In Russ.)
8. Afanasev A.A. Technological sovereignty: the main policies to achieve it in modern Russia. *Russian Journal of Innovation Economics*. 2022; 12(4):2193–2212. EDN: <https://elibrary.ru/gkkyjmj>. <https://doi.org/10.18334/vinec.12.4.116433> (In Russ.)
9. Stepanov A.A., Savina M.V., Stepanov I.A. Technological sovereignty: the nature and concept of the post-information society. *Creative Economy*. 2024; 18(3):737–750. EDN: <https://elibrary.ru/lcktqm>. <https://doi.org/10.18334/ce.18.3.120738> (In Russ.)
10. Chursin A.A., Kvasov I.A., Boginsky A.I., Nazyuta S.V. Fundamentals of the methodology of managing processes that ensure the technological independence of the organization. *Creative Economy*. 2024; 18(1):167–188. EDN: <https://elibrary.ru/wqotdn>. <https://doi.org/10.18334/ce.18.1.120272> (In Russ.)
11. Maksimova V.F. Smart (intelligent) economy: objectives, tasks and prospects. *Open education*. 2011; (3):63–71. EDN: <https://elibrary.ru/okasrf> (In Russ.)
12. Ardashkin I.B., Surovtsev V.A. Smart technologies as a concept and phenomenon: on criteria. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2021; (60):32–44. EDN: <https://elibrary.ru/arooru>. <https://doi.org/10.17223/1998863X/60/4> (In Russ.)
13. Yan M.Ze. Features of the implementation of the principles of smart economy based on the formation of high-tech regional clusters. *Innovation and Investment*. 2023; (2):248–252. EDN: <https://elibrary.ru/mqvsku> (In Russ.)
14. Rizvanova A.Ya. Theoretical aspects of the formation of the concept of smart territories. *Creative Economy*. 2020; 14(12):3307–3320. EDN: <https://elibrary.ru/bsjifs>. <https://doi.org/10.18334/ce.14.12.111196> (In Russ.)
15. Ardashkin I.B. Smart technology as a phenomenon: conceptualization of approaches and philosophical analysis. Are smart technologies really smart? *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2018; (43):55–68. EDN: <https://elibrary.ru/xwebmt>. <https://doi.org/10.17223/1998863X/43/5> (In Russ.)
16. Kurina T.N. Innovative economic development of the basis on the transformation of the high-tech sector. *Creative Economy*. 2024; 18(5):1109–1130. EDN: <https://elibrary.ru/biczym>. <https://doi.org/10.18334/ce.18.5.120801> (In Russ.)
17. Kochetkov S.V., Kochetkova O.V. Innovative state of the region's economy is the main condition for reducing inter-territorial inequality. *Economic Revival of Russia*. 2023; (1(75)):50–55. EDN: <https://elibrary.ru/epyhiq>. <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2023-1-75-50-55> (In Russ.)
18. Aganbegyan A.G. Innovations in Russia: from possessing the higher knowledge and promising scientific groundwork towards effective socio-economic development. *Economic Revival of Russia*. 2023; (2(76)):13–26. EDN: <https://elibrary.ru/dgiqok>. [https://doi.org/10.37930/1990-9780-2023-2\(76\)-13-26](https://doi.org/10.37930/1990-9780-2023-2(76)-13-26) (In Russ.)
19. Vasina A.V., Kiseleva O.N., Sysoeva O.V. Implementing the concept of open innovations in Russia: state, regional and corporate level. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023; 31(2(123)):294–312. EDN: <https://elibrary.ru/jwgypi>. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.031.202302.294-312> (In Russ.)
20. Grant R.M. Toward a knowledge-based theory of the firm. *Strategic Management Journal*. 1996; 17(S2):109–122. <https://doi.org/10.1002/smj.4250171110> (In Eng.)
21. Ding J. The diffusion deficit in scientific and technological power: re-assessing China's rise. *Review of International Political Economy*. 2023; 31(1):173–198. <https://doi.org/10.1080/09692290.2023.2173633> (In Eng.)
22. Taylor M.Z. The politics of innovation: why some countries are better than others at science and technology. New York: Oxford University Press. 2016. 431 p. URL: <https://ideas.repec.org/b/oxp/obooks/9780190464134.html> (accessed: 01.10.2024) (In Eng.)

23. Gries T., Grundmann R., Palnau I., Redlin M. Innovations, growth and participation in advanced economies – a review of major concepts and findings. *International Economics and Economic Policy*. 2017; 14:293–351. <https://doi.org/10.1007/s10368-016-0371-1> (In Eng.)
24. Balatsky E.V., Ekimova N.A. Regional development agencies in Russia: finish or restart? *Issues of Economic Theory*. 2022; (3(16)):47–61. EDN: <https://elibrary.ru/ivhick>. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_3_47_61 (In Russ.)
25. Vlasova V., Boiko K., Kuznetsova T. Overcoming internal and external barriers for the innovative development of business. *Foresight and STI Governance*. 2024; 18(2):85–96. EDN: <https://elibrary.ru/exjols>. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2024.2.85.96> (In Russ.)
26. Vivek V., Chandrasekhar K. Intrapreneurship as a driver of business innovation. *Foresight and STI Governance*. 2024; 18(2):97–105. EDN: <https://elibrary.ru/rbpypq>. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2024.2.97.105> (In Russ.)
27. Dranev Yu., Ochirova E., Harms R., Miriakov M. Assessment of interorganizational technology transfer efficiency. *Foresight and STI Governance*. 2023; 17(3):20–31. EDN: <https://elibrary.ru/csnxxy>. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2023.3.20.31> (In Russ.)
28. Bagrationi K., Thurner T. Middle management's resistance to digital change. *Foresight and STI Governance*. 2023; 17(2):49–60. EDN: <https://elibrary.ru/jezmfe>. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2023.2.49.60> (In Russ.)

The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 28.01.2025; accepted for publication 14.02.2025

About the author:

Gumar Kh. Batov, Doctor of Economic Sciences, Professor, Leading Researcher of the Department "Economy of Knowledge and Advanced Regional Development", Institute of Informatics and Regional Management Problems – Branch of the Federal Scientific Center "Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences"; SPIN: 6771-1828, Scopus ID: 57193362469

The author read and approved the final version of the manuscript.

Научная статья

УДК 338.2

JEL: H5, G28

<https://doi.org/10.18184/2079-4665.2025.16.1.116-133>

Моделирование комплексной системы государственной поддержки сельхозпредприятий

Захарова Кристина Алексеевна¹, Киселица Елена Петровна²,
Иванова Надежда Вячеславовна³

¹⁻³ Тюменский государственный университет; Тюмень, Россия

¹ kr.a.zakharova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3603-2659>

² e.p.kiselica@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1344-9259>

³ n.v.ivanova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6674-2179>

Аннотация

Цель исследования – разработка модели комплексной государственной поддержки предприятий сельскохозяйственной отрасли, обеспечивающей ее рациональную структуру и эффективное распределение ресурсов государственного бюджета, с учетом рейтинга предприятий, наиболее нуждающихся в поддержке, приоритетности подотраслей и выделенных средств.

Методы. В части исследования количественных показателей государственной поддержки сельхозпредприятий использован статистический и компаративный анализ, включающий исследование структуры и динамики реализуемых мер. В рамках построения модели использован математический метод, предусматривающий несколько этапов, связанных с оценкой эффективности мер государственной финансовой поддержки сельхозпредприятий по видам мер, их целесообразности относительно применения в отношении конкретных подотраслей сельского хозяйства и отдельных предприятий, получивших господдержку. Для оценки степени влияния размера бюджетного финансирования на развитие сельхозпредприятий использовались статистические данные реализуемых программ государственной финансовой поддержки.

Результаты работы. Предложена модель комплексной системы государственной поддержки сельхозпредприятий, отвечающая приоритетным направлениям поддержки и целесообразности вложения средств в конкретное предприятие. Идея моделирования заключается в приближении структуры расходов на реализацию мер поддержки к рациональной. Модель позволяет оценить влияние изменения удельного веса некоторого параметра в структуре господдержки на общее изменение параметра в целом, тем самым обеспечивается повышение эффективности функционирования всей сферы сельского хозяйства.

Выводы. Рекомендуемая модель является теоретической основой формирования комплексной государственной поддержки сельхозпредприятий, позволяющей определить элементы и глубину их необходимой корректировки, оставляя достаточную степень свободы для изменения этих величин. Для эффективной реализации модели в практической деятельности представляется целесообразным обеспечить ее методическим инструментарием, который даст возможность характеризовать потребность в определенных объемах мер господдержки как для конкретных предприятий, так и отдельных регионов. Такие показатели обеспечат формирование рейтингов, что позволит распределять денежные средства в рамках господдержки с наибольшей эффективностью.

Ключевые слова: государственная поддержка, сельхозпредприятия, агропромышленный комплекс, моделирование государственной поддержки, рейтинговый подход

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01690, <https://rscf.ru/project/23-28-01690/>.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов, в том числе связанного с финансовой поддержкой РНФ (Грант № 23-28-01690).

Для цитирования: Захарова К. А., Киселица Е. П., Иванова Н. В. Математическое моделирование оптимальной налоговой траектории коммерческой организации // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2025. Т. 16. № 1. С. 116–133

EDN: <https://elibrary.ru/minxfu>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2025.16.1.116-133>

© Захарова К. А., Киселица Е. П., Иванова Н. В., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Modeling of the integrated system of state support for agricultural enterprises

Kristina A. Zakharova¹, Elena P. Kiselitsa², Nadezhda V. Ivanova³

¹⁻³ University of Tyumen; Tyumen, Russia

¹kr.a.zakharova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3603-2659>

²e.p.kiselica@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1344-9259>

³n.v.ivanova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6674-2179>

Abstract

Purpose: is to develop the model for comprehensive state support of enterprises in the agricultural sector, ensuring its rational structure and effective allocation of state budget resources, taking into account the rating of enterprises most in need of support, the priority of sub-sectors and allocated funds.

Methods: in the part of the study of quantitative indicators of state support for agricultural enterprises, statistical and comparative analysis was used, including a study of the structure and dynamics of the implemented measures. The model is based on the mathematical method, which involves several stages related to the evaluation of the effectiveness of the public financial support measures for agricultural enterprises by type of the measures, their usefulness in relation to specific subsectors of agriculture and individual enterprises that have received government support. To assess the extent of the impact of budget funding on the development of agricultural enterprises, statistical data of implemented programs of public financial support were used.

Results: the model of comprehensive system of state support for agricultural enterprises is proposed, which corresponds to priority areas of support and feasibility of investing in the specific enterprise. The idea of modelling is to approximate the cost structure for the implementation of support measures to the rational one. The model allows to evaluate the influence of the change in the relative weight of some parameter in the structure of state support on the general change of the parameter as a whole, thus ensuring an improvement of the efficiency of the entire agricultural sector.

Conclusions and Relevance: the recommended model is the theoretical basis for the formation of integrated state support to agricultural enterprises, allowing to define elements and depth of their necessary adjustment, leaving enough freedom for changing these values. To effectively implement the model in practice, it is advisable to provide its methodological tools that will make it possible to characterize the need for certain amounts of state support measures as for specific enterprises, and the individual regions. Such indicators will ensure the formation of ratings, which will allow to allocate funds under state support with the greatest efficiency.

Keywords: State support, agricultural enterprises, agro-industrial complex, modeling of state support, rating approach

Acknowledgments. The article was prepared at the expense of the grant from the Russian Scientific Foundation № 23-28-01690, <https://rscf.ru/project/23-28-01690/>.

Conflict of Interest. The authors declare that there is no Conflict of Interest, including those related to the financial support of the Russian Scientific Foundation grant № 23-28-01690.

For citation: Zakharova K. A., Kiselitsa E. P., Ivanova N. V. Modeling of the integrated system of state support for agricultural enterprises. *MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2025; 16(1):116–133. (In Russ.)

EDN: <https://elibrary.ru/minxfu>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2025.16.1.116-133>

© Zakharova K. A., Kiselitsa E. P., Ivanova N. V., 2025

Введение

Сельское хозяйство – одна из приоритетных и жизненно важных экономических сфер России. Значимость развития данной отрасли обусловлена стратегической направленностью, продовольственной и экономической безопасностью страны, необходимостью улучшения качества жизни населения, а также укрепления и расширения межотраслевых связей за счет развития смежных сфер экономики.

На современном этапе субъекты отечественного сельскохозяйственного предпринимательства сталкиваются с существенными трудностями, свя-

занными с глобальной турбулентностью, приводящей к мультипликации геополитических, экономических, социальных и прочих рисков. Различные подотрасли сельского хозяйства, достаточно зависимые от импорта, в условиях негативного воздействия внешней среды, вызванного в том числе санкциями в отношении России, отстают в технологическом оснащении, ощущают недостатки селекции и племенной базы, отличаются общей изношенностью оборудования и помещений.

В подобных кризисных условиях государство применяет различные инструменты экономического регулирования, большинство из которых отно-

сится к мерам поддержки предпринимательства, в первую очередь, направленных на укрепление финансового состояния предприятий отрасли. Однако ограниченность государственных ресурсов и специфика сельскохозяйственной сферы на сегодняшний день требуют пересмотра мер государственной поддержки. Данная ситуация вызывает необходимость формирования новых научных подходов, нацеленных на развитие отраслей сельского хозяйства.

Система государственной финансовой поддержки сельскохозяйственных предприятий должна отвечать заданным параметрам складывающихся условий рынка, а также адаптироваться к изменениям внешней среды. Поиск и научное обоснование такой системы включает определение элементов комплексной государственной поддержки сельхозпредприятий и глубины необходимой их корректировки с учетом ограниченного бюджета.

По установленному лимиту расходования бюджетных средств определяется структура расходов на реализацию государственной поддержки, зависящей от приоритета ее направления (территориального признака, подотрасли, вида деятельности) и целесообразности вложений в конкретное предприятие. Приоритетность бюджетных расходов позволяет использовать рейтинговый подход для исследования результативности применяемых мер с учетом эффективности работы сельскохозяйственных предприятий, а также вклада региона в общий ВВП страны.

Представленное исследование посвящено формированию модели комплексной системы государственной поддержки, которая позволит обеспечить ее рациональную структуру и на этой основе реализовать эффективное распределение средств на поддержку сельхозпредприятий, с учетом рейтингового подхода, по степени потребности каждого конкретного предприятия в поддержке, приоритетности подотраслей и выделенного бюджета.

Обзор литературы и исследований

Интерес к теме государственной поддержки предприятий весьма высок. Большое внимание мерам поддержки уделяется в работах зарубежных исследователей. Так, Sh.X. Bayeva [1], A.N. Berger, G.F. Udell [2] в своих исследованиях определяют государственную финансовую поддержку как реализуемые органами власти меры, направленные на развитие предпринимательства. В качестве применяемых инструментов авторы зачастую опи-

сывают механизмы регулирования финансового рынка, а также разработку и внедрение программ финансирования. R. Kanter, S. Boza [3], P. Mosley, J. Hudson, A. Verschoor [4], J.M. Alston, C. Chan-Kang и др. [5] в своих трудах рассмотрели проблемы поддержки аграрного сектора в периоды глубоких кризисов. Ими изучены возможности и необходимые меры, которые должны быть приняты государством для поддержки аграрных предприятий в преодолении кризисов и его последствий преимущественно с целью недопущения дефицита продовольствия в мировых масштабах. F. Baudron, F. Liégeois, C. Béné, E.C. Stephens и др. [6–9] исследовали целесообразность использования различных инструментов государственной поддержки и ее масштабы в условиях пандемии COVID-19 и ограничений логистических связей. Ряд работ, в том числе авторов I. Charania, X. Li [10], G. Anríquez, W. Foster, J. Ortega, C. Falconi, C. de Salvo¹, посвящен развитию «умного земледелия», то есть поддержке сельскохозяйственной инфраструктуры, позволяющей выявить зависимость между ростом добавленной стоимости в сельском хозяйстве и перераспределением бюджета в пользу поддержки услуг, не создающих трансфертов отдельным товаропроизводителям.

Существует огромное количество работ отечественных авторов, посвященных исследуемой теме. Так, О.В. Шик, Р.Г. Янбух [11] и И.В. Великанова [12] констатируют тот факт, что необходимость пересмотра подходов к реализуемым мерам господдержки обусловлена современной мировой экономикой и геополитической ситуацией. Также, ввиду ограниченного доступа к ресурсам и возросшим рискам ликвидности, некоторым авторам представляется целесообразным осуществление исследований в рамках зависимости реализуемых мер и рентабельности предприятий [13]. В этой связи требуется глубокое осмысленное исследование инструментов и методик реализации мер современной государственной поддержки сельского хозяйства, что отмечают в своих работах Д.А. Зюкин с соавторами [14], А.Н. Семин, А.Л. Логинов и Н.В. Мальцев [15], С.А. Аржанцев, Л.В. Писарева, Е.В. Колязина [16], Хайруллина [17] и др. В данных исследованиях агропромышленный комплекс (АПК) представлен как основной объект реализации государственной поддержки.

Исследователи в своих работах выполнили серьезный обзор нормативно-правового регулирования государственной поддержки малого и среднего предпринимательства (МСП) и опреде-

¹ Anríquez G., Foster W., Ortega J., Falconi C., Salvo C. Public expenditures and the performance of Latin American and Caribbean agriculture. Inter-American Development Bank, 2016. 25 p. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Public-Expenditures-and-the-Performance-of-Latin-Anríquez-Foster/04863e2a534a8b57ed76e1ee6090f0b29a04c7b7> (дата обращения: 04.05.2024)

лили наиболее перспективные методы распределения финансовых ресурсов для его поддержки. В этой связи можно сделать предположение о том, что корректировка механизма поддержки МСП позволит реализовать справедливое распределение бюджетных средств по регионам и повысить их активность и заинтересованность в более эффективном управлении полученными средствами. В качестве основного инструмента государственной финансовой поддержки субъектов АПК Л.А. Овсянко, К.В. Чепелева, Т.А. Бородин и Н.И. Пыжикова выделяют систему налогообложения и предоставление налоговых льгот [18]. Авторы убеждены, что агросектор имеет значительный потенциал для налогового маневра субъектов АПК, а уже реализуемые меры считают недостаточными с точки зрения планируемого эффекта справедливого фискального механизма, точно учитывающего возможности сельскохозяйственных налогоплательщиков.

Серьезное внимание в работах современных исследователей уделяется совершенствованию методических основ господдержки сектора МСП. Экономисты В.В. Алещенко, О.А. Алещенко, В.В. Карпов, А.А. Кораблева, А.Ю. Лагздин, Н.Т. Мозжерина, Б.Г. Хаиров [19], К.Ю. Багратуни [20], М.О. Какаулина, В.Д. Сысоев [21] и др. в своих исследованиях проанализировали современную модель, существующие инструменты и методы господдержки МСП. На основании собранной базы авторы моделировали поддержку субъектов МСП с целью обеспечения эффективного распределения средств. Исследователи выявили пространственную асимметрию российской модели государственной поддержки МСП и занимались вопросами ее эффективности. Д.М. Черепанова, Ю.Н. Никулина и Р.Г. Янбых [22] выполнили сравнительный анализ показателей поддержки сельскохозяйственных отраслей в России и стран ЕС, описали преобладающие тенденции изменения структуры и перераспределения государственных средств. И.С. Зубарев [23] также исследовал архитектуру поддержки сельскохозяйственных предприятий и предложил свою концепцию развития данной области. Данный автор анализировал реализуемые формы и инструменты поддержки в виде финансирования с учетом современного развития агропромышленного сектора экономики, в особенности, увеличения капитализации бизнеса в долгосрочной перспективе. Однако несовершенство методических инструментов не позволяет эффективно реализовать механизм распределения бюджетных средств в практической деятельности. Более того, А.И. Трубилин, занимавшийся более глубоким исследованием реализации существующего механизма распределения мер поддержки, установил, что средства распределяются между регионами России достаточно неравномерно [24].

В.П. Самарина [25] определяет результативность поддержки в двух аспектах. Во-первых, в отношении отечественного сельского хозяйства необходимо применение протекционистских мер. Во-вторых, автору представляется целесообразным внедрение серьезных ограничений по импорту АПК. Таким образом, по результатам исследования автор моделирует условия функционирования внутреннего рынка АПК с его структурной схемой. Т.Н. Бурделова особенно результативными мерами, обеспечивающими благоприятные условия развития отечественного бизнеса, определяет налоговую систему [26]. Инструменты снижения налогового бремени стимулируют субъектов МСП вести свою деятельность в правовом поле. Однако среди прямых методов поддержки, по мнению автора, наиболее эффективным для субъектов МСП является субсидирование. Так МСП могут претендовать на дополнительные источники финансирования без условия возвратности этих средств.

В исследованиях современных экономистов много внимания уделяется вопросам моделирования государственной поддержки. Так, Ж.Г. Петухова [27] предлагает рассчитывать обобщенный коэффициент результативности действующих мер по каждому субъекту, тем самым определяя основные направления финансирования и их объемы. Автору представляется целесообразным исчисление интегрального показателя субъекта по всем направлениям финансирования в целях построения соответствия запросов государства, предпринимательства и науки, их оптимальному взаимодействию, а также актуальности современному уровню инновационного развития общества.

В связи с этим необходимо исследование области принятия оптимальных решений. Однако требования, предъявляемые к данному классу задач (постановка целевой функции, построение области допустимых решений, поиск решения и т.д.), не всегда строго выполнимы в практической деятельности. Поэтому наметилось смещение акцента в сторону поиска рациональных решений и увеличение числа таких исследований.

Достаточно большое количество экономистов занимаются вопросами исследования рациональности в теории принятия решений. С.Г. Кара-Мурза [28] в широком смысле определяет рациональное поведение как достижение конечного состояния, соблюдая имеющиеся ограничения; в узком смысле – как оптимальное достижение конечного состояния. В этой связи автор предполагает, что достижимость оптимальности, а значит, оптимальное решение, не может быть найдено с учетом характера задачи или текущего уровня знаний. Он предлагает использовать понятие «субоптимальности», «квазиоптимальности», то есть стратегии,

асимптотически приближающие к оптимальному решению. О.П. Кузнецов [29] не видит смысла оптимизировать решения без учета возможности осуществления процессов, которые могут привести к принятию оптимальных решений, так как эти возможности ограничиваются когнитивным потенциалом людей. Его исследование определяет проблемы выбора как задачи, обладающие сложностью их решения на уровне нерешаемых, и потому неприменимые в реальной жизни.

Таким образом, можно заключить, что вопросы рациональности управленческих решений на современном этапе еще не приняли однозначной трактовки и недостаточно исследованы, особенно в области сельского хозяйства. Конечно, рациональность является относительной категорией, поскольку предъявляемые ею требования и получаемый результат существенным образом зависят от сложившихся условий деятельности, динамики процессов, возможностей структурированного описания процессов и целеполагания. Тем не менее, именно поиск рациональных решений позволяет на практике обеспечивать возможность достижения намеченных целей и эффективности принимаемых решений на предмет распределения бюджетных средств.

Несмотря на достаточно глубокую проработанность исследуемой темы, рентабельность сельхозпроизводителей остается на низком уровне и имеет динамику к снижению. В связи с этим исследование в области моделирования комплексной системы государственной поддержки сельхозпредприятий является весьма значимым и актуальным.

Материалы и методы

В работе использован комплекс методов: формализация, логический анализ, диалектический метод, методы сравнения и группировки. Наиболее значимыми практическими методами, применяемыми в работе, являются статистический и компаративный анализ, с помощью которых были выполнены исследования, доказывающие неизменность структуры многих мер государственной поддержки в динамике на протяжении длительного времени.

Построение математической модели предусматривает три этапа.

Первый этап предполагает оценку результативности применяемых мер государственной поддержки сельхозпредприятий в текущем году – по видам мер, их эффективности для конкретных подотраслей сельского хозяйства и отдельных предприятий, получивших господдержку. На основании этих расчетов составляются рейтинги эффективности мер господдержки.

Второй этап предполагает формирование рейтингов мер государственной поддержки сельхозпред-

приятий по степени их эффективности для отдельных подотраслей и предприятий, а также рейтинга подотраслей по степени приоритета поддержки и рейтинга предприятий по уровню потребности в государственной поддержке.

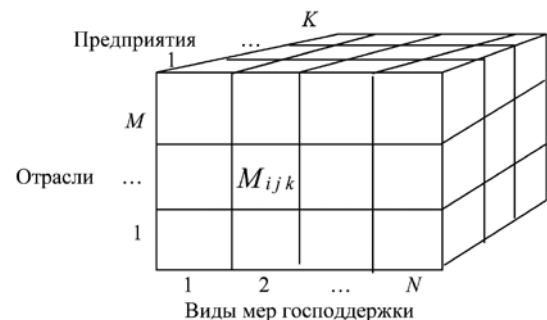
Третий этап предполагает определение рациональной структуры мер государственной поддержки сельхозпредприятий на плановый период.

Для количественной оценки размера государственной поддержки сельхозпредприятий, определения перечня приоритетных подотраслей сельского хозяйства и исследования сложившегося портфеля мер использованы базы данных Федеральной службы государственной статистики, а также данные, размещенные на официальном сайте Министерства сельского хозяйства России.

Результаты исследования

Исходя из ежегодно уточняющихся параметров приоритетности поддержки Минсельхозом, комплексная система государственной поддержки рассмотрена в трех аспектах: по видам мер, по подотраслям сельского хозяйства (видам деятельности) и по предприятиям (организациям) внутри отрасли (вида деятельности).

В общем виде структура комплексной господдержки предприятий представлена на рис. 1.

Разработано авторами

Рис. 1. Структура комплексной государственной поддержки предприятий

Developed by the authors

Fig. 1. Structure of integrated state support of enterprises

Общая сумма расходов на реализацию комплексной государственной поддержки за определенный период может быть определена по формуле:

$$M_t = \sum_{i=1}^N \sum_{j=1}^M \sum_{k=1}^K M_{ijk}^t, \quad (1)$$

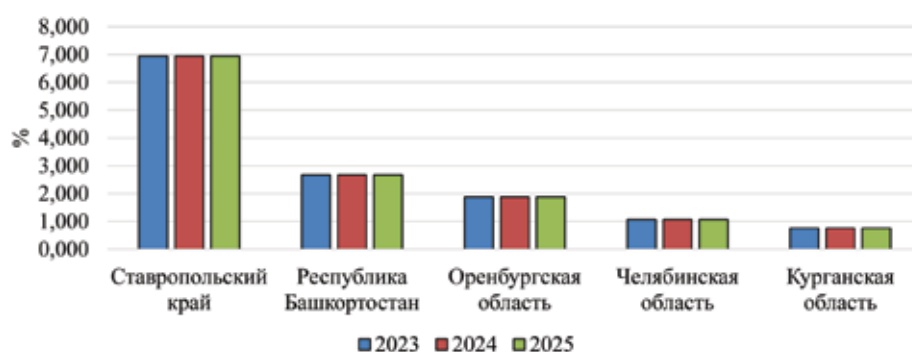
где M_t – общая сумма расходов на реализацию комплексной государственной поддержки за опре-

деленный период; M_{ijk}^t – сумма расходов государственной поддержки, выделенная конкретному предприятию в j -й подотрасли в рамках реализации определенных мер (программы); i – вид конкретной меры господдержки; j – вид подотрасли (деятельности); k – номер предприятия в сельскохозяйственной отрасли; N – количество направленных мер господдержки предприятий; M – количество отраслей (видов деятельности), в отношении которых применяются меры господдержки; K – количество предприятий определенной отрасли.

Ввиду зависимости структуры запланированных средств финансирования от приоритетности видов

деятельности и отрасли хозяйствования, моделирование концепции господдержки будет осуществляться на основе выстраивания структуры выделяемых средств и приближения ее к рациональной, в рамках обеспечения повышения эффективности функционирования сельского хозяйства в целом.

Выполненные исследования доказывают неизменность структуры многих мер поддержки в динамике на протяжении длительного времени. Например, предоставление субсидий региональным бюджетам на поддержку отдельных подотраслей растениеводства и животноводства на период 2023–2025 гг. Результаты по 5-ти из них, отобранных методом случайной выборки, представлены на рис. 2.

Разработано авторами по материалам: Федеральный закон от 05.12.2022 № 466-ФЗ «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов» // Консультант плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_433298/6d6115c3f112876574227dc6ba21acd05a990429/ (дата обращения: 04.06.2024)

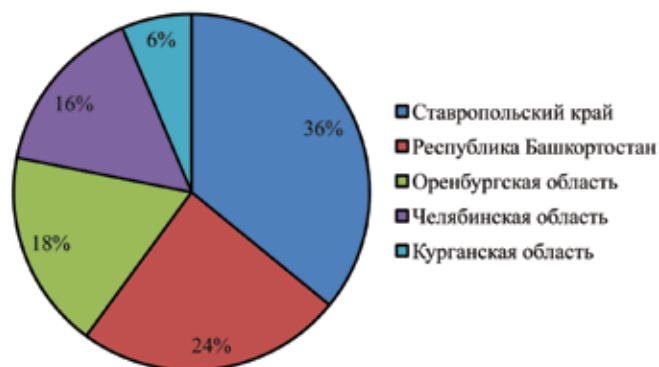
Рис. 2. Распределение субсидий бюджетам субъектов РФ на поддержку сельскохозяйственного производства по отдельным подотраслям растениеводства и животноводства на 2023 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг.

Developed by the authors of the materials: Federal Act of 05.12.2022 № 466-FZ «About the federal budget for 2023 and for the planned period 2024 and 2025». Consultant plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_433298/6d6115c3f112876574227dc6ba21acd05a990429/ (accessed: 04.06.2024)

Fig. 2. Distribution of subsidies to the budgets of the constituent entities of the Russian Federation to support agricultural production by individual subsectors of crop and livestock production for 2023 and for the planning period 2024 and 2025

Неизменная структура мер поддержки для различных регионов на протяжении длительного времени является недопустимой в силу различной эффективности их использования.

С позиций вклада сельскохозяйственной отрасли в ВВП имеющаяся структура распределения субсидий выглядит логичной (рис. 3).

Разработано авторами по материалам: Сельское хозяйство в России // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13226> (дата обращения: 14.05.2024)

Рис. 3. Вклад сельскохозяйственных отраслей различных регионов в ВВП РФ в 2023 г., %

Developed by authors on the materials: Agriculture in Russia. Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13226> (accessed: 14.05.2024)

Fig. 3. Contribution of agricultural industries of different regions to the GDP of the Russian Federation in 2023, %

Рейтинг исследуемых регионов по эффективности работы агропромышленного комплекса (по показателям Института комплексных стратегических исследований) свидетельствует о том, что наи-

большую по удельному весу поддержку получает наиболее эффективный регион – Ставропольский край, а самую низкую – наименее эффективная Курганская область (рис. 4).

Разработано авторами по материалам: Аналитики составили рейтинг регионов по эффективности работы АПК // Информационный портал Агроинвестор. URL: <https://www.agroinvestor.ru/analytics/news/34201-analitiki-sostavili-reyting-regionov-po-effektivnosti-raboty-apk/> (дата обращения: 14.04.2024)

Рис. 4. Рейтинг регионов по эффективности работы агропромышленного комплекса в 2023 г.

Developed by the authors on the materials: Analysts have compiled a rating of regions on the effectiveness of the agro-industrial complex. Information portal Agroinvestor. URL: <https://www.agroinvestor.ru/analytics/news/34201-analitiki-sostavili-reyting-regionovpo-effektivni---Rotraby-apk/> (accessed: 14.04.2024)

Fig. 4. Rating of the regions on the efficiency of the agro-industrial complex in 2023

Если рассматривать рейтинг этих же регионов по уровню субсидий, выданных бюджетам субъектов РФ на поддержку сельхозпроизводства, приходящемуся на 1 руб. произведенной сельскохозяйственной продукции, то увидим, что наибольшую

субсидию в расчете на 1 руб. сельскохозяйственной продукции (0,0065 руб./руб.) получает Ставропольский край, меньше (в 1,67 раз) – Курганская область, еще меньше (в 2,23 раза) – Челябинская область (рис. 5).

Разработано авторами по материалам: Бюллетени о состоянии сельского хозяйства (электронные версии) // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13277> (дата обращения: 14.05.2024)

Рис. 5. Рейтинг регионов по уровню субсидий, выданных бюджетам субъектов РФ на поддержку сельскохозяйственного производства, приходящемуся на 1 руб. произведенной сельскохозяйственной продукции в 2023 г.

Developed by the authors on the materials: Bulletins on the state of agriculture (electronic versions). Federal Service of State Statistics. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13277> (accessed: 14.05.2024)

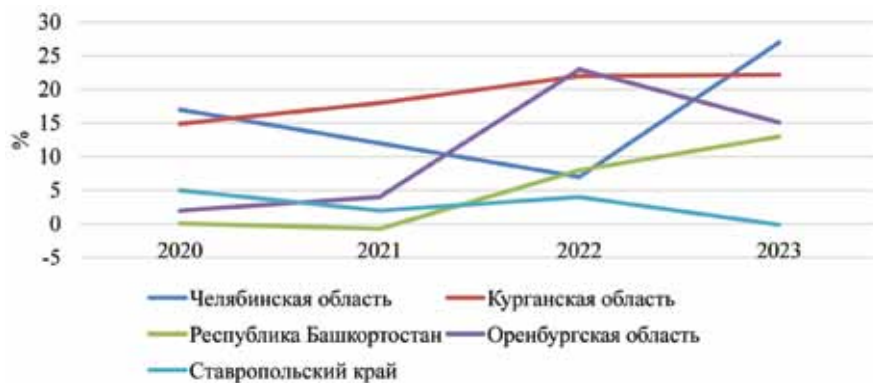
Fig. 5. Rating of the regions by level of subsidies, allocated to the budgets of the subjects of the Russian Federation to support agricultural production, coming to 1 Ruble produced agricultural products in 2023

При этом размер субсидии не связан ни с эффективностью работы, ни с вкладом региона в ВВП страны (рис. 6, 7).

С точки зрения эффективности работы сельскохозяйственных предприятий в наибольших мерах поддержки нуждаются Ставропольский край и Оренбургская область с наметившимся трендом снижения рентабельности (см. рис. 7).

Сопоставление объемов финансирования отдельных подотраслей растениеводства и животноводства к реальному вкладу региона в ВВП позволяет определить наибольшее логическое несоответствие при распределении субсидий на поддержку сельскохозяйственного производства.

Если некий параметр определяется арифметической совокупностью нескольких параметров, то изменение удельного веса каждого отдельного па-

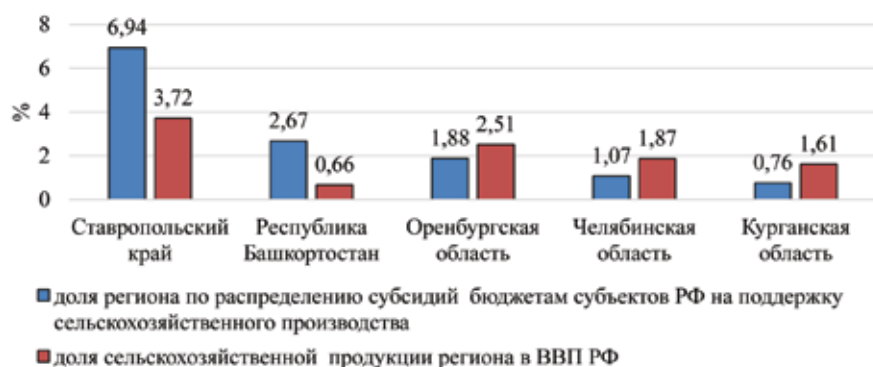

Разработано авторами по материалам: Сельское хозяйство в России // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13226> (дата обращения: 14.05.2024)

Рис. 6. Рентабельность сельскохозяйственных предприятий

Developed by authors on the materials: Agriculture in Russia // Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13226> (accessed: 14.05.2024)

Fig. 6. Profitability of agricultural enterprises

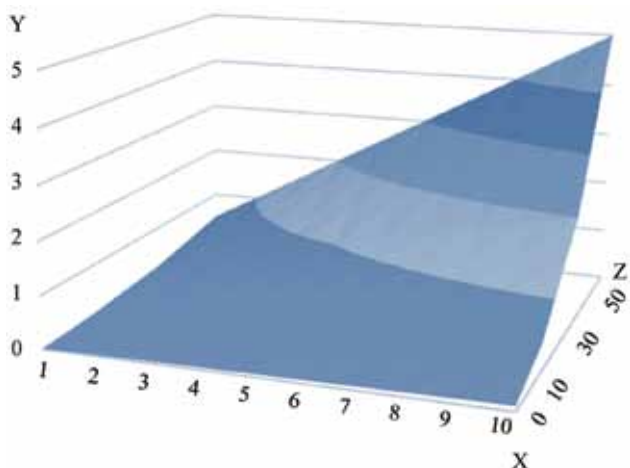

Разработано авторами по материалам: Сельское хозяйство в России // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13226> (дата обращения: 14.05.2024)

Рис. 7. Сопоставление размера субсидии, предоставляемой региону с его вкладом сельхозпродукции в ВВП РФ

Developed by authors on the materials: Agriculture in Russia. Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13226> (accessed: 14.05.2024)

Fig. 7. Comparison of the grant, the contribution of agricultural products to the GDP of the Russian Federation

Примечание:

Обозначение оси:

OX – величина удельного веса некоторого параметра, %;

OY – величина изменения некоторого параметра, %

OZ – величина изменения общего параметра за счет изменения удельного веса некоторого параметра, %

Разработано авторами

Рис. 8. Моделирование влияния изменения удельного веса некоторого параметра на величину изменения общего параметра в целом

Developed by the authors

Fig. 8. Modeling the effect of the change in the specific weight of a parameter on the change in the total parameter as a whole

раметра по-разному влияет на общее изменение исходного параметра. Авторами выполнено моделирование влияния изменения удельного веса некоторого параметра на общее изменение параметра в целом (рис. 8).

Своеобразный изгиб поверхности обусловлен неравномерностью влияния параметров, обладающих различным удельным весом на общий результат. Приподнятость правого края относительно левого означает пропорциональное увеличение такого влияния по мере роста удельного веса отдельного параметра. В этой связи можно сделать вывод о первоочередной важности управления параметрами, обладающими наибольшим удельным весом, так как их изменение даже на незначительную величину приводит к деформации правого края поверхности, а следовательно, и к большому влиянию на изменение общего результата.

Теоретически можно предположить, что существует некая рациональная структура господдержки сельхозпредприятий, обеспечивающая достаточно высокую эффективность функционирования сельскохозяйственной отрасли РФ в целом, как результат высокой эффективности функционирования ее подэлементов – отдельных предприятий.

Рациональность структуры достигается при условии:

$$V_{ijk}^t \rightarrow V_{ijk}^{pt}, \quad (2)$$

где V_{ijk}^t – фактический удельный вес i элемента мер господдержки в некотором периоде времени t ; V_{ijk}^{pt} – рациональный удельный вес i элемента мер господдержки в некотором периоде времени t ; i – вид конкретной меры господдержки; j – вид подотрасли сельского хозяйства; k – номер предприятия в отрасли.

Сумма удельных весов всех мер господдержки по всем подотраслям и предприятиям равна 100%:

$$V_t = \sum_{i=1}^N \sum_{j=1}^M \sum_{k=1}^K V_i^t = 100\%. \quad (3)$$

где V_t – общий удельный вес всех мер господдержки по всем подотраслям и предприятиям за некоторый период времени t .

Наличие рациональной структуры поддержки сельхозпредприятий предопределяет необходимость оценки фактического отклонения каждого элемента сложившейся структуры, что в итоге позволяет сделать вывод о наличии некоторой функции соответствия рациональной структуры государственной поддержки сельхозпредприятий, определяемой через соотношения фактических и рациональных ее элементов. В идеале такая функция стремится к единице:

$$F_t = \frac{\sum_{i=1}^N \sum_{j=1}^M \sum_{k=1}^K \frac{V_{ijk}^t}{V_{ijk}^{pt}}}{N+M+K} \rightarrow 1, \quad (4)$$

где F_t – функция соответствия фактической структуры комплексной системы государственной поддержки сельхозпредприятий рациональной в период времени t .

Динамика изменчивых элементов структуры поддержки колеблется возле некоторой величины, что обуславливает исследование такой тенденции изменения структуры системы государственной поддержки сельхозпредприятий с использованием следующей формулы:

$$F_{t+1} = \sum_{i=1}^N \sum_{j=1}^M \sum_{k=1}^K \frac{V_{ijk}^t + \sum_{l=1}^L \Delta V_{ijkl}^t * p_l}{N+M+K} \rightarrow 1, \quad (5)$$

где F_t – функция соответствия фактической структуры комплексной системы государственной поддержки сельхозпредприятий рациональной в период времени $t+1$; p_l – вероятность того, что изменение удельного веса определенного элемента структуры комплексной системы государственной поддержки в $t+1$ периоде составит величину ΔV_{ijkl}^t ; l – фактор, определяющий величину изменения; L – количество факторов, определяющих величину изменения.

Соответствие каждому периоду времени своей рациональной структуре поддержки связано с наличием или отсутствием различных программ, с возможностями государства, с потребностью самих предприятий в господдержке и т.д.

Рациональная структура затрат комплексной системы государственной поддержки сельхозпредприятий характеризуется выполнением следующего условия:

$$F_{t+1} = \sum_{i=1}^N \sum_{j=1}^M \sum_{k=1}^K \frac{V_{ijk}^t + \sum_{l=1}^L \Delta V_{ijkl}^t * p_l}{N+M+K} a_{ijk} \rightarrow 1, \quad (6)$$

где a_{ijk} – величина влияния V_{ijk}^t на формирование общей эффективности от реализации комплексной системы государственной поддержки сельхозпредприятий.

Показатель a_{ijk} учитывает неодинаковое влияние одних и тех же мер государственной поддержки на эффективность деятельности конкретных сельхоз-

предприятий в разных подотраслях. В этой связи изменение V_{ijkl}^t на одну и ту же величину вызовет неодинаковый отклик всей системы в силу разной реакции составляющих ее элементов.

Результаты выполненных авторами исследований позволили создать концептуальную модель формирования государственной поддержки сельхозпредприятий, включающую три этапа (рис. 9).

Первый этап предполагает оценку эффективности поддержки в текущем году по видам мер, для конкретных подотраслей сельского хозяйства и отдельных предприятий, получивших господдержку. На основании этих расчетов предполагается составление следующих трех рейтингов эффективности мер господдержки.

1. По видам мер:

$$M_i \in \begin{cases} \Pi_1, & \text{если } \Theta(M_i) \geq \Theta_{\text{зад}}(M_i) \\ \Pi_2, & \text{если } \Theta(M_i) \leq \Theta_{\text{зад}}(M_i) \end{cases} \quad (7)$$

где Π_1 – подмножество эффективных мер комплексной системы господдержки сельхозпредприятий; Π_2 – подмножество неэффективных (малоэффективных) мер комплексной системы господдержки сельхозпредприятий; $\Theta(M_i)$ – эффективность i -й меры комплексной системы господдержки сельхозпредприятий; $\Theta_{\text{зад}}(M_i)$ – заданная (предполагаемая) эффективность i -й меры комплексной системы господдержки сельхозпредприятий.

2. По видам подотраслей:

$$M_{ij} \in \begin{cases} \Pi_{O1}, & \text{если } \Theta(M_{ij}) \geq \Theta_{\text{зад}}(M_{ij}) \\ \Pi_{O2}, & \text{если } \Theta(M_{ij}) \leq \Theta_{\text{зад}}(M_{ij}) \end{cases} \quad (8)$$

где Π_{O1} – подмножество подотраслей, меры комплексной системы господдержки сельхозпредприятий в которых оказались эффективны; Π_{O2} – подмножество подотраслей, меры комплексной системы господдержки сельхозпредприятий в которых оказались неэффективны (малоэффективны); $\Theta(M_{ij})$ – эффективность i -й меры комплексной системы господдержки сельхозпредприятий в j -й подотрасли; $\Theta_{\text{зад}}(M_{ij})$ – заданная (предполагаемая) эффективность i -й меры комплексной системы господдержки сельхозпредприятий в j -й подотрасли.

3. По конкретным предприятиям:

$$M_{ijk} \in \begin{cases} \Pi_{P1}, & \text{если } \Theta(M_{ijk}) \geq \Theta_{\text{зад}}(M_{ijk}) \\ \Pi_{P2}, & \text{если } \Theta(M_{ijk}) \leq \Theta_{\text{зад}}(M_{ijk}) \end{cases} \quad (9)$$

где Π_{P1} – подмножество сельхозпредприятий, меры комплексной системы господдержки для которых оказались эффективны; Π_{P2} – подмножество сельхозпредприятий, меры комплексной системы государственной поддержки для которых оказались неэффективны (малоэффективны);

$\Theta(M_{ijk})$ – эффективность i -й меры комплексной системы господдержки сельхозпредприятий в j -й подотрасли для k -го предприятия; $\Theta_{\text{зад}}(M_{ijk})$ – заданная (предполагаемая) эффективность i -й меры комплексной системы господдержки сельхозпредприятий в j -й подотрасли для k -го предприятия.

Такая оценка эффективности мер в текущем году позволит определиться со степенью, а следовательно, и уровнем эффективности расходующих средств по каждой мере и каждому направлению.

На втором этапе концептуальной модели формируется рейтинг мер поддержки по степени их эффективности для отдельных подотраслей и предприятий, а также рейтинг подотраслей по степени приоритета в государственной поддержке и рейтинга предприятий по уровню потребности в государственной поддержке:

$$j_r = \begin{cases} 1, & \text{если } \Pi_{b_h} > \Pi_{b_j} \quad i \in [1; M], h \in [C; M] \\ j_r + 1, & \text{если } \Pi_{b_h} > \Pi_{b_j} \quad i \in [1; M], h \in [C; B], h_j \in [C; N] \end{cases} \quad (10)$$

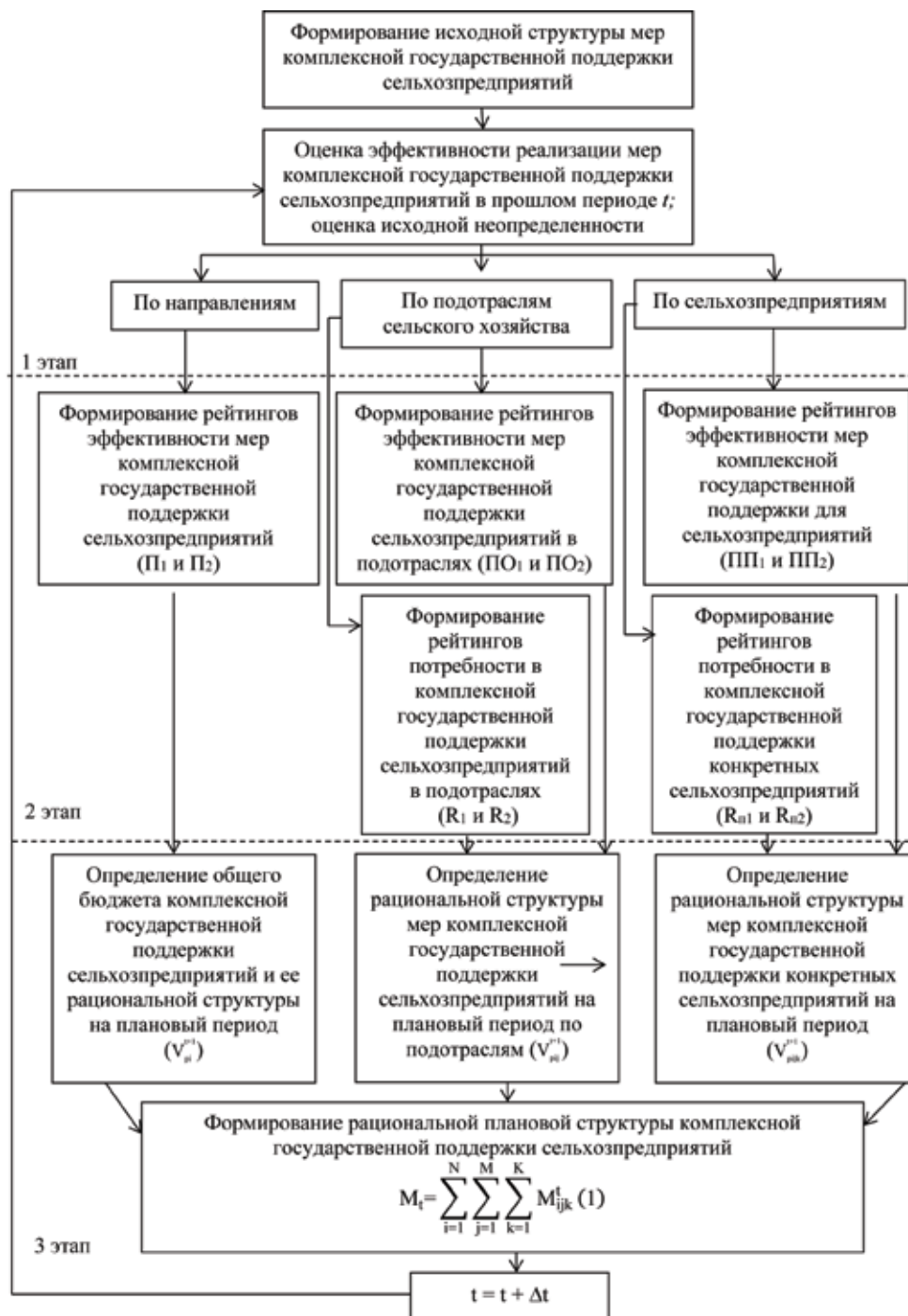
где j_r – рейтинговый номер меры подотрасли с позиций потребности в комплексной государственной поддержке рейтинга R ; R – рейтинг подотраслей сельского хозяйства, включающий 2 подмножества: R_1 – рейтинг приоритетных подотраслей сельского хозяйства, R_2 – рейтинг неприоритетных подотраслей сельского хозяйства; Π_{b_h} – потребность h -й подотрасли в i -й мере комплексной системы государственной поддержки сельхозпредприятий; h – подотрасль, для которой определяется рейтинг, $h \in [C; M]$.

Аналогично определяется рейтинг конкретных предприятий по уровню потребности в определенных мерах государственной поддержки.

Третий этап предполагает выявление рациональной структуры мер господдержки сельхозпредприятий на плановый период. В первую очередь определяется рациональная структура удельных весов мер комплексной системы государственной поддержки сельхозпредприятий в общем их объеме на плановый период:

$$V_{pi}^{t+1} = \begin{cases} V_i^t + \Delta V_i^t, & M_i \in \Pi_1 \\ V_i^t - \Delta V_i^t, & M_i \in \Pi_2 \end{cases} \quad (11)$$

где V_{pi}^{t+1} – рациональный удельный вес i -й меры в общей структуре мер комплексной системы господдержки сельхозпредприятий в $t+1$ -й (планируемый) период; V_i^t – удельный вес i -й меры в общей структуре мер комплексной системы господдержки сельхозпредприятий в t -й (прошлый) период; ΔV_i^t – величина изменения удельного веса i -й меры в общей структуре мер комплексной системы господдержки сельхозпредприятий в $t+1$ -й (планируемый) период.

Разработано авторами

Рис. 9. Концептуальная модель формирования комплексной системы государственной поддержки сельхозпредприятий

Developed by the authors

Fig. 9. Conceptual model for the formation of an integrated system of state support for agricultural enterprises in general

Удельные веса определяются эффективностью самих мер, то есть их принадлежностью к подмножеству P_1 или P_2 . Однако необходимо учесть перераспределение весов в случае появления новых мер поддержки, начала или окончания

длительных мер поддержки, например, многолетних проектов и т.д.

Далее определяется рациональная структура удельных весов мер господдержки сельхозпредприятий на плановый период по подотраслям:

$$V_{pij}^{t+1} = \begin{cases} V_{ij}^t + \Delta V_{ij}^t, & M_i \in PO_1, j_r \in R_1 \\ V_{ij}^t - \Delta V_{ij}^t, & M_i \in PO_2, j_r \in R_2 \\ V_{ij}^t \pm \Delta V_{ij}^t, & \text{если } \begin{cases} M_i \in PO_1, j_r \in R_2' \\ M_i \in PO_2, j_r \in R_1 \end{cases} \end{cases} \quad (12)$$

где V_{pij}^{t+1} – рациональный удельный вес i -й меры для подотрасли j в общей структуре мер комплексной системы государственной поддержки сельхозпредприятий в $t+1$ -й (планируемый) период.

Удельный вес меры конкретной господдержки на плановый период для определенной подотрасли увеличивается для приоритетных отраслей (принадлежащих R_1), имеющих высокую эффективность реализации самой меры (принадлежность к подмножеству PO_1), за счет снижения удельных весов мер господдержки для отраслей, не являющихся приоритетными (принадлежность к R_2) и имеющих низкую эффективность реализации самой меры (принадлежность к подмножеству PO_2). В случае промежуточных вариантов, одновременной принадлежности к PO_1 и R_2 или PO_2 и R_1 , следует учитывать сложившуюся ситуацию и выяснять предопределившиеся причины и предполагаемые последствия.

Далее определяется рациональная структура удельных весов мер поддержки на плановый период для конкретных сельхозпредприятий:

$$V_{pijk}^{t+1} = \begin{cases} V_{ijk}^t + \Delta V_{ijk}^t, & M_{ij} \in PP_1, j_r \in R_{\Pi 1} \\ V_{ijk}^t - \Delta V_{ijk}^t, & M_{ij} \in PP_2, j_r \in R_{\Pi 2} \\ V_{ijk}^t \pm \Delta V_{ijk}^t, & \text{если } \begin{cases} M_{ij} \in PP_1, j_r \in R_{\Pi 2}' \\ M_{ij} \in PP_2, j_r \in R_{\Pi 1} \end{cases} \end{cases} \quad (13)$$

где V_{pijk}^{t+1} – рациональный удельный вес i -й меры для предприятия k подотрасли j в общей структуре мер комплексной системы государственной поддержки сельхозпредприятий в $t+1$ -й (планируемый) период; $R_{\Pi 1}$ – рейтинг предприятий, имеющих ярко выраженную потребность в мерах господдержки; $R_{\Pi 2}$ – рейтинг предприятий, имеющих неярко выраженную потребность в мерах господдержки.

В результате представляется возможным сформировать рациональную структуру комплексной государственной поддержки сельхозпредприятий:

$$M_{t+1} = \sum_{i=1}^N \sum_{j=1}^M \sum_{k=1}^K M_{ijk}^{t+1}, \quad (14)$$

$$M_{t+1} \leq M_{t+1}^{\text{зад}}, \quad (15)$$

где M_{t+1} – общая сумма расходов на реализацию комплексной государственной поддержки на плановый период; M_{ijk}^{t+1} – сумма расходов государственной поддержки, выделенная конкретному предприятию в j -й подотрасли в рамках реализации определенных мер (программы); $M_{t+1}^{\text{зад}}$ – максимально возможная сумма средств, выделенная на комплексную господдержку сельхозпредприятий в плановый период.

Далее построим функции соответствия структуры государственной поддержки сельхозпредприятий изменениям в структуре мер поддержки по видам мер, подотраслям и конкретным предприятиям (рис. 10).

Данные в рамках представленной исходной структуры государственной поддержки сельхозпредприятий (см. рис. 10(a)) приведены по:

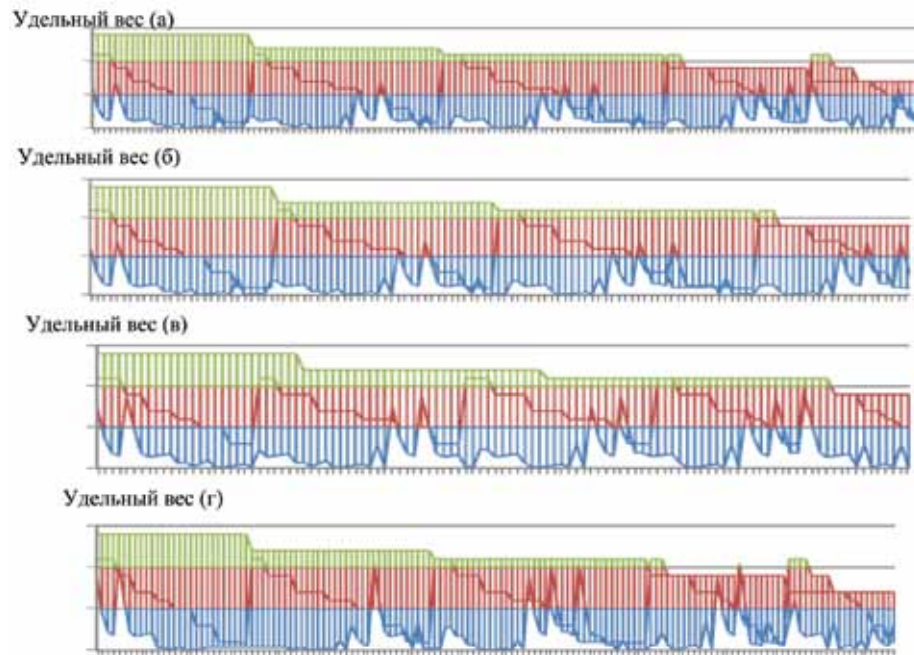
- 8-ми актуальным программам перечня Министерства сельского хозяйства²;
- 5-ти подотраслям сельского хозяйства, в соответствии с перечнем приоритетных направлений развития субъектов РФ³;
- 150-ти сельхозпредприятиям, в соответствии с базой механической выборки⁴.

По мере изменения структуры мер комплексной поддержки меняется функция соответствия. При сокращении количества подотраслей, для которых осуществляются первоочередные меры государственной поддержки сельхозпредприятий с 5-ти до 4-х, за счет исключения производства продукции плодово-ягодных насаждений, сокращается количество касаний голубых областей оси ОХ (см. рис. 10 (б)). Заштрихованная область становится более равномерной, выравнивается нижний край поверхности за счет сокращения числа пиков белых областей. При сокращении направлений мер поддержки сельхозпредприятий с 8-ми до 6-ти, за счет исключения компенсации части прямых понесенных затрат на создание и(или) модернизацию объектов АПК и мер

² Меры государственной поддержки агропромышленного комплекса // Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. URL: <https://mcx.gov.ru/activity/state-support/measures/>; Федеральная научно-техническая программа развития сельского хозяйства на 2017–2025 гг. URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/1e9/1e97bd2630e613804cf5ef016063bd60.pdf> (дата обращения: 05.05.2024 г.)

³ Приказ Минсельхоза России от 11.11.2020 г. № 674 «Об определении приоритетных направлений развития агропромышленного комплекса по субъектам РФ на 2021, 2022 и 2023 годы» // КонсультантПлюс. URL: https://investregion.gov35.ru/upload/medialibrary/bf0/Semeynye-fermy_3_Prikaz-Minselkhoza-Rossii-ot-11.11.2020-N-674.pdf (дата обращения: 05.05.2024 г.)

⁴ База сельскохозяйственных предприятий. Россия // Бизнес-Карта. URL: <https://biznes-karta.ru/bazy-dannykh-predpriyatiy/baza-selskokhozyaystvennykh-predpriyatiy-rossii/> (дата обращения: 05.05.2024 г.)

Примечание:

- (а) исходная структура;
- (б) изменение удельных весов конкретных мер государственной поддержки сельхозпредприятий по конкретным подотраслям сельского хозяйства;
- (в) изменение удельных весов конкретных мер государственной поддержки сельхозпредприятий;
- (г) изменение удельных весов конкретных мер государственной поддержки по конкретным сельхозпредприятиям.

Разработано авторами по материалам: *Сельское хозяйство в России* // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13226> (дата обращения: 14.05.2024)

Рис. 10. Функции соответствия структуры комплексной системы государственной поддержки сельхозпредприятий изменениям в структуре мер поддержки (по видам мер, подотраслям и конкретным предприятиям)

Developed by authors on the materials: *Agriculture in Russia* // Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13226> (accessed: 14.05.2024)

Fig. 10. Functions of compliance of the structure of the integrated system of state support of agricultural enterprises with changes in the structure of support measures (by types of measures, Sub-sectors and specific enterprises)

поддержки субъектов МСП в сфере переработки сельскохозяйственной продукции, сократилось количество зеленых «горбов» (см. рис. 10 (в)), а нижний край стал более неровным. Появились пиковые вкрапления в красную область. При изменении удельных весов мер господдержки для конкретных сельхозпредприятий в зависимости от степени нуждаемости (см. рис. 10 (г)) нижний край стал более ровным, пики увеличились, но количество их сократилось.

Следует отметить, что такое изменение структуры мер комплексной поддержки в работе определялось эффективностью отклика сельхозпредприятий. Это носит экспериментальный характер, и не является конкретной практической рекомендацией, формирование которой обуславливает отдельную проработку и оценку эффективности каждой меры, выделяемой для решения конкретной задачи. Также учитываются цели государственной

политики в сфере сельского хозяйства по географическим и климатическим особенностям, определяющим отраслевую специализацию региона, в котором находится предприятие.

Таким образом, функция соответствия рациональной структуре государственной поддержки сельхозпредприятий изменениям в структуре мер поддержки должна обладать следующими признаками:

- нижний край должен быть неровным, с максимальным количеством касаний оси ОХ, а пики носить яркий отчетливо выраженный характер (развитая широкая программа мер поддержки сельхозпредприятий по приоритетным подотраслям);
- верхний край должен быть насыщен «горбами», а красная (срединная поверхность функции) – без белых вкраплений (развитая широкая программа мер поддержки сельхозпредприятий).

Итак, разработанная модель позволяет определить элементы необходимой перестройки, их глубину, а также оставляет достаточную степень свободы для корректировки этих величин.

Выводы

Современная система государственной поддержки сельхозпредприятий требует существенной модернизации, учитывая отраслевую и территориальную специфику исследуемой сферы, а также негативное влияние внешней среды.

В рамках исследования текущего положения государственной поддержки отрасли выявлена неизменная структура мер поддержки для различных регионов и подотраслей на протяжении всего анализируемого периода. При этом размер установленных расходов на поддержку сельскохозяйственной отрасли не связан ни с эффективностью работы сельхозпредприятий, ни с вкладом региона в общий ВВП страны, что значительно снижает результативность применяемых государством мер.

Проведенное исследование позволило определить элементы и глубину необходимой корректировки комплексной государственной поддержки сельхозпредприятий. Эффективность предложенной модели обеспечивается посредством разработки расширенного набора показателей, описывающего потребность отдельных предприятий и регионов в определенных объемах мер поддержки, с учетом результативности работы сельхозпредприятий и территориального вклада в национальную экономику. Формирующиеся рейтинги на основе данных показателей позволяют распределять денежные средства в рамках господдержки с наибольшей эффективностью.

Предложенная модель государственной поддержки сельхозпредприятий позволит увеличить обоснованность распределяемых средств господдержки для сельхозпредприятий, повысить эффективность их использования для каждого конкретного предприятия, региона и подотрасли и выйти на намеченный уровень производства в такой стратегически важной отрасли.

Список источников

1. Bayeva Sh.X. State support of small business and private entrepreneurship // Theoretical & Applied Science. 2018. Iss. 6(62). P. 225–229. EDN: <https://elibrary.ru/usynhw>. <https://doi.org/10.15863/TAS.2018.06.62.39>
2. Berger A.N., Udell G.F. The economics of small business finance: the roles of private equity and debt markets in the financial growth cycle // Journal of Banking & Finance. 1998. Vol. 22. Iss. 6–8. P. 613–673. [https://doi.org/10.1016/S0378-4266\(98\)00038-7](https://doi.org/10.1016/S0378-4266(98)00038-7)
3. Kanter R., Boza S. Strengthening local food systems in times of concomitant global crises: reflections from Chile // American Journal of Public Health. 2020. Vol. 110. Iss. 7. P. 971–973. <https://doi.org/10.2105/AJPH.2020.305711>
4. Mosley P., Hudson J., Verschoor A. Aid, poverty reduction and the “New conditionality” // The Economic Journal. 2004. Vol. 114. Iss. 496. P. F217–F243. EDN: <https://elibrary.ru/foxzph>. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0297.2004.00220.x>
5. Alston J.M., Chan-Kang C., Marra M.C., Pardey P.G., Wyatt T.J. A meta-analysis of rates of return to agricultural R&D: ex pede Herculem? International Food Policy Research Institute (IFPRI), 2000. 148 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/5056935_A_Meta-Analysis_of_Rates_of_Return_to_Agricultural_RD (дата обращения: 04.05.2024)
6. Baudron F., Liégeois F. Fixing our global agricultural system to prevent the next COVID-19 // Outlook on Agriculture. 2020. Vol. 49. Iss. 2. P. 111–118. <https://doi.org/10.1177/0030727020931122>
7. Béné C. Resilience of local food systems and links to food security – a review of some important concepts in the context of COVID-19 and other shocks // Food Security. 2020. Vol. 12. P. 805–822. <https://doi.org/10.1007/s12571-020-01076-1>
8. Stephens E.C., Martin G., van Wijk M., Timsina J., Snow V. Impacts of COVID-19 on agricultural and food systems worldwide and on progress to the sustainable development goals // Agricultural Systems. 2020. Vol. 183. P. 102873. <https://doi.org/10.1016/j.agsy.2020.102873>
9. Киселева Т.Ю., Сангинова Л.Д. Модель государственной финансовой поддержки бизнеса в условиях пандемии COVID-19 в России: структура, инструменты, опыт // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2021. Т. 14. № 2(356). С. 124–140. EDN: <https://elibrary.ru/bbtvit>. <https://doi.org/10.24891/fa.14.2.124>

10. *Charania I., Li X.* Smart farming: agriculture's shift from a labor intensive to technology native industry // Internet of Things. 2020. Vol. 9. P. 100142. <https://doi.org/10.1016/j.iot.2019.100142>
11. *Шик О.В., Янбых Р.Г.* Оценка уровня государственной поддержки АПК и предложения по повышению ее эффективности // АПК: Экономика, управление. 2023. № 4. С. 3–16. EDN: <https://elibrary.ru/gygurw>. <https://doi.org/10.33305/234-3>
12. *Великанова И.В.* Финансово-экономический механизм стимулирования внедрения инновационных технологий в льноводстве // Аграрный вестник Урала. 2022. № 11(226). С. 80–93. EDN: <https://elibrary.ru/tpmzcr>. <https://doi.org/10.32417/1997-4868-2022-226-11-80-93>
13. *Продан Т.С.* Основные инструменты государственной поддержки развития агропромышленного комплекса // Отходы и ресурсы. 2022. Т. 9. № 2. С. 1–8. EDN: <https://elibrary.ru/noczqy>. <https://doi.org/10.15862/01ECOR222>
14. *Зюкин Д.А., Святова О.В., Скрипкина Е.В., Латышева З.И., Лисицына Ю.В.* Управление развитием АПК на основе инструментов государственной поддержки // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2022. № 5. С. 207–213. EDN: <https://elibrary.ru/jdkhls>
15. *Семин А.Н., Логинов А.Л., Мальцев Н.В.* Резервы повышения эффективности государственной поддержки АПК на основе анализа стоимости аграрного бизнеса // Экономика сельского хозяйства России. 2021. № 9. С. 53–58. EDN: <https://elibrary.ru/dsrss>. <https://doi.org/10.32651/219-53>
16. *Аржанцев С.А., Писарева Л.В., Колязина Е.В.* Совершенствование мер государственной поддержки инновационного развития сельскохозяйственного производства // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2023. № 2(96). С. 170–184. EDN: <https://elibrary.ru/fqkikb>. <https://doi.org/10.33938/232-170>
17. *Хайруллина О.И.* Анализ современного состояния государственной поддержки сельскохозяйственных производителей // Продовольственная политика и безопасность. 2023. Т. 10. № 4. С. 629–644. EDN: <https://elibrary.ru/nrerlc>. <https://doi.org/10.18334/ppib.10.4.119511>
18. *Овсянко Л.А., Чепелева К.В., Бородина Т.А., Пыжикова Н.И.* Эффективность системы налогообложения в оценках органов местного самоуправления и субъектов АПК // Международный сельскохозяйственный журнал. 2023. № 2(392). С. 147–153. EDN: <https://elibrary.ru/rwgja>. https://doi.org/10.55186/25876740_2023_66_2_147
19. *Алещенко В.В., Алещенко О.А., Карпов В.В., Кораблева А.А., Лагздин А.Ю., Мозжерина Н.Т., Хаиров Б.Г.* Совершенствование механизма государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства: коллективная монография. Омск: ИЦ «Омский научный вестник», 2015. 188 с. EDN: <https://elibrary.ru/tlrjcl>
20. *Багратуни К.Ю.* Аспекты государственной финансовой поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства // Экономика и предпринимательство. 2023. № 3(152). С. 802–808. EDN: <https://elibrary.ru/tcober>. <https://doi.org/10.34925/EIP.2023.152.3.157>
21. *Какаулина М.О., Сысоев В.Д.* Система государственной финансовой поддержки как инструмент развития малого и среднего бизнеса в РФ // Самоуправление. 2022. № 1(129). С. 46–50. EDN: <https://elibrary.ru/ldbrgb>
22. *Черепанова Д.М., Никулина Ю.Н., Янбых Р.Г.* Оценка уровня государственной поддержки АПК в России и странах Европейского союза // Аграрная наука Евро-Северо-Востока. 2022. Т. 23. № 5. С. 740–750. EDN: <https://elibrary.ru/izhamn>. <https://doi.org/10.30766/2072-9081.2022.23.5.740-750>
23. *Зубарев И.С.* Анализ государственной поддержки аграрных формирований, как элемента достижения финансовой независимости // Агропродовольственная экономика. 2017. № 5. С. 55–60. EDN: <https://elibrary.ru/yoqxdi>
24. *Трубилин А.И.* Совершенствование организационно-экономического механизма развития аграрной экономики региона: монография. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2022. 204 с. EDN: <https://elibrary.ru/cncgby>
25. *Самарина В.П.* Обзор методов государственной поддержки агропромышленного комплекса и перспективы сельскохозяйственного производства в условиях нового кризиса // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2021. Т. 14. № 2(69). С. 81–102. EDN: <https://elibrary.ru/llfkqz>. https://doi.org/10.53914/issn2071-2243_2021_2_81

26. Бурделова Т.Н. Совершенствование механизма взимания единовременных налогов и сборов в условиях международных санкций и роста государственных расходов (2023-2024 годы) // Финансы: теория и практика. 2023. Т. 27. № 3. С. 115–125. EDN: <https://elibrary.ru/dzhqkp>. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-3-115-125>

27. Петухова Ж.Г. Моделирование государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2016. Т. 6. № 10А. С. 289–300. EDN: <https://elibrary.ru/xvlwbb>

28. Кара-Мурза С.Г. Потерянный разум. Москва: Эксмо, 2005. 735 с. EDN: <https://elibrary.ru/qodryp>

29. Кузнецов О.П. Ограниченная рациональность и принятие решений // Искусственный интеллект и принятие решений. 2019. № 1. С. 3–15. EDN: <https://elibrary.ru/zawylb>. <https://doi.org/10.14357/20718594190101>

Статья поступила в редакцию 13.06.2024; одобрена после рецензирования 04.11.2024; принята к публикации 10.01.2025

Об авторах:

Захарова Кристина Алексеевна, кандидат экономических наук, доцент; заведующий кафедрой экономики и финансов; ведущий научный сотрудник кафедры экономики и финансов; SPIN-код: 4912-0477, Researcher ID: B-8096-2016, Scopus ID: 57118103100

Киселица Елена Петровна, доктор экономических наук, доцент; профессор кафедры экономики и финансов Финансово-экономического института; SPIN-код: 5043-5845; Researcher ID: 007-2846378, Scopus ID: 57189302707

Иванова Надежда Вячеславовна, старший преподаватель кафедры экономики и финансов; младший научный сотрудник; SPIN-код: 2203-3284; Researcher ID: GRO-1484-2022

Вклад авторов:

Захарова К. А. – научное руководство, обеспечение ресурсами, проведение критического анализа материалов, формирование выводов.

Киселица Е. П. – развитие методологии, сбор данных и доказательств, подготовка начального варианта текста, перевод элементов статьи на английский язык.

Иванова Н. В. – построение теоретического и статистического анализа статьи, построение графиков, формирование выводов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

References

1. Bayeva Sh.X. State support of small business and private entrepreneurship. *Theoretical & Applied Science*. 2018; (6(62)):225–229. EDN: <https://elibrary.ru/usynhw>. <https://doi.org/10.15863/TAS.2018.06.62.39> (In Eng.)
2. Berger A.N., Udell G.F. The economics of small business finance: the roles of private equity and debt markets in the financial growth cycle. *Journal of Banking & Finance*. 1998; 22(6–8):613–673. [https://doi.org/10.1016/S0378-4266\(98\)00038-7](https://doi.org/10.1016/S0378-4266(98)00038-7) (In Eng.)
3. Kanter R., Boza S. Strengthening local food systems in times of concomitant global crises: reflections from Chile. *American Journal of Public Health*. 2020; 110(7): 971–973. <https://doi.org/10.2105/AJPH.2020.305711> (In Eng.)
4. Mosley P., Hudson J., Verschoor A. Aid, poverty reduction and the “New conditionality”. *The Economic Journal*. 2004; 114(496):F217–F243. EDN: <https://elibrary.ru/foxzph>. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0297.2004.00220.x> (In Eng.)
5. Alston J.M., Chan-Kang C., Marra M.C., Pardey P.G., Wyatt T.J. A meta-analysis of rates of return to agricultural R&D: ex pede Herculem? International Food Policy Research Institute (IFPRI), 2000. 148 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/5056935_A_Meta-Analysis_of_Rates_of_Return_to_Agricultural_RD (accessed: 04.05.2024) (In Eng.)
6. Baudron F., Liégeois F. Fixing our global agricultural system to prevent the next COVID-19. *Outlook on Agriculture*. 2020; 49(2):111–118. <https://doi.org/10.1177/0030727020931122> (In Eng.)
7. Béné C. Resilience of local food systems and links to food security – a review of some important concepts in the context of COVID-19 and other shocks. *Food Security*. 2020; 12:805–822. <https://doi.org/10.1007/s12571-020-01076-1> (In Eng.)

8. Stephens E.C., Martin G., van Wijk M., Timsina J., Snow V. Impacts of COVID-19 on agricultural and food systems worldwide and on progress to the sustainable development goals. *Agricultural Systems*. 2020; 183:102873. <https://doi.org/10.1016/j.agsy.2020.102873> (In Eng.)
9. Kiseleva T.Yu., Sanginova L.D. The model of state financial aid to business during the COVID-19 pandemic in Russia: a framework, tools, and practices. *Financial analytics: science and experience*. 2021; 14(2(356)):124–140. EDN: <https://elibrary.ru/bbtvit>. <https://doi.org/10.24891/fa.14.2.124> (In Russ.)
10. Charania I., Li X. Smart farming: agriculture's shift from a labor intensive to technology native industry. *Internet of Things*. 2020; 9:100142. <https://doi.org/10.1016/j.iot.2019.100142> (In Eng.)
11. Shik O.V., Ianbykh R.G. Assessment of the level of state support for the agro-industrial complex and proposals to increase its efficiency. *AIC: Economics, management*. 2023; (4):3–16. EDN: <https://elibrary.ru/gygupw>. <https://doi.org/10.33305/234-3> (In Russ.)
12. Velikanova I.V. Financial and economic mechanism for stimulating the introduction of innovative technologies in flax industry. *Agrarian Bulletin of the Urals*. 2022; (11(226)):80–93. EDN: <https://elibrary.ru/tpmzcr>. <https://doi.org/10.32417/1997-4868-2022-226-11-80-93> (In Russ.)
13. Prodan T.S. The main instruments of state support for the development of the agro-industrial complex. *Russian Journal of Resources, Conservation and Recycling*. 2022; 9(2):1. EDN: <https://elibrary.ru/noczqy>. <https://doi.org/10.15862/01ECOR222> (In Russ.)
14. Zyukin D.A., Svyatova O.V., Skripkina E.V., Latysheva Z.I., Lisitsyna Yu.V. Agribusiness development management based on state support tools. *Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy*. 2022; (5):207–213. EDN: <https://elibrary.ru/jdkhls> (In Russ.)
15. Semin A.N., Loginov A.L., Maltsev N.V. Reserves for improving the efficiency of state support for agro-industrial based on the analysis of the cost of agricultural business. *Economics of Agriculture of Russia*. 2021; (9):53–58. EDN: <https://elibrary.ru/dsrrss>. <https://doi.org/10.32651/219-53> (In Russ.)
16. Arzhantsev S.A., Pisareva L.V., Kalyazina E.V. Improving state support innovative development of agriculture. *Economy, labor, management in agriculture*. 2023; (2(96)):170–184. EDN: <https://elibrary.ru/fqkikb>. <https://doi.org/10.33938/232-170>
17. Khayrullina O.I. Analysis of current government support for agricultural producers. *Food policy and security*. 2023; 10(4):629–644. EDN: <https://elibrary.ru/nrerlc>. <https://doi.org/10.18334/ppib.10.4.119511> (In Russ.)
18. Ovsyanko L.A., Chepeleva K.V., Borodina T.A., Pyzhikova N.I. Taxation system efficiency as assessed by local government authorities and AIC entities. *International Agricultural Journal*. 2023; 2(392):147–153. EDN: <https://elibrary.ru/rwgjaa>. https://doi.org/10.55186/25876740_2023_66_2_147 (In Russ.)
19. Aleshchenko V.V., Aleshchenko O.A., Karpov V.V., Korableva A.A., Lagzdin A.Yu., Mozzherina N.T., Khairov B.G. Improvement of the mechanism for state support of small and medium enterprises subjects: Monograph. Omsk: Publ. Center «Omsk scientific Bulletin», 2015. 188 p. EDN: <https://elibrary.ru/tlrjcl> (In Russ.)
20. Bagratuni K.Y. Aspects of state financial support for small and medium-sized businesses. *Journal of Economy and entrepreneurship*. 2023; (3(152)):802–808. EDN: <https://elibrary.ru/tcober>. <https://doi.org/10.34925/EIP.2023.152.3.157> (In Russ.)
21. Kakaulina M.O., Sysoev V.D. The system of state financial support as a tool for the development of small and medium-sized businesses in the Russian Federation. *Samoupravlenie*. 2022; (1(129)):46–50. EDN: <https://elibrary.ru/ldbrgb> (In Russ.)
22. Cherepanova D.M., Nikulina Yu.N., Yanbykh R.G. Assessment of the level of state support for the agrarian sector in Russia and the European Union. *Agricultural science Euro-North-East*. 2022; 23(5):740–750. EDN: <https://elibrary.ru/izhamn>. <https://doi.org/10.30766/2072-9081.2022.23.5.740-750> (In Russ.)
23. Zubarev I.S. Analysis of state support for agrarian formations as an element of achieving financial independence. *Agro-food economics*. 2017; (5):55–60. EDN: <https://elibrary.ru/yoqxdj> (In Russ.)
24. Trubilin A.I. Improvement of the organizational and economic mechanism of development of the agrarian economy of the region. Monograph. Krasnodar: Kuban State Agrarian University, 2022. 204 p. EDN: <https://elibrary.ru/cncgby> (In Russ.)

25. Samarina V.P. Comprehensive overview of methods of state support of the agro-industrial complex and growth prospects of agricultural production in the conditions of a new crisis. *Vestnik of Voronezh State Agrarian University*. 2021; 14(2(69)):81–102. EDN <https://elibrary.ru/llfkqz>. https://doi.org/10.53914/issn2071-2243_2021_2_81 (In Russ.)
26. Burdelova T.N. Improvement of the mechanism of collecting windfall taxes and fees in the era of international sanctions and the growth of public spending (2023–2024). *Finance: theory and practice*. 2023; 27(3):115–125. EDN: <https://elibrary.ru/dzhqkp>. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-3-115-125> (In Russ.)
27. Petukhova Zh.G. Modeling of state support for small and medium-sized businesses. *Economics: yesterday, today and tomorrow*. 2016; 6(10A):289–300. EDN: <https://elibrary.ru/xvbwbb> (In Russ.)
28. Kara-Murza S.G. The Lost Mind. Moscow: Eksmo, 2005. 735 p. EDN: <https://elibrary.ru/qodryp> (In Russ.)
29. Kuznetsov O.P. Bounded rationality and decision making. *Artificial intelligence and decision making*. 2019; (1):3–15. EDN: <https://elibrary.ru/zawylb>. <https://doi.org/10.14357/20718594190101> (In Russ.)

The article was submitted 13.06.2024; approved after reviewing 04.11.2024; accepted for publication 10.01.2025

About the authors:

Kristina A. Zakharova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor; Head of the Department of Economics and Finance; Leading Researcher at the Department of Economics and Finance; SPIN: 4912-0477, Researcher ID: B-8096-2016, Scopus ID: 57118103100

Elena P. Kiselitsa, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor; Professor of the Department of Economics and Finance of the Financial and Economic Institute of Tyumen State University; SPIN: 5043-5845; Researcher ID: 007-2846378, Scopus ID: 57189302707

Nadezhda V. Ivanova, Senior Lecturer of the Department of «Economics and Finance»; Research Associate; SPIN: 2203-3284; Researcher ID: GRO-1484-2022

Contribution of the authors:

Zakharova K. A. – scientific leadership, provision of resources, critical analysis of the materials, formation of conclusions.

Kiselitsa E. P. – development of the methodology, collection of data and evidence, preparation of the initial text, translation of article elements into English.

Ivanova N. V. – construction of the theoretical and statistical analysis of the article, construction of graphs, formation of conclusions.

All authors have read and approved the final manuscript.

Научная статья

УДК 336.7

JEL: G21, G23, G32, O16

<https://doi.org/10.18184/2079-4665.2025.16.1.134-152>

Анализ проблем и потенциала развития семейного предпринимательства в Российской Федерации

Писарева Ольга Михайловна¹¹ Государственный университет управления; Москва, Россия¹ om_pisareva@guu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6042-2657>

Аннотация

Цель исследования – определение перспектив и условий развития семейного предпринимательства в современной России.

Методы. Исследование проводилось в рамках системного и междисциплинарного подходов, на основе контентного и логического анализа научных и экспертных публикаций, использования общенаучных методов абстрагирования, обобщения и классификации, приемов обработки и анализа количественных и качественных данных экспертными и статистическими методами.

Результаты работы. Уточнены взаимосвязи категорий «семья» и «экономика». Проанализирован механизм взаимодействия семейного предприятия с бизнес-окружением национальной социально-экономической системы. Охарактеризованы состояние и задачи институализации семейного предприятия. Проведена эмпирическая оценка динамических и структурных характеристик функционирования семейных предприятий в сфере малого и среднего предпринимательства. Проанализированы изменения в характеристиках профиля модели поведения домохозяйств в сферах производства и потребления товаров, включая идентификацию роста приоритета частного финансирования образовательных услуг. Выявлены и интерпретированы ключевые тенденции развития семейного предпринимательства. Предложен концептуальный подход к идентификации проблемных зон и выбору приоритетных направлений развития семейного предпринимательства.

Выводы. Проведенный анализ механизма взаимодействия институтов семьи и экономики позволил охарактеризовать ключевые аспекты участия семейного предприятия в воспроизводственном процессе национальной экономики. Лежащие в основе семейных отношений ценностные основания объективно способствуют укреплению устойчивости экономики и стабильности общества. Перспективы развития семейного предпринимательства в определяющей степени зависят от институционального закрепления в российском законодательстве понятия «семейное предприятие». Эмпирическая оценка структурно-динамических характеристик функционирования семейного предпринимательства ориентирует на разработку необходимых мер государственной поддержки с учетом выявленной региональной неравномерности насыщения локальной экономики семейными предприятиями, позволяя определить резервы и направления роста потенциала российского семейного бизнеса.

Ключевые слова: семейное предприятие, национальные интересы, традиционные ценности, суверенное развитие, модернизация экономики, управление потенциалами

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в части проведения исследования по теме «Семья как консолидирующий институт общества и нераскрытый потенциал развития среднего класса на постсоветском пространстве»: регистрационный номер в ЕГИСУ НИОКТР: 124092400007-7.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов, в том числе, связанного с участием в редакционной коллегии журнала «МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)».

Для цитирования: Писарева О. М. Анализ проблем и потенциала развития семейного предпринимательства в Российской Федерации // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2025. Т. 16. № 1. С. 134–152

EDN: <https://elibrary.ru/pveyhb>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2025.16.1.134-152>

© Писарева О. М., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original article

Analysis of the problems and potential of the development of family entrepreneurship in the Russian Federation

Olga M. Pisareva¹¹ State University of Management, Moscow, Russia¹om_pisareva@guu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6042-2657>

Abstract

Purpose: of the study is determining the prospects and conditions for the development of family entrepreneurship in modern Russia.

Methods: the study of the research subject area within the framework of systematic and interdisciplinary approaches was carried out using content and logical analysis of scientific and expert publications, as well as the use of general scientific methods of abstraction, generalization and classification and specialized techniques for processing and analyzing quantitative and qualitative data using expert and statistical methods.

Results: the relationships between the categories "family" and "economy" have been clarified. The mechanism of interaction of the family enterprise with the business environment of the national socio-economic system is analyzed. The state and tasks of institutionalization of the family enterprise are characterized. An empirical assessment of the dynamic and structural characteristics of the functioning of the family enterprises in the field of small and medium-sized enterprises has been carried out. The changes in the characteristics of the profile of the household behavior model in the areas of production and consumption of goods are analyzed including the identification of an increasing priority of private financing of educational services to increase the level of intellectual capital of families. The key trends in the development of family entrepreneurship have been identified. A conceptual approach to the identification of problem areas and the selection of priority areas for the development of family entrepreneurship is proposed.

Conclusions and Relevance: based on the analysis of the mechanism of interaction between family and economic institutions, the participation of the family enterprise in the reproductive process of the national economy is characterized. The values underlying family relations objectively contribute to strengthening the stability of the economy and the stability of society. The prospects for the development of family entrepreneurship depend to a certain extent on the institutionalization of the concept of "the family enterprise" in the Russian legislation. An empirical assessment of the structural and dynamic characteristics of the functioning of family entrepreneurship guides the development of necessary state support measures, taking into account the identified regional uneven saturation of the local economy with the family enterprises, which makes it possible to identify reserves and areas of growth for the potential of Russian family business.

Keywords: family economy, national interests, traditional values, sovereign development, modernization of the economy, potential management

Acknowledgments. The article was prepared with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation for the research activities on the subject of "The family as a consolidating institution of society and the untapped potential for the development of the middle class in the post-Soviet space": registration number in the USISU R&D: 124092400007-7.

Conflict of Interest. The author declares that there is no conflict of interest, including those related to participation in the editorial board of the journal "MIR (Modernization. Innovation. Development)".

For citation: Pisareva O. M. Analysis of the problems and potential of the development of family entrepreneurship in the Russian Federation. *MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2025; 16(1):134–152. (In Russ.)

EDN: <https://elibrary.ru/pveyhb>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2025.16.1.134-152>

© Pisareva O. M., 2025

Введение

В 2024 г., объявленном¹ «Годом семьи», активно решались вопросы укрепления института семьи, защиты материнства и детства, поддержки молодых семей в рамках реализуемого с 2019 г. нацпроекта «Демография»². За это время выявлены

и преодолены разнообразные проблемы, что, с учетом результатов реализации адресных мер и решения конкретных задач, позволило обновить состав важнейших тем и актуальных целей при формировании нового национального проекта «Семья», планируемого с 2025 г.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» // Президент Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49978> (дата обращения: 26.10.2024)

² Паспорт национального проекта «Демография». Утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16) // Правительство Российской Федерации. URL: <http://static.government.ru/media/files/Z4OMjDgCaeohKWaA0psu6lCekd3hwx2m.pdf> (дата обращения: 27.10.2024)

Круг проблем, задач и стратегических разрывов в области развития института семьи в Российской Федерации, конечно, шире рамок только демографических задач, ряд аспектов иных нацпроектов очевидно взаимосвязан с его проблематикой: здравоохранение и народное образование, экология и комфортная среда, занятость и малый бизнес и др. Практически весь пул реализуемых и предлагаемых проектов³ отражает внимание и приоритеты руководства страны к задаче укрепления института семьи в организации эффективной и устойчивой жизнедеятельности российского общества. В этом контексте сфера семейного бизнеса – естественное пересечение предметных областей и целевых установок проектов по поддержке семьи и предпринимательства. Институциональные и организационные вопросы развития семейного предпринимательства находятся в фокусе научных исследований в области теории экономики и управления, в концептуальном плане определяемых влиянием положений социальной и культурной антропологии. В современных геополитических и геостратегических реалиях актуализирован также идеологический аспект противоборства теоретических подходов к модернизации моделей общества и государства, что нашло отражение в положениях утвержденной государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей⁴. Переход к механизму суверенного развития – гарантии промышленного суверенитета и технологического лидерства российской экономики, также настоятельно требует рассмотрения экономических аспектов оценки роли института семьи в современном обществе.

В рамках представленного исследования ставилась цель выявления перспектив семейного предпринимательства на основе оценки его характеристик в процессе формирования модели суверенного государственного развития Российской Федерации. Объектом рассмотрения являлся институт семейного предпринимательства; предмет – взаимодействие институтов семьи и национальной экономики как фактор укрепления внутреннего потенциала устойчивого общественного прогресса.

Сформулированная целевая установка предполагает решение ряда связанных задач в части: уточнения понятийного аппарата описания институтов

и взаимосвязей семьи и экономики; анализа механизма взаимодействия семейного предприятия в рамках национальной социо-экономической системы; эмпирической оценки динамических характеристик и структурных сдвигов в сфере малого и среднего предпринимательства (МСП); обоснования концептуального подхода к идентификации стратегических разрывов и приоритетов развития семейного предпринимательства.

Ожидаемая научная ценность и практическая полезность результатов работы видится в расширении области понимания механизмов социо-экономического развития, а также в обосновании рекомендаций по институциональному оформлению и организационному регулированию развития семейных предприятий как фактора роста в национальном социо-экономическом пространстве потенциала локальной экономики (территориально ограниченный по характеру локации и связей компактный ареал деятельности предприятий).

Обзор литературы и исследований

Проблемы изучения института семьи довольно широко представлены в исследованиях отечественных и зарубежных ученых различных отраслей научного знания. Ограничимся здесь указанием основных трендов тематических исследований.

Общезнаменательные и социальные основы роли семьи в становлении социо-экономических и государственных структур в системе общественного устройства восходят к трудам [1–4]; ключевые понятия и определения в области экономики семьи освещены в статье [5]. Вопросы коэволюции институтов семьи и экономики, исследования их взаимосвязи, а также формирования и анализа научных школ описания и изучения семейного хозяйства представлены в работах [6–8]. Становление института семьи с позиций развития отношений собственности и правовых аспектов работы семейных предприятий рассмотрены в статьях [9, 10], а специфика ценностных оснований их результативности и устойчивости – в работе [11]. Международный опыт функционирования и регулирования деятельности семейных предприятий затронут в статье [12], критические оценки возможностей и ограничений их деятельности приведены в работе [13]. Проблемы и перспективы развития семейного предпринимательства, сущность и необходимость мер его господдержки освещены в публика-

³Прим. Автора: В обновленном составе предложенных в соответствии посланием и указом Президента РФ стратегических инициатив и планов наиболее ясно с вопросами семьи связаны цели и задачи нацпроектов: «Кадры», «Молодежь России» и «Продолжительная и активная жизнь», «Инфраструктура для жизни» и «Туризм и гостеприимство».

⁴Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 14.11.2024)

циях [14, 15]. Особенности создания и внедрения эффективных технических решений и технологических пакетов для сфер производства продукции и оказания услуг компаниями с ограниченными масштабами деятельности⁵, а также базовые аспекты цифровизации и общая эволюция информационных технологий в деятельности микро-, малых и средних предприятий в национальной экономике представлены в статьях [16, 17]. Оценка проблем и задач институализации в сфере семейного предпринимательства приведена в работе [18].

Изучение исследований российских и зарубежных ученых по проблемам развития семейного предпринимательства позволило установить высокий уровень и широкий спектр полученных результатов. Однако большинство работ и концептуальных положений в них связаны преимущественно с социокультурными вопросами и законодательными проблемами регулирования системы отношений в рамках семейной экономики. В условиях наблюдаемых в мирохозяйственной системе технологических и структурных сдвигов, в рамках задач модернизации методов и механизмов государственного управления автономной хозяйственной активностью населения, представляется важным исследование в области оценки экономических основ построения и функционирования семейных предприятий, сочетающее нормативно-правовые и организационно-экономические аспекты взаимодействия институтов семьи и экономики.

Материалы и методы

Исследование основано на положениях и результатах научных работ отечественных и зарубежных ученых, представленных в открытом доступе. Решение задач базируется на применении данных официальной государственной и международной статистики, аналитических материалах профильных компаний. В условиях отсутствия утвержденного порядка статистических наблюдений за функционированием семейного предпринимательства, нами использовались прежде всего сведения официальной статической отчетности о регистрации и деятельности индивидуальных и самозанятых предпринимателей (по своей природе обладающие наиболее точной прямой связью со сферой семейного бизнеса). Наряду с этим исследование опиралось на экспертные оценки, полученные из периодических национальных и международных обзоров деятельности семейных компаний, изучение открытых уставных документов, а также результатов анкетирования владельцев и руко-

водителей предприятий и организаций методами группировки и агрегирования данных.

В рамках системного и междисциплинарного подходов использовались общенаучные методы абстрагирования, обобщения и классификации, приемы логического, контентного, экономического и экспертного анализа. На основе методов контентного и логического анализа проведено уточнение основных понятий и связей при характеристике описания институтов семьи и экономики. Применение методов абстрагирования и обобщения позволило определить ключевые аксиологические и праксиологические аспекты экономического поведения домохозяйств. Сочетание экономического и экспертного подходов дало возможность комплексно изучить соотношения и взаимосвязи экономической роли и функции семьи в воспроизводственном потенциале развития национальной экономики. Обработка количественных данных использовалась для эмпирической оценки тенденций и проблем сферы малого и среднего предпринимательства как базовой среды семейных предприятий. Статистические методы применялись для оценки коэффициентов структурных сдвигов, корреляционной зависимости и совокупного среднегодового темпа роста семейного предпринимательства в сфере МСП. Анализ характера и интенсивности наблюдаемых трансформаций в отраслевом и региональном измерении особенностей развития МСП как основной среды деятельности семейных компаний осуществлялся на основе технических критериев оценки [19]:

- абсолютных структурных изменений (коэффициент абсолютных структурных сдвигов В. Казинца):

$$K_K^{abs} = \sqrt{\frac{\sum_{i=1,n} (d_i(t_1) - d_i(t_0))^2}{n}}; \quad (1)$$

- относительных структурных изменений (интегральный коэффициент структурных сдвигов В. Рябцева):

$$K_R = \sqrt{\frac{\sum_{i=1,n} (d_i(t_1) - d_i(t_0))^2}{\sum_{i=1,n} (d_i(t_1) + d_i(t_0))^2}}, \quad (2)$$

где $d_i(\cdot)$ – доля i -го показателя, $i = \overline{1, n}$; t_0, t_1 – моменты времени.

Полученные оценки интегральных коэффициентов структурно-динамических изменений способствуют выявлению ключевых тенденций, определяющих перспективные направления развития семейного предпринимательства в России.

⁵Прим. Автора: Подробнее о подходах к решению общей проблемы снижения нижнего предела размера и мощности электронных и производственных систем см.: Дюк Я. Миниатюризация систем производства: существует ли нижний предел масштабирования // Современная электроника. 2020. № 7. С. 22–25. URL: <https://h.twirpx.one/file/3236282/> (дата обращения: 11.09.2024)

Результаты исследования

Истоки семейного предпринимательства лежат в основе зарождения общих форм социального устройства и хозяйственной организации [12, с. 933]. Системное изучение процессов формирования семьи с позиций антропологии и социологии [20] привело к фундаментальному выводу о ключевой роли трансформации семейных отношений в становлении общественных и государственных институтов. Традиционно семья изучается с междисциплинарных позиций как сложное явление, имеющее исторические, демографические, этнографические, психологические, педагогические, культурные, социальные, правовые и др. аспекты, так или иначе находящие свое выражение и отражение в экономических отношениях. Поскольку распределение результата хозяйствования предопределено формой и структурой собственности на ключевые факторы производства товаров и услуг, то исторически доминирующее большинство предприятий являлось семейными, функционирующими и развивающимися с опорой преимущественно на семейные средства и имущество. Посредством права и механизма наследования передавались активы семьи, из поколения в поколение сохранялся и преумножался ее интеллектуальный капитал, формируя совокупность секретов и традиций, культуры и ценностей семейного предпринимательства [21].

Сегодня процесс перехода к модели суверенного развития предполагает активную национализацию политических и хозяйственных, научных и творческих элит страны, формирующих элементы целостной идеологической конструкции построения государственной и общественной организации российской цивилизации. Здесь важны идеи объективности и справедливости подходов в отношении оценки общих исторических процессов на постсоветском пространстве, которые через трансграничные родственные связи не без сложностей, но с опорой на сохраненную в многонациональной и многоконфессиональной России традицию, проецируются и на ее соседей. Важно, что семейное предпринимательство, представленное в этнически окрашенных формах перекрестных отношений в традиционной сфере хозяйственной деятельности представителей постсоветских диаспор, в известной степени способствует нормализации и гармонизации всего комплекса международных отношений на основе принципов равноправия и

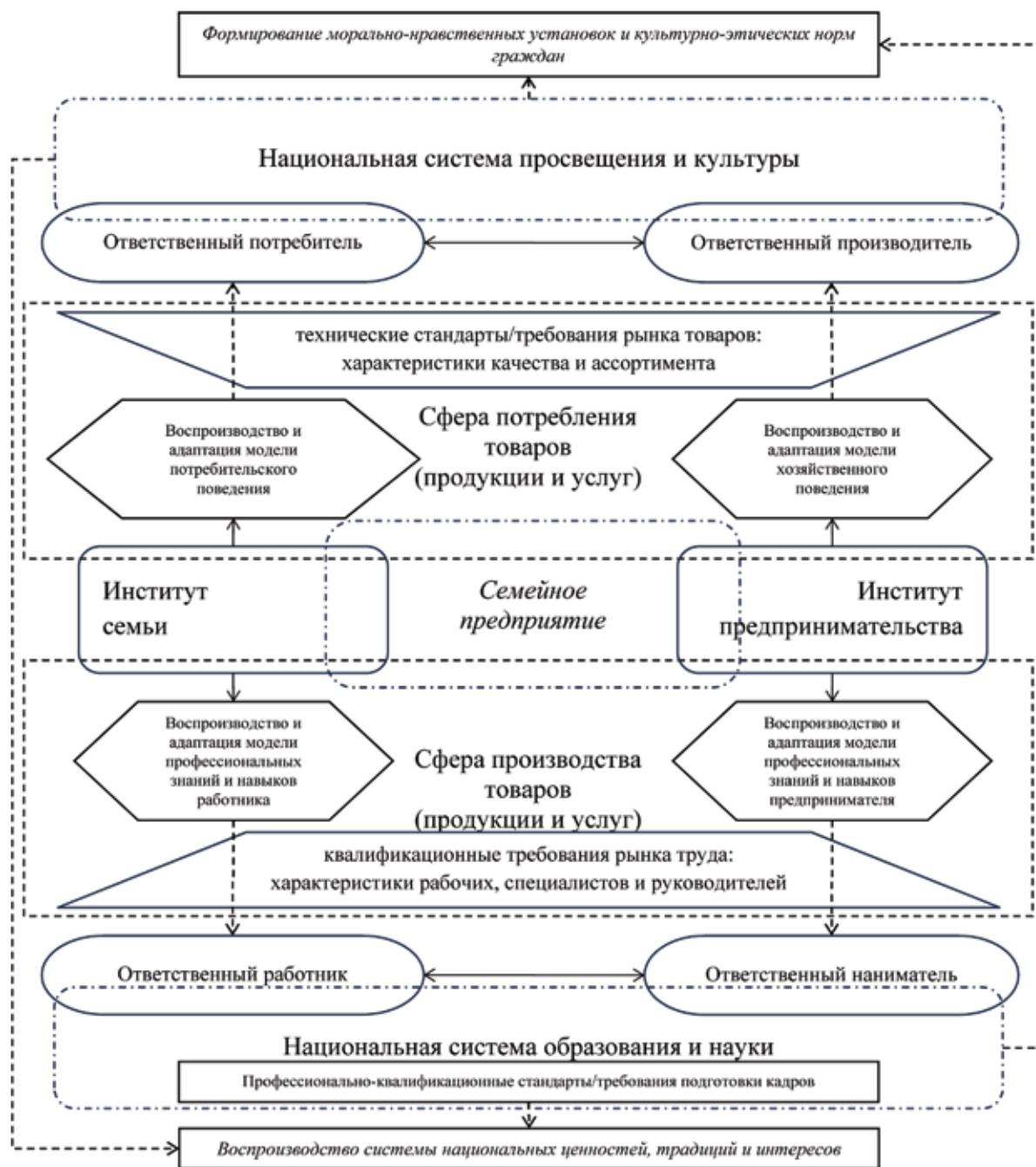
справедливости, и прежде всего, в сфере обмена результатами деятельности, связанными с использованием национальных богатств⁶: природных и интеллектуальных ресурсов суверенных стран.

Правовые аспекты регулирования институтов семьи и предпринимательства во многом определены сложившейся практикой хозяйственных и гражданских отношений в рамках границ юрисдикции государств. В экономических основах функционирования семейного бизнеса выделяются два слоя рассмотрения поведения его субъектов в российском правовом поле: 1) на рынке труда и товаров, при обеспечении сопряжения процессов эквивалентного обмена деятельностью в форме предложения рабочей силы и спроса на товары и услуги конечного потребления; 2) в сфере производства товаров и услуг – осуществление хозяйственной деятельности в формате юрлиц (ЮЛ), индивидуальных предпринимателей (ИП) и самозанятых (СЗ).

В ходе эволюции семья всегда являлась основной силой создания ценностей в сфере производства и распределения товаров и услуг. Системный анализ и учет характеристик хозяйственных связей и экономических аспектов функционирования этого института ведет к выявлению и описанию специфики семейной экономики. Проекция этого положения на формализованную и неформализованную форму организации и построения семейного предприятия отражена рис. 1.

Семейное предприятие, как никакой другой хозяйствующий субъект, является моделью интегрированного поведения при проведении встречных рыночных контракций: спрос и предложение на рынке товаров производственного и потребительского назначения, сопряженные со спросом и предложением на рынке труда для хозяйственных и бытовых нужд. Трансформация института собственности дополняет схему сопряжения экономического (организационные и операционные связи) и правового (имущественные и неимущественные отношения) аспектов генезиса семьи и семейного предпринимательства, учитывая закономерности и особенности их развития [22]. Именно механизм разделения труда и распределения продукта при его институциональном (прецедентном и правовом) оформлении определил отношения и понятие собственности с установлением порядка ее наследования, что создало основы ведения хозяйства семьи и общества, а также в целом предопределило становление института государства.

⁶ Зайцев Д.А., Зворыкина Ю.В., Писарева О.М. Трансформация модели российской экономики в условиях изменения миропорядка: предпосылки и принципы // Вестник университета. 2023. № 12. С. 32–43. EDN: <https://elibrary.ru/lniskq>. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-12-32-43>; Писарева О.М., Зайцев Д.А. Ценностные ориентиры и институциональные механизмы контроля использования ресурсов реиндустриализации экономики // В сб.: Интеллектуальная инженерная экономика и Индустрия 5.0 (ИНПРОМ). СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2023. С. 493–497. EDN: <https://elibrary.ru/xhrief>. <https://doi.org/10.18720/IEP/2023.4/145>

Разработано автором.

Рис. 1. Схема взаимосвязей экономических аспектов построения и функционирования семейного предприятия как потенциала роста локальной экономики

Developed by the author.

Fig. 1. Diagram of the interrelationships of the economic aspects of the forming and functioning of the family enterprise as a potential for the growth of the local economy

Семейный капитал – неотъемлемая часть национального богатства страны, что определяется наличием существенной взаимосвязи совокупности праксиологических и аксиологических характеристик построения и функционирования семейного

бизнеса как важного элемента не только национальной экономики (удовлетворение текущих потребностей членов семьи), но общественных институтов (поддержание перспективной мотивации граждан). Отметим также двоякую роль института

наследования, инициирующего разнонаправленные процессы консолидации и размывания активов семейного бизнеса, что влечет необходимость тонкой настройки такого инструмента госрегулирования как величина ставки налога на наследство и ее дифференциация по типу наследуемых активов. Здесь наблюдается весьма широкий спектр подходов к оценке рационального уровня ставки [23]. Так, самая высокая в мире ставка на наследство, достигающая 81,6%, в Испании, в Бельгии – 80%, далее – Франция (60%), Дания (52%), Германия (50%) и Швейцария (50%), самая низкая ставка у Италии (8%), Болгарии (6,6%) и Хорватии (4%). В России, после отмены в 2006 г. налога на наследство, размер госпошлины за вступление в наследство – 0,3 или 0,6% от стоимости имущества, что с позиции сохранения ценностей семейного предпринимательства можно рассматривать как значимую меру господдержки.

В реализации госполитики воссоздания традиций и стимулирования развития семейного предпринимательства в РФ можно отметить некоторую непоследовательность и противоречивость. С одной стороны, неоспорим факт существования семейного бизнеса, сущность и эволюция которого всегда интересовали научное сообщество, но лишь в настоящее время оказались в центре внимания российского руководства: стимулирование создания семейных предприятий стало рассматриваться как важный фактор обеспечения экономического роста страны на основе развития предпринимательской инициативы граждан и расширения производственных возможностей отечественной экономики. С другой – в рамках российского законодательства семейное предприятие, как форма организации и ведения предпринимательской деятельности, пока никак не определено [18], хотя идентифицируются его специфические черты, выделяются критерии квалификации как экономического явления [14, 24, 25]. Этот факт не объясняется незначительной ролью семейного предпринимательства, вследствие малого масштаба реализации частных инициатив в этой сфере хозяйственной самоорганизации. Представление о процессах развития семейного предпринимательства в России дает анализ динамики ключевых показателей социальной и экономической демографии в 2016–2024 гг. (табл. 1). Отчетливо заметно, что, после некоторого сокращения числа субъектов МСП под влиянием пандемических ограничений 2018–2020 гг., тенденция их роста восстановилась.

Изучение семейной экономики неразрывно связано и с общим развитием концепций пространственного и устойчивого развития. Семейное предпринимательство, как никакая другая сфера

деловой активности, через интересы участников выражает реальную заинтересованность в поддержке безопасных и комфортных условий жизни и работы в местах локации бизнеса. Последнее требование отвечает вектору идеологического и технологического перехода к сбалансированной эколого-социальной повестке ответственного бизнеса и управления (концепт Environment, Social, Governance – ESG). Рис. 2 отражает связь институтов семьи и предпринимательства в проекции взаимодействия государства, экономики и экологии, раскрывая понимание их базовых отношений.

Для институализации понятия семейного предприятия и его позиционирования в экономике ключевым является научное определение и нормативное закрепление в системе отношений «собственник-руководитель-работник» характеристик семьи (статус, состав, поколенческие связи и др.), позволяющих четко идентифицировать состояние и процессы сферы семейного бизнеса. Это поможет задать логику планирования перспектив развития этих предприятий в рамках формального пересечения целевых областей реализации нацпроектов и государственных программ РФ, затрагивающих проблематику поддержки семьи и бизнеса.

Роль домохозяйств в перераспределении приоритетов формирования и удовлетворения ключевых потребностей общества (здоровье, образование, жилье и др.) предопределяет появление инструментов мобилизации семейных активов на перспективные цели общественного прогресса. Так, с 01.01.2024 в РФ заработала госпрограмма долгосрочных семейных сбережений, реализующая с 01.07.2024 механизм софинансирования государством долгосрочных сбережений на 10 лет: формально бюджетные средства возвращаются в финансовую систему страны, но уже «окрашенными» под возможности целевого использования в национальной денежно-кредитной сфере. В табл. 2 дана общая характеристика макроэкономической позиции домашних хозяйств в экономике РФ, включая косвенную оценку их доли через сведения о регистрации индивидуальных и самозанятых предпринимателей.

Характеристика позиции компаний сферы МСП с помощью сведений о функционировании микро-, малых и средних предприятий (ЮЛ и ИП) представлена в табл. 3. Сопоставление данных табл. 1, 2 и 3 позволяет оценить ряд связей, существенных для понимания особенностей и перспектив семейного предпринимательства. Так, проведенный анализ показал на всем периоде проведения исследования весьма высокие коэффициенты корреляции между показателями числа субъектов локальной экономики и общим количеством заре-

Таблица 1

Table 1

Динамика ключевых показателей социальной и экономической демографии в России

Dynamics of the key indicators of social and economic demography in Russia

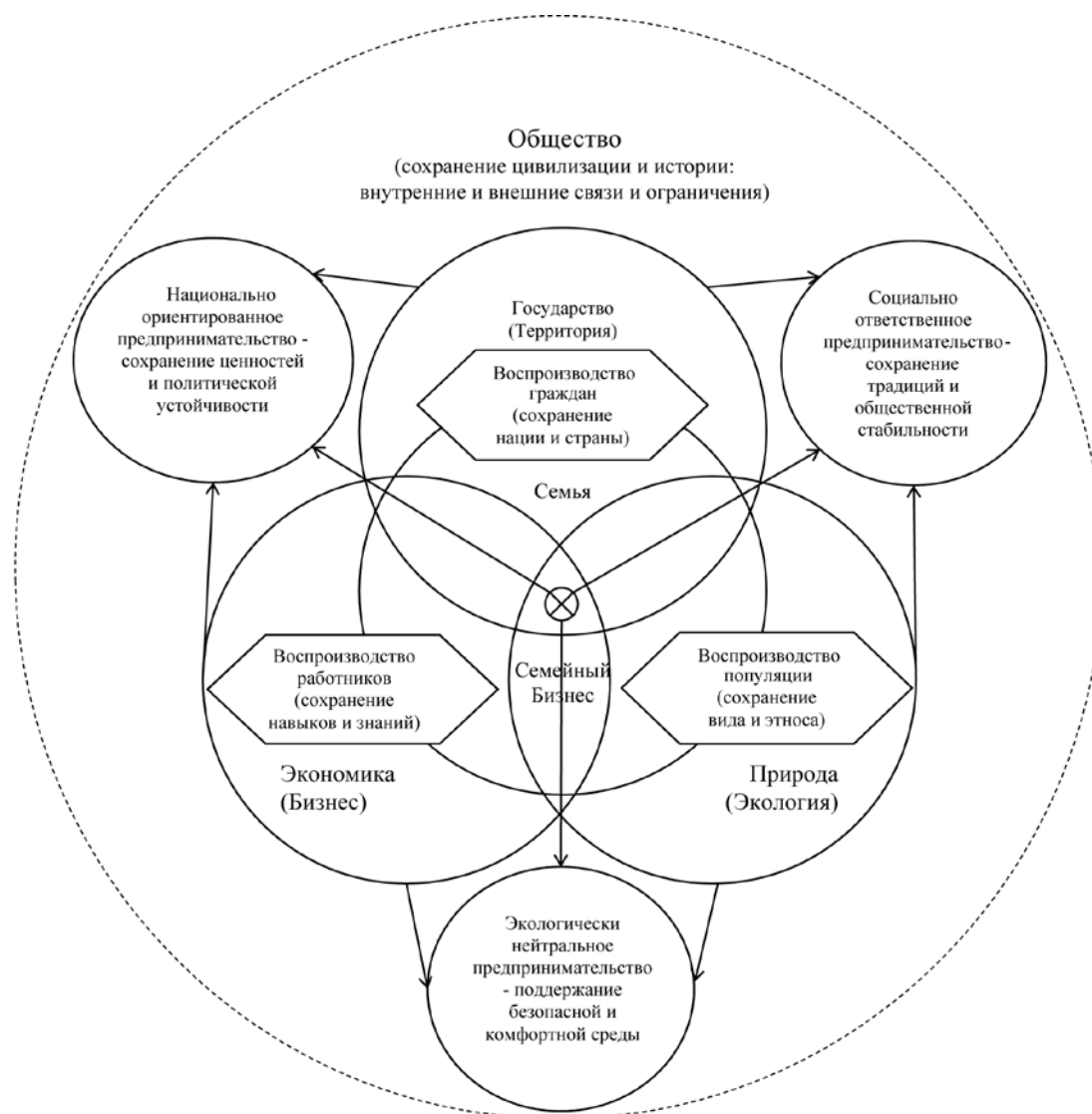
Показатель	2016	2017	2018	2019	2020*	2021	2022	2023	2024**
Постоянное население РФ на 1 января, млн чел., в т.ч.:	146,54	146,80	146,88	146,78	146,75	146,17	145,56	146,45	146,15
темпы роста, %	100,19	100,18	100,05	99,93	99,98	99,61	99,58	100,61	99,80
доля в численности населения мира, %	1,95	1,95	1,95	1,95	1,95	1,95	1,82	1,79	1,78
Общее число семей (зарегистрированных браков) в РФ, тыс.	20788,00	21226,30	21535,40	21864,83	22070,99	22350,33	22721,23	22983,43	23181,78
Зарегистрировано субъектов МСП (ЮЛ и ИП), тыс. ед., в т.ч.	5841,51	5998,37	6042,90	5924,68	5702,15	5839,01	5969,05	6310,28	6437,42
Средние предприятия	20,66	20,36	18,87	17,09	17,70	17,91	17,99	18,72	20,96
Малые предприятия	268,90	267,63	251,73	224,90	217,02	213,02	212,72	214,77	227,87
Микропредприятия	5551,94	5710,38	5772,30	5682,69	5467,43	5608,08	5738,34	6076,78	6188,59
Среднесписочная численность работников, тыс. чел., в т.ч.:	72065,20	71842,70	71561,70	71064,50	69550,30	70817,90	71216,90	72911,80	74609,56
темпы роста, %	99,50	99,69	99,61	99,31	97,87	101,82	100,56	102,38	102,33
Численность занятых в локальной экономике, тыс. чел., в т.ч.:	15922,44	16130,58	15917,05	15866,24	16968,61	18275,48	21435,28	23927,88	26016,30
темпы роста, %	117,87	101,31	98,68	99,68	106,95	107,70	117,29	111,63	108,73
доля в численности занятых национальной экономики, %	22,09	22,45	22,24	22,33	24,40	25,81	30,10	32,82	34,87
- численность работников МСП (ЮЛ и ИП), тыс. чел., в т.ч.:	15922,44	16130,58	15917,05	15357,01	15509,81	14638,72	15212,22	15108,58	15115,30
темпы роста, %	117,87	101,31	98,68	96,48	101,00	94,38	103,92	99,32	100,04
доля в численности занятых локальной экономики, %	100,00	100,00	100,00	96,79	91,40	80,10	70,97	63,14	58,10
доля в численности занятых национальной экономики, %	22,09	22,45	22,24	21,61	22,30	20,67	21,36	20,72	20,26
- численность СЗ работников, тыс. чел., в т.ч.:	-	-	-	509,23	1458,79	3636,75	6223,06	8819,31	10901,00
темпы роста, %	-	-	-	-	286,47	249,30	171,12	141,72	123,60
доля в численности занятых локальной экономики, %	-	-	-	3,21	8,60	19,90	29,03	36,86	41,90
доля в численности занятых национальной экономики, %	-	-	-	0,72	2,10	5,14	8,74	12,10	14,61

Примечания:

*) – расчетные оценки (на основе восстановленных данных);

**) – прогнозные оценки (на основе предварительных данных на 01.10.2024).

Разработано автором по материалам: Официальная статистика // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705>; Открытые данные // ФНС. URL: <https://www.nalog.gov.ru/m77/opendata/> (дата обращения: 15.10.2024).Developed by the author based on the materials in: Source: Official statistics, Rosstat, URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705>; Open data. Federal Tax Service. URL: <https://www.nalog.gov.ru/m77/opendata/> (accessed: 15.10.2024).

Разработано автором.

Рис. 2. Схема взаимосвязей института семьи в общественном пространстве взаимодействия государства, экономики и экологии

Developed by the author.

Fig. 2. Scheme of interrelations of the institution of family in the public space of interaction of the state, economy and ecology

гистрированных семей в РФ. При этом нельзя преувеличивать значение полученных обобщенных оценок. Требуется уточнение дифференциации соответствующих зависимостей на региональном и секторальном уровнях изучения деловой активности предприятий. Однако можно сделать предварительный вывод об очевидной позитивной роли реализации политики поддержки института семьи: при увеличении общего количества зарегистрированных браков наблюдается рост хозяйствующих субъектов сферы МСП.

Доступные показатели экономической демографии позволяют сфокусировано рассматривать региональный и отраслевой срезы функционирования МСП в Российской Федерации с позиции насыщенности ее социо-экономического пространства хозяйствующими субъектами локальной (то есть в большей степени семейной) экономики.

В частности, оценка статической корреляционной связи (межрегиональной, для 2016, 2019 и 2022 гг.)

Таблица 2

Table 2

Селективная характеристика макроэкономической позиции домашних хозяйств России

Selective characterization of the macroeconomic position of Russian households

Показатель	2016	2017	2018	2019	2020*	2021	2022	2023	2024**
ВВП РФ, млрд руб., в т.ч.:	69237,70	74798,90	84976,70	95060,70	94410,20	121182,90	140670,80	156442,23	179018,60
темп роста, %	105,30	108,03	113,61	111,87	99,32	128,36	116,08	111,21	114,43
доля в мировой экономике, %	3,04	3,11	3,09	3,07	3,08	3,07	2,93	2,95	2,52
Доля семейных компаний в общем числе (с / без учета СЗ), %	53,3/53,3	54,1/54,1	47,6/47,6	61,1/58,1	67,1/58,9	75,8/61,6	80,9/62,3	84,5/64,7	86,6/66,1
Доходы населения в формировании ВВП: оплата труда, млрд руб.	41237,60	43897,50	46415,80	48383,10	48696,70	54830,50	59811,90	69432,10	78602,20
темп роста, %	103,75	106,45	105,74	104,24	100,65	112,60	109,09	116,08	113,21
доля в ВВП, %	59,56	58,69	54,62	50,90	51,58	45,25	42,52	44,38	43,91
Доходы населения в использовании ВВП: потребление, млрд руб.	45244,50	48178,00	51883,70	56109,70	54752,10	67028,80	74453,00	84724,30	90849,20
темп роста, %	104,12	106,48	107,69	108,15	97,58	122,42	111,08	113,80	107,23
доля в ВВП, %	65,35	64,41	61,06	59,03	57,99	55,31	52,93	54,16	50,75
Ресурсы и инструменты развития национальной экономики									
Всего обязательств в банковской системе России, млрд руб.	64682,00	108,51	108,30	102,16	117,96	116,73	113,34	125,65	112,10
темп роста, %	37,33	37,99	37,42	39,16	35,84	32,45	30,22	29,50	30,47
доля домохозяйств в обязательствах, %	74093,00	77961,00	86232,00	88796,00	103842,00	120310,00	134516,00	167647,00	187120,84
Всего активов в банковской системе России, млрд руб.	74093,00	77961,00	86232,00	88796,00	103842,00	120310,00	134516,00	167647,00	187120,84
темп роста, %	105,22	105,22	110,61	102,97	116,94	115,86	111,81	124,63	111,62
доля домохозяйств в активах, %	15,17	16,18	17,83	20,47	19,90	21,43	21,01	20,83	20,96
Число домашних хозяйств в банковской системе	22,16	21,82	19,60	18,69	15,94	11,02	9,21	8,67	9,51
Налоговые поступления домохозяйств, млрд руб., в т.ч.	2206,44	3204,86	3710,41	4033,98	4250,42	4933,11	6034,19	6874,67	7873,23
темп роста, %	145,25	145,25	115,77	108,72	105,37	116,06	122,32	113,93	114,53
доля в консолидированном бюджете РФ, %	16,48	19,06	17,91	18,50	21,76	18,26	17,96	19,00	18,57

Примечания:

*) – расчетные оценки (на основе восстановленных данных);

**) – прогнозные оценки (на основе предварительных данных на 01.10.2024).

Разработано автором по материалам: Официальная статистика // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705>; Открытые данные // ФНС. URL: <https://www.nalog.gov.ru/rn77/opendata/> (дата обращения: 15.10.2024).Developed by the author based on the materials in: Source: Official statistics, Rosstat, URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705>; Open data. Federal Tax Service. URL: <https://www.nalog.gov.ru/rn77/opendata/> (accessed: 15.10.2024).

Таблица 3

Селективная характеристика макроэкономической позиции компаний сферы МСП России

Table 3

Selective characterization of the macroeconomic position of Russian SME companies

Показатель	2016	2017	2018	2019	2020*	2021	2022	2023	2024**
Внеоборотные активы МСП (всего), млрд руб., в т.ч.:	38458,60	19003,80	46056,50	56253,00	93257,10	93973,40	96511,94	99210,28	97575,51
темپ роста, %	114,12	49,41	242,35	122,14	165,78	100,77	102,70	102,80	98,35
доля в активах компаний в РФ, %	26,28	11,82	25,11	28,90	44,21	26,87	26,65	24,79	22,83
Инвестиции в основной капитал (в факт. ценах), млрд руб., в т.ч.:	41237,60	43897,50	46415,80	48383,10	48696,70	54830,50	59811,90	69432,10	78602,20
темп роста, %		118,45	101,40	110,85	112,57	111,60	99,46	99,39	99,74
доля в инвестициях в основной капитал в РФ, %	8,08	8,81	8,05	8,21	8,76	8,58	6,98	5,79	5,64
Фондовооруженность работника, тыс. руб. / чел., в т.ч.	2415,37	1178,12	2893,53	3663,02	6012,78	6419,51	6344,37	6566,49	6455,41
темп роста, %	96,82	48,78	245,61	126,59	164,15	106,76	98,83	103,50	98,31
соотношение с фондовооруженностью в РФ, %	94,91	43,48	98,16	74,43	115,46	113,58	105,71	104,00	98,86
Фондоотдача (внеоборотные активы), тыс. руб. / чел., в т.ч.	118,67	288,03	130,14	105,07	68,26	73,74	73,70	82,54	90,23
темп роста, %	96,13	242,71	45,18	80,74	64,97	108,02	99,95	112,00	109,31
соотношение с фондоотдачей в РФ, %	150,53	315,84	158,66	122,79	76,72	62,54	57,41	56,69	56,59
Среднемесячная заработная плата работников, руб., в т.ч.:	19715,90	22834,56	25649,27	28803,66	32212,88	35445,84	39845,17	44157,55	43999,19
темп роста, %		115,82	112,33	112,30	111,84	110,04	112,41	110,82	99,64
соотношение с заработной платой в РФ, %	57,94	62,20	65,49	65,88	67,30	69,04	69,61	67,58	58,78
Оборот (выручка), млрд руб., в т.ч.:	41602,78	45638,36	54736,05	59936,24	59105,50	63657,41	69291,80	71126,21	81890,32
темп роста, %		109,70	119,93	109,50	98,61	107,70	108,85	102,65	115,13
доля в обороте (выручке) в РФ, %	32,73	31,57	32,73	39,84	37,66	39,01	32,04	30,21	30,66
Выработка на одного работника, тыс. руб. / чел., в т.ч.:	3079,68	2866,29	3393,31	3765,54	3848,76	4104,33	4733,46	4675,60	5420,12
темп роста, %		93,07	118,39	110,97	102,21	106,64	115,33	98,78	115,92
соотношение с выработкой в РФ, %, в т.ч.	175,46	142,87	145,76	179,13	174,28	174,93	155,02	141,44	147,98

Примечания:

*) – расчетные оценки (на основе восстановленных данных);

**) – прогнозные оценки (на основе предварительных данных на 01.10.2024).

Разработано автором по материалам: Официальная статистика // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705>; Открытые данные // ФНС. URL: <https://www.nalog.gov.ru/m77/opendata/> (дата обращения: 15.10.2024).Developed by the author based on the materials in: Source: Official statistics, Rosstat. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705>; Open data. Federal Tax Service. URL: <https://www.nalog.gov.ru/m77/opendata/> (accessed: 15.10.2024).

показала, что имеется значимая прямая корреляционная зависимость между показателем «Плотность распределения компаний МСП» (чел./тыс. км²) и следующими показателями: «Плотность населения» (чел./тыс. км²), где коэффициент корреляции составил в 2016 г. 0,769, в 2019 г. – 0,759, в 2022 г. – 0,774; «Плотность занятых» (чел./тыс. км²), где коэффициент корреляции составил в 2016 г. 0,858, в 2019 г. – 0,872, в 2022 г. – 0,865.

Однако для показателя «Плотность распределения компаний МСП» предварительно ожидаемая корреляция между индикаторами насыщенности хозяйствующими субъектами территории (ед./тыс. чел. населения) и рынка (ед./тыс. чел. занятых) оказалась невысокой, хотя и значимой (значения коэффициентов корреляции на 2022 г. составили 0,289 и 0,291 соответственно). Была оценена и корреляционная связь⁷ между тем же набором индикаторов в динамике для соответствующих территорий. Например, за период 2016–2023 гг. на уровне РФ значимые коэффициенты корреляции между показателем «Плотность распределения компаний МСП» и показателями «Плотность населения» и «Плотность занятых» составили 0,804 и -0,285 соответственно. Знак коэффициента второго индикатора может быть объяснен тем, что при наличии роста числа занятых (то есть появления рабочих вакансий) в иных формах деловой активности занятие ниши в МСП осуществляется по остаточному принципу и низкому приоритету, особенно в фазе подъема экономики. Это объяснимо тем, что экономические агенты (потенциальные индивидуальные и самозанятые предприниматели – ключевой элемент сферы семейного бизнеса), оптимизируя полезность своего труда, с большей вероятностью трудоустраиваются в другие компании ареала своего проживания. Данное предположение косвенно подтверждается и динамикой показателя соотношения уровня заработной платы в сфере МСП со средним общероссийским уровнем (см. табл. 3: на интервале 2016–2023 гг. среднее значение составило 65,73%, а минимальное и максимальное – 58,78% и 69,61% в 2023 г. и 2021 г. соответственно). Дополнительно модель экономического поведения сектора домохозяйств и компаний МСП характеризуется диаграммами рис. 3 и 4.

Представленная статистическая и аналитическая информация характеризует общую картину рыночного контура связи институтов семьи и экономики: динамика и структура совокупных доходов и расходов домохозяйств отражают потоки обмена труда и товаров при балансировке спроса и предложения.

С позиции оценки процессов воспроизводства человеческого (интеллектуального) капитала в локальной экономике, дополняя данные рис. 3, отметим следующее:

- 1) использование средств материнского капитала на цели образования детей в 2016–2023 гг.⁸ увеличилось с 1,97 до 24,30 млрд руб. (CAGR⁹ = 43,22%), соответствующая доля в общей сумме годового распоряжения средств возросла с 0,54 до 5,34%;
- 2) объем оплаты населением образовательных услуг вузов страны в 2016–2023 гг.¹⁰ увеличился с 210,59 до 316,01 млрд руб. (CAGR = 5,97%), соответствующая доля финансирования в общей сумме поступивших за отчетный год средств в вузы упала с 28,07 до 22,88%.

Последнее свидетельствует о двух тенденциях: 1) население активно инвестирует средства в профессионально-квалификационный потенциал детей, обеспечивая востребованность и конкурентоспособность нового поколения на рынке предложения труда; 2) государство поддерживает воспроизводство кадров, с большей интенсивностью финансируя получение образования в рамках бюджетных мест приема абитуриентов на приоритетные для страны направления подготовки по программам бакалавриата, магистратуры и специалитета.

Качественную характеристику сдвигов деятельности компаний сферы МСП на рис. 4 можно дополнить такими оценками наблюдаемых процессов:

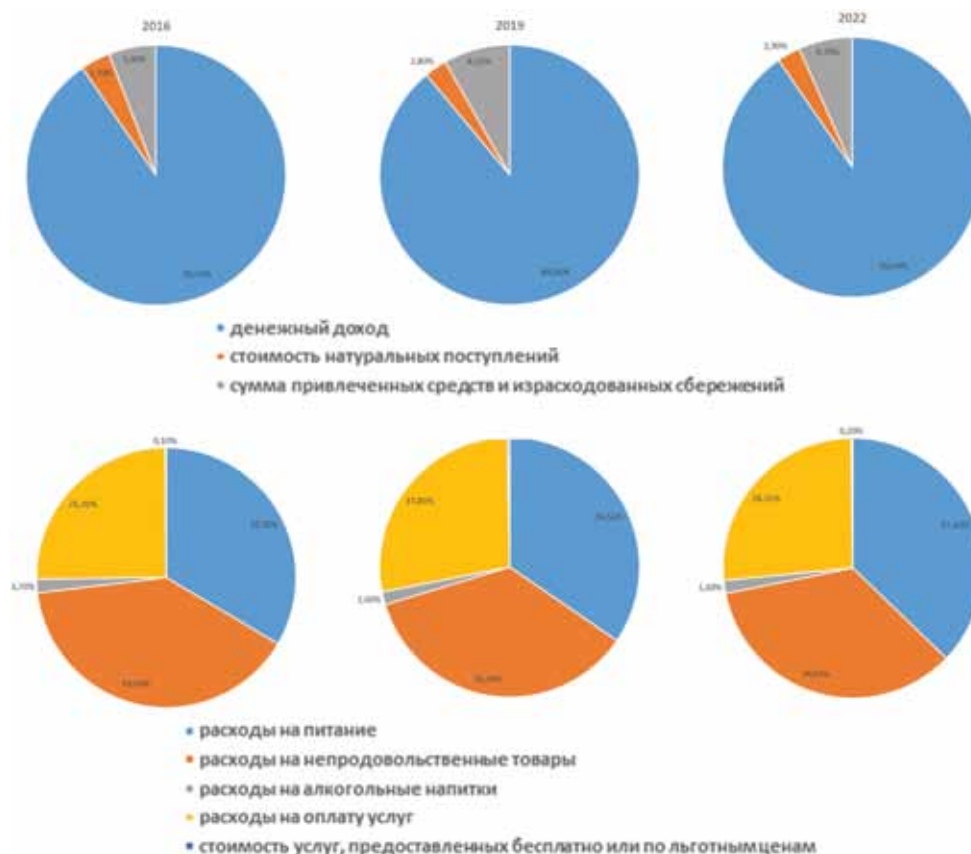
- 1) за период 2016–2023 гг. наибольший удельный вес в обороте МСП показали компании оптовой и розничной торговли (среднее значение – 54,26%), обрабатывающих производств (13,21%) и строительства (10,80%);
- 2) два сектора, операции с недвижимостью и оказание прочих услуг, демонстрировали сни-

⁷ Прим. Автора: Стоит иметь в виду возможность искажения оценки за счет наличия автокорреляции остатков временных рядов. В рамках данной работы подобный анализ не проводился, так как задача детальной спецификации вида статзависимостей не ставилась.

⁸ Годовой отчет Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации // Социальный фонд России. URL: https://sfr.gov.ru/press_center/annual_report/ (дата обращения: 11.11.2024)

⁹ Прим. Автора: Для оценки динамики используется коэффициент совокупного среднегодового темпа роста соответствующего показателя (CAGR, Compound Annual Growth Rate)

¹⁰ Высшее образование. Статистическая информация // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 11.11.2024)

Разработано автором по материалам: Официальная статистика // Росстат, URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705>; Открытые данные // ФНС, URL: <https://www.nalog.gov.ru/rn77/opendata/> (дата обращения: 15.10.2024)

Рис. 3. Сравнительный анализ структурных изменений совокупных доходов и расходов домохозяйств

Developed by the author based on the materials in: Official statistics, Rosstat, URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705>; Open data, Federal Tax Service, URL: <https://www.nalog.gov.ru/rn77/opendata/> (accessed: 15.10.2024)

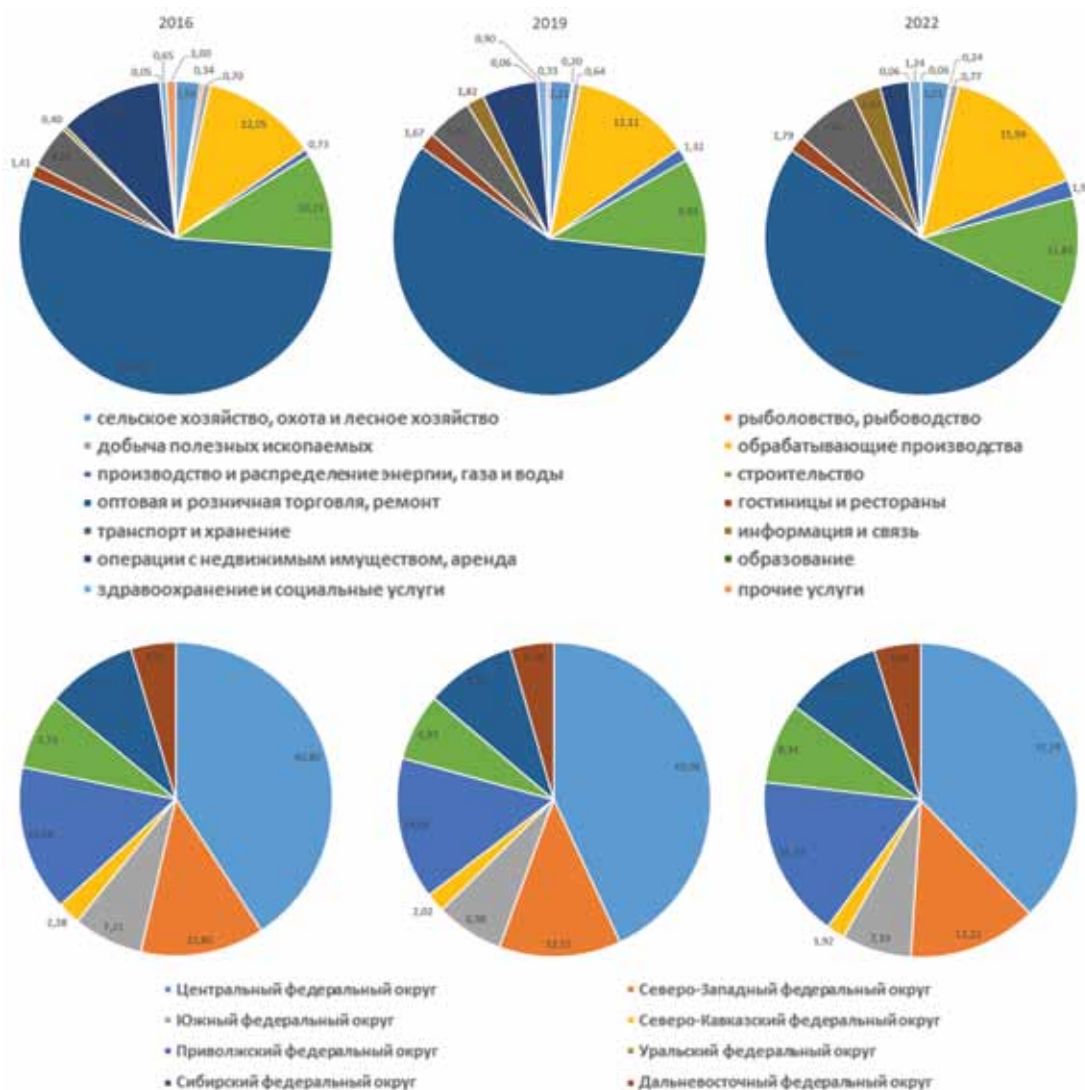
Fig. 3. Dynamic comparative analysis of structural changes in total household income and expenditure

жение доли в совокупном обороте компаний МСП: CAGR = -14,40% и CAGR = -26,61% соответственно;

- 3) среди секторов с поступательным ростом доли в совокупном обороте компаний МСП наибольший темп (при относительно низкой исходной базе) имели секторы информации и связи, здравоохранения и социальных услуг; их динамика также превышала среднее для сферы МСП значение: CAGR = 46,18% и CAGR = 18,95% соответственно (заметим, что на данный период пришлось проведение активных противоэпидемических мероприятий национального масштаба: оказание медицинской и социальной помощи больным и введение ограничений хозяйственной деятельности стимулировали работу сектора здравоохранения, резкий спрос на инфокоммуникационные услуги при разработке и внедрении моделей удаленной работы различных категорий работников, всплеск работ домохозяйств в интернет-среде [26, 27]).

Отмеченные трансформации анализировались на основе коэффициента абсолютных структурных сдвигов В. Казинца (1) и интегрального коэффициента структурных сдвигов В. Рябцева (2) [19]. Для показателей характеристического профиля экономического поведения сектора домохозяйств и сферы МСП, отраженного на рис. 3 и 4, оценки структурно-динамических изменений соответствующих критериев представлены в табл. 4, для двух сопряженных интервалов фиксации сдвигов – в 2016–2019 гг. и 2019–2022 гг.

В целом, значения индикаторов говорят о достаточно стабильной относительной оценке ситуации в секторе домохозяйств и сфере МСП: линейные сдвиги незначительны, а значения индикаторов относительных квадратичных отклонений с использованием нормированного варианта критерия (диапазон от «0» (полное совпадение структур) до «1» (полное расхождение)) выделенных аспектов близки к нулю в каждом интервале. Тем не менее, обращает на себя внимание следующее

Разработано автором по материалам: Официальная статистика // Росстат, URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705>; Открытые данные // ФНС. URL: <https://www.nalog.gov.ru/rn77/opendata/> (дата обращения: 15.10.2024)

Рис. 4. Сравнительный анализ секторальных и региональных структурных изменений оборота (выручки) МСПв

Developed by the author based on the materials in: Official statistics. Rosstat. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705>; Open data. Federal Tax Service. URL: <https://www.nalog.gov.ru/rn77/opendata/> (accessed: 15.10.2024)

Fig. 4. Dynamic comparative analysis of sectoral and structural regional changes in the turnover (revenue) of SMEs

обстоятельство: в оценке интенсивности структурных сдвигов наблюдается своеобразная асимметрия в соотношении значений коэффициентов. Изменения структуры доходного и расходного аспектов оценки в 2019–2022 гг. оказались менее значительными, чем в 2016–2019 гг. Использование линейных и относительных коэффициентов дает следующие соотношения: $0,0167 > 0,0122$, $0,0271 > 0,0107$, $0,0161 > 0,0118$, $0,0419 > 0,0282$. Но для модели поведения компаний сферы МСП изменения структуры регионального и секторального аспектов оценки в интервале 2019–2022 гг. оказались более значительными, чем в 2016–2019 гг. Использование линейных и относительных коэф-

фициентов показало следующее: $0,0089 < 0,0211$, $0,0153 < 0,0163$, $0,0259 < 0,0624$, $0,0481 < 0,0512$.

Объяснение этого факта требует учета того, что наборы анализируемых данных попали на знаковые для страны моменты: после начала СВО в 2022 г. сфера МСП, как и вся отечественная экономика, испытывала влияние новой волны серьезного санкционного шока, перестраивала организацию своей деятельности, что в сравнении со «спокойным» 2019 г. отразилось на результатах оценки структурных изменений. При этом сфера семейного бизнеса, напротив, именно после 2015 г. более активно меняла характер и приоритеты работы,

Таблица 4

Анализ структурных изменений совокупных доходов и расходов домохозяйств

Table 4

Analysis of structural changes in total household income and expenditure

Область и индикаторы оценки структурных изменений	Интервалы	
	(2019–2016 гг.)	(2022–2019 гг.)
Динамика структурных сдвигов в деятельности сектора домохозяйств МСП		
Оценка структурных изменений совокупных доходов:		
<i>абсолютные</i>		
Квадратичный коэффициент структурных сдвигов В. Казинца	0,0167	0,0122
<i>относительные</i>		
Интегральный коэффициент структурных сдвигов В. Рябцева	0,0161	0,0118
Оценка структурных изменений совокупных расходов:		
<i>абсолютные</i>		
Квадратичный коэффициент структурных сдвигов В. Казинца	0,0271	0,0107
<i>относительные</i>		
Интегральный коэффициент структурных сдвигов В. Рябцева	0,0419	0,0282
Динамика структурных сдвигов в деятельности сферы МСП		
Оценка региональных структурных изменений:		
<i>абсолютные</i>		
Квадратичный коэффициент структурных сдвигов В. Казинца	0,0089	0,0211
<i>относительные</i>		
Интегральный коэффициент структурных сдвигов В. Рябцева	0,0259	0,0624
Оценка секторальных структурных изменений:		
<i>абсолютные</i>		
Квадратичный коэффициент структурных сдвигов В. Казинца	0,0153	0,0163
<i>относительные</i>		
Интегральный коэффициент структурных сдвигов В. Рябцева	0,0481	0,0512

Разработано автором по материалам: Официальная статистика // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705>; Открытые данные // ФНС. <https://www.nalog.gov.ru/rn77/opendata/>; Семейное предпринимательство // ТПП. URL: <https://family.tpprf.ru/?ysclid=m5qmbshftj14735979> (дата обращения: 15.10.2024).

Developed by the author based on the materials in: Official statistics. Rosstat. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705>; Open data. Federal Tax Service. URL: <https://www.nalog.gov.ru/rn77/opendata/>; Family entrepreneurship. CCI. URL: <https://family.tpprf.ru/?ysclid=m5qmbshftj14735979> (accessed: 15.10.2024).

адаптируясь к новой реальности после первой волны санкционного давления.

Таким образом, для определения возможных зон и приоритетов развития семейных предприятий можно использовать оценки, полученные при анализе динамики изменения отраслевой (по секторам ВЭД) и региональной (по округам ОКАТО) структур сфер деятельности МСП, позволяя характеризовать рациональный формат взаимодействий институтов общества, экономики и государства на горизонте перспективного планирования преобразований регуляторного механизма поддержки семейной экономики.

Оценка динамики индикаторов насыщенности в сопоставлении с изменением региональной/тер-

риториальной структуры номинального участия (число зарегистрированных хозяйствующих субъектов) и реальной деятельности (размер выручки) дает возможность идентифицировать стратегические разрывы в результатах реализации мер поддержки развития локальной экономики и определить приоритетные направления формирования и укрепления ее потенциала. В частности, выполненные расчеты на основе анализа изменения показателей насыщенности и доли сектора МСП с выделением соответствующего сегмента семейного предпринимательства в национальной или региональной экономике (данные табл. 2 и 3, рис. 4) позволяют сделать вывод о необходимости мер по гармонизации структуры семейных компаний в региональном и секторальном измерении. Так,

выявлено, что для снижения диспропорций в развитии сферы МСП и повышения регионального экономического потенциала важно усилить поддержку инициатив развития семейных предприятий в Северо-Кавказском и Дальневосточном округах, существенно отстающих от среднероссийских показателей, а также в секторах здравоохранения и туризма, информации и связи, образования и науки, так как их представительство не в полной мере отвечает поставленным национальным целям и стратегическим задачам обеспечения благоприятной среды для граждан и технологического суверенитета для экономики страны.

Проведенное исследование ориентировалось на оценку ключевых зависимостей и характеристику ценностных влияний при развитии института семейного предпринимательства. Анализ сложившейся ситуации позволил обосновать рекомендации по институциональному оформлению, статистическому измерению, регулированию деятельности и управлению развитием семейных предприятий. Это должно повысить роль семейного предпринимательства в решении общей задачи повышения благосостояния граждан, что определяет круг перспективных задач дальнейшего исследования вопросов сочетания функций домашних хозяйств и семейных предприятий.

Выводы

В условиях агрессивного внешнего окружения и высокой неопределенности развития семейное предпринимательство – мощный фактор укрепления экономической устойчивости государства. Его ценности и традиции создают ментальные основы накопления исключительных секретов профессионального мастерства и организационных приемов построения рациональных и надежных хозяйственных связей, что сказывается на общей продуктивности локальной и национальной экономики.

Изучение специфики и условий эффективного использования интеллектуального капитала семейных предприятий сопряжено с выявлением ограничений и проблем этого способа ведения бизнеса, с учетом множества качественных аспектов семейных отношений. Отсутствие законодательного закрепления статуса семейного предприятия ведет к

искусственному снижению возможностей согласованной хозяйственной деятельности членов семьи, вынужденных выступать в экономическом пространстве как отдельные предприниматели, искажая реальную картину эффективности работы и затрудняя получение объективных статистических измерений протекающих процессов. Развитие цифровой платформы госуслуг должно способствовать накоплению в массиве электронных данных регистрационных документов субъектов предпринимательства сведений о семейном статусе физлиц, ассоциированных с владением и управлением бизнесом по закреплённому правовым порядком составу характеристик семейных отношений, увязывающих институты семьи и семейного предпринимательства. Следует законодательно нормализовать условия деятельности семейного предприятия, способствуя росту официальных субъектов МСП через согласованное развитие государственной политики в сфере семьи и предпринимательства. Эмпирическая оценка функционирования семейных предприятий в сфере МСП показала, что существует проблема региональной неравномерности развития семейного предпринимательства. При этом выявленные диспропорции позволяют сформировать подход к определению приоритетных направлений поддержки семейного предпринимательства в субъектах федерации, отстающих по показателям плотности и насыщенности семейными предприятиями. Одновременно, отталкиваясь от реализации мер по устранению идентифицированных диспропорций, с использованием статистической оценки дифференцированной по регионам средней выработки работников семейных предприятий можно определить и возможные резервы роста потенциала региональных и национальной экономики.

Развитие семейного предпринимательства связано и с более общей целью – укреплением института семьи, где наиболее острой проблемой является состояние и перспективы ее экономического базиса. Комплексная поддержка и адресная помощь государства здесь важны и необходимы, однако системное, устойчивое повышение благосостояния семей определяется и активизацией развития института семейного предприятия, что требует дальнейшего научно-практического поиска эффективных политик в этой области.

Список источников

1. *Morgan L.H.* Ancient society. London: MacMillan & Company, 1877. 629 p. URL: <https://ia801502.us.archive.org/8/items/in.ernet.dli.2015.174214/2015.174214.Ancient-Society.pdf> (дата обращения: 14.10.2024)
2. *Engels F.* Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats. Hottingen/Zürich: Verlags-Magazin, 1884. 146 s. URL: https://openlibrary.org/books/OL33153489M/Der_Ursprung_der_Familie_des_Privateigentums_und_des_Staats (дата обращения: 14.10.2024)

3. *Becker G.S.* A theory of the allocation of time // *The Economic Journal*. 1965. Vol. 75. Iss. 299. P. 493–517. <https://doi.org/10.2307/2228949>
4. *Muth R.F.* Household production and consumer demand functions // *Econometrica*. 1966. Vol. 34. Iss. 3. P. 699–708. <https://doi.org/10.2307/1909778>
5. *Коновалова Е.В.* Экономическая теория семьи как развитие теоретической экономики // *Теоретическая экономика*. 2013. № 3(15). С. 52–58. EDN: <https://elibrary.ru/rublhx>
6. *Романова К.С.* Трансформация семьи как социального института в условиях изменения государства и собственности // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. 2010. № 10. С. 271–287. EDN: <https://elibrary.ru/nrvjpi>
7. *Бедюхова С.М., Кондратов М.В., Тараданов А.А.* Феномен семейного хозяйства // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2014. № 11(340). С. 141–147. EDN: <https://elibrary.ru/sobfyh>
8. *Жук А.А., Потий К.М.* Феномен семейного предпринимательства в современной экономической теории // *Российское предпринимательство*. 2017. Том 18. № 19. С. 2891–2908. EDN: <https://elibrary.ru/zrpzox>. <https://doi.org/10.18334/rp.18.19.38321>
9. *Тарандо Е.Е.* Семья и собственность: взаимодействие и развитие в современных обществах // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2003. Т. 6. № 2. С. 137–149. EDN: <https://elibrary.ru/oupebz>
10. *Левушкин А.Н.* Семейное предпринимательство и семейный бизнес: понятие, правовая природа и перспективы развития // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2018. № 3(43). С. 206–217. EDN: <https://elibrary.ru/soixud>. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2018.43.3.206-217>
11. *Варкулевич Т.В., Белоглазова В.А.* Семейное предпринимательство как основная форма развития малого и среднего бизнеса в России // *Креативная экономика*. 2023. Т. 17. № 8. С. 2797–2814. EDN: <https://elibrary.ru/ntqtfk>. <https://doi.org/10.18334/ce.17.8.118719>
12. *Воротилкина А.М.* Анализ особенностей развития семейного бизнеса в России и за рубежом // *Российское предпринимательство*. 2018. Т. 19. № 4. С. 933–944. EDN: <https://elibrary.ru/xopcgd>. <https://doi.org/10.18334/rp.19.4.38904>
13. *Жук А.А., Потий К.М.* Институт семейного предпринимательства в современной России // *Journal of Economic Regulation*. 2018. Т. 9. № 1. С. 50–60. EDN: <https://elibrary.ru/ywqvgu>. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2018.9.1.050-060>
14. *Сазонова А.П.* Проблемы и перспективы развития семейного бизнеса в России // *Теория и практика общественного развития*. 2022. № 1(167). С. 69–74. EDN: <https://elibrary.ru/rwuhgm>. <https://doi.org/10.24158/tpor.2022.1.10>
15. *Курамшина А.В., Никитина Н.Н., Трухина О.А.* Актуальные вопросы применения мер поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства // *Журнал прикладных исследований*. 2023. № 5. С. 44–52. EDN: <https://elibrary.ru/faczst>. https://doi.org/10.47576/2949-1878_2023_5_44
16. *Бахчевников О.Н., Бенова Е.В., Брагинцев С.В.* Модульная трансформируемая производственная система на примере малых комбикормовых заводов // *Вестник НГИЭИ*. 2018. № 3(82). С. 73–87. EDN: <https://elibrary.ru/yvasib>. <https://doi.org/10.24412/FeYLPiLuuiv>
17. *Франгян Ф.Р.* Сравнительный анализ поддержки цифровизации малых и средних предприятий в России и за рубежом // *Инновации и инвестиции*. 2022. № 3. С. 174–177. EDN: <https://elibrary.ru/rorkll>
18. *Лескова Ю.Г., Левушкин А.Н.* Экспертно-аналитическая записка на законопроект «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в части закрепления понятия «семейное предприятие» // В сб.: *Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития*. М.: Фонд «Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара», 2020. Т. 17(119). С. 16–24. EDN: <https://elibrary.ru/xwnimn>
19. *Перстенева Н.П.* Критерии классификации показателей структурных различий и сдвигов // *Фундаментальные исследования*. 2012. № 3-2. С. 478–482. EDN: <https://elibrary.ru/pbapmv>
20. *Жук А.А., Потий К.М.* Феномен семейного предпринимательства в современной экономической теории // *Российское предпринимательство*. 2017. Том 18. № 19. С. 2891–2908. EDN: <https://elibrary.ru/zrpzox>. <https://doi.org/10.18334/rp.18.19.38321>
21. *Позняков В.П.* Психологические отношения и деловая активность субъектов экономической деятельности в условиях разных форм собственности // *Психологический журнал*. 2000. Т. 21. № 6. С. 38–50. EDN: <https://elibrary.ru/sfvbqn>

22. Дементьева М.А., Захарова А.В., Кирова Е.А. Опыт налогообложения недвижимого имущества физических лиц в зарубежных странах и его применение в России // Вестник университета. 2019. № 1. С. 100–107. EDN: <https://elibrary.ru/vwawtk>. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-1-100-107>
23. Шашкова Т.Н., Кусярбаева Л.Х. Зарубежный опыт налогообложения семейного бизнеса // Креативная экономика. 2021. Т. 15. № 6. С. 2365–2380. EDN: <https://elibrary.ru/xaimlr>. <https://doi.org/10.18334/ce.15.6.112203>
24. Leaptrott J. An institutional theory view of the family business // Family Business Review. 2005. Vol. 18. Iss. 3. P. 215–228. <https://doi.org/10.1111/j.1741-6248.2005.00043.x>
25. Лосева А.В. К актуальным вопросам функционирования малых и средних предприятий в России // Экономические науки. 2023. № 8(225). С. 42–48. EDN: <https://elibrary.ru/aydykx>. <https://doi.org/10.14451/1.225.42>
26. Земцов С.П., Царева Ю.В. Тенденции развития сектора малых и средних предприятий в условиях пандемии и кризиса // В сб.: Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. М.: Фонд «Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара», 2020. Т. 10(112). С. 155–166. EDN: <https://elibrary.ru/ykwjnt>
27. Корчагина И.В. Оценка уровня развития малого предпринимательства в ресурсных регионах России // Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15. № 1. С. 125–152. EDN: <https://elibrary.ru/qhhkro>. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-1-125-152>

Статья поступила в редакцию 25.12.2024; одобрена после рецензирования 17.01.2025; принята к публикации 14.02.2025

Об авторе:

Писарева Ольга Михайловна, кандидат экономических наук, доцент; заведующая кафедрой математических методов в экономике и управлении, директор Института информационных систем; SPIN-код: 9708-5552, Researcher ID: S-3225-2018, Scopus ID: 57200260200

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. Morgan L.H. Ancient society. London: MacMillan & Company, 1877. 629 p. URL: <https://ia801502.us.archive.org/8/items/in.ernet.dli.2015.174214/2015.174214.Ancient-Society.pdf> (accessed: 14.10.2024) (In Eng.)
2. Engels F. The origin of the family, private property and the state. Hottingen/Zürich: Verlags-Magazin, 1884. 146 p. URL: https://openlibrary.org/books/OL33153489M/Der_Ursprung_der_Familie_des_Privateigenthums_und_des_Staats (accessed: 14.10.2024) (In Germ.)
3. Becker G.S. A theory of the allocation of time. *The Economic Journal*. 1965; 75(299):493–517. <https://doi.org/10.2307/2228949> (In Eng.)
4. Muth R.F. Household production and consumer demand functions. *Econometrica*. 1966; 34(3):699–708. <https://doi.org/10.2307/1909778> (In Eng.)
5. Konovalova E.V. The economic theory of the family as the development of theoretical economics. *Theoretical economics*. 2013; (3(15)):52–58. EDN: <https://elibrary.ru/rublhx> (In Russ.)
6. Romanova K.S. Transformation of the family as a social institution in the context of changing state and property. *Research yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2010; (10):271–287. EDN: <https://elibrary.ru/nrvipj> (In Russ.)
7. Bedyuhova S.M., Kondratov M.V., Taradanov A.A. Family household phenomenon. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2014; (11(340)):141–147. EDN: <https://elibrary.ru/sobfyh> (In Russ.)
8. Zhuk A.A., Potiy K.M. Family business phenomenon in the modern economic theory. *Russian Journal of Entrepreneurship*. 2017; 18(19):2891–2908. EDN: <https://elibrary.ru/zrpzox>. <https://doi.org/10.18334/rp.18.19.38321> (In Russ.)
9. Tarando E.E. The family and the property: interaction and development in modern societies. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2003; 6(2):137–149. EDN: <https://elibrary.ru/oupebz> (In Russ.)
10. Levushkin A.N. Family entrepreneurship and family business: definition, legal nature and prospects. *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2018; (3(43)):206–217. EDN: <https://elibrary.ru/voixud>. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2018.43.3.206-217> (In Russ.)

11. Varkulevich T.V., Beloglazova V.A. Family entrepreneurship as the main form of SME development in Russia. *Creative Economy*. 2023; 17(8):2797–2814. EDN: <https://elibrary.ru/ntqtfk>. <https://doi.org/10.18334/ce.17.8.118719> (In Russ.)
12. Vorotylnikova A.M. Analysis of peculiarities of the development of family business in Russia and abroad. *Russian Journal of Entrepreneurship*. 2018; 19(4):933–944. EDN: <https://elibrary.ru/xopcgd>. <https://doi.org/10.18334/rp.19.4.38904> (In Russ.)
13. Zhuk A.A., Potiy K.M. The institution of family entrepreneurship in modern Russia. *Journal of Economic Regulation*. 2018; 9(1):50–60. EDN: <https://elibrary.ru/ywqvgu>. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2018.9.1.050-060> (In Russ.)
14. Sazonova A.P. Problems and prospects of the family business development in Russia. *Theory and Practice of Social Development*. 2022; (1(167)):69–74. EDN: <https://elibrary.ru/rwuhgm>. <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.1.10> (In Russ.)
15. Kuramshina A.V., Nikitina N.N., Trukhina O.A. Topical issues of application of measures to support for small and medium-sized businesses. *Journal of Applied Research*. 2023; (5):44–52, EDN: <https://elibrary.ru/faczst>. https://doi.org/10.47576/2949-1878_2023_5_44 (In Russ.)
16. Bakhchevnikov O.N., Benova E.V., Braginets S.V. Modular transformable manufacturing system on the example of small-scale formula-feed plants. *Bulletin NGIEI*. 2018; (3(82)):73–87. EDN: <https://elibrary.ru/yvasib>. <https://doi.org/10.24412/FeYLPiLuuw> (In Russ.)
17. Frangyan F.R. Digitalization of small and medium enterprises support measures by foreign countries and Russia. *Innovation and Investment*. 2022; (3):174–177. EDN: <https://elibrary.ru/rorkll> (In Russ.)
18. Leskova Yu.G., Levushkin A.N. Expert and analytical note on the draft law "On amendments to the Federal law "On the development of small and medium-sized entrepreneurship in the Russian Federation" in terms of enshrining the concept of "family business". In: *Monitoring the economic situation in Russia: trends and challenges of socio-economic development*. Moscow: Gaidar Institute for Economic Policy Foundation, 2020. Vol. 17(119). P. 16–24. EDN: <https://elibrary.ru/xwnimn> (In Russ.)
19. Persteneva N.P. Criteria of classification of indicators of structural distinctions and shifts. *Fundamental research*. 2012; (3-2):478–482. EDN: <https://elibrary.ru/pbapmv> (In Russ.)
20. Zhuk A.A., Potiy K.M. Family business phenomenon in the modern economic theory. *Russian Journal of Entrepreneurship*. 2017; 18(19):2891–2908. EDN: <https://elibrary.ru/zrpzox>. <https://doi.org/10.18334/rp.18.19.38321> (In Russ.)
21. Poznyakov V.P. Psychological attitudes and business activity of subjects of economic activity in conditions of different forms of property ownership. *Psychological journal*. 2000; 21(6):38–50. EDN: <https://elibrary.ru/sfvbqn> (In Russ.)
22. Dement'eva M.A., Zakharova A.V., Kirova E.A. Experience of taxation of real estate of individuals in foreign countries and its application in Russia. *Vestnik universiteta*. 2019; (1):100–107. EDN: <https://elibrary.ru/vwawtk>. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-1-100-107> (In Russ.)
23. Shashkova T.N., Kusyarbaeva L.Kh. Foreign experience of family business taxation. *Creative Economy*. 2021; 15(6):2365–2380. EDN: <https://elibrary.ru/xaimlr>. <https://doi.org/10.18334/ce.15.6.112203> (In Russ.)
24. Leaptrott J. An institutional theory view of the family business. *Family Business Review*. 2005; 18(3):215–228. <https://doi.org/10.1111/j.1741-6248.2005.00043.x> (In Eng.)
25. Loseva A.V. Topical issues of the functioning of small and medium enterprises in Russia. *Economic sciences*. 2023; (8(225)):42–48. EDN: <https://elibrary.ru/aydykx>. <https://doi.org/10.14451/1.225.42> (In Russ.)
26. Zemtsov S.P., Tsareva Yu.V. Trends in the development of the small and medium-sized enterprises sector in the context of a pandemic and crisis. In: *Monitoring the economic situation in Russia: trends and challenges of socio-economic development*. Moscow: Gaidar Institute for Economic Policy Foundation, 2020. Vol. 10(112). P. 155–166. EDN: <https://elibrary.ru/ykwjnt> (In Russ.)
27. Korchagina I.V. Assessment of small business development level in resource regions of Russia. *Ars Administrandi*. 2023; 15(1):125–152. EDN: <https://elibrary.ru/qhhkro>. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-1-125-152> (In Russ.)

The article was submitted 25.12.2024; approved after reviewing 17.01.2025; accepted for publication 14.02.2025

About the author:

Olga M. Pisareva, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor; Head of department of mathematical methods in Economics and management; Director of Information Systems Institute; SPIN: 9708-5552, Researcher ID: S-3225-2018, Scopus ID: 57200260200

The author read and approved the final version of the manuscript.

Научная статья

УДК 336.1

JEL: H60

<https://doi.org/10.18184/2079-4665.2025.16.1.153-166>

Оценка цикличности фискальной политики в странах ЕАЭС

Демидова Светлана Евгеньевна¹

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; Москва, Россия

¹ demidovapsk@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2169-4190>

Аннотация

Цель статьи – оценка цикличности фискальной политики через анализ государственного долга, бюджетных расходов и налоговых ставок по отдельным налогам для группы стран, входящих в Евразийский экономический союз.

Методы. Методологическую основу исследования составили концепция фискального пространства, системный подход, динамический анализ. Регрессионный анализ проводился методом наименьших квадратов на панельных данных. Для оценки цикличности фискальной политики фискальными переменными выбраны темпы роста бюджетных расходов и налоговые ставки, мерой экономической активности служат темпы роста реального ВВП. Применялись методы экономико-статистического анализа, научной абстракции, аналогий, научных обобщений, экспертных оценок.

Результаты работы. В странах ЕАЭС выявлено слабое влияние уровня государственного долга на экономический рост, подтверждены контрциклические бюджетных расходов и налоговых ставок в рассмотренный период, хотя большинство научных работ подтверждают проциклический характер фискальной политики в развивающихся экономиках. Исследование показало, что страны являются фискально контрциклическими по налогам на добавленную стоимость, прибыль организаций, доходы физических лиц. В представленных моделях по налогу на добавленную стоимость отмечена очень слабая контрциклическость.

Выводы. Полученные оценки в целом подтверждают вывод о контрциклическом характере фискальной политики стран ЕАЭС в оцениваемый период, в том числе по налогу на добавленную стоимость. Последний в основном характеризуется ациклическим поведением. Одной из причин такого проявления может быть характер и специфика фискального регулирования в стране. Уровень государственного долга оказывает слабое влияние на динамику экономического роста в данной группе стран по причине незначительного объема и сдержанного роста. При этом важную роль играет институциональный базис. Полученные результаты могут быть использованы как в дальнейших исследованиях вопросов фискальной политики, так и при принятии политических решений, особенно в контексте прогнозов долговременного увеличения долга и потребности в наращивании государственных расходов.

Ключевые слова: фискальная политика, фискальное пространство, бюджетные расходы, налог, контрциклическость, проциклическость, финансовый кризис

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Демидова С. Е. Оценка цикличности фискальной политики в странах ЕАЭС // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2025. Т. 16. № 1. С. 153–166

EDN: <https://elibrary.ru/tdhozn>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2025.16.1.153-166>

© Демидова С. Е., 2025

Original article

Assessment of the cyclical nature of fiscal policy in the EAEU countries

Svetlana E. Demidova¹¹ Financial University under the Government of the Russian Federation; Moscow, Russia¹ demidovapsk@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2169-4190>

Abstract

Purpose: is to assess the cyclical nature of fiscal policy through the analysis of government debt, budget expenditures and tax rates on individual taxes for a group of countries belonging to the Eurasian Economic Union.

Methods: the methodological basis of the study was the concept of fiscal space, a systematic approach, and dynamic analysis. Regression analysis was performed using the least squares method on panel data. To assess the cyclical nature of fiscal policy, the fiscal variables are the growth rates of government spending and tax rates, the growth rate of real GDP serves as a measure of economic activity. The methods of economic and statistical analysis, scientific abstraction, analogies, scientific generalizations, and expert assessments were used.

Results: in the EAEU countries, a weak influence of the public debt level on economic growth has been revealed. The countercyclical nature of budget expenditures and tax rates has been confirmed over the considered time horizon, although most scientific papers confirm the procyclical nature of fiscal policy in emerging economies. The study showed that countries are fiscally countercyclical in terms of value-added tax, corporate income tax, and personal income tax. The presented models on value-added tax show a very weak countercyclical nature.

Conclusions and Relevance: the estimates obtained indicate that, in general, the conclusion regarding the countercyclical nature of fiscal policy in the EAEU countries during the period under review, including regarding value added tax, is supported. The latter is primarily characterized by an acyclic pattern. One reason for this may be the nature and specifics of fiscal regulations. The level of public debt has only a minor impact on the dynamics of economic growth in this group of countries, due to its low volume and moderate growth. At the same time, institutional factors play a significant role. The results obtained can be used both in further studies of fiscal policy issues and in making policy decisions, especially in the context of forecasts of a long-term increase in debt and the need to increase government spending.

Keywords: fiscal policy, fiscal space, budget expenditures, tax, countercyclical, procyclical, financial crisis

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Demidova S. E. Assessment of the cyclical nature of fiscal policy in the EAEU countries. *MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2025; 16(1):153–166. (In Russ.)

EDN: <https://elibrary.ru/tdhozn>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2025.16.1.153-166>

© Demidova S. E., 2025

Введение

Скорость появления внешних шоков и их воздействия на финансово-экономические процессы требует быстрого фискального ответа, своевременного и достаточного аккумулирования финансовых ресурсов. Расширение мер государственной поддержки населения и бизнеса в периоды кризисов приводит к нарастанию государственного долга вследствие принятия бюджетов с дефицитом, складывающихся из-за увеличения расходов и сокращения налоговых поступлений. Углубляет ли выбранный инструментарий фискальной политики колебания в экономике, или он направлен на сдерживание циклических флуктуаций – один из актуальных вопросов. При этом в существующей литературе отсутствует единый подход к такой оценке.

Данная проблематика может рассматриваться в контексте формирования фискального пространства как резерва источников средств для решения масштабных задач. Ввиду волатильности финансовых процессов и цикличности экономического развития фискальное пространство характеризуется разнонаправленными процессами, как расширения, так и сокращения, зависит от внешних и внутренних факторов, характера проводимых политик.

В развитие концепции фискального пространства Всемирный банк признал 5 принципов, рекомендованных для стран с низким и средним уровнем дохода: поддержание экономического роста; определение приоритетов бюджета; целевое выделение определенных доходов; повышение эффективности расходов; привлечение внешних ресурсов¹.

¹ Barroy H., Sparkles S., Dale E. Assessing fiscal space for health expansion in low-and-middle income countries: a review of the evidence. Health financing working paper № 3. Geneva: World Health Organization. 2016. 41 p. URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/251904/WHO-HIS-HGF-HFWorkingPaper-16.3-eng.pdf?sequence=1> (дата обращения: 10.06.2024)

В представленной работе основное внимание уделяется оценке бюджетной, налоговой и долговой политик, цикличности государственных расходов и налоговых ставок, влиянию государственного долга на экономический рост в странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС) за период 2000–2022 гг.

Предложенная в исследовании регрессионная модель имеет динамический характер. Период исследования охватывает годы мирового финансового кризиса, сырьевого и эпидемиологического кризисов, а также геополитической турбулентности, обусловленной активной фазой введения санкционных ограничений и нарушением цепочек поставок и расчетов.

Контрциклическая фискальная политика в целом направлена на стабилизацию и в периоды рецессии обоснована. Однако в периоды «шоковых сценариев» ее воздействие недостаточно изучено, но предполагается наличие положительного влияния на формирование фискального пространства.

Гипотеза исследования основана на предположении, что уровень государственного долга оказывает влияние на экономическую динамику, цикличность которой может быть скорректирована фискальной политикой в области расходов и налоговых ставок.

Цель исследования – оценить цикличность фискальной политики в странах ЕАЭС в период 2000–2022 гг. через анализ изменений объемов бюджетных расходов, уровня налоговых ставок с учетом влияния уровня государственного долга на рост экономики.

Полученные результаты могут быть использованы как в развитии методологии цикличности фискальной политики, эффективного управления государственными финансами и устойчивого роста, так и при выработке решений по применению и донстройке инструментария фискальной политики в различные периоды экономического цикла, во избежание негативного влияния на темпы экономического роста.

Обзор литературы и исследований

В последние десятилетия неопределенность в отношении фискальной политики возросла, и политический дискурс все больше склоняется к увеличению государственных расходов. Бюджетные потребности нарастают в связи с демографиче-

скими проблемами, эпидемиями, климатической повесткой, решением вопросов обеспечения национальной безопасности и другими факторами. Вместе с тем, увеличивается и долговой навес.

Взаимосвязь между государственным долгом и экономическим ростом является нелинейной и характеризуется неоднородностью между странами; она может меняться во времени [1–3]. В исследованиях обнаруживается, что порог долга различается в разных странах и зависит главным образом от баланса текущего счета, валовых сбережений, степени открытости экономики, которая оценивается через объем экспортно-импортных операций [4]. В зависимости от макроэкономических, финансовых и институциональных переменных влияние государственного долга на экономический рост может варьироваться по странам с учетом их особенностей [5]. Другие исследования показывают, что взаимосвязь между государственным долгом и экономическим ростом эмпирически как подтверждается [6, 7], так и не подтверждается, при этом уровень долга не является определяющим [8]. Однако в долгосрочной перспективе слабый экономический рост приводит к увеличению уровня государственного долга за счет увеличения реальной процентной ставки [8].

Таким образом, влияние государственного долга на экономический рост и устойчивое развитие требует системных исследований в условиях неопределенности. Важнейшим фактором устойчивости является фискальное пространство как резерв для проведения контрциклической политики [9], направленной на смягчение бизнес-циклов [10].

Проводимые исследования доказывают, что оценки фискального пространства получают все большее признание при выборе инструментария реагирования на финансовые и иные кризисы, которые приводят к социально-экономическим дисбалансам. Между тем, единого подхода к определению фискального пространства не выработано.

Основоположником концепции принято считать экономиста Питера Хеллера². Некоторые авторы определяют фискальное пространство как пространство правительства для «маневрирования» в создании и распределении ресурсов либо путем повышения расходов, либо путем снижения налоговой нагрузки с сохранением финансовой устойчивости³ [11, 12]. Другие авторы определяют фискальное пространство во взаимосвязи с различными показателями долга. Например,

² Heller P.S. Understanding fiscal space. IMF Policy Discussion Paper. Washington, DC.: International Monetary Fund 2005. 19 p. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/pdp/2005/pdp04.pdf> (дата обращения: 10.06.2024)

³ Romer C.D., Romer D.H. Fiscal space and the aftermath of financial crises: how it matters and why // In: Brookings papers on economic activity. Brookings Institution Press, 2019. P. 239–313. <https://doi.org/10.1353/eca.2019.0003>

через текущие и расчетные коэффициенты долга, определяя последние как порог платежеспособности [13]; через оценку государственного долга (запас) и дефицита (поток) относительно фактической налоговой базы [14]. Исследования документально подтверждают значимость не только государственного, но и частного долга [15]. Таким образом, уровень государственного долга играет одну из центральных ролей в оценке фискального пространства.

При выявлении фискальной проциклическости, которая может быть обусловлена рядом негативно влияющих на экономический рост факторов, усиливается риск уязвимости к внешним шокам на национальном уровне. Среди таких факторов выделяют социальную поляризацию, измеряемую разрывом в доходах и образовании. Чем глубже неравенство по доходам, тем более низкая налоговая база фиксируется в исследованиях наряду со сжатым фискальным пространством, параллельно нарастают суверенные спреды [16]. Нарастание суверенных спредов может быть сигналом ухудшения экономической ситуации, влияющей на способность правительства обслуживать государственный долг.

Прямое влияние на характер фискальной политики оказывают институциональные факторы. Налоговая политика в странах с лучшими институтами и финансовой интегрированностью менее проциклическа, и проводится симметрично политике расходов в течение делового цикла [17]. Развивающиеся страны с низкой налоговой базой и большим бременем государственного долга имеют ограниченное фискальное пространство. Следствием ограничения является выбор между политикой снижения налогового бремени или увеличения государственных расходов [10]. В периоды рецессии оба решения приводят к росту процентных ставок по государственному долгу и его обслуживанию. Учитывая прогнозы по росту долга до конца десятилетия (100% ВВП к 2030 г.)⁴, эти вопросы становятся особенно актуальными в настоящее время, в том числе для России.

Странам со значительным объемом задолженности для расширения фискального пространства необходимо проводить контрциклическую политику в благоприятные социально-экономические периоды, обеспечивая погашение большего объема долговых обязательств и формируя фискальный задел для принятия необходимых мер в периоды экономического спада и рецессии.

В развитых странах государственные расходы в разные периоды обычно показывали характер

ациклический или контрциклический [17, 18]. Проциклический характер бюджетно-налоговой политики был подтвержден во многих развивающихся странах большинством исследователей, в том числе и для группы стран, богатых нефтяными ресурсами [19, 20]. При этом ряд научных публикаций показывает, что развивающиеся страны и страны с формирующимися рынками в последние десятилетия проводят более ответственную бюджетную политику, вектор которой меняется в сторону контрциклических решений [3]. Страны с высоким уровнем дохода, напротив, склоняются к проциклическому поведению [21].

Отечественные исследования показывают, что проведение контрциклической политики в кризисные периоды и сохранение контроля над долговыми рисками характеризуют бюджетную политику как ответственную, отмечая необходимость формирования пространства для маневрирования [22]. Продуктивное влияние государственных расходов на экономический рост возможно в определенных пределах [23] при условии повышения их эффективности [24]. Оценка мультипликативного воздействия налогов и бюджетных расходов на экономический рост на российских данных за 2004–2021 гг. показала наличие положительного эффекта в кратко- и среднесрочной перспективе при наращивании социальных расходов и расходов на национальную экономику [25]. Однако авторы отмечают, что в период после 2021 г. влияние факторов может быть обратным и привести к снижению ВВП более чем на 1%, вследствие смещения расходов в непроизводительные направления. В разработке эффективной фискальной политики важную роль играют бюджетные правила как элемент институционального базиса фискального пространства. Их роль значительно возросла после мирового финансового кризиса, заложив основу для правил «второго поколения» с фокусом на долговую устойчивость, контрциклические инструменты и достижение положительной экономической динамики [26, 27]. Исследование каналов влияния фискальной политики в постпандемийный период показало, что наличие фискального пространства дает возможность своевременно запустить бюджетный импульс с сохранением сдержанной заемной политики [28].

Но, несмотря на то, что значительное количество зарубежных и отечественных работ посвящено оценкам циклической чувствительности налогово-бюджетной политики и влиянию объемов государственного долга на экономику развитых и развивающихся стран, как по группам, так и по отдельным странам результаты остаются противоречивыми

⁴Putting a Lid on Public Debt // International Monetary Fund (IMF). Fiscal monitor. October 2024. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/FM/Issues/2024/10/23/fiscal-monitor-october-2024> (дата обращения: 13.11.2024)

[29]. Таким образом, проведенные ранее исследования не отражают абсолютного единства в оценке влияния фискальной политики на цикличность, хотя в отдельных случаях получены общие выводы.

Используя апробированные подходы, в настоящей работе оценена цикличность государственных расходов и налоговых ставок по отдельным налогам. Преимуществом исследования является учет данных за 20-летний период, когда большинство стран мира столкнулись с глобальными финансовыми, эпидемиологическими, геополитическими и другими системными вызовами.

Материалы и методы

Для анализа бюджетно-налоговой политики были выбраны страны ЕАЭС: Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россия. Наблюдения осуществлялись за период с 2000 по 2022 гг. Источниками данных послужили национальные счета Всемирного банка, Международного валютного фонда, аналитические ресурсы Tax Policy Center, Tax Foundation, Trading Economics, Statista, Евразийской экономической комиссии, Евразийского банка развития, официальные сайты национальных финансовых органов власти.

На первом этапе проводился анализ влияния государственного долга на экономический рост. Зависимая переменная представлена темпами роста реального валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения ($GDPC$). Ключевой объясняющей переменной является государственный долг, измеряемый валовым долгом сектора государственного управления как процентом от ВВП ($GDBT$). Контрольными переменными, позволяющими подчеркнуть влияние других факторов, определяющих экономический рост, были выбраны бюджетный баланс (BAL), измеряемый в процентах ВВП, инфляция (INF), экспортно-импортные операции ($GEXP$), измеряемые в процентах ВВП.

Регрессионный анализ панельных данных выполнен методом наименьших квадратов (МНК), использовано 110 наблюдений для 5-ти пространственных объектов, длина временного ряда составляет 22 года. Уравнение для вычисления логарифмированной зависимой переменной l_GDPC имеет следующий вид:

$$l_{GDPC_t} = A_0 + A_1 X_{rt} + \delta_t, \quad (1)$$

где t – год; l_{GDPC_t} – логарифмированный темп роста реального валового внутреннего продукта на душу населения; X_{rt} – независимые переменные; δ_t – случайная ошибка измерения.

На втором этапе оценивалась цикличность фискальной политики. Для учета различий в индиви-

дуальных средних значениях, связанных со спецификой политики страны, был сформирован набор панельных данных, анализ которых проводился с использованием динамической регрессионной модели. Для повышения статистической надежности данные были прологарифмированы:

$$l_{Fisc_t} = \beta_0 + \beta_1 l_{GDPC_t} + \varepsilon_t, \quad (2)$$

где t – год; $Fisc_t$ – темп роста государственных расходов либо налоговая ставка; $GDPC_t$ – темп роста валового внутреннего продукта на душу населения; ε_t – случайная ошибка измерения.

Для государственных расходов расчетный показатель β_1 является мерой цикличности политики расходов. Интерпретация показателя государственных расходов (GR): положительный и статистически значимый коэффициент отражает процикличность бюджета; отрицательный и статистически значимый коэффициент отражает контрцикличность бюджета; статистически незначимый коэффициент отражает ацикличность бюджета. Интерпретации знаков коэффициентов цикличности налоговых ставок по налогу на добавленную стоимость (VAT), подоходному налогу (PIT), налогу на прибыль организаций (CIT) противоположны оценкам политики расходов [12].

Перечень используемых сокращений: $GDBT$ – валовой долг сектора государственного управления, процент ВВП; $GDPC$ – темпы роста реального ВВП на душу населения, процент; $GEXP$ – экспортно-импортные операции, процент ВВП; BAL – бюджетный баланс, процент ВВП; INF – уровень инфляции, процент; GR – государственные расходы, процент; VAT – ставка налога на добавленную стоимость, процент; PIT – ставка подоходного налога, процент; CIT – ставка налога на прибыль организаций, процент.

Результаты исследования

Государственный долг является инструментом реализации фискальной политики, роль которого разнонаправлена. Государственный долг может выступать акселератором экономического роста либо, напротив, препятствовать росту, что определяется размером, структурой долга, а также целями использования заимствований. В государствах ЕАЭС государственный долг находится на приемлемом уровне относительно показателей других групп стран (рис. 1).

В периоды кризисов (финансового, сырьевого, эпидемиологического – пандемии, геополитического) отмечается увеличение государственного долга. По состоянию на 1 января 2024 г. государственный долг год к году в эквиваленте национальной валюты в Армении, Казахстане, Киргизии, России вырос на 14,6%, 7,3%, 17,1% и 12,2% соответственно; в долларовом эквиваленте государ-

Примечание: страны EDA – страны с формирующимся рынком и развивающиеся страны Азии; страны EDE – страны с формирующимся рынком и развивающиеся страны Европы; страны EMDE – страны с формирующимся рынком и развивающиеся экономики.

Разработано автором по материалам: General government gross debt. Percent of GDP // International Monetary Fund. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/GGXWDG_NGDP@WEO/BLR/KAZ/KGZ/ARM/RUS (дата обращения: 10.06.2024)

Рис. 1. Валовой государственный долг с прогнозом (в процентах от ВВП)

Developed by the author based on the materials: General government gross debt. Percent of GDP. International Monetary Fund. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/GGXWDG_NGDP@WEO/BLR/KAZ/KGZ/ARM/RUS (accessed 10.06.2024) (In Eng.)

Fig. 1. Gross public debt with forecast (as a percentage of GDP)

ственный долг вырос в Армении и Киргизии почти на 0,9% и 3,9% соответственно, при этом сократился в Казахстане и России на 8,3% и 1,6% соответственно⁵. По Беларуси в макроэкономическом обзоре ЕАБР представлены данные только по состоянию на 01.07.2023 г.: государственный долг страны составил 50,3% ВВП⁶, показав рост в эквивалентном выражении на 13,2 процентных пункта по сравнению с 01.07.2022 г.⁷ В структуре долга больший объем внешнего государственного долга наблюдается в Армении, Беларуси и Киргизии; Казахстан и Россия ориентированы на внутренний рынок заимствований. Россия к окончанию рассмотренного периода сохраняла уровень долга в диапазоне 15% ВВП, что соответствует среднему значению за последнее десятилетие, немного его превышая. Возможности использования данного инструмента в России ограничены растущими расходами на его обслуживание, доля которых со-

ставляет: 3,6% – в 2019 г., 6,5% – в 2024 г., прогноз на 2026 г. – около 9,7%⁸.

Однако убедительных доказательств влияния государственного долга на экономический рост обнаружено не было, что подтверждает выводы ранее проведенных исследований, например, [30]. Коэффициент корреляции темпов экономического роста и государственного долга равен -0,24096262, двухстороннее р-значение 0,0187 (число наблюдений 95). Отрицательный показатель указывает на предпосылки к обратной взаимосвязи показателей. Возможно, при большем временном диапазоне связь между показателями могла бы оказаться более сильной, но ограниченность доступности данных по отдельным странам выбранной группы не позволила провести расчеты. Полученные результаты относительно зависимой переменной и ключевой объ-

⁵ Об исполнении бюджетов и государственном долге. Январь – декабрь 2023 года // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/commission/departments/dep_stat/union_stat/current_stat/public_finance/express/express_budget_4Q2023.pdf (дата обращения: 30.11.2024)

⁶ Макроэкономический обзор ЕАБР. Октябрь 2024 // Евразийский Банк Развития. 34 с. URL: https://eabr.org/upload/iblock/bc9/EDB_Review_2024_10.pdf (дата обращения: 30.11.2024).

⁷ Макроэкономический обзор ЕАБР. Март 2023 // Евразийский Банк Развития. 30 с. URL: https://eabr.org/upload/iblock/7e0/EDB_2023_Monthly-Macroreview_March.pdf (дата обращения: 30.11.2024)

⁸ Антон Силуанов: Дополнительные деньги бюджету нужны // Минфин России. 11 апреля 2024. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center?id_4=38952 (дата обращения: 10.06.2024)

ясняющей переменной обусловили расширение набора контрольных переменных для оценки

влияния других факторов, определяющих экономический рост (табл. 1).

Таблица 1

Коэффициенты корреляции

Table 1

Correlation coefficients

GDPC	GDBT	INF	BAL	GEXP	
1,0000	-0,2279	0,0348	0,2318	0,0963	GDPC
	1,0000	-0,2173	-0,3512	0,3348	GDBT
		1,0000	-0,0022	0,3687	INF
			1,0000	-0,2341	BAL
				1,0000	GEXP

Рассчитано автором.

Calculated by the author.

Рассмотренные переменные в выбранном временном интервале не оказывают статистически значимого сильного влияния на динамику экономического роста. Между тем, выявлена умеренная отрицательная взаимосвязь между параметрами сбалансированности бюджета и государственным

долгом (-0,3512); умеренная положительная взаимосвязь между экспортно-импортными операциями и государственным долгом (0,3348) и инфляцией (0,3687).

Результаты регрессионного анализа методом обычного МНК представлены в табл. 2.

Таблица 2

Регрессионный анализ для зависимой переменной I_GDPC (модель обычного МНК, модель с фиксированными эффектами)

Table 2

Regression analysis for the dependent variable I_GDPC (the conventional OLS model, the model with fixed effects)

Параметр	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	p-значение	Логарифмическое правдоподобие	AIC	BIC
модель обычного МНК							
const	4,4499	0,0717	62,03	4,04e-07 ***	182,1263	-354,2526	-340,7502
GDBT	-0,0006	0,0002	-2,637	0,0577 *			
INF	-0,0009	0,0003	-2,604	0,0598 *			
BAL	0,0028	0,0007	3,912	0,0174 **			
GEXP	0,0005	0,0001	4,073	0,0152 **			
модель с фиксированными эффектами							
const	4,5859	0,1005	45,61	1,38e-06 ***	204,0427	-390,0854	-365,7810
GDBT	-0,0007	0,0002	-4,183	0,0139 **			
INF	-0,0020	0,0004	-4,756	0,0089 ***			
BAL	0,0026	0,0007	3,582	0,0231 **			
GEXP	0,0005	4,4969e-05	11,38	0,0003 ***			

Примечание: *, **, *** – стандартные ошибки, указывают значимость на уровне 10, 5 и 1 процента соответственно; AIC критерий Акаике; BIC – критерий Шварца.

Рассчитано автором.

Calculated by the author.

Исходя из представленных данных можно заключить, что совокупность регрессоров объясняет около 14% вариации реального экономического

роста для группы стран, исправленный R-квадрат немного ниже, что говорит о том, что добавление регрессоров незначительно улучшает модель. Ко-

эffiциент при переменной GDBT значим на уровне 10% и имеет отрицательное значение, что говорит о разнонаправленном влиянии на показатель экономического роста. Также обратная зависимость подтверждена для INF: регрессор значим на уровне 10%. Положительной зависимостью характеризуются показатели BAL и GEXP: у обоих статистическая значимость фиксируется на уровне 5%. Статистика Дарбина-Уотсона (2,01403) говорит о том, что остатки модели, вероятно, не демонстрируют значительной автокорреляции; тест Вулиджа также подтвердил отсутствие автокорреляции остатков, что может оцениваться положительно при принятии решения о корректности модели.

Однако анализ панельных данных не учитывает в полном объеме особенности отдельных стран. В связи с этим возникает необходимость оценки регрессии с фиксированными эффектами для выбора наилучшего подхода.

Результаты анализа с использованием модели с фиксированными эффектами также представлены в табл. 2.

В модели с фиксированными эффектами совокупность регрессоров объясняет около 42% вариации реального экономического роста для группы

стран. Коэффициент при переменной GDBT значим на уровне 5% и имеет отрицательное значение, что подтверждает полученные результаты с использованием модели обычного МНК. Нулевая гипотеза о наличии в группах общих констант (все индивидуальные эффекты равны друг другу) отклоняется, р-значение равно 3,20661e-08. Таким образом, индивидуальные эффекты стран следует учитывать при анализе. Модель с фиксированными эффектами является более состоятельной, имеются значимые регрессоры, влияющие на зависимую переменную I_GDPC . Вывод подтверждается оценками качества моделей по логарифмическому правдоподобию (чем выше показатель, тем лучше модель), по критериям Акаике и Шварца (чем меньше показатель, тем лучше модель).

Значение статистики Дарбина-Уотсона (1,723412) близко к 2, что указывает на незначительную положительную автокорреляцию. Остатки модели не имеют сильной зависимости друг от друга, что можно считать положительным признаком.

Диагностика коллинеарности Белсли-Ку-Велша показала возможную сильную зависимость между регрессорами. Был проведен тест методом инфляционных факторов – VIF-тест (табл. 3).

Таблица 3

Тест на коллинеарность методом инфляционных факторов (VIF)

Table 3

Collinearity Test using Variance Inflation Factors (VIF)

	GDBT	INF	BAL	GEXP
R-квадрат	0,347259	0,276853	0,175850	0,365338
VIF-тест	1,200340	1,165646	1,044683	1,212101

Рассчитано автором.

Calculated by the author.

Результаты теста на коллинеарность между переменными не выявили необходимости коррекции регрессоров, все значения VIF находятся в безопасном диапазоне.

В соответствии с результатами теста Вальда выявляется наличие гетероскедастичности, дисперсия ошибок не является постоянной. Для учета гетероскедастичности стандартные ошибки можно скорректировать с использованием метода Уайта, что и было предпринято при построении модели. Данный метод позволяет точнее оценить значимость коэффициентов и улучшить интерпретацию результатов.

Оценка групповой регрессии в модели со случайными эффектами затруднена, возможно, из-за проблем с недостатком данных или сложностью интерпретации. Таким образом, результаты ана-

лиза показывают, что модель с фиксированными эффектами является статистически значимой и выбранные регрессоры оказывают влияние на зависимую переменную I_GDPC .

Итоговая модель влияния государственного долга на экономический рост имеет вид:

$$I_GDPC_{it} = 4,58586 - 0,000658 * GDBT_{it} - 0,002043 * INF_{it} + 0,00262 * BAL_{it} + 0,00051 * GEXP_{it}. \quad (3)$$

Коэффициент при показателе государственного долга имеет отрицательное значение, что подтверждает полученные результаты с использованием модели обычного МНК. Тесты указывают на наличие гетероскедастичности, что требует дальнейшего анализа и возможной корректировки

модели с учетом новых данных. Отсутствие автокорреляции позволяет считать результаты более надежными.

Фискальное поведение государственных расходов по панельным данным 5-ти государств ЕАЭС в анализируемом периоде представлено в табл. 4.

Таблица 4

Регрессионный анализ влияния изменения реального ВВП на зависимую переменную $Fisc_t$ (модель обычного МНК)

Table 4

Regression analysis of the effect of changes in real GDP on the dependent variable $Fisc_t$ (model OLS)

Зависимая переменная $Fisc_t$ (I_GR)				
Показатель	Коэффициент β	Стандартная ошибка	t-статистика	p-значение
const	7,92829	1,11842	7,089	0,0021***
I_GDPC	-0,715255	0,24278	-2,825	0,0421**
Статистика регрессии				
R-квадрат	Исправленный R-квадрат	Сумма квадратов остатков	Стандартная ошибка модели	Количество наблюдений
0,138912	0,130939	0,862550	0,089368	110
Зависимая переменная $Fisc_t$ (I_VAT)				
Показатель	Коэффициент β	Стандартная ошибка	t-статистика	p-значение
const	-5,65746	1,88234	-3,006	0,0033***
I_GDPC	0,834814	0,40525	2,060	0,0418**
Статистика регрессии				
R-квадрат	Исправленный R-квадрат	Сумма квадратов остатков	Стандартная ошибка модели	Количество наблюдений
0,037807	0,028898	4,824232	0,211350	110
Зависимая переменная $Fisc_t$ (I_PIT)				
Показатель	Коэффициент β	Стандартная ошибка	t-статистика	p-значение
const	-18,4078	5,34610	-3,443	0,0262**
I_GDPC	3,56445	1,15976	3,073	0,0372**
Статистика регрессии				
R-квадрат	Исправленный R-квадрат	Сумма квадратов остатков	Стандартная ошибка модели	Количество наблюдений
0,161792	0,154031	17,90342	0,407152	110
Зависимая переменная $Fisc_t$ (I_CIT)				
Показатель	Коэффициент β	Стандартная ошибка	t-статистика	p-значение
const	-10,1513	2,13611	-4,752	0,0090***
I_GDPC	1,82942	0,46263	3,954	0,0168**
Статистика регрессии				
R-квадрат	Исправленный R-квадрат	Сумма квадратов остатков	Стандартная ошибка модели	Количество наблюдений
0,082949	0,074458	10,06385	0,305260	110

Примечание: *, **, *** – стандартные ошибки, указывают значимость на уровне 10, 5 и 1 процента соответственно.

Рассчитано автором.

Calculated by the author.

Представленные данные показывают следующие результаты модели регрессионного анализа для зависимой переменной I_GR (см. табл. 4).

Прирост реального ВВП объясняют около 14% вариации государственных расходов как зависимой переменной. Некоторое снижение исправленного

R-квадрат указывает, что добавление I_GDPC незначительно улучшает модель, при этом модель в целом значима.

Прирост реального ВВП объясняют менее 4% вариации ставки налога на добавленную стоимость, что указывает на наличие слабой связи. Исправ-

ленный R-квадрат также указывает на то, что добавление I_VAT незначительно улучшает модель. Модель в целом значима, но объясняет очень малую долю вариации.

Прирост реального ВВП объясняют около 16% ставки налога на доходы физических лиц, что является лучшим результатом среди всех моделей. Исправленный R-квадрат снижается, но указывает на приемлемую модель. Модель в целом значима.

Прирост реального ВВП объясняют около 8% ставки налога на прибыль организаций. Исправленный R-квадрат низкий и указывает на недостаточную объяснительную силу модели.

Основной вывод заключается в том, что в большинстве моделей константа и переменная I_GDPC статистически значимы, что свидетельствует об их влиянии на зависимые переменные. Модели имеют разные уровни объяснительной силы: модель для $Fisc_t(I_PIT)$ показывает наилучшие результаты, в то время как модели для $Fisc_t(I_VAT)$ и $Fisc_t(I_CIT)$ имеют низкие значения R-квадрат. Несмотря на статистическую значимость, низкие значения R-квадрат в большинстве случаев указывают, что другие факторы могут объяснять вариацию зависимых переменных, и модели могут быть улучшены за счет добавления дополнительных предикторов.

Потенциально можно допустить погрешность в панельных оценках, обусловленную эндогенностью. Кроме того, страновая выборка и временные периоды оказывают влияние на полученные результаты.

Выводы

Факторами возможного замедления экономического роста (I_GDPC) в странах ЕАЭС являются рост государственного долга (GDBT) и инфляционные процессы (INF). Бюджетный баланс (BAL) и экспортно-импортные потоки (GEXP) положительно влияют на экономический рост. Однако при анализе необходимо учитывать индивидуальные эффекты и особенности фискальной политики в каждой конкретной стране.

Фискальное поведение государственных расходов (получен отрицательный и статистически значимый коэффициент) отражает контрциклический характер бюджетной политики. Это дополняет результаты ранее проведенных исследований, показавших процикличность фискальной политики отдельных стран. Основной вывод заключается в возрастании процикличности фискальной политики по группам стран в зависимости от уровня дохода: чем выше уровень дохода в стране, тем менее проциклическа фискальная политика.

Контроль динамики государственных расходов (GR) является одним из аспектов разумной налого-

во-бюджетной политики и может помочь избежать проциклического влияния применяемых фискальных инструментов на экономическую активность и способствовать соблюдению бюджетных правил. Активная контрциклическая политика дополняет автоматические стабилизаторы при принятии решений об изменении объемов дискреционных расходов. Фискальная контрциклическость обусловлена характером и особенностями проводимой налоговой политики. Получены значимые положительные значения коэффициентов для налоговых ставок (VAT, PIT, CIT), хотя отдельные исследования показывали их ацикличность.

Более глубокого исследования требует анализ политики в отношении налога на добавленную стоимость (VAT). Во-первых, налог является одним из системообразующих налогов в странах ЕАЭС, во-вторых, имеются данные о различном характере сопряженности с экономическим циклом. Прочие виды налогов различаются по странам: для Армении вторым по значимости является подоходный налог, для Казахстана и России – налог на прибыль.

Гипотеза исследования, основанная на предположении о циклическом характере государственных расходов и налоговых ставок, в целом подтверждается представленными выводами. Однако необходимо учитывать фискальные особенности отдельных стран, в первую очередь, в отношении налога на добавленную стоимость и других налоговых инструментов.

Вопрос о влиянии параметров государственного долга на экономический рост в анализируемой группе стран не получил достаточных доказательств, что подтверждает выводы ранее проведенных исследований на других группах стран и в иные периоды.

Формирование фискального пространства за счет управления бюджетным балансом, уровнем расходов, в том числе расходов на обслуживание долговых обязательств и доходов бюджета, обеспечивает возможности для проведения контрциклической бюджетной политики. Совокупность бюджетных правил является актуальным предметом исследования воздействия на циклическое поведение налогово-бюджетной политики в периоды экономического роста и спада, поскольку позволяет формировать резервы фискального пространства, как необходимое условие обеспечения устойчивости финансовой системы.

Бюджетное правило по государственному долгу может быть донстроено в части повышения порога долга до обоснованного уровня при ограничении уровня расходов на его обслуживание, которые стали одной из самых быстрорастущих статей расходов бюджета во многих странах.

Учитывая тенденцию к повышению налоговых ставок (прежде всего в России) и развитию налоговых инструментов (например, введение глобального минимального налога (GloBE), использование windfall tax), в рамках реализации контрциклической политики целесообразно рассмотреть возможность донастройки бюджетного правила по

расходам. Бюджетное правило по расходам может включать не только пороговые ограничения по нефтегазовым доходам, но и по ненефтегазовым доходам. Это особенно актуально в периоды динамичного роста экономики и позволит сформировать резерв для реализации масштабных инвестиционных проектов.

Список источников

1. *Ibanez Martin M.M., Rojas M.L., Dabus C.* Debt, economic growth and threshold effects: evidence from developing countries // *Economía*. 2024. Vol. 25. Iss. 1. P. 92–108. EDN: <https://elibrary.ru/bdglloi>. <https://doi.org/10.1108/ECON-08-2023-0131>
2. *Rexhepi G., Zeqiraj V.* The threshold effect of public debt on economic growth: The case of the new European Union member states // *Journal of Governance and Regulation*. 2023. Vol. 12. Iss. 2. P. 194–199. <https://doi.org/10.22495/jgrv12i2art18>
3. *Asteriou D., Pilbeam K., Pratiwi C.E.* Public debt and economic growth: panel data evidence for Asian countries // *Journal of Economics and Finance*. 2021. Vol. 45. P. 270–287. <https://doi.org/10.1007/s12197-020-09515-7>
4. *Liu Zh., Lyu J.* Public debt and economic growth: threshold effect and its influence factors // *Applied Economics Letters*. 2021. Vol. 28. Iss. 3. P. 208–212. <https://doi.org/10.1080/13504851.2020.1740157>
5. *Kalu F., Boniface I.* Empirical analysis of the effect of public debt on the economic growth of Nigeria // *Economics and Business Quarterly Reviews*. 2023. Vol. 6. Iss. 1. <https://10.31014/aor.1992.06.01.482>
6. *Alsamara M., Mrabet Z., Mimouni K.* The threshold effects of public debt on economic growth in MENA countries: do energy endowments matter? // *International Review of Economics and Finance*. 2024. Vol. 89. Part B. P. 458–470. <https://doi.org/10.1016/j.iref.2023.10.015>
7. *Onofrei M., Bostan I., Firtescu B.N., Roman A., Rusu V.R.* Public debt and economic growth in EU countries // *Economies*. 2022. Vol. 10. Iss. 10. P. 254. <https://doi.org/10.3390/economies10100254>
8. *Jacobs J., Ogawa K., Sterken E., Tokutsu I.* Public debt, economic growth and the real interest rate: a panel VAR approach to EU and OECD countries // *Applied Economics*. 2020. Vol. 52. Iss. 12. P. 1377–1394. <https://doi.org/10.1080/00036846.2019.1673301>
9. *Limoa W.S., Weku Ch.E.F.* Sustaining prosperity: exploring fiscal and financial sustainability in the context of dynamic fiscal policy // *Advances in Management and Financial Reporting*. 2014. Vol. 2. Iss. 2. P. 85–97. <https://doi.org/10.60079/amfr.v2i2.276>
10. *Keita K., Turcu C.* Promoting counter-cyclical fiscal policy: fiscal rules versus institutions // *Comparative economic studies*. 2023. Vol. 65. P. 736–781. <https://doi.org/10.1057/s41294-022-00197-0>
11. *Eichacker N.* A political economy of fiscal space: political structures, bond markets, and monetary accommodation of government spending potential in the Core and Periphery // *Review of Political Economy*. 2023. Vol. 36. Iss. 2. P. 546–564. <https://doi.org/10.1080/09538259.2023.2178843>
12. *Ahmad A., McManus R., Ozkan F.G.* Fiscal space and the procyclicality of fiscal policy: the case for making hay while the sun shines // *Economic Inquiry*. 2021. Vol. 59. Iss. 4. P. 1687–1701. <https://doi.org/10.1111/ecin.13008>
13. *Augustin P., Sokolovski V., Subrahmanyam M.G., Tomio D.* In sickness and in debt: the COVID-19 impact on sovereign credit risk // *Journal of Financial Economics*. 2022. Vol. 143. Iss. 3. P. 1251–1274. <https://doi.org/10.1016/j.jfineco.2021.05.009>
14. *Aizenman J., Hutchison M., Jinjark Y.* What is the risk of European sovereign debt defaults? Fiscal space, CDS spreads and market pricing of risk // *Journal of International Money and Finance*. 2013. Vol. 34. P. 37–59. <https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2012.11.011>
15. *Bernardini M., Forni L.* Private and public debt interlinkages in bad times // *Journal of International Money and Finance*. 2020. Vol. 109. P. 102239. <https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2020.102239>

16. *Anzoategui D.* Sovereign spreads and the effects of fiscal austerity // *Journal of International Economics*. 2022. Vol. 139. 103658. <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2022.103658>
17. *Végh C.A., Vuletin G.* How is tax policy conducted over the business cycle? // *American Economic Journal: Economic Policy*. 2015. Vol. 7. Iss. 3. P. 327–370. <https://doi.org/10.1257/pol.20120218>
18. *Talvi E., Végh C.A.* Tax base variability and procyclical fiscal policy in developing countries // *Journal of Development Economics*. 2005. Vol. 78. Iss. 1. P. 156–190. <https://doi.org/10.1016/j.jdevco.2004.07.002>
19. *Cicekci C., Gaygisiz E.* Procyclicality of fiscal policy in oil-rich countries: roles of resource funds and institutional quality // *Resources Policy*. 2023. Vol. 85. Part B. P. 103675. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2023.103675>
20. *Mackiewicz M.* The cyclical behavior of fiscal policy: are developing countries different, and do institutions matter? // *Technological and Economic Development of Economy*. 2023. Vol. 29. Iss. 3. P. 796–813. <https://doi.org/10.3846/tede.2023.18709>
21. *Aizenman J., Jinjark Y., Nguyen H.Th.K., Park D.* Fiscal space and government-spending and tax-rate cyclical patterns: a cross-country comparison, 1960–2016 // *Journal of Macroeconomics*. 2019. Vol. 60. P. 229–252. <https://doi.org/10.1016/j.jmacro.2019.02.006>
22. *Силуанов А.Г.* Повышение потенциала российской экономики в условиях глобальных посткризисных изменений // *Финансы*. 2021. № 6. С. 3–12. EDN: <https://elibrary.ru/tochgme>
23. *Коокуева В.В.* Роль государственных бюджетных расходов в социально-экономическом развитии России // *Финансовая жизнь*. 2020. № 2. С. 88–93. EDN: <https://elibrary.ru/cvnqss>
24. *Аландаров Р.А.* Роль бюджетных инвестиций федерального бюджета в обеспечении социально-экономического развития России в 2019–2021 годах // *Экономика. Налоги. Право*. 2019. Т. 12. № 3. С. 48–58. EDN: <https://elibrary.ru/qnyrxv>. <https://doi.org/10.26794/1999-849X2019-12-3-48-58>
25. *Соколов И.А., Матвеев Е.О.* Оценка воздействия бюджетно-налоговой политики на темпы экономического роста // *Мир новой экономики*. 2023. Т. 17. № 4. С. 65–78. EDN: <https://elibrary.ru/pcajef>. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2023-17-4-65-78>
26. *Акопян Э.Н., Карапетян Н.Н.* Как обеспечить устойчивость долга и реагировать на экономические циклы? Модернизация фискальных правил в Армении // *Финансовый журнал* 2018. № 4(44). С. 10–20. EDN: <https://elibrary.ru/xweutr>. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2018-4-10-20>
27. *Chrysanthakopoulos Ch., Tagkalakis A.* Fiscal rules and tax policy cyclicalities // *Economics Letters*. 2023. Vol. 225. P. 111035. <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2023.111035>
28. *Киселева Е.Г.* Оценка долговой устойчивости бюджетной системы регионов // *Финансы: теория и практика*. 2022. Т. 26. № 3. С. 110–128. EDN: <https://elibrary.ru/jszqay>. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2022-26-3-110-128>
29. *Hilton S.K.* Public debt and economic growth: contemporary evidence from a developing economy // *Asian Journal of Economics and Banking*. 2021. Vol. 5. Iss. 2. P. 173–193. <https://doi.org/10.1108/AJEB-11-2020-0096>
30. *Herndon Th., Ash M., Pollin R.* Does high public debt consistently stifle economic growth? A critique of Reinhart and Rogoff // *Cambridge Journal of Economics*. 2014. Vol. 38. Iss. 2. P. 257–279. <https://doi.org/10.1093/cje/bet075>

Статья поступила в редакцию 17.06.2024; одобрена после рецензирования 08.01.2025; принята к публикации 22.01.2025

Об авторе:

Демидова Светлана Евгеньевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры общественных финансов Финансового факультета; SPIN-код: 4793-3688, Scopus ID: 5720801

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. Ibanez Martin M.M., Rojas M.L., Dabus C. Debt, economic growth and threshold effects: evidence from developing countries. *EconomiA*. 2024; 25(1):92–108. <https://doi.org/10.1108/ECON-08-2023-0131> (In Eng.)
2. Rexhepi G., Zeqiraj V. The threshold effect of public debt on economic growth: The case of the new European Union member states. *Journal of Governance and Regulation*. 2023; 12(2):194–199. <https://doi.org/10.22495/jgrv12i2art18> (In Eng.)
3. Asteriou D., Pilbeam K., Pratiwi C.E. Public debt and economic growth: panel data evidence for Asian countries. *Journal of Economics and Finance*. 2021; 45:270–287. <https://doi.org/10.1007/s12197-020-09515-7> (In Eng.)
4. Liu Zh., Lyu J. Public debt and economic growth: threshold effect and its influence factors. *Applied Economics Letters*. 2021; 28(3):208–212. <https://doi.org/10.1080/13504851.2020.1740157> (In Eng.)
5. Kalu F., Boniface I. Empirical analysis of the effect of public debt on the economic growth of Nigeria. *Economics and Business Quarterly Reviews*. 2023; 6(1). <https://10.31014/aor.1992.06.01.482> (In Eng.)
6. Alsamara M., Mrabet Z., Mimouni K. The threshold effects of public debt on economic growth in MENA countries: do energy endowments matter? *International Review of economics and finance*. 2024; 89(B):458–470. <https://doi.org/10.1016/j.iref.2023.10.015> (In Eng.)
7. Onofrei M., Bostan I., Firtescu B.N., Roman A., Rusu V.R. Public debt and economic growth in EU countries. *Economies*. 2022; 10(10):254. <https://doi.org/10.3390/economies10100254> (In Eng.)
8. Jacobs J., Ogawa K., Sterken E., Tokutsu I. Public debt, economic growth and the real interest rate: a panel VAR approach to EU and OECD countries. *Applied Economics*. 2020; 52(12):1377–1394. <https://doi.org/10.1080/00036846.2019.1673301> (In Eng.)
9. Limoa W.S., Weku Ch.E.F. Sustaining prosperity: exploring fiscal and financial sustainability in the context of dynamic fiscal policy. *Advances in Management and Financial Reporting*. 2014; 2(2):85–97. <https://doi.org/10.60079/amfr.v2i2.276> (In Eng.)
10. Keita K., Turcu C. Promoting counter-cyclical fiscal policy: fiscal rules versus institutions. *Comparative economic studies*. 2023; 65:736–781. <https://doi.org/10.1057/s41294-022-00197-0> (In Eng.)
11. Eichacker N. A political economy of fiscal space: political structures, bond markets, and monetary accommodation of government spending potential in the core and periphery. *Review of political economy*. 2023; 36(2):546–564. <https://doi.org/10.1080/09538259.2023.2178843> (In Eng.)
12. Ahmad A., McManus R., Ozkan F.G. Fiscal space and the procyclicality of fiscal policy: the case for making hay while the sun shines. *Economic Inquiry*. 2021; 59(4):1687–1701. <https://doi.org/10.1111/ecin.13008> (In Eng.)
13. Augustin P., Sokolovski V., Subrahmanyam M.G., Tomio D. In sickness and in debt: The COVID-19 impact on sovereign credit risk. *Journal of Financial Economics*. 2022; 143(3):1251–1274. <https://doi.org/10.1016/j.jfineco.2021.05.009> (In Eng.)
14. Aizenman J., Hutchison M., Jinjarak Y. What is the risk of European sovereign debt defaults? Fiscal space, CDS spreads and market pricing of risk. *Journal of International Money and Finance*. 2013; 34:37–59. <https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2012.11.011> (In Eng.)
15. Bernardini M., Forni L. Private and public debt interlinkages in bad times. *Journal of International Money and Finance*. 2020; 109:102239. <https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2020.102239> (In Eng.)
16. Anzoategui D. Sovereign spreads and the effects of fiscal austerity. *Journal of International Economics*. 2022; 139:103658. <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2022.103658> (In Eng.)
17. Végh C.A., Vuletin G. How is tax policy conducted over the business cycle? *American Economic Journal: Economic Policy*. 2015; 7(3):327–370. <https://doi.org/10.1257/pol.20120218> (In Eng.)
18. Talvi E., Végh C.A. Tax base variability and procyclical fiscal policy in developing countries. *Journal of Development Economics*. 2005; 78(1):156–190. <https://doi.org/10.1016/j.jdevco.2004.07.002> (In Eng.)
19. Cicekci C., Gaygisiz E. Procyclicality of fiscal policy in oil-rich countries: roles of resource funds and institutional quality. *Resources Policy*. 2023; 85(B):103675. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2023.103675> (In Eng.)

20. Mackiewicz M. The cyclical behavior of fiscal policy: are developing countries different, and do institutions matter? *Technological and Economic Development of Economy*. 2023; 29(3):796–813. <https://doi.org/10.3846/tede.2023.18709> (In Eng.)
21. Aizenman J., Jinjarak Y., Nguyen H.Th.K, Park D. Fiscal space and government-spending and tax-rate cyclicity patterns: a cross-country comparison, 1960–2016. *Journal of Macroeconomics*. 2019; 60:229–252. <https://doi.org/10.1016/j.jmacro.2019.02.006> (In Eng.)
22. Siluanov A.G. Enhancing the potential of the Russian economy in the context of global post-crisis changes. *Finance*. 2021; (6):3–13. EDN: <https://elibrary.ru/tocgme> (In Russ.)
23. Kookueva V.V. The role of state budget expenditures in the socio-economic development of Russia. *Financial Life*. 2020; (2):88–93. EDN <https://elibrary.ru/cvnqss> (In Russ.)
24. Alandarov R.A. The role of the federal budgetary investments in ensuring the socio-economic development of Russia in 2019–2021. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*. 2019; 12(3):48–58. EDN: <https://elibrary.ru/qnypxv>. <https://doi.org/10.26794/1999-849X2019-12-3-48-58> (In Russ.)
25. Sokolov I.A., Matveev E.O. Assessing the impact of fiscal policy on economic growth rates. *The world of new economy*. 2023; 17(4):65–78. EDN: <https://elibrary.ru/pcqjef>. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2023-17-4-65-78> (In Russ.)
26. Hakobyan E.N., Karapetyan N.N. How to ensure debt sustainability and react to economic cycles? The upgrade of fiscal rules in Armenia. *Financial Journal*. 2018; (4(44)):10–20. EDN: <https://elibrary.ru/xweutr>. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2018-4-10-20> (In Russ.)
27. Chrysanthakopoulos Ch., Tagkalakis A. Fiscal rules and tax policy cyclicity. *Economics Letters*. 2023; 225:111035. <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2023.111035> (In Eng.)
28. Kiseleva E.G. Debt sustainability assessment of regional budgets. *Finance: Theory and Practice*. 2022; 26(3):110–128. EDN: <https://elibrary.ru/jszqay>. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2022-26-3-110-128> (In Russ.)
29. Hilton S.K. Public debt and economic growth: contemporary evidence from a developing economy. *Asian Journal of Economics and Banking*. 2021; 5(2):173–193. <https://doi.org/10.1108/AJEB-11-2020-0096> (In Eng.)
30. Herndon Th., Ash M., Pollin R. Does high public debt consistently stifle economic growth? A critique of Reinhart and Rogoff. *Cambridge Journal of Economics*. 2013; 38(2):257–279. <https://doi.org/10.1093/cje/bet075> (In Eng.)

The article was submitted 17.06.2024; approved after reviewing 08.01.2025; accepted for publication 22.01.2025

About the author:

Svetlana E. Demidova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Finance, Faculty of Finance; SPIN: 4793-3688, Scopus ID: 5720801

The author read and approved the final version of the manuscript.

Научная статья

УДК 339.972; 339.984

JEL: F21, F52, G18

<https://doi.org/10.18184/2079-4665.2025.16.1.167-182>

Регулирование прямых иностранных инвестиций для укрепления технологического суверенитета в Европейском союзе

Макарова Анна Алексеевна¹

¹ Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук; Москва, Россия

¹ a.makarova@imemo.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7699-2243>

Аннотация

Цель – оценить подход Европейского союза к укреплению технологического суверенитета с помощью инструментов регулирования политики в области прямых иностранных инвестиций (ПИИ).

Методы. В исследовании были задействованы общенаучные методы, включая анализ, синтез и сравнение. Для систематизации представления результатов использованы таблицы. В визуализации измерений применен графический метод.

Результаты работы. На основе анализа экономических, политических и организационных факторов, препятствующих обеспечению технологического суверенитета, выявлены проблемы регулирования общей политики Европейского союза в области прямых иностранных инвестиций. Проведена оценка инструментов. Показаны слабые стороны подхода ЕС к регулированию прямых инвестиций для укрепления Союзом технологического суверенитета.

Выводы. Проведенное исследование показало, что текущий подход ЕС к политике в области ПИИ и применяемые в его рамках инструменты оказывают недостаточное влияние на укрепление европейского технологического суверенитета. Для повышения эффективности в привлечении и распределении финансирования стратегически значимых проектов ЕС сосредоточен на продвижении рамочных программ. Тем не менее, ключевым барьером здесь выступает ограниченность общего бюджета. В политической повестке действия ЕС направлены на диверсификацию партнеров, но их круг ограничен соображениями национальной безопасности, что вряд ли будет способствовать фактической диверсификации. Вероятно, европейский контроль за слияниями и поглощениями сведет этот вид инвестиций к минимуму, однако строительство промышленных предприятий, инфраструктурных объектов и прочих ПИИ, способствующих как фактическому развитию принимающей страны, так и несущих выгоды инвестору, в целом приветствуется. Учитывая новые условия для ПИИ, ожидать большого количества входящих потоков инвестиций в ЕС не следует, но их польза для укрепления технологического суверенитета будет выше.

Ключевые слова: технологический суверенитет, ПИИ, ЕС, экономическая безопасность, механизм скрининга ПИИ

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Макарова А. А. Регулирование прямых иностранных инвестиций для укрепления технологического суверенитета в Европейском союзе // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2025. Т. 16. № 1. С. 167–182

EDN: <https://elibrary.ru/vblai>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2025.16.1.167-182>

© Макарова А. А., 2025

Original article

Regulating foreign direct investment to achieve technological sovereignty in the European Union

Anna A. Makarova¹¹ Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of Russian Academy of Sciences; Moscow, Russia¹ a.makarova@imemo.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7699-2243>

Abstract

Purpose: is to assess the European Union's approach to strengthening technological sovereignty through the instruments of regulation of foreign direct investment (FDI) policy.

Methods: the study involved general scientific methods, including analysis, synthesis and comparison. Tables were used to systematize the presentation of the results. A graphical method was used to visualize the measurements.

Results: based on the analysis of economic, political and organizational factors that hinder ensuring technological sovereignty, the problems of regulating the general policy of the European Union in the field of foreign direct investment are identified. An assessment of the instruments is carried out. The weaknesses of the EU approach to regulating direct investment are shown to strengthen the Union's technological sovereignty.

Conclusions and Relevance: the study found that the current EU approach to FDI policy and the instruments used within it have insufficient impact on strengthening European technological sovereignty. To be more effective in attracting and distributing funding for strategically important projects, the EU focuses on promoting framework programs. However, the key barrier here is the limited overall budget. The political agenda of the EU aims to diversify partners, but their range is limited by national security considerations, which is unlikely to contribute to actual diversification. European control over mergers and acquisitions will probably reduce this type of investment to a minimum, but the construction of industrial enterprises, infrastructure facilities and other FDI that contribute to both the actual development of the host country and bring benefits to the investor are generally welcomed. Given the new conditions for FDI, one should not expect a large number of incoming investment flows to the EU, but their benefit for strengthening technological sovereignty will be greater.

Keywords: technological sovereignty, FDI, EU, economic security, FDI screening mechanism

Conflict of Interest. The author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Makarova A. A. Regulating foreign direct investment to achieve technological sovereignty in the European Union. *MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2025; 16(1):167–182. (In Russ.)

EDN: <https://elibrary.ru/vblai>. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2025.16.1.167-182>

© Makarova A. A., 2025

Введение

Важным аспектом дискуссий по вопросам укрепления технологического суверенитета является пересмотр отношения к прямым иностранным инвестициям. За долгие годы распределения производства, особенно высокотехнических товаров, через глобальные цепочки говорить о том, что сегодня кто-либо способен в одиночку воссоздать подобного рода предприятия полного цикла или целые отрасли, не приходится. Помимо прочего, для этого нужны соответствующие финансовые ресурсы, одним из источников которых являются прямые иностранные инвестиции (ПИИ). Будучи одним из ключевых бенефициаров глобализации,

ЕС также утратил эту способность. Возникает дилемма: как, укрепляя конкурентоспособность собственного рынка в ключевых и стратегически значимых отраслях, обеспечить необходимый приток иностранных инвестиций. Этот вопрос актуален и для России, стремящейся стать одним из мировых технологических лидеров¹.

Примечательно то, что ни в одном из нормативных документов, где упоминается технологический суверенитет Европы, нет определения этой концепции или ее правовой основы. В политическом дискурсе ЕС технологический суверенитет часто взаимозаменяем со стратегической автономией [1], цифровым суверенитетом [2] и экономической

¹ Законопроект № 632206-8 «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/632206-8> (дата обращения: 03.12.2024)

безопасностью [3], и вопрос о нем поднимается, когда речь заходит о проблемах в области технологий [4], экономики (например, доступ к материалам по цепочкам создания стоимости) [5] и регулирования (например, влияние технологий на европейские ценности) [6]. В отличие от ЕС, в РФ определений «технологического суверенитета» несколько, причем они не идентичны, что также затрудняет выработку эффективной политики².

С 2017 г. политическую рамку популярности «европейского суверенитета» обеспечивал президент Франции Э. Макрон; после него призывы к повышению независимости Европы не раз озвучивал германский канцлер О. Шольц [7]. Общим знаменателем стало то, что ЕС необходимо снижать чрезмерную зависимость от третьих стран, переосмыслить либеральный подход к внешнеэкономической деятельности и задуматься об угрозах национальной безопасности, поскольку экономика (в лице внешней торговли и прямых иностранных инвестиций) стала все чаще использоваться третьими странами как инструмент внешнего давления на ЕС.

С 2018 г. этот дискурс прочно вошел в обиход Европейской комиссии (ЕК) под председательством Ж.К. Юнкера и укрепился при следующем главе – У. фон дер Ляйен. Помимо различных программ и директив, касающихся напрямую цифровых рынков и прочих стратегических секторов, для предотвращения дальнейшего ослабления европейского технологического суверенитета в 2019 г. было предложено специальное законодательство, регулирующее доступ ПИИ в критические отрасли (механизм скрининга ПИИ в ЕС)³.

Особое значение в продвижении концепции «европейского технологического суверенитета» имело влияние пандемии COVID-19, которое в очередной раз показало недостатки европейского подхода реагирования на внешние шоки [8], а также бремя энергетического кризиса [9, 10]. По итогам многолетних дебатов в июне 2023 г. была выпущена первая стратегия экономической безопасности ЕС⁴. В начале 2024 г. ЕК предложила 5 до-

полнительных инициатив⁵, 2 из которых напрямую затрагивают политику в области ПИИ, свидетельствуя о несомненной значимости формирования общего подхода ЕС к ПИИ и их влияния на экономическую безопасность, включая технологический суверенитет Европы [11], что определяет актуальность настоящего исследования.

Целью работы является оценка подхода ЕС через определение проблем, с которыми сталкивается Союз в своем понимании укрепления технологического суверенитета в части формирования общей политики в отношении ПИИ.

В задачи исследования поставлено:

- обозначить специфику подхода ЕС к роли ПИИ в концепции европейской модели технологического суверенитета;
- выявить факторы, ограничивающие эффективное формирование политики в области ПИИ;
- исходя из природы факторов (экономической, политической, организационной), раскрыть текущие недостатки подхода ЕС для целей укрепления технологического суверенитета.

Обзор литературы и исследований

В научном дискурсе стремление стран к достижению технологического суверенитета представляется спорной и неоднозначной концепцией. Не сложилось общепринятого мнения ни относительно ясности целей, ни по поводу инструментов и общееупотребимого определения, хотя как приоритет для научно-технологического развития страны и ее экономического процветания наличие определяемого существительного, то есть непосредственно суверенитета, подразумевалось всегда, по крайней мере, в реализации представлений государства о его самостоятельности [12]. Тем временем, в зарубежных исследованиях нередко встречается толкование словосочетания с позиции национальной безопасности (технологической, экономической или других ее составляющих), например, как борьба за независимость и автономию посредством индигенизации технологий [13–15]. Ввиду скорости и масштабов проникновения цифровых

²Прим. Автора: Например, в Распоряжении Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Концепция технологического развития на период до 2030 г.» и Указе Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

³Regulation (EU) 2019/452 of the European Parliament and of the Council of 19 March 2019 establishing a framework for the screening of foreign direct investments into the Union // European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2019/452/oj> (дата обращения: 05.05.2024)

⁴Joint Communication to the European Parliament, the European Council and the Council on “European Economic Security Strategy” (Document 52023JC0020) // European Union. 20.06.2023. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52023JC0020&qid=1687525961309> (дата обращения: 01.05.2024)

⁵Commission proposes new initiatives to strengthen economic security // European Union. Press release. 24.01.2024. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_24_363 (дата обращения: 03.05.2024)

технологий в социально-экономическую сферу государства технологический суверенитет также называют цифровым или информационным, поскольку цифровая трансформация ставит под вопрос автономность средств производства и действий государств, а также их способность гарантировать защиту своих стратегических интересов [16].

В некоторой степени, помимо своей давности ⁶, акцент на суверенитете как определяемом существительном нивелирует проблему множественности трактовок. С.А. Афонцев указывает, что импорт концепции суверенитета государства из теории международных отношений допускается в экономической сфере и задает рамки его базовых измерений (во внутренних делах, в международном взаимодействии и международном праве с точки зрения субъектности и равноправности) [17]. В этой системе координат во внутренних делах ЕС может ставиться проблема ограниченной субъектности наднациональных органов интеграционных объединений, поскольку, как известно, последние вторичны и действуют по волеизъявлению государств-участников. Тем самым понятие технологического суверенитета ЕС становится возможным рассматривать через призму способности Союза, наделенного странами-членами соответствующими полномочиями, независимо создавать и управлять технологиями в рамках его границ. В международном измерении в дискурс вносится проблема наличия у ЕС способности продвигать европейские инициативы на глобальный уровень. В отдельных научных изысканиях это описывается как «эффект Брюсселя», когда с помощью рыночной власти общесоюзные стандарты ЕС трансформируются сначала в зоны геоэкономического влияния, а впоследствии и в общемировые [18], претендуя на монополию регулирования, или на так называемый «регуляторный империализм» [19]. Наиболее заметен «эффект Брюсселя» в климатической дипломатии [20], защите интеллектуальной собственности, персональных данных и кибербезопасности [21, 22], но слабо проявляется в области регулирования ПИИ.

Говоря о практической возможности, важным условием для укрепления технологического суверенитета является способность субъекта привлекать достаточные объемы финансирования, одним из источников которых являются ПИИ. В этой связи речь заходит о выработке такой политики, которая позволяла бы утверждать о стремлении страны к достижению технологического суверенитета, не закрываясь от внешнего мира. В целом, с точки зрения целей политики выделяется три подхода:

протекционистский, инновационный и стратегический отраслевой [23]. С этой точки зрения наиболее радикальным является протекционистский (защитный) подход. Он подчеркивает вредность ПИИ как таковых, указывает на необходимость исключения иностранного участия посредством жесткого регулирования прямых иностранных инвестиций и торговли [24]. Напротив, сторонники инновационного подхода приветствуют присутствие иностранного капитала в стране для получения государствами синергетического эффекта от передачи технологий, стремясь развивать местные инновационные центры и стимулируя повторные вложения прибыли иностранных инвесторов в местные рынки. Таким образом, ими признается необходимость сотрудничества как способ достижения глобальной конкурентоспособности, не исключая при этом защитные меры [25]. В свою очередь, стратегический отраслевой подход предполагает правовые и нормативные ограничения или санкции против отдельных иностранных инвесторов или иностранных компаний. Это видение исходит из предпосылки, что мир вступил в новую эру системного соперничества между конкурирующими геополитическими державами, которые заметно различаются идеологическими ценностями, политическими системами и экономическими моделями [26].

Не меньшую озабоченность в научной дискуссии вызывает включение понятия технологического суверенитета в контекст европейской стратегической автономии, что часто используется в качестве субститутов и привносит дополнительную сложность в определение целей и соответствующих политических стратегий ЕС [2, 16]. Это справедливо и для вырабатываемого Союзом общего подхода к регулированию ПИИ, что не может не вызывать проблем с его реализацией.

Материалы и методы

В эмпирическую базу исследования вошли данные, представляемые статистической службой Европейского союза, Бюро экономического анализа США, а также европейскими и американскими аналитическими центрами. В наблюдении использованы опросы компаний, проводимые Европейским инвестиционным банком. Существенная часть работы посвящена анализу законодательных инициатив ЕС, включая программы развития.

Для целей исследования автором выделены три блока проблем: экономические, политические и организационные. В анализе факторов, с которыми сталкивается ЕС, формируя политику в об-

⁶ Прим. Автора: Суверенитет исторически связан с государством и его способностью действовать на своей территории (power to be able).

ласти ПИИ для достижения технологической независимости, приведены расчеты нормы доходности ПИИ по странам-членам ЕС, а также США. Даны оценки научного задела ЕС для укрепления технологической независимости, подтверждаемые сравнительным анализом количественных данных о выпуске высокорезультативных исследований в области критических технологий для ЕС, США и КНР. Приведено сопоставление регулирующих мер и их фактической реализации по странам-членам с учетом удельного веса каждой страны-члена ЕС в накопленных объемах ПИИ. Обогастило исследование графическое представление результатов.

Результаты исследования

Роль ПИИ в концепции технологического суверенитета ЕС

Технологическое отставание Евросоюза в ряде критически значимых технологий будущего велико [2]. Особенно сильно заметен отрыв европейских компаний от США и Китая в области цифровой трансформации, в частности, в ИИ, где, согласно наблюдениям WIPO, патентная активность ЕС крайне низка⁷. Признавая свою уязвимость, Союзом была поставлена нетривиальная задача – как, оставаясь «открытым» для глобализации, иметь возможность «независимо» от партнеров создавать и управлять технологиями⁸. Именно в логике одновременной открытости и защиты выстраивается европейская модель технологического суверенитета.

За компонент «открытости» в модели отвечает концепция «Открытой стратегической автономии» (ОСА). Она появилась после мирового финансового кризиса 2008 г. и постепенно эволюционировала, расширяя границы от сферы обороны и безопасности до общего рынка и ценностей. Собственно, сами европейские парламентарии используют стратегическую автономию и суверенитет как «равные и взаимозаменяемые термины»⁹. В части регулирования ПИИ ОСА предлагает снижение зависимости посредством пересмотра роли ЕС и других стран в глобальных стоимостных цепочках, а также партнерства по правилам, соответствующим ценностям Союза по климатической повестке, правам человека, справедливой конкуренции и прочим.

Компонент «защиты» также представлен в ОСА, но не так ярко выражен в части ПИИ, как, например, в «Стратегии экономической безопасности» (СЭБ), представленной летом 2023 г. Прежде всего СЭБ фокусируется на рисках, возникающих в процессе экономического взаимодействия, и содержит план действий по их минимизации. В отношении ПИИ Стратегия предполагает усовершенствование действующего механизма проверки для входящих потоков ПИИ, а также инициирует публичное обсуждение будущих мер в отношении исходящих инвестиций¹⁰.

Что касается стимулирующих действий, то ни ОСА, ни СЭБ данный вопрос прямо не рассматривают. Он остается на попечении Совета министров ЕС, Европарламента и Еврокомиссии, ведущей торговые и инвестиционные переговоры по соответствующим соглашениям с третьими странами. Хотя и здесь общая рамка мандата Еврокомиссии все больше смещается в сторону защиты европейских инвесторов и общего рынка от «нежелательных» ПИИ. Тем не менее, косвенно, через продвижение инструментов, обозначенных в СЭБ, ЕС привлекает новые партнерства. Например, участница СЭБ, «Стратегическая платформа технологий для Европы», финансируется 11-ю программами, включая Инновационный фонд, Европейский оборонный фонд, а также крупнейшую в мире многостороннюю Horizon Europe 2021–2027 – преемницу более ранних европейских рамочных программ в области НИОКР и технологического развития. На сегодня к Horizon Europe присоединились Южная Корея, Новая Зеландия и Канада в обмен на внесение согласованных взносов в фонд финансирования программы.

Вопрос источников поступления денежных средств как для отдельных европейских программ, так и в целом для укрепления технологического суверенитета является ключевым. Того требует чрезвычайно высокая инвестиционная емкость создания ноу-хау, которая, в свою очередь, нуждается в единой поддержке со стороны стран-членов. Однако возможности общего бюджета ЕС ограничены. Более того, в последние годы росло применение «мер жесткой экономии», связанных не только с COVID-19 и финансовой поддержкой Украины

⁷ Patent Landscape Report – Generative Artificial Intelligence (GenAI) // WIPO. 2024. URL: <https://www.wipo.int/web-publications/patent-landscape-report-generative-artificial-intelligence-genai/en/index.html> (дата обращения: 09.01.2025)

⁸ Chrétien J., Drouard E. European technological sovereignty // Renaissance Num rique. 2022. URL: <https://www.renaissancenumerique.org/en/publications/european-technological-sovereignty/> (дата обращения: 09.01.2025)

⁹ EU strategic autonomy 2013–2023. From concept to capacity // EU Strategic Autonomy Monitor. EPRS. July 2022. 12 p. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/733589/EPRS_BRI\(2022\)733589_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/733589/EPRS_BRI(2022)733589_EN.pdf) (дата обращения: 09.01.2025)

¹⁰ Joint Communication to the European Parliament, the European Council and the Council on “European Economic Security Strategy” (Document 52023JC0020) // European Union. 20.06.2023. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52023JC0020&qid=1687525961309> (дата обращения: 01.02.2025)

рядом стран-членов, где голоса ЕС разделились, но и в целом со слабым экономическим ростом Европы. По этим причинам регуляторы ЕС призывают к укреплению технологического суверенитета и для углубления европейской интеграции.

Таким образом, в регулировании ПИИ наднациональные органы ЕС преследуют несколько целей:

- 1) продвигать европейский подход к ПИИ через партнерские отношения с перспективой их масштабирования на глобальный уровень;
- 2) защищать общий рынок ЕС в целом и критически значимые отрасли, в особенности от иностранных инвесторов, несущих риски для технологического суверенитета Союза;
- 3) способствовать углублению евроинтеграции посредством передачи новых полномочий наднациональным органам.

Анализ факторов, препятствующих формированию общей политики ЕС в области ПИИ для укрепления технологического суверенитета

В достижении вышеизложенных целей Союз сталкивается с рядом факторов, усложняющих этот путь. Попытки нивелировать их последствия формируют нынешнюю политику ЕС.

Данные факторы можно разделить на экономические, политические и организационные (табл. 1). Последние вытекают из особенностей функционирования ЕС как интеграционного объединения с разным набором полномочий наднациональных органов и национальных правительств в тех или иных областях, что особенно актуально для интеграции в области ПИИ.

Таблица 1

Ключевые факторы, препятствующие формированию общей политики в области ПИИ для укрепления технологического суверенитета

Table 1

Key factors preventing the EU from developing a common FDI policy to strengthen technological sovereignty

Экономические	Политические	Организационные
Низкая емкость внутреннего фондового рынка и недостаток на рынке кредитования	Ограничения по принципам: - «френдшоринга» - «ниаршоринга» - «решоринга»	Ограничения «эффекта Брюсселя» в экспорте европейского подхода к ПИИ
- Высокие текущие издержки производства - Ограничения на создание особых экономических зон	Ограничения, связанные с «зеленой» повесткой в ЕС, и провалы энергетической политики	Провалы в гибком подходе к инвестиционной интеграции стран-членов

Составлено автором.

Compiled by the author.

Экономические проблемы

Поскольку методы достижения технологического суверенитета нередко приравнивают к меркантилистскому поведению [16], привлечение как можно больших объемов капиталов и надежное закрепление последних на национальных рынках является одним из факторов, обеспечивающих экономическое процветание стран.

Для ЕС привлечение частного инвестиционного капитала представляется сложной задачей, особенно на фоне ухудшения инвестиционной ситуации в Европе из-за вовлеченности Союза в конфликт в Украине. Кроме того, растущие риски сбоев в поставках и высокие цены на энергоносители вынудили компании выбрать путь сбережения и отказа от рискованных вложений. Согласно отчету Европейского

инвестиционного банка, в 2023 г. 78% опрошенных фирм ЕС отреагировало на развитие событий на энергетических рынках мерами по экономии энергии и сворачиванием ряда неосновных производств. Это вполне оправдано, поскольку цены на электроэнергию в Европейском Союзе в среднем остаются в три раза выше, чем в США. Ожидая продолжения кризиса, доля компаний ЕС, инвестирующих в энергоэффективность, выросла на 11 п.п. по сравнению с предыдущим годом и составила рекордные 51%¹¹. Резко возросла доля фирм, недовольных доступностью финансирования, с 5 до 14%, при том, что количество компаний, вынужденных тратить резервы и нуждающихся в кредитовании, высока и варьируется от 3% до 18% в зависимости от страны ЕС.

Принятое в 2022 г. решение о разрешении на субсидирование промышленности, как ответ на За-

¹¹ Screening foreign direct investments in the EU // Special report. European court of auditors, 2023. 48 p. URL: https://www.eca.europa.eu/ECAPublications/SR-2023-27/SR-2023-27_EN.pdf (дата обращения: 07.05.2024)

кон президента Дж. Байдена о снижении инфляции (IRA) и Закон о чипах и науке (CHIPS and Science Act), способствовало тому, чтобы европейские компании смогли удержать капиталы. Впервые в истории общего рынка ЕС национальные правительства стран-членов могли сопоставлять европейские субсидии с теми, что предлагаются за пределами ЕС, и уравнивать их, если существует риск того, что проект «стратегической значимости», вероятно, будет реализован в другом месте. Так, например, произошло со шведским производителем аккумуляторов для электромобилей Northvolt и его планами по строительству нового завода либо в США, либо в Германии, если последняя предоставит сопоставимый пакет помощи¹². Кроме Northvolt правительство Германии также обязалось субсидировать ПИИ от американских Intel и Tesla. В целом, в рамках текущего пакета субсидий на 2024 и 2025 гг. правительство Германии предоставило налоговые льготы на электроэнергию на сумму до 12 млрд евро в год. Также предлагается ряд изменений в налоговый кодекс для производственных предприятий. В свою очередь, Франция заявила о введении с 2024 г. двухгодичной «зеленой» налоговой льготы (C3IV) в размере 500 млн евро в год, с возможностью пролонгации программы до 2029 г., что направлено на стимулирование инвестиций в экологически чистые проекты и возрождение промышленного сектора страны.

Тем не менее, стоит подчеркнуть, что в ЕС есть общий консенсус, касающийся временного характера подобной поддержки. Помимо того, что экономический эффект программ субсидирования трудно поддается адекватной оценке соотношения выгод и потерь, их результат можно считать относительным, поскольку существует риск того, что за пределами общего рынка ЕС, особенно в США и Китае, будут предприниматься попытки поддерживать национальных производителей во все большем количестве секторов, вызывая тем самым новые волны гонки субсидий. Это особенно критично для ЕС, который не является финансовым союзом и не имеет общей налогово-бюджетной политики, в результате чего национальные программы субсидирования неравномерны и оставлены на ус-

мотрение стран-членов, что неизбежно приводит к расхождениям в объемах инвестиций из-за различных финансовых возможностей каждой страны.

Важным инструментом для привлечения ПИИ являются особые экономические зоны (ОЭЗ)¹³. Тем не менее, по правилам общего рынка типичные для большинства стран мира ОЭЗ в ЕС недопустимы. Как и субсидирование, создание ОЭЗ считается способом оказания государственной помощи промышленности, искажающим конкуренцию. Исключений из общего запрета мало, но они есть.

Во-первых, в ходе присоединения к ЕС стран Восточной Европы было разрешено сохранить уже действующие ОЭС, включая свободные экономические зоны (СЭЗ)¹⁴. Во-вторых, особые привилегии в виде налоговых льгот разрешены в наиболее проблемных районах стран, вне зависимости от давности их членства. Например, во Франции существует более 150-ти таких районов, получивших статус «проектов экономического возрождения». В-третьих, с 2017 г. ЕС ввел некоторые исключения из общего правила о недопустимости предоставления государственной помощи промышленности для ряда экспортно-обрабатывающих зон (ЭОЗ), таких как морские порты и аэропорты. Это нововведение важно в первую очередь для стран, имеющих выход к морю, но менее полезно для центральной части Европы. В частности, например, Италия создала 8 таких территорий в период с 2017 по 2019 гг. Неудивительно, что другие страны-члены выразили недовольство несправедливостью распределения льгот по географическому признаку. Своего рода протестным ответом на действия Союза стало создание в 2020 г. ряда пилотных ОЭС¹⁵ Венгрией, правительство которой воспользовалось для этого введением режима чрезвычайной ситуации из-за COVID-19.

Политические проблемы

Для ЕС инстинктивной реакцией на глобальную неопределенность и череду кризисов, вызванных украинским кейсом, торговой войной между США и Китаем, пандемией и нарушением цепочек поставок, стало приведение в действие «оборони-

¹² Northvolt secures €902m to build EV battery plant in Germany over US // Power technology. 10.01.2024. URL: <https://www.power-technology.com/news/northvolt-ev-battery-plant-germany-us/> (дата обращения: 02.05.2024)

¹³ World Investment Report 2019. Special Economic Zones // UNCTAD. 237 p. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/publications/1204/world-investment-report-2019---special-economic-zones> (дата обращения: 02.05.2024)

¹⁴ Прим. Автора: В ЕС термины «особые экономические зоны» и «свободные экономические зоны» не взаимозаменяемы, поскольку СЭЗ подчиняются Таможенному кодексу Союза. СЭЗ представляют собой закрытые зоны на таможенной территории Союза, куда товары, не относящиеся к Союзу, могут быть ввезены без уплаты импортной пошлины, других сборов (то есть налогов) и мер торговой политики. В ЕС насчитывается более 70-ти СЭЗ, причем наибольшее количество (11) находится в Хорватии.

¹⁵ Прим. Автора: Такое решение было принято из-за планов иностранных инвесторов существенно расширить свое присутствие в Венгрии, но рост издержек тормозил процесс. В частности, южнокорейский Samsung планировал вложить в строительство аккумуляторного завода в Венгрии более 1 млрд долл., а турецкая Yaris Kabin – более 17 млн долл.

тельных» механизмов путем отгораживания Союза от нежелательных экономических интервенций. В этой логике Союзом выстраивается политическая концепция европейской стратегической автономии, воплощающая идею о том, что ЕС и его государства-члены должны иметь возможность самостоятельно принимать решения, не будучи ограниченными своими отношениями с внешними игроками [1, 2, 16].

Отметим, что отгородиться полностью от глобальных рынков ЕС не стремится, и не в силах это сделать. Основная задача эффективной политики – предоставить экспортерам и импортерам максимально широкий спектр замещающих рынков, но добиться этого страны могут, оставаясь открытыми для всех мировых рынков, а не только для «доверенных». Тем не менее, сегодня наднациональные органы ЕС апеллируют к зависимости от государств, проводящих самостоятельную политику, в первую очередь от Китая и РФ, тем самым оправдывая блоковое сотрудничество со странами-партнерами («френдшоринг»), что вызывает сомнения в достижении Союзом фактической автономии.

Ключевую роль в этом сотрудничестве играет Совет по торговле и технологиям ЕС-США (ТТС), функционирующий с 2021 г. в формате встреч 10-ти рабочих групп и министерских конференций с целью выработки общих подходов. Стоит сказать, что в вопросах согласования политики в области экономической безопасности Совет имеет особое влияние на наднациональные органы ЕС. По настоянию членов Рабочих групп 7 и 8 в новую версию стратегии экономической безопасности ЕС 2024 г. было включено два соответствующих специальных раздела по экспортному контролю и скринингу ПИИ.

Пытаясь занимать взвешенную позицию в дебатах по экспортному контролю, Европейская комиссия действует в логике «мягкого» регулирования, посредством выпуска Белых книг, носящих рекомендации для внедрения национальными правительствами. Тем не менее, нельзя исключать вероятность того, что США смогут навязать свои «драконовские» правила, чтобы распространить экспортный контроль, связанный с технологиями, на транзакции между своими иностранными союзниками и Китаем. Кроме того, правовая и коммерческая среда для технологических компаний ЕС также становится все более подверженной Положениям об экспортном контроле США (EAR). Эти меры контроля налагают лицензионные требования на организации, которые находятся в «спи-

сках видов деятельности, несущих значительные риски для интересов национальной безопасности США».

При общем консенсусе ЕС-США о необходимости сдерживания Китая, практика регулирования отношений в сфере ПИИ между ЕС и Китаем скорее характеризуется маятникообразными движениями – то в сторону ужесточения риторики (например, заморозка Всеобъемлющего соглашения об инвестициях), то к балансирующим мерам, направленным на поддержание имиджа открытости глобальному рынку. Последнее определяется многолетней практикой ЕС поддержки международных институтов и их деятельности, в особенности ВТО.

ЕС не видит структурной перестройки экономики в пользу технологий следующего технологического уклада без тесного сопряжения с экологической повесткой. Однако «зеленый» переход добавляет сложности и болезненности переориентации бизнеса на высокотехнологичные рельсы.

С лета 2023 г. европейский «Зеленый курс» находится на нормативной паузе, не в последнюю очередь из-за сопротивления текущему курсу «Зеленой сделки», где ЕС взял на себя обязательство сократить выбросы CO₂ на 55% к 2030 г. Сильнее всего это проявилось на национальном уровне в Италии, Нидерландах, Франции, Германии, Испании, Польше. В результате на выборах в 10-ю легислатуру Европарламента фракция зеленых ожидало потеряла значительное количество мест (около 7% мест в 2024 г. против почти 10% в 2019 г.). На выборах текущего года в Германии поддержка зеленых упала на 10 п.п., во Франции – на 8 п.п., в Ирландии – на 5 п.п. по сравнению с предыдущими выборами, в 2019 г. Тем не менее, зеленым удалось удержать электорат и войти в число победителей в Нидерландах, Дании и Швеции¹⁶.

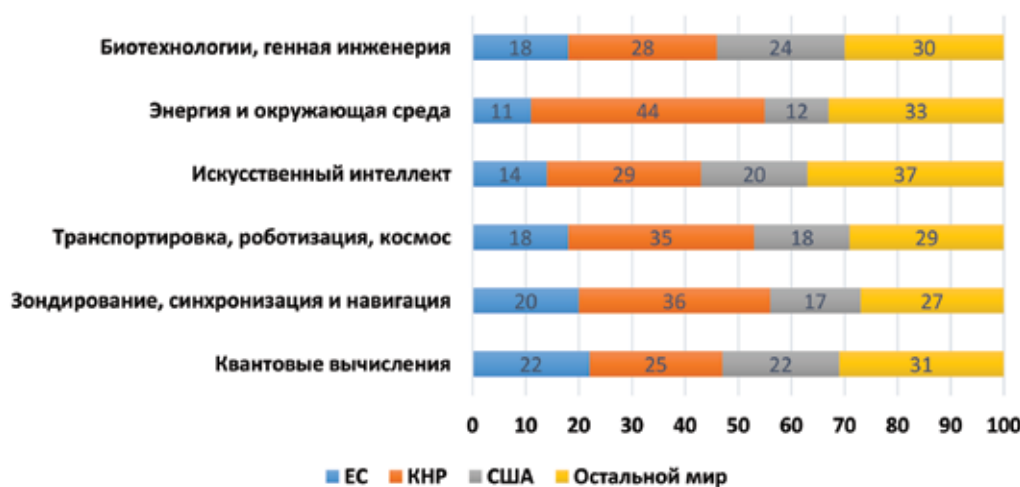
С точки зрения реформирования экономики ЕС зеленые предлагают такие варианты политики как сосредоточение усилий на том, чтобы сделать обрабатывающую промышленность климатически нейтральной или, в случае невозможности достижения зеленых целей для традиционных отраслей на территории ЕС, перенести энергоемкие производства за пределы Союза. Такой подход вызывает широкие национальные дебаты, в первую очередь в Германии – ключевом штандорте в обрабатывающей промышленности ЕС. По данным опроса Союза немецкой промышленности (BDI), с начала энергокризиса 2022 г. почти каждая десятая германская компания прерывала или сокращала выпуск продукции из-за высоких затрат

¹⁶ 2024 European election results // European Parliament. URL: <https://results.elections.europa.eu/en/index.html> (дата обращения: 14.07.2024)

на энергоресурсы¹⁷. Среди крупных потерь стоит также отметить европейский рынок алюминия, где ЕС утратил около 650 тыс. тонн мощностей первичного производства алюминия, или почти 30% от общего объема рынка¹⁸. При этом Европейский союз определяет бокситы (алюминиевую руду) как критически важный ресурс.

Негативные настроения отразились и на научных исследованиях, существенная часть которых финансируется корпорациями. По итогам 2023 г.,

доля ЕС в результатах исследований в области энергии и окружающей среды была сравнима с США, где экологическая повестка более поляризована, и значительно уступает КНР (рис. 1). Тем не менее, в целом европейский бизнес не против экологической повестки как таковой. Однако «Зеленый курс» нуждается в хорошо продуманной поддержке промышленной политики, что может быть осуществимо либо за счет повышения цен, либо за счет инвестиций¹⁹.

Источник: *Rebuilding Europe's business case, working against the clock // Competitiveness and Industry Benchmarking Report, 2024. 52 p.* URL: <https://ert.eu/wp-content/uploads/2024/03/ERT-Competitiveness-and-Industry-Benchmarking-Report-2024.pdf> (дата обращения: 13.06.2024)

Рис. 1. Доля выпущенных высокорезультативных исследований в области критических технологий, 2023, %

Source: *Rebuilding Europe's business case, working against the clock. Competitiveness and Industry Benchmarking Report, 2024. 52 p.* URL: <https://ert.eu/wp-content/uploads/2024/03/ERT-Competitiveness-and-Industry-Benchmarking-Report-2024.pdf> (accessed: 13.06.2024)

Fig. 1. Share of high impact research output in critical technologies, 2023, %

Организационные проблемы

Переходя к блоку организационных проблем, затрудняющих продвижение общей рамки ЕС в достижении технологической независимости, напомним, что Союз получил исключительную компетенцию в формировании общей политики в области ПИИ после Лиссабонской реформы, вступившей в силу в 2009 г. С тех пор нормы о поощрении и продвижении ПИИ, которые могут являться сегодня частью торговых соглашений но-

вого поколения с третьими странами (например, всеобъемлющее соглашение между ЕС и Канадой 2016 г.), хотя и подлежат переговорному мандату ЕС, требуют ратификации каждым государством-членом ЕС. С другой стороны, приобретение исключительной компетенции значительно повысило влияние наднациональных органов (в частности, Европейской комиссии) на экспорт стандартов ЕС в третьи страны, в чем, с нашей точки зрения, мог бы проявиться «эффект Брюсселя», однако этого

¹⁷ Germany faces a looming threat of deindustrialization // The Economist. 11.09.2022. URL: <https://www.economist.com/business/2022/09/11/germany-faces-a-looming-threat-of-deindustrialisation>. (дата обращения: 18.06.2024)

¹⁸ Котов А. С какой силой звонит колокол? Масштабы деиндустриализации в ЕС // РСМД. 10.07.2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/s-kakoy-siloy-zvonit-kolokol-masshtaby-deindustrializatsii-v-es/> (дата обращения: 18.07.2024)

¹⁹ Wirtschaftliche Sicherheit und Zusammenhalt in polarisierten Welten stärken // BDI. URL: <https://bdi.eu/#/artikel/news/tag-der-industrieldi-wirtschaftliche-sicherheit-zusammenhalt-in-polarisierten-welten-staerken> (дата обращения: 17.07.2024)

не происходит. Более того, с недавнего времени европейский либеральный подход к ПИИ перестал устраивать самих европейцев. Основу регулятивной повестки ЕС сегодня представляют меры защиты общего рынка от нежелательных ПИИ и нивелирование угроз для экономической безопасности Европы. Они являются адаптированными для того, чтобы быть жизнеспособными в интеграционном союзе 27-ми стран-членов, но фактически повторяют путь ближайшего союзника ЕС – США: ограничение на ввоз ПИИ в чувствительные и стратегические отрасли, чтобы избежать риска кражи технологий с внутреннего рынка, при последующем давлении на вывоз инвестиций из страны с целью недопущения утечки перспективных идей и инноваций в третьи страны.

Организационные ограничения на ввоз ПИИ в чувствительные и стратегические отрасли действуют в ЕС с осени 2020 г., после вступления в силу Регламента ЕС о создании механизма скрининга для входящих прямых иностранных инвестиций (Regulation (EU) 2019/452). Основная задача механизма – не допустить на общий рынок ЕС иностранного инвестора, деятельность которого может представлять угрозу для экономической безопасности Союза. Для этого был составлен примерный перечень секторов экономики, имеющих стратегическое значение и являющихся наиболее уязвимыми (соответственно, это все критические технологии); введено новое понятие «прямые иностранные инвестиции, подконтрольные государству не члену ЕС». С точки зрения формы Регламент предлагал межправительственные консультации с участием Европейской Комиссии, хотя в целях регулирования были заявлены пожелания национальной кодификации и гармонизации нормотворчества для создания общеевропейского режима скрининга ПИИ. Таким образом, сведения о сделках с ПИИ, прямо или косвенно подпадающих под действие Регламента, должны были: а) отслеживаться государством, принимающим такие ПИИ; б) направляться для консультации с заинтересованными странами-членами и Европейской Комиссией; в) по результатам процедуры скрининга национальные правительства принимали решение одобрить или отклонить такие ПИИ.

Стоит подчеркнуть, что процедура Регламента носит добровольный характер консультаций. Фактически ни Европейская комиссия, ни заинтересованные государства-члены не в силах посредством этих мер принудить принимающую сторону отклонить или принять ПИИ, равно как и обязать

страну-члена создать определенный национальный механизм с жесткими рамками и критериями. Формат Регламента представляется скорее стимулирующим, нежели гармонизирующим. Он разрешает, но не обязывает государства-члены вводить национальные правила, регулирующие проверку ПИИ. При этом национальные правительства имеют возможность определять объем своих рамок регулирования – например, какие инвестиции проверять, как устанавливать понятие контроля со стороны субъекта третьей страны, какие секторы следует включить в число критически важных для национальной безопасности и общественного порядка, и более того, решать, стоит ли вообще проверять потенциальных инвесторов и их планы относительно сделок.

Такой подход в целом вписывается в общую картину интеграционных процессов ЕС, когда для достижения углубленного сотрудничества в новых областях требуется прибегать к мягким стимулирующим нормам, и является примером гибкой интеграции, соответствуя одной из ее форм – «заранее определенной гибкости» (*predefined flexibility*) [27]. По этим же причинам регулирование не предполагало пороговых сроков для имплементации во внутренние законодательства. Тем не менее, статья 15(1) Регламента требует, чтобы Европейская Комиссия оценила эффективность регулирования и представила отчет Европейскому парламенту и Совету к заранее обозначенной дате – 12 октября 2023 г. (то есть не позднее, чем через 3 года после его полного внедрения). Таким образом, подразумевалось, что де-факто все страны-члены так или иначе введут национальные механизмы скрининга ПИИ в разумные сроки, позволяющие провести оценку к обозначенной дате, однако этого не случилось. Согласно данным Европейской счетной палаты (ЕСП) об эффективности применения Регламента 2019/452²⁰, к лету 2023 г. лишь 21 государство-член внедрило законодательство о скрининге входящих ПИИ, 15 – проводили консультации с ЕС. Болгария внесла такие поправки в свой Закон о поощрении инвестиций только в марте 2024 г. Хорватия учредила Национальный контактный пункт и Межведомственную комиссию, которые действуют как компетентные органы для механизма координации в соответствии с Регламентом ЕС о ПИИ, но пока не предъявляет официальных требований к подаче заявок. Кипрский парламент по сей день обсуждает законопроект о внедрении национального механизма контроля прямых иностранных инвестиций, внесенный

²⁰ Special Report 27/2023: Screening foreign direct investments in the EU – First steps taken, but significant limitations remain in addressing security and public-order risks effectively // European commission. 2023. URL: <https://www.eca.europa.eu/en/publications?ref=SR-2023-27> (дата обращения: 24.06.2024)

на рассмотрение в сентябре 2022 г.²¹ Итого, за 2020–2022 гг. 22,7% сделок по слияниям и поглощениям и 20% инвестиций «с нуля» осуществлено в государствах-членах, которые не имели полностью применимого механизма скрининга ПИИ, не проводили национальные проверки и не отправляли соответствующие уведомления заинтересованным странам-членам и Европейской Комиссии. В них же сосредоточено около 42% накопленных входящих ПИИ (табл. 2).

На общеевропейском уровне вышеперечисленные недостатки значительно отразились на эффективности регулирования. Вероятным следствием несогласованности политики на уровне ЕС стало то, что всего в 2% случаев (в 18-ти национальных уведомлений о ПИИ из 886-ти) Европейской Комиссией были усмотрены некоторые риски для безопасности и публичного порядка.

Кроме того, Регламент имеет некоторую особенность, которую можно расценивать как «пробел» с точки зрения третьей цели ЕС. В частности, ст. 2(1) определяет «Прямые иностранные инвестиции» как «инвестиции любого рода иностранного инвестора, направленные на установление или поддержание прочных и прямых связей между иностранным инвестором и предпринимателем...»²². В случае с ПИИ «с нуля» обычно такого рода связи устанавливаются между иностранным инвестором и принимающим государством. Наблюдается тенденция: на смену сделкам по слияниям и поглощениям приходят инвестиции в новые предприятия. Так, по данным Rhodium Group, доля китайских инвестиций в Европу «с нуля» выросла с 2% в 2017 г. до 78% в 2023 г.²³ Это подтверждает, что европейская модель – открытая, но принимающая страна имеет решающее значение.

Выводы

Проведенное исследование показало, что текущий подход ЕС к политике в области ПИИ и применяемые в его рамках инструменты оказывают недостаточное влияние на укрепление европейского технологического суверенитета. С точки зрения целей политики, в первую очередь ЕС необходимо достичь согласия с ключевыми партнерами – США и Китаем, с которыми инвестиционных соглашений нет. Это крайне сложная, но важная

задача для привлечения нужных инвестиций в высокотехнологичные отрасли. На сегодняшний день европейские меры, такие как разрешение на субсидирование или механизм скрининга, являются «догоняющими», ответными на действия партнеров. В США, например, подобные инструменты существуют давно и успешно применяются в одностороннем порядке.

С большой долей вероятности закон IRA США станет мощным фактором притяжения для ПИИ, хотя научных исследований, подтверждающих эффективность этой программы, на сегодня нет. Тем не менее, очевидно, что общего бюджета ЕС недостаточно для создания финансовых стимулов, сравнимых по объемам с США. Инвестиционный климат в ЕС неблагоприятный, и экономических предпосылок для его существенного улучшения в ближайшее время нет. Поэтому дополнительные налоговые льготы для привлечения ПИИ нужны, но на временной основе и при определенных требованиях к инвестору. Как показало обсуждение вопросов субсидирования – ни наднациональные органы, ни ряд стран-членов не готовы поступиться принципами общего рынка о недопущении несправедливой конкуренции и провоцировать волнения среди местных производителей.

Для повышения эффективности в привлечении и распределении финансирования стратегически значимых проектов ЕС сосредоточен на продвижении рамочных программ. Тем не менее, ключевым барьером здесь выступает ограниченность общего бюджета. Иностранные инвесторы могут присоединиться к европейским программам, но только если между страной происхождения инвестора и Еврокомиссией заключено специальное соглашение. Практика подобных партнерств развита слабо, к тому же сами инвесторы видят большие перспективы, договариваясь напрямую с принимающей страной. Ответ стран-членов на наднациональные инициативы также нельзя назвать согласованным: национальные интересы продолжают превалировать над целями ЕС. Для общеевропейского суверенитета это – ключевая уязвимость.

Учитывая недостатки и «пробелы» регулирования «сверху», вероятно, возрастет роль в стимулировании ПИИ среди национальных и частных иници-

²¹ Adamou M. The revised FDI screening bill and Cyprus' failure to comply // CBN. 19.04.24. URL: <https://www.cbn.com.cy/article/2024/4/19/770592/the-revised-fdi-screening-bill-and-cyprus-failure-to-comply/> (дата обращения: 26.07.2024)

²² Regulation (EU) 2019/452 of the European Parliament and of the Council of 19 March 2019 establishing a framework for the screening of foreign direct investments into the Union // European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2019/452/oj> (дата обращения: 10.01.2025)

²³ Chinese FDI in Europe: 2023 Update. Report // Rhodium Group. 2024. 28 p. URL: <https://rhg.com/research/chinese-fdi-in-europe-2023-update/> (дата обращения: 02.02.2025)

Таблица 2

Эффективность применения Регламента о скрининге ПИИ

Table 2

Effectiveness of the application of the FDI Screening Regulation

Уведомления согласно ст. 6(1) Регламента*, 2020–2022 гг.		Национальный режим скрининга ПИИ	Доля в накопленных входящих ПИИ в ЕС (среднее значение за 2019–2021 гг.), %
Страна-член	Количество сделок / Количество проверок, %		
Франция	193 / 21	Полностью применим**	5,8
Италия	169 / 19	Полностью применим	2,9
Испания	164 / 18,5	Полностью применим	5,1
Австрия	156 / 17,6	Полностью применим	1,3
Дания	73 / 8	Полностью применим	0,9
Германия	63 / 7	Полностью применим	6,6
Литва	24 / 2,7	Полностью применим	0,2
Финляндия	13 / 1,5	Полностью применим	0,5
Мальта	9 / 1	Полностью применим	1,4
Нидерланды	7 / 0,8	Полностью применим	28
Чехия	6 / 0,67	Полностью применим	1,2
Польша	3 / 0,34	Полностью применим	1,6
Венгрия	3 / 0,34	Полностью применим	2,0
Румыния	2 / 0,22	Полностью применим	0,7
Латвия	1 / 0,11	Полностью применим	0,1
Люксембург	0 / 0	Действует с 01.09.23	21,9
Ирландия	0 / 0	Действует с 01.09.24	8,2
Бельгия	0 / 0	Действует с 01.07.23	3,9
Кипр	0 / 0	На обсуждении***	2,9
Швеция	0 / 0	Действует с 01.12.23	2,5
Португалия	0 / 0	Полностью применим	1,1
Словакия	0 / 0	Полностью применим	0,3
Болгария	0 / 0	Действует с 12.03.24	0,4
Греция	0 / 0	На обсуждении***	0,2
Эстония	0 / 0	Действует с 1.09.23	0,2
Хорватия	0 / 0	Частично применим	0,2
Словения	0 / 0	Действует с 01.07.23	0,1
Всего	886 / 100		100

Примечания:

* статья 6(1) Регламента о ПИИ предусматривает, что государства-члены должны уведомлять Комиссию и другие государства-члены о любых ПИИ, которые проходят проверку на их территории;

** действует законодательство, создан механизм, проводились проверки ПИИ и консультации с ЕК и странами-членами;

*** создание национальных режимов проверки ПИИ включено в законодательную повестку дня на 2024 г.

Источник: Special Report 27/2023: Screening foreign direct investments in the EU – First steps taken, but significant limitations remain in addressing security and public-order risks effectively // European commission. 2023. URL: <https://www.eca.europa.eu/en/publications?ref=SR-2023-27> (дата обращения: 24.06.2024).

Source: Special Report 27/2023: Screening foreign direct investments in the EU – First steps taken, but significant limitations remain in addressing security and public-order risks effectively. European commission. 2023. URL: <https://www.eca.europa.eu/en/publications?ref=SR-2023-27> (accessed: 24.06.2024).

атив. По крайней мере, это удастся Венгрии. Не исключено, что ее примеру последуют и другие страны-члены, в особенности учитывая неутешительные прогнозы роста ВВП Европы на ближай-

шие годы. Что касается частных инициатив, то, например, Европейский деловой кодекс со временем мог бы перерасти в обычай и стать нормой в ЕС, тем более что, помимо бюрократических преимущ-

ществ учреждения, в разных государствах-членах ставки корпоративного налога до сих пор существенно отличаются, позволяя государствам-членам конкурировать за привлечение ПИИ как друг с другом, так и с третьими странами, за пределами ЕС. Вероятно, действующая с 1 января 2024 г. единая минимальная ставка корпоративного налога для трансграничных инвестиций в ЕС окажет значительное влияние на перераспределение активов внутри Союза, однако проблему неравномерного развития она, скорее всего, не решит.

Для России, также стремящейся стать одной из ведущих высокотехнологичных держав, изучение подхода ЕС позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, бесспорным преимуществом европейской модели является направленность на масштабные научные исследования и разработки. Этот аспект крайне важен и должен учитываться всеми субъектами, желающими достичь высокого уровня технологического развития, в том числе и

нашей страной. Во-вторых, придавая особое значение вопросам защиты европейского рынка, ЕС продолжает декларировать открытость. Закрытость вредна всем участникам мирового хозяйства. Вероятно, европейский контроль за слияниями и поглощениями сведет этот вид инвестиций к минимуму, однако строительство промышленных предприятий, инфраструктурных объектов и прочих ПИИ, как способствующих экономическому развитию принимающей страны, так и несущих выгоды инвестору, приветствуется. Соответственно, ожидать большого количества новых инвестиций в ЕС не следует, но их польза для укрепления технологического суверенитета будет выше. РФ также стоит сосредоточиться на стимулировании инвестиций «с нуля». В-третьих, несмотря на европейское регулирование и отношение наднациональных органов ЕС к РФ, страны-члены по-прежнему наделены полномочиями привлекать инвесторов. Это также нужно учитывать, формируя политику России в области исходящих ПИИ.

Список источников

1. Сидорова Е.А., Сидоров А.А. Стратегическая автономия Европейского Союза в экономике. Концепция и проблемы реализации // Международные процессы. 2023. Т. 21. № 3(74). С. 119–142. EDN: <https://elibrary.ru/ijspar>. <https://doi.org/10.17994/IT.2023.21.3.74.7>
2. Broeders D., Cristiano F., Kaminska M. In search of digital sovereignty and strategic autonomy: normative power Europe to the test of its geopolitical ambitions // JCMS: Journal of Common Market Studies. 2023. Vol. 61. Iss. 5. P. 1261–1280. <https://doi.org/10.1111/jcms.1346>
3. Seidl T., Schmitz L. Moving on to not fall behind? Technological sovereignty and the ‘geo-dirigiste’ turn in EU industrial policy // Journal of European Public Policy. 2023. Vol. 31. Iss. 8. P. 2147–2174. <https://doi.org/10.1080/13501763.2023.2248204>
4. Mügge D. EU AI sovereignty: for whom, to what end, and to whose benefit? // Journal of European Public Policy. 2024. Vol. 31. Iss. 8. P. 2200–2225. <https://doi.org/10.1080/13501763.2024.2318475>
5. Bora S.I., Schramm L. Toward a more ‘sovereign’ Europe? Domestic, bilateral, and European factors to explain France’s (growing) influence on EU politics, 2017–2022 // French Politics. 2023. Vol. 21. P. 3–24. <https://doi.org/10.1057/s41253-022-00203-y>
6. Ha L.T. Impacts of digital business on global value chain participation in European countries // AI & Society. 2024. Vol. 39. P. 1039–1064. <https://doi.org/10.1007/s00146-022-01524-w>
7. Bora S.I. ‘A Sovereign Europe’? Strategic use of discourse at the service of French economic interests in EU politics (2017–2022) // JCMS: Journal of Common Market Studies. 2023. Vol. 61. Iss. 5. P. 1281–1297. <https://doi.org/10.1111/jcms.13463>
8. Quaglia L., Verdun A. The COVID-19 pandemic and the European Union: politics, policies and institutions // Journal of European Public Policy. 2023. Vol. 30. Iss. 4. P. 599–611. <https://doi.org/10.1080/13501763.2022.2141305>
9. Farghali M., Osman A.I., Mohamed I.M.A., Chen Zh., Chen L., Ihara I., Yapet P.-S., Rooney D.W. Strategies to save energy in the context of the energy crisis: a review // Environmental Chemistry Letters. 2023. Vol. 21. P. 2003–2039. <https://doi.org/10.1007/s10311-023-01591-5>
10. Brodny J., Tutak M. Assessing the energy security of European Union countries from two perspectives – a new integrated approach based on MCDM methods // Applied Energy. 2023. Vol. 347. P. 121443. <https://doi.org/10.1016/j.apenergy.2023.121443>
11. Иванова Н.А., Дорожкина Е.Г., Елистратова Н.Н. Инвестиционная безопасность как составляющая системы экономической безопасности // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора

экономики. 2022. № 1. С. 122–128. EDN: <https://elibrary.ru/hshztb>.
<https://doi.org/10.37984/2076-9288-2022-1-122-128>

12. Данилин И.В., Сидорова Е.А. Концепция технологического суверенитета в меняющемся мире // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 3(64). С. 238–243. EDN: <https://elibrary.ru/mbbqwd>.
https://doi.org/10.31737/22212264_2024_3_238-243

13. Samuels R.J. Rich nation, strong army: national security and the technological transformation of Japan. Ithaca: Cornell University Press, 1994. 455 p. URL: <https://archive.org/details/richnationstrong0000samu> (дата обращения: 28.05.2024)

14. Buti M., Fabbrini S. Next generation EU and the future of economic governance: towards a paradigm change or just a big one-off? // Journal of European Public Policy. 2023. Vol. 30. Iss. 4. P. 676–695.
<https://doi.org/10.1080/13501763.2022.2141303>

15. Reich R. The rise of techno-nationalism // The Atlantic. 1987. Iss. 5. P. 63–70. URL: <https://cdn.theatlantic.com/media/archives/1987/05/259-5/132615158.pdf> (дата обращения: 28.05.2024)

16. Crespi F., Caravella S., Menghini M., Salvatori C. European technological sovereignty: an emerging framework for policy strategy // Intereconomics. 2021. Vol. 56. P. 348–354.
<https://doi.org/10.1007/s10272-021-1013-6>

17. Афонцев С.А. Теоретическое измерение экономического суверенитета // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 3(64). С. 218–224. EDN: <https://elibrary.ru/cpovcr>.
https://doi.org/10.31737/22212264_2024_3_218-224

18. Van Manen H., Gehrke T., Thompson J., Sweijts T. Taming techno-nationalism: a policy agenda. Hague Centre for Strategic Studies (HCSS). 2021. 131 p. URL: <https://hcss.nl/wp-content/uploads/2021/09/Taming-Techno-Nationalism-Sept.-2021.pdf> (дата обращения: 25.04.2024)

19. Арбатова Н.К. Станет ли Европейский союз мировым центром силы? // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 6. С. 51–65. EDN: <https://elibrary.ru/bxuaik>.
<https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-51-65>

20. Bradford A. Exporting standards: the externalization of the EU's regulatory power via markets // International Review of Law and Economics. 2015. Vol. 42. P. 158–173. <https://doi.org/10.1016/j.irle.2014.09.004>

21. Dikaïos G. EU climate diplomacy towards the IMO and ICAO. Springer Nature, 2024. 244 p.
<https://doi.org/10.1007/978-3-031-51123-3>

22. Li W., Chen J. From brussels effect to gravity assists: understanding the evolution of the GDPR-inspired personal information protection law in China // Computer Law & Security Review. 2024. Vol. 54. P. 105994.
<https://doi.org/10.1016/j.clsr.2024.105994>

23. Park S.A. Shifted paradigm in technonationalism in the 21st century: the influence of global value chain (GVC) and US-China competition on international politics and global commerce – a case study of Japan's semiconductor industry // Asia and the Global Economy. 2023. Vol. 3. Iss. 2. P. 100063.
<https://doi.org/10.1016/j.aglobe.2023.100063>

24. Hirst P., Thompson G. Globalization and the future of the nation state // Economy and society. 1995. Vol. 24. Iss. 3. P. 408–442. <https://doi.org/10.1080/03085149500000017>

25. Meyer K.E. Perspectives on multinational enterprises in emerging economies // Journal of international business studies. 2004. Vol. 35. P. 259–276. <https://doi.org/10.1057/palgrave.jibs.8400084>

26. Luo Y. Illusions of techno-nationalism // Journal of international business studies. 2022. Vol. 53. P. 550–567.
<https://doi.org/10.1057/s41267-021-00468-5>

27. Бабынина Л.О. Гибкая интеграция в ЕС: классификация и проблемы институционализации // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 6. С. 31–37. EDN: <https://elibrary.ru/mqdlnt>.
<https://doi.org/10.20542/0131-2227-2010-6-31-37>

Статья поступила в редакцию 03.08.2024; одобрена после рецензирования 17.02.2025; принята к публикации 27.02.2025

Об авторе:

Макарова Анна Алексеевна, младший научный сотрудник сектора внешнеэкономической политики Отдела глобальных экономических проблем и внешнеэкономической политики; SPIN-код: 6640-5762

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. Sidorova E., Sidorov A. EU strategic autonomy in the economy. *International Trends*. 2023; 21(3(74)):119–142. EDN: <https://elibrary.ru/ijspan>. <https://doi.org/10.17994/IT.2023.21.3.74.7> (In Russ.)
2. Broeders D., Cristiano F., Kaminska M. In search of digital sovereignty and strategic autonomy: normative power Europe to the test of its geopolitical ambitions. *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 2023; 61(5):1261–1280. <https://doi.org/10.1111/jcms.1346> (In Eng.)
3. Seidl T., Schmitz L. Moving on to not fall behind? Technological sovereignty and the ‘geo-dirigiste’ turn in EU industrial policy. *Journal of European Public Policy*. 2023; 31(8):2147–2174. <https://doi.org/10.1080/13501763.2023.2248204> (In Eng.)
4. Mügge D. EU AI sovereignty: for whom, to what end, and to whose benefit? *Journal of European Public Policy*. 2024; 31(8):2200–2225. <https://doi.org/10.1080/13501763.2024.2318475> (In Eng.)
5. Bora S.I., Schramm L. Toward a more ‘sovereign’ Europe? Domestic, bilateral, and European factors to explain France’s (growing) influence on EU politics, 2017–2022. *French Politics*. 2023; 21:3–24. <https://doi.org/10.1057/s41253-022-00203-y> (In Eng.)
6. Ha L.T. Impacts of digital business on global value chain participation in European countries. *AI & Society*. 2024; 39:1039–1064. <https://doi.org/10.1007/s00146-022-01524-w> (In Eng.)
7. Bora S.I. ‘A Sovereign Europe’? Strategic use of discourse at the service of French economic interests in EU politics (2017–2022). *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 2023; 61(5):1281–1297. <https://doi.org/10.1111/jcms.13463> (In Eng.)
8. Quaglia L., Verdun A. The COVID-19 pandemic and the European Union: politics, policies and institutions. *Journal of European Public Policy*. 2023; 30(4):599–611. <https://doi.org/10.1080/13501763.2022.2141305> (In Eng.)
9. Farghali M., Osman A.I., Mohamed I.M.A., Chen Zh., Chen L., Ihara I., Yapet P.-S., Rooney D.W. Strategies to save energy in the context of the energy crisis: a review. *Environmental Chemistry Letters*. 2023; 21:2003–2039. <https://doi.org/10.1007/s10311-023-01591-5> (In Eng.)
10. Brodny J., Tutak M. Assessing the energy security of European Union countries from two perspectives – a new integrated approach based on MCDM methods. *Applied Energy*. 2023; 347:121443. <https://doi.org/10.1016/j.apenergy.2023.121443> (In Eng.)
11. Ivanova N.A., Dorozhkina E.G., Elistratova N.N. Investment security as a component of the economic security system. *Fundamental and applied research studies of the economics cooperative sector*. 2022; (1):122–128. EDN: <https://elibrary.ru/hshztb>. <https://doi.org/10.37984/2076-9288-2022-1-122-128> (In Russ.)
12. Danilin I.V., Sidorova E.A. The concept of technological sovereignty in the transforming world. *Journal of the New Economic Association*. 2024; (3(64)): 238–243. EDN: <https://elibrary.ru/mbbqwd>. https://doi.org/10.31737/22212264_2024_3_238-243 (In Russ.)
13. Samuels R.J. Rich nation, strong army: national security and the technological transformation of Japan. Ithaca: Cornell University Press, 1994. 455 p. URL: <https://archive.org/details/richnationstrong0000samu> (accessed: 28.05.2024) (In Eng.)
14. Buti M., Fabbrini S. Next generation EU and the future of economic governance: towards a paradigm change or just a big one-off? *Journal of European Public Policy*. 2023; 30(4):676–695. <https://doi.org/10.1080/13501763.2022.2141303> (In Eng.)
15. Reich R. The rise of techno-nationalism. *The Atlantic*. 1987; (5):63–70. URL: <https://cdn.theatlantic.com/media/archives/1987/05/259-5/132615158.pdf> (accessed: 28.05.2024) (In Eng.)
16. Crespi F., Caravella S., Menghini M., Salvatori C. European technological sovereignty: an emerging framework for policy strategy. *Intereconomics*. 2021; 56:348–354. <https://doi.org/10.1007/s10272-021-1013-6> (In Eng.)
17. Afontsev S.A. Theoretical dimensions of economic sovereignty. *Journal of the New Economic Association*. 2024; (3(64)):218–224. EDN: <https://elibrary.ru/cpovcr>. https://doi.org/10.31737/22212264_2024_3_218-224 (In Russ.)
18. Van Manen H., Gehrke T., Thompson J., Sweijts T. Taming techno-nationalism: a policy agenda. Hague Centre for Strategic Studies (HCSS), 2021. 131 p. URL: <https://hcss.nl/wp-content/uploads/2021/09/Taming-Techno-Nationalism-Sept.-2021.pdf> (accessed: 25.04.2024) (In Eng.)

19. Arbatova N.K. Will European Union become a global power center? *World Economy and International Relations*. 2020; 64(6):51–65. EDN: <https://elibrary.ru/bxuaik>.
<https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-51-65> (In Russ.)
20. Bradford A. Exporting standards: the externalization of the EU's regulatory power via markets. *International Review of Law and Economics*. 2015; 42:158–173. <https://doi.org/10.1016/j.irl.2014.09.004> (In Eng.)
21. Dikaio G. EU Climate diplomacy towards the IMO and ICAO. Springer Nature, 2024. 244 p.
<https://doi.org/10.1007/978-3-031-51123-3> (In Eng.)
22. Li W., Chen J. From brussels effect to gravity assists: understanding the evolution of the GDPR-inspired personal information protection law in China. *Computer Law & Security Review*. 2024; 54:105994.
<https://doi.org/10.1016/j.clsr.2024.105994> (In Eng.)
23. Park S.A. Shifted paradigm in technonationalism in the 21st century: The influence of global value chain (GVC) and US-China competition on international politics and global commerce – a case study of Japan's semiconductor industry. *Asia and the Global Economy*. 2023; 3(2):100063. <https://doi.org/10.1016/j.aglobe.2023.100063> (In Eng.)
24. Hirst P., Thompson G. Globalization and the future of the nation state. *Economy and society*. 1995; 24(3):408–442. <https://doi.org/10.1080/03085149500000017> (In Eng.)
25. Meyer K.E. Perspectives on multinational enterprises in emerging economies. *Journal of international business studies*. 2004; 35:259–276. <https://doi.org/10.1057/palgrave.jibs.8400084> (In Eng.)
26. Luo Y. Illusions of techno-nationalism. *Journal of international business studies*. 2022; 53:550–567.
<https://doi.org/10.1057/s41267-021-00468-5> (In Eng.)
27. Babynina L. Flexible integration in the EU: classification and problems of institutionalization. *World Economy and International Relations*. 2010; (6):31–37. EDN: <https://elibrary.ru/mqdlnt>.
<https://doi.org/10.20542/0131-2227-2010-6-31-37> (In Russ.)

The article was submitted 03.08.2024; approved after reviewing 17.02.2025; accepted for publication 27.02.2025

About the author:

Anna A. Makarova, Junior Research Fellow, Section for the Foreign Economic Policy, Department of Global Economic Problems and Foreign Economic Policy; SPIN: 6640-5762

The author read and approved the final version of the manuscript.

